Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации

Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

СОВРЕМЕННОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Международная научно-практическая конференция
(4 декабря 2025 г.)

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2026

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2026
ISBN 978-5-9694-1731-1

УДК 347.1
ББК 67.404
С56

Рецензенты:
начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин
Уральского юридического института МВД России кандидат юридических наук,
доцент **И. С. Макеева**; профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент **С. В. Мельник**

Составитель *А. А. Мамонтов,*
заместитель начальника кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук

С56 **Современное частное право в условиях формирования экономического и технологического суверенитета** : Международная научно-практическая конференция, 4 декабря 2025 г. : сборник научных трудов / [сост. А. А. Мамонтов]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2026. – 303 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.
ISBN 978-5-9694-1731-1

В сборнике научных трудов, подготовленном по итогам Международной научно-практической конференции, проходившей 4 декабря 2025 г. на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, представлены статьи, освещающие широкий спектр проблемных вопросов частного права, возникающих в условиях формирования экономического и технологического суверенитета.

Издание адресовано преподавателям, адъюнктам, курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России, а также преподавателям, студентам, аспирантам, докторантам юридических образовательных организаций высшего образования.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2026

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Худякова А. В.*

Подписано к изданию 30.04.2026
Объем издания: 3,29 Мб
Тираж: 10 электронных оптических дисков (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1731-1

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
http://www.mosu.mvd.ru; e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Апаликов Н. С.
Разграничение деривативных договоров на примере форвардного и фьючерсного договора 9

Алатарцева Е. А.
Применение нейронных сетей в экспертной деятельности 12

Алешина А. И.
Правовое регулирование трудовых отношений в условиях цифровизации 16

Алпацкая Т. В.
Цифровые технологии и суверенитет над природными ресурсами 19

Амбросенкова Д. С.
Частноправовой анализ Федерального закона № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» 24

Басынина А. Р.
Защита прав и интересов несовершеннолетних в цифровой среде: новые вызовы для семейного права 29

Башаева М. Д.
Гражданско-правовая специфика заключения договора купли-продажи 32

Борисова Е. В.
Гражданско-правовая защита несовершеннолетних в цифровой среде через формирование правовой грамотности 35

Булыжкин Д. А.
Видеоигра как разновидность объекта интеллектуального права 41

Бутбая Г. М.
Современная система законодательства о новых способах расчетов 44

Бушев А. Е.
Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности 47

Вачаев В. В.
Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом и робототехническими системами 52

Георгиевская А. Р.
Процессуальные проблемы установления происхождения детей при применении вспомогательных репродуктивных технологий (ЭКО, суррогатное материнство) 57

Гомозова О. Ю.
Применение результатов правоприменительной деятельности
органов внутренних дел в реализации принципа недопустимости
недобросовестного поведения 61

Грушка К. С.
Защита прав человека в гражданском праве
с помощью системы смарт-контрактов 64

Долженко Г. В.
Правовые аспекты защиты жилищных прав граждан
современные вызовы и перспективы 67

Долинская В. В.
Искусственный интеллект и судебная практика 73

Егорова К. Н.
Правовое регулирование онлайн-платформ по подбору суррогатных матерей:
проблемы ответственности и защиты персональных данных 77

Золотарева Р. В.
«Серая зона» ответственности: правовые риски потребителей
и продавцов на агрегаторах 82

Игнатенкова А. Ю.
Защита трудовых прав военнослужащих, призванных по мобилизации,
в условиях цифровизации 87

Илеску К. И.
Регулирование и защита платежных систем и электронных денег 94

Казанцева Е. В.
Теоретические аспекты предоставления платных медицинских услуг
дистанционным способом 99

Казин Д. А.
Теории регламентации смешанного договора дарения 105

Калинкин А. С.
Юридическая ответственность в сфере использования беспилотных
транспортных средств: современные проблемы и подходы 112

Калугина А. Е.
Смарт-контракт как договорная конструкция 116

Климов И. А.
Проблемы защиты нематериальных благ в современных условиях
и пути их решения 122

Колесникова Е. А.
Применение юридических мер ответственности при защите
авторских прав в онлайн-среде 126

Котенко А. В.
Проблемы теории и практики отказа
от выплаты страхового возмещения 130

Крысанова-Кирсанова И. Г.
Компенсационная направленность деликтной ответственности
государственных органов и должностных лиц 134

Кузбагаров Э. А.
Цифровые отношения в системе гражданского права 138

Максимов В. А.
Цель гражданского оборота в гражданско-правовой доктрине 142

Малоземова Д. Д.
Проблемы правового регулирования осуществления права
федеральной собственности 144

Малышева Н. А.
Обязательства вследствие причинения вреда и гражданско-правовая
ответственность: еще раз о соотношении понятий 150

Мельник С. В., Расторгуева А. А.
Влияние информационных технологий на гражданское судопроизводство 153

Мирзоева А. Ф.
От традиционного к электронному: трансформация альтернативного
урегулирования споров в цифровую эпоху 158

Мотина Е. А.
Цифровая трансформация процесса вакцинирования как новая возможность
для реализации и защиты прав граждан в сфере иммунопрофилактики 162

Назаркулов Ж. Н.
Сочетание публичных и частных интересов в регулировании отношений
в сфере недвижимости в Кыргызской Республике 166

Нгуен Д. Ч.
Цифровые активы и частноправовые механизмы в контексте устойчивого
технологического суверенитета во Вьетнаме и странах Азии 171

Никитина А. А.
Защита интеллектуальных прав на произведения, созданные с помощью
искусственного интеллекта, пробелы и перспективы
гражданского законодательства 179

Никулина А. В.
«Объект охраны» как содержательный компонент
предпринимательской охранной деятельности 184

Павлова К. С.
Цифровой рубль как инструмент исполнения смарт-контракта:
гражданско-правовой аспект 189

Панова Д. С.
Цифровая подписка как договорная конструкция 193

Поваляева М. Е.
Право на забвение в интернете: можно ли заставить поисковики удалить информацию о себе? 199

Полежаева О. Г.
Отдельные аспекты цифровизации процедуры прохождения периодической аккредитации медицинскими работниками 203

Политкин И. А.
К вопросу о возможности признания комитета кредиторов гражданско-правовым сообществом 206

Поляков И. И.
Легитимация повышенной доказательной силы документов, созданных цифровыми платформами 209

Поляков Д. Н.
Концепция регулирования криптовалюты: проблемы и тенденции изменения регулятивного подхода 216

Понтелеева М. А.
«Сделка под давлением»: признание гражданско-правовых сделок недействительными вследствие порока воли 221

Проконина А. Г.
Криптовалюта как объект гражданского права 227

Рамазанова К. К.
Морально-нравственные принципы гражданского права в контексте санкционного давления 231

Рахманина Н. В.
Проблема определения качества услуги в договоре возмездного оказания услуг: гражданско-правовой аспект 235

Сидорова Т. Ю.
Проблема «ИИ сиротских произведений» (AI orphans): сравнительно-правовой анализ 240

Страхов Ю. А.
Гражданско-правовая защита прав субъекта биометрических персональных данных в условиях цифровизации 246

Тен В. Е.
Пределы преюдиции в гражданском процессе 252

Тумаков А. В.
Факторы, лежащие в основе формирования гражданского оборота цифровых объектов 257

Фам В. К., Данг В. Х.
Влияние цифровизации на традиционные формы собственности в Социалистической Республике Вьетнам 260

Феребков С. А.
Охраноспособность гибридных произведений, созданных с участием ИИ: доктринальные подходы и судебная практика 264

Филиппова А. И.
Частное право в эпоху цифровой трансформации: компетентные юристы 270

Худокормова Д. А.
Цифровые активы как объект частных прав в условиях формирования технологического суверенитета 274

Чинь Д. З.
Закон о данных во Вьетнаме: новая эпоха в развитии частного права 278

Чулкова М. Р.
Роль договора при операциях с цифровой валютой 285

Шайдаев М. Ш.
Импортозамещение в аспекте обеспечения информационной безопасности информационной инфраструктуры 289

Шевкунов М. А.
Понятие и сущность юридических фактов как оснований возникновения гражданских правоотношений 296

Юсупов М. Р.
Пределы усмотрения сторон договорных и контрактных обязательств при применении ретроактивной оговорки: сравнительный анализ и правоприменительная практика 300

Апаликов Н. С.[1],
адвокат,
кандидат юридических наук

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ДЕРИВАТИВНЫХ ДОГОВОРОВ НА ПРИМЕРЕ ФОРВАРДНОГО И ФЬЮЧЕРСНОГО ДОГОВОРА

Правовая природа деривативных договоров в российском гражданском праве до настоящего времени остается предметом оживленной доктринальной дискуссии. Отсутствие нормативно закрепленного определения деривативного договора влечет разночтения в квалификации конкретных договорных конструкций, что, в свою очередь, приводит к затруднениям в правоприменении. Наиболее показательной является ситуация с двумя ключевыми видами производных договоров – форвардным и фьючерсным, разграничение которых осложнено пересечением экономических функций и внешним сходством структуры, при существенных различиях юридического содержания.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в гражданском обороте именно неопределенность правовой природы указанных договоров долгое время препятствовала формированию устойчивой практики их заключения и исполнения.

Начиная с конца 1990-х гг. внимание юристов концентрировалось преимущественно на вопросе о соотношении форвардных сделок со сделками пари [9–11], а также о допустимости признания поставочного форвардного договора разновидностью деривативного договора. Однако основная проблема состояла в отсутствии целостной правовой квалификации и в смешении экономического содержания с юридическими признаками, что препятствовало выработке единых критериев разграничения форвардного и фьючерсного договора.

Несмотря на то, что оба договора направлены на перенос риска изменения цены базового актива на будущее время, их правовая природа различна. Форвардный договор традиционно возникает на внебиржевом рынке и основывается на принципе свободы договора [1]: его условия формируются сторонами индивидуально, без участия организатора торгов. В отличие от него фьючерсный договор сконструирован как биржевой аналог форвардного и не может быть заключен вне регулируемой биржевой инфраструктуры [8]. Тем не менее указанное отличие является лишь отправной точкой квалификации, которая подлежит раскрытию через совокупность юридически значимых признаков.

Форвардному договору присуща индивидуальная определенность условий: стороны самостоятельно согласовывают перечень существенных условий, включая характеристики базового актива, способ определения первоначального и итогового показателя, порядок расчетов и срок исполнения. В фьючерсных же контрактах все параметры стандартизированы биржей, и стороны фактически присоединяются к уже сформированным условиям. Это принципиально влияет на последующие правовые последствия, включая порядок исполнения обяза-

[1] © Апаликов Н. С., 2026.

тельств и возможность перемены лиц в обязательстве. Для форварда перемена лиц происходит по общим нормам гражданского законодательства; для фьючерса – по правилам биржевой торговли, допускающим перевод долга без согласия кредитора.

Второе существенное отличие касается субъектного состава. Участником форвардного договора может быть любое лицо, обладающее необходимой гражданской правоспособностью. В фьючерсных сделках субъектный состав ограничен лицами, допущенными к биржевым торгам, что превращает участие в фьючерсе в специальное правомочие, а не в общее гражданское право.

Третьим разграничительным признаком является специфика прекращения обязательств. Форвардный договор прекращается по общим основаниям исполнения или неисполнения обязательств. Фьючерсный же договор может быть прекращен биржей при снижении размера маржи. Поскольку фьючерсная маржа пересчитывается в режиме реального времени в зависимости от изменения показателя базового актива, фактическое перераспределение разницы между сторонами происходит многократно, что исключает риск неисполнения даже при досрочном закрытии позиции [12].

Четвертый элемент – характер обеспечения. Внебиржевой форвард не предполагает обязательного залогового обеспечения; оно допускается, но не является конститутивным. Для фьючерса маржинальные требования являются обязательным элементом правовой конструкции. Данная разница принципиальна, поскольку влияет на квалификацию сделки как гражданско-правового обязательства и на степень хозяйственного риска сторон.

При этом российская доктрина на протяжении длительного времени пыталась квалифицировать поставочный форвард не как деривати, а как разновидность договора поставки, нередко смешивая правовую цель сделки с экономическими характеристиками актива. Однако наличие производного характера обязательства, зависящего от будущего изменения цены, исключает возможность признания такой сделки договором поставки. Именно отсутствие понимания роли производности приводило к ошибочным выводам о тождественности поставочного форварда договору купли-продажи и, как следствие, к блокированию развития самого института форвардных договоров.

Фьючерсный договор, напротив, не может быть лишен ключевого признака биржевого характера. Исключение этого элемента делало бы невозможной корректную квалификацию сделки и приводило бы к смешению двух различных правовых конструкций. В проекте федерального закона «О производных финансовых инструментах» прямо закреплялось, что фьючерсные контракты могут заключаться только на торгах, организуемых биржей, что подтверждает их институциональную природу [7].

Таким образом, разграничение форвардного и фьючерсного договора должно основываться на совокупности юридически значимых критериев, среди которых ключевыми являются:

– характер согласования условий (индивидуальность – стандартизированность);

– особенности субъектного состава;

– различия в режиме исполнения и прекращения;
– обязательность либо необязательность обеспечения;
– институциональная среда заключения договора.

Эта совокупность признаков позволяет квалифицировать форвардный договор как гражданско-правовой договор, основанный на свободе усмотрения сторон, а фьючерсный – как биржевой производный инструмент, функционирующий по иным правовым правилам. Разграничение на основе данных критериев устраняет доктринальные противоречия, позволяет отделить юридическое содержание договора от экономической модели и формирует корректную основу для правового регулирования рынка деривативов.

В условиях отсутствия в российском законодательстве целостного регулирования деривативных сделок именно корректное доктринальное разграничение форварда и фьючерса становится отправной точкой для дальнейшего развития гражданско-правового института деривативных договоров и формирования правоприменительной практики, способной обеспечить предсказуемость и устойчивость оборота.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consul-tant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

2. Галанов В. А. Производные инструменты срочного рынка: фьючерсы, опционы, свопы : учебник. М. : Финансы и статистика, 2012.

3. Демкин И. В. Управление инвестиционным риском с использованием опционов // Проблемы анализа риска. 2005. № 1.

4. Иванова Е. В. Финансовые деривативы: фьючерс, форвард, опцион, своп. Теория и практика. М. : Ось-89, 2015.

5. Кандинская О. А. Управление финансовыми рисками: поиск оптимальной стратегии. М. : Консалтбанкир, 2020.

6. Михайлов Д. М. Мировой финансовый рынок тенденции и инструменты. М. : Экзамен, 2019.

7. Проект федерального закона № 340630-3 «О производных финансовых инструментах» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Буренин А. Н. Рынки производных финансовых инструментов. М. : Инфра-М, 1996.

9. Гражданское право России. Обязательственное право: курс лекций / отв. ред. О. Н. Садиков. М. : Юристъ, 2004.

10. Петросян Э. С. Понятие и классификация биржевых сделок // Право и экономика. 2003. № 8.

11. Рахмилович А. В., Сергеева Э. Э. О правовом регулировании расчетных форвардных договоров // Журнал российского права. 2001. № 2.

12. Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 32 «Финансовые инструменты: представление» (введен в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 28.12.2015 № 217н) (ред. от 14.12.2020).

Алатарцева Е. А.[1]*,*
соискатель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Искусственный интеллект находит широкое применение в различных областях, что подчеркивает его адаптивность и важность. Например, нейронные сети, одна из его разновидностей, активно используются для анализа сложных данных. Вопрос о применении нейронных сетей в судебной экспертизе остается актуальным для обсуждения, в то время как научное сообщество исследует возможность полной замены экспертов искусственным интеллектом.

Экспертам приходится анализировать огромный объем информации, используя сложные статистические и вероятностные методы. Ключевой целью интеграции нейросетевых технологий выступает снижение как временных затрат, так и вероятности ошибок, допускаемых экспертами в процессе анализа данных и вынесения заключений.

Криминалистическая экспертиза строится на распознавании и сопоставлении характерных признаков, извлеченных из подозрительных данных. В качестве таких признаков могут выступать самые разные объекты: отпечатки пальцев, рукописные тексты, изображения лиц, голосовые записи и др. Для проведения такого комплексного анализа, имитирующего работу человеческого мозга, активно применяются искусственные нейронные сети. Как точно подметила Е. Р. Россинская: «Нейронная сеть – это математическая модель, ее программное и аппаратное воплощение, построенные по принципу организации и функционирования сетей нервных клеток живого организма» [1, с. 25]. Данная технология позволяет значительно повысить точность идентификации личности по фото и аудиозаписям, анализу почерка, установлению возраста по состоянию зубов и осуществлению иных экспертиз. Различные улики, включая кровь, биологические жидкости, отпечатки губ, следы выстрелов, оружейные отметки и прочие вещественные доказательства, могут подвергаться более оперативному и тщательному анализу и сопоставлению, чем это возможно при участии только специалистов-криминалистов. Рассмотрим некоторые из указанных видов экспертиз с использованием нейросетей.

В первую очередь, использование нейросетей началось в компьютерной (цифровой) экспертизе в целях автоматизации процессов анализа больших объемов доказательств и формирования «сборника» примеров задач и их решений, на который смогут полагаться эксперты для минимизации ошибок вследствие человеческого фактора. Например, при обработке изображений и видео используются сверточные нейросети (CNN), их также называют «глаза искусственного

[1] © Алатарцева Е. А., 2026.

интеллекта». Они внедряются путем свертки, выделяя ключевые признаки, отфильтровывают по ним нужные кадры и распознают объекты на изображениях и видеозаписях, определяют характеристики опознаваемого (возраст, пол и т. д.).

С ростом популярности программного обеспечения и технологий для редактирования изображений манипулировать изображением стало очень просто, что поставило под сомнение подлинность и безопасность цифровых изображений. Криминалистика цифровых манипуляций с изображениями стала важным направлением исследований для подтверждения подлинности изображений, выявления манипуляций, которым подвергались изображения, и предотвращения неправильного редактирования изображений. В настоящее время существует большое количество нейросетевых программ, опознающих дипфейки: Sensity AI, Microsoft Video AI Authenticator, FakeCatcher и др. Несмотря на это, не существует совершенно точной программы, противодействующей распространению фейковых изображений и видеозаписей, все они опознают несанкционированные изменения по какому-либо критерию (изменение цветов, нарушения в речи, отсутствие водяного знака, метки и т. д.) [2].

Техника распознавания образов успешно применяется для анализа подписей и почерка. В настоящее время активно развиваются исследования по внедрению искусственного интеллекта в область почерковедческой экспертизы [3]. Если системы биометрической аутентификации, например, «БиоНейроАвтограф», работают с «живыми» подписями, вводимыми пользователем на графическом планшете, то почерковедческая экспертиза имеет дело с «мертвыми» надписями, зафиксированными на бумаге. Поэтому перед экспертизой документ с проверяемой подписью и образцы подписей («подлинники») должны быть отсканированы. Затем следует этап автоматизированного редактирования отсканированных документов для выделения рукописного образа (автографа).

Имеются предположения об использовании искусственного интеллекта в автотехнической экспертизе. Н. В. Горбач и А. Д. Костюк для реконструкции места аварии и воссоздания места происшествия максимально реалистично и при этом удаленно предлагают использование нейронных сетей на основе технологии NeRF (Neural Radiance Field) [4]. Instant NeRF – передовая технология нейронного рендеринга, позволяющая быстро анализировать высокодетализированные 3D-среды и мгновенно их визуализировать. Используя алгоритмы искусственного интеллекта, она моделирует световое поведение в реальном мире, восстанавливая трехмерные сцены по нескольким 2D-снимкам с различных ракурсов. Механизм работы Instant NeRF включает несколько этапов: сначала собираются изображения, сделанные с разных точек сцены, вместе с информацией о положении камеры для каждого снимка. Затем нейронная сеть обучается на этих данных, предсказывая цвет света, исходящего в любом направлении и любой точке трехмерного пространства. Этот процесс называется инверсным рендерингом. Он особенно эффективен в ситуациях, когда изображения содержат окклюзии, когда одни объекты закрывают части других объектов на изображениях. Е. Р. Россинская в своей работе также ссылается на авторов, которые разработали алгоритм машинного обучения, позволяющий решить обратную диагностическую задачу на основе остаточной поврежденной геометрической

конфигурации автомобиля (его обломков) и восстановить предаварийное исходное состояние автомобиля [5].

В сфере распознавания голоса достигнут значительный прогресс, однако параллельно с этим искусственный интеллект освоил технологию имитации человеческого голоса. В 2017 г. канадский стартап Lyrebird представил инновационный нейросетевой сервис, который, согласно заявлениям разработчиков, способен с высокой степенью точности воспроизвести голос любого индивидуума. Для обучения модели требуется лишь одна минута аудиозаписи. Эксперты в области фоноскопической экспертизы выражают обеспокоенность по поводу данной разработки, поскольку современные синтезаторы речи уже интегрированы в мобильные приложения. Это обстоятельство существенно усложняет применение традиционных методов экспертизы, не предназначенных для работы с такими радикальными изменениями голосовых характеристик. Таким образом, появление подобных технологий ставит под сомнение эффективность существующих методик фоноскопической диагностики и требует разработки новых подходов к анализу и верификации голосовых данных в условиях цифровой трансформации.

Развитие нейросистем в области дактилоскопической идентификации и аутентификации значительно отстает от прогресса в распознавании голоса человека. Это обусловлено несколькими факторами. В конце прошлого века криминалистические базы данных, содержащие следы с нераскрытых преступлений и дактилоскопические карты подозреваемых, были переведены в цифровой формат. В России такой системой стала АДИС «Папиллон», которая, хотя и не является искусственным интеллектом, успешно справляется с поставленными задачами. Эффективность этой системы объясняется не только монополией производителей, но и тем, что старые компьютерные технологии, подобные АДИС «Папиллон», легко кодируют детали папиллярных узоров (точки, разветвления, слияния и т. д.) и сравнивают их с миллионами дактилоскопических карт. Оператору остается лишь проверить правильность расположения геометрических координат на изображении папиллярного узора, что сводит его работу к минимуму. Этот процесс полностью соответствует традиционной методике дактилоскопической экспертизы. Однако, несмотря на успешное функционирование существующих систем, можно ожидать, что в ближайшие 10–20 лет произойдет переход к нейросетевым технологиям в этой области.

Искусственные нейросети открывают широкие возможности в судебно-экспертной практике. Однако значительная часть экспертных заключений по-прежнему не основывается на предварительном анализе с использованием нейросетевых технологий. Ограничения, связанные с их применением, обусловлены следующими факторами: недостаточная гибкость модели, отсутствие необходимых данных для обучения, наличие предвзятости в данных, а также возможность генерации нейросетью ложной информации (галлюцинаций), когда она выдает за факты вымышленные сведения, при этом делая это очень убедительно. Это подчеркивает важность экспертной оценки результатов использования нейросетей, которая должна проводиться специалистом в данной

области. Таким образом, применение нейросистем следует рассматривать как элемент комплексного исследования, а не как его замену.

Для обеспечения объективности и эффективности судебных экспертиз необходимо разработать четкие правила использования нейросетевых ресурсов, национальный стандарт (ГОСТ), который будет содержать требования к их тестированию и использованию на объектах идентификации. Результаты применения искусственный нейросетевых технологий демонстрируют их значительный потенциал в повышении результативности экспертиз, однако их применение должно строго соответствовать установленным стандартам и регламентам.

Список литературы

1. Россинская Е. Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2024. № 3.

2. Литаш-Сорокина Е. А. Искусственный интеллект и дипфейки: вызовы и перспективы. Государственная служба. 2025. № 3.

3. Автоматизация почерковедческой экспертизы, построенная на обучении больших искусственных нейронных сетей / [А. И. Иванов и др.] // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2016. № 1 (17).

4. Горбач Н. В., Костюк А. Д. О возможности применения современных технологий при производстве автотехнических экспертиз // Вестник науки : сборник научных статей по материалам XIV Международной научно-практической конференции (Уфа, 10 мая 2024 г.). Уфа : НИЦ Вестник науки, 2024.

5. Yuxi Xie. Computer Methods in Applied Mechanics and Engineering. A feed-forwarded neural network-based variational Bayesian learning approach for forensic analysis of traffic accident / Yuxi Xie, C.T. Wu, Boyuan Li, Xuan Hu, Shaofan Li // Computer Methods in Applied Mechanics and Engineering. 2022. Vol. 397. № 1.

Алешина А. И.[1]*,*
командир отделения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Шаронов С. А.,
профессор кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Актуальность темы заключается в том, что в настоящее время необходимы различные инструменты регулирования трудовых отношений, в том числе в аспекте цифровизации. Ученые отмечают, что актуальность проблемы заключается также в защите персональных данных работников. Многие работники перешли на дистанционную работу на различных платформах. От этого возникает проблема правового регулирования данных работников в сфере труда. Так, М. В. Дмитриев и В. Ф. Горшенин отмечают в своих трудах, что для решения данной проблемы необходимо совершенствовать законодательство в области трудовых отношений и технологий [5]. К таким мерам они относят:

– регламентировать понятие «цифровой работник»;
– урегулировать правила использования цифровых технологий;
– закрепить стандарты по хранению и обработке данных.

Многие нормы, которыми регламентируются сотрудники, работающие на удаленной работе, не закреплены в Трудовом кодексе Российской Федерации. Из этого можно сделать вывод, что необходимо усовершенствовать нормы для правового регулирования работников в сфере цифровизации.

Одной из наиболее дискуссионных проблем в условиях цифровизации трудовой сферы выступает обеспечение надлежащей защиты персональных данных работников, поскольку расширение цифровых каналов обмена информацией объективно повышает уязвимость таких сведений и усложняет контроль за их обработкой. Вместе с тем в российской правовой системе уже сформированы базовые механизмы сбора и использования кадровых данных: в частности, ст. 65 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ закрепляет перечень документов, предъявляемых работником при заключении трудового договора, что фактически определяет минимально необходимый объем персональной информации, вовлекаемой в трудовые отношения. Существенный этап развития нормативного регулирования пришелся на 2020–2021 гг.,

[1] © Алешина А. И., 2026.

когда были внесены изменения в ТК РФ, в том числе в гл. 49.1, где было уточнено содержание понятия «дистанционная работа» и закреплены отдельные особенности охраны труда работников, осуществляющих деятельность вне стационарного рабочего места. Однако обновление правовой базы не сняло целый ряд вопросов, которые сохраняют практическую значимость и нуждаются в дальнейшей проработке: к ним относятся особенности регулирования удаленной занятости, обеспечение защиты персональных данных в процессе цифрового сопровождения трудовых отношений, а также выявляемые пробелы и несогласованности законодательства, обусловленные ускоренным внедрением цифровых технологий в кадровую и управленческую практику.

Исходя из этого, можно вывести еще одну проблему, как конфликт интересов между работником и работодателем в условиях цифровизации трудовых отношений. Ученые считают, что должен быть соблюден баланс между их взаимоотношениями. Так, Л. В. Зайцева отмечает в своей работе, что сбалансированность – это такой подход законодателя, в котором в равной степени должны учитываться интересы как работника, так и работодателя и позволяет выработать эффективное нормативно-правовое регулирование [4].

Также, следующей проблемой можно выделить пробелы в правовом регулировании сотрудников, работающих на удаленной работе [5]. Как отмечает М. В. Дмитриев в своей работе, актуальными вопросами, при развитии трудовых отношений в сфере цифровизации является:

– регулирование удаленной работы;

– защита персональных сведений в рамках реализации трудовых отношений, применение цифровых технологий.

Данная тема регламентируется ст.ст. 312.1–312.6 ТК РФ и Федеральным законом «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой» [2] в котором упоминается использование работником и работодателем электронной цифровой подписи при проведении эксперимента, права и обязанности работодателей. Необходимо также учитывать модернизацию цифровых платформ, так, в Постановлении Правительства [3] указывается, кем осуществляется ведение и модернизация единой цифровой платформы, кем размещается информация на единой цифровой платформе, что необходимо знать в сфере трудовых отношений.

Таким образом, цифровизация выступает устойчивой тенденцией развития различных сфер общественной жизни и непосредственно влияет на содержание и способы реализации трудовых отношений. Вместе с тем на современном этапе сохраняются пробелы и несогласованности нормативно-правового регулирования цифровизации труда, что затрудняет единообразное применение норм и снижает уровень правовой определенности для сторон трудового договора. Преодоление обозначенных проблем предполагает системное и непрерывное обновление законодательства с учетом технологических изменений, накопленной правоприменительной практики и релевантного международного опыта. Последовательное совершенствование регулирования позволяет укрепить защиту персональных данных работников, обеспечить баланс интересов работни-

ка и работодателя и более четко урегулировать дистанционную работу, значение которой в структуре занятости продолжает возрастать.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 122-ФЗ «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 мая 2022 г. № 867 «О единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений Работа в России» (ред. от 14.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Зайцева Л. В. Обеспечение баланса интересов работников и работодателей как ценность трудового права // Российский журнал правовых исследований. 2015. Т. 2. № 3 (4).

5. Дмитриев М. В., Горшенин В. Ф. Проблемы цифровизации трудовых отношений // Общество, экономика, управление. 2023. Т. 8. № 4.

6. Филипова И. А. Трансформация правового регулирования труда в цифровом обществе. Искусственный интеллект и трудовое право : научное издание. Н. Новгород : Нижегородский государтсвенный университет имени Н.И. Лобачевского, 2019.

Алпацкая Т. В.[1]*,*
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Левкина Е. С.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СУВЕРЕНИТЕТ НАД ПРИРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ

Цифровые технологии стремительно трансформируют все сферы общественной жизни, включая управление природными ресурсами. Обеспечение государственного суверенитета над природными ресурсами требует переосмысления в условиях цифровизации, особенно в гражданско-правовом аспекте. Природные ресурсы являются основой экономического благосостояния и национальной безопасности любого государства. Цифровые инновации предоставляют новые возможности для эффективного управления и мониторинга ресурсов, однако одновременно порождают комплексные вызовы для обеспечения суверенитета и правовой определенности.

Суверенитет над природными ресурсами является фундаментальным элементом государственного суверенитета, неразрывно связанным с территориальной целостностью и экономической независимостью. Этот принцип закреплен в ст. 9 Конституции, которая провозглашает, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории [1]. Гражданско-правовая реализация этого суверенитета осуществляется через институт государственной собственности на природные ресурсы, что прямо предусмотрено ст. 214 Гражданского кодекса Российской Федерации [2]. Государство, выступая в качестве собственника, не осуществляет непосредственное хозяйственное использование всех природных ресурсов, делегируя права на их использование посредством различных гражданско-правовых инструментов. К инструментам относятся лицензии на пользование недрами, выдаваемые в соответствии с Законом Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» [3], договоры аренды лесных участков, регулируемые Лесным кодексом Российской Федерации, а также договоры водопользования, предусмотренные Водным кодексом Российской Федерации. Эти правовые акты, наряду с Гражданским кодексом, формируют комплексную систему, посредством которой государство регулирует доступ к природным ресурсам, устанавливает правила их использования, опре-

[1] © Алпацкая Т. В., 2026.

деляет плату за пользование и обеспечивает защиту своих имущественных интересов.

Однако традиционная система управления природными ресурсами основана на четком разделении между публичной законностью (государственный контроль и регулирование в целях общественного интереса) и частными правами собственности (права лицензиатов и арендаторов). Внедрение цифровых технологий размывает эти границы. С одной стороны, государство получает беспрецедентные возможности для контроля и управления, а с другой – возникают вопросы о правовом статусе данных, которые генерируются в процессе использования ресурсов. Эта дилемма затрагивает фундаментальное соотношение между суверенными правами государства и имущественными правами частных пользователей ресурсов [4].

Дистанционное зондирование Земли, интернет вещей, искусственный интеллект и большие данные позволяют государству и уполномоченным органам осуществлять беспрецедентно точный и оперативный мониторинг состояния и использования лесных участков, водных объектов и участков недр. Спутники, беспилотные летательные аппараты и сенсоры собирают огромные объемы данных о лесных массивах, водных объектах, состоянии месторождений и объемах добычи. Эти данные служат мощными доказательствами в гражданско-правовых спорах при выявлении нарушений условий лицензий или договоров аренды, фактов незаконной добычи или загрязнения окружающей среды. Создание «цифровых двойников» месторождений позволяет оптимизировать процессы добычи, прогнозировать риски и оценивать запасы. Информация, полученная таким образом, может быть использована для обоснования размера ущерба при привлечении к гражданско-правовой ответственности за нерациональное использование ресурсов или для корректировки условий договоров на пользование недрами.

Судебная практика Российской Федерации уже начинает сталкиваться с проблемами, связанными с использованием цифровых данных в спорах о природных ресурсах. В решении Арбитражного суда Республики Коми по делу о нарушении условий лицензии на пользование недрами суд принял в качестве доказательства данные спутникового мониторинга, которые однозначно подтвердили превышение объемов добычи [5]. Однако суд столкнулся с проблемой определения надлежащего способа удостоверения этих данных и их достоверности. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа по спору между компанией и Министерством природных ресурсов и экологии подтвердило, что данные дистанционного зондирования могут служить основанием для привлечения к ответственности за нарушение условий лицензии, однако требуют надлежащей сертификации и экспертного подтверждения [8].

Именно в этой сфере возникает один из наиболее значимых гражданско-правовых вызовов, непосредственно затрагивающий суверенитет: определение правового режима данных, генерируемых цифровыми технологиями о природных ресурсах. Геологическая информация, данные мониторинга состояния лесных участков и водных объектов, результаты моделирования месторождений – все это обладает огромной экономической и стратегической ценностью. В рос-

сийском законодательстве пока отсутствует четкое и всеобъемлющее регулирование права собственности на данные как таковые. Ст. 1225 Гражданского кодекса [2] перечисляет объекты интеллектуальных прав, но данные о ресурсах не всегда подпадают под эти категории, например, как базы данных или секреты производства. Возникает фундаментальный вопрос: кому принадлежат данные, собранные частной компанией в рамках лицензионного соглашения на государственные недра, лесные участки или водные объекты?

Государству как суверенному собственнику природных ресурсов? Компании как инвестору и оператору, понесшему затраты на сбор и обработку? Или же эти данные являются объектом совместной собственности? Профессор М. А. Рассолов предлагает концепцию «функционального суверенитета» над данными о природных ресурсах, согласно которой государство должно иметь приоритетное право на доступ к таким данным в целях обеспечения национальной безопасности и контроля над ресурсами, однако частные операторы должны получать справедливую компенсацию за их сбор и обработку. Эта позиция находит поддержку в работах профессора Е. А. Суханова, который подчеркивает, что в условиях цифровизации необходимо переосмыслить традиционное понимание государственной собственности как исключительного и абсолютного права [6].

В отсутствие прямого законодательного регулирования, правовой режим данных о природных ресурсах определяется договорными условиями между государством (лицензиаром) и пользователем ресурсов (лицензиатом). Эти договоры могут предусматривать передачу данных государству, совместное использование, ограничения на распространение и коммерциализацию. Однако такой подход создает правовую неопределенность и может привести к конфликтам интересов. Разработка типовых форм таких договоров и четких правил их исполнения является актуальной задачей гражданского права, поскольку несанкционированный доступ или утечка данных о стратегических природных ресурсах могут нанести значительный ущерб национальным интересам, требуя серьезных гражданско-правовых механизмов защиты, таких как возмещение убытков за нарушение конфиденциальности.

Проблема соотношения права собственности и публичной законности особенно остро проявляется при рассмотрении вопроса о доступе государственных органов к данным, собранным частными компаниями. С одной стороны, государство в целях осуществления контроля и обеспечения суверенитета должно иметь возможность получать информацию о состоянии и использовании лесных участков, водных объектов и участков недр. С другой стороны, частные операторы имеют право на защиту своей коммерческой тайны и интеллектуальной собственности. Суд по интеллектуальным правам в своих решениях неоднократно подчеркивал, что информация, полученная в результате инвестиций и научных разработок, может быть защищена как коммерческая тайна, даже если она касается государственных ресурсов. Однако в постановлении Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации по делу о доступе к геологической информации было указано, что государство имеет право требовать предоставления информации о природных ресурсах в целях обеспечения

национальной безопасности, при условии надлежащей защиты коммерческих интересов частных операторов [9].

Технологии блокчейн и смарт-контракты, признанные в российском праве в качестве формы сделки согласно ст. 309.1 Гражданского кодекса [2], открывают перспективы для автоматизации и повышения прозрачности в сфере управления природными ресурсами. Смарт-контракты могут быть использованы для автоматического исполнения условий лицензий или договоров аренды лесных участков и водных объектов, например, для автоматического начисления платежей при достижении определенных объемов добычи, или для фиксации нарушений экологических норм на основе данных сенсоров, установленных на участках недр. Однако их применение в сфере природных ресурсов, где часто присутствуют императивные нормы публичного права, требует тщательной проработки. Вопросы изменения и расторжения таких контрактов, ответственности за ошибки в коде или некорректные данные, а также разрешения споров по ним, остаются предметом дискуссий и требуют дальнейшего законодательного уточнения.

Адаптация гражданского законодательства Российской Федерации к вызовам цифровой эпохи в сфере природных ресурсов является комплексной и многоаспектной задачей. Необходимо дальнейшее развитие концепции «цифровых прав», предусмотренной ст. 141.1 Гражданского кодекса [2], и, возможно, введение специального правового режима для данных о природных ресурсах, учитывающего их стратегическое значение. Это может включать нормы о государственной регистрации таких данных, их обязательном хранении, условиях доступа и использования. Требуется совершенствование договорного права путем разработки типовых и модельных договорных конструкций для использования природных ресурсов с учетом цифровых технологий, включая положения о сборе, хранении, обработке и использовании данных, а также о применении смарт-контрактов. Такие договоры должны четко определять, какие данные принадлежат государству, какие – частному оператору, и какие могут быть объектом совместного использования.

Вопрос о соотношении прав собственности и публичной законности требует переосмысления в контексте цифровизации. Традиционное разделение между государственной собственностью на ресурсы и правами частных пользователей становится размытым в условиях, когда данные о ресурсах генерируются, обрабатываются и хранятся в цифровой форме. Государство, как суверенный собственник, должно иметь приоритетное право на доступ к информации о состоянии и использовании лесных участков, водных объектов и участков недр в целях обеспечения национальной безопасности и контроля [7]. Однако это право не должно нарушать имущественные интересы юридических лиц, которые инвестировали средства в сбор и обработку данных. Необходимо найти баланс между публичными интересами государства и правами собственников.

В заключение следует подчеркнуть, что цифровые технологии кардинально меняют ландшафт управления природными ресурсами, предлагая мощные инструменты для повышения эффективности и контроля. Однако они также ста-

вят перед законодательством новые, сложные задачи по обеспечению государственного суверенитета и защите прав собственности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Боголюбов С. А. Суверенитет России на ее природные ресурсы // Lex Russica. 2016. № 6 (115).

5. Решение Арбитражного суда Республики Коми от 8 июля 2020 г. по делу № А29-1-/2019. URL: https://sudact.ru.

6. Суханов Е. А. Лекции о праве собственности. М., 1991.

7. Солдатова Л. В. Цифровые технологии в области охраны окружающей среды // Актуальные проблемы юриспруденции в условиях цифровизации общества : сборник трудов конференции. Симферополь, 2021.

8. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19 мая 2021 г. по делу № А60-2-/2017. Режим доступа: https://sudact.ru.

9. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2009 г. № 10592/09 // СПС «КонсультантПлюс».

Амбросенкова Д. С.[1]*,*
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Филиппова А. И.*,*
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ЧАСТНОПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА № 289-ФЗ «ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Федеральный закон № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [3] (далее – № 289-ФЗ) представляет собой нормативный правовой акт, вступающий в силу с 1 октября 2026 г. Его принятие обусловлено устойчивым ростом электронной торговли, которая на сегодняшний день занимает значительное место в структуре российской экономики. Данный вывод подтверждается статистическими данными: по сведениям Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ), за девять месяцев 2025 г. объем интернет-торговли в Российской Федерации составил около 8,2 трлн руб., что на 32 % превышает показатели аналогичного периода предыдущего года [8].

Долгое время нормативное регулирование в данной сфере носило фрагментарный характер. Законодатель вносил точечные изменения в Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» [1], а также в Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [2], однако комплексного самостоятельного нормативного правового акта, регулирующего деятельность цифровых платформ, не существовало.

Существенный импульс развитию электронной коммерции был придан в период пандемии, когда режим самоизоляции, активное использование социальных сетей и высокая динамика потребительских трендов способствовали росту популярности маркетплейсов. При этом законодатель последовательно предпринимал попытки нормативного закрепления деятельности цифровых платформ.

До принятия № 289-ФЗ было внесено несколько законодательных инициатив, в том числе законопроект № 568223-8 «О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Феде-

[1] © Амбросенкова Д. С., 2026.

рации и о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [4], а также законопроект № 445923-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и в ст.ст. 12 и 18 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» [5].

Однако именно № 289-ФЗ стал первым принятым актом, комплексно регулирующим платформенную экономику. В настоящее время Правительством Российской Федерации также планируется принятие подзаконных актов, направленных на конкретизацию ключевых положений данного закона.

К числу наиболее значимых нововведений № 289-ФЗ относятся положения, обобщенные в *табл.*).

С цивилистической точки зрения особый интерес представляет право оператора посреднической цифровой платформы на одностороннее ограничение доступа партнера. Считаем, что данная мера по своей правовой природе может быть квалифицирована как особая форма внедоговорной санкции, что сближает платформенные отношения с квазикорпоративными моделями и требует установления повышенных стандартов добросовестности и соразмерности. Аналогичным образом обязательный досудебный порядок обжалования действий оператора трансформирует платформу в центр квазисудебного разрешения споров, усиливая ее частноправовую власть и актуализируя вопрос о допустимых пределах ограничения права на судебную защиту в договорных отношениях.

С позиции частного права Федеральный закон № 289-ФЗ следует рассматривать как институционализацию особого вида договорных отношений, формирующихся в рамках платформенной экономики, при сохранении базовых принципов гражданского оборота. Законодатель не выстраивает самостоятельную публично-правовую модель регулирования, а формирует специальный гражданско-правовой режим, направленный на коррекцию договорного неравенства между оператором цифровой платформы и экономически более слабой стороной – партнером либо пользователем. Тем самым регулирование платформенной экономики реализуется не в форме административного контроля, а посредством перераспределения частноправовых рисков и ограничения свободы договора в целях защиты добросовестных участников оборота.

Представленная таблица носит неисчерпывающий характер, однако отражает наиболее проблемные блоки правового регулирования, по которым ранее возникали как правовые, так и технические затруднения. Существенное внимание в законе уделено понятийному аппарату: законодатель разграничивает такие категории, как «цифровая платформа», «владелец цифровой платформы», «оператор посреднической цифровой платформы» и «партнер посреднической цифровой платформы» [3]. Несмотря на положительное значение данной дифференциации, отдельные понятия остаются близкими по содержанию, что предполагает необходимость их дальнейшего уточнения на практике, в том числе после введения реестра посреднических цифровых платформ.

Таблица 1

Нововведения ФЗ № 289

Область регулирования	*Ключевое положение*	*Примечания/Особенности*
1. Поиск и сортировка	Запрещено искажать результаты поиска, если пользователь задал конкретные условия (например, по цене)	Часть 2 ст. 10 Закона. Направлено на защиту честной конкуренции и интересов потребителя
2. Уведомление партнеров об изменении условий	Важные изменения: уведомление за 45 дней. Незначительные изменения: уведомление за 15 дней Изменения, улучшающие условия: без предварительного уведомления	Части 1–3 ст. 12 Закона. Норма касается только партнеров (продавцов), а не потребителей
3. Блокировка доступа партнера	С цивилистической точки зрения право оператора на одностороннее ограничение доступа партнера представляет собой особую форму внедоговорной санкции, что сближает платформенные отношения с квазикорпоративными моделями и требует повышенных гарантий добросовестности и соразмерности	Части 2 и 3 ст. 13 Закона. Основания для блокировки широки, но предусмотрены разные процедуры
4. Досудебный порядок	Обязательный досудебный порядок для партнеров фактически трансформирует платформу в центр квазисудебного разрешения споров, что усиливает ее частноправовую власть и требует доктринального осмысления пределов допустимого ограничения права на судебную защиту в договорных отношениях	Статья 14 Закона. Отмечается, что аналогичный механизм для потребителей не предусмотрен
5. Работа с самозанятыми	Отношения между оператором и партнером-исполнителем регулируются отдельно (гл. 3 Закона)	Нормы напрямую не регулируют отношения с пользователями-заказчиками, но декларируют равные возможности для них

Окончание табл. 1

Нововведения ФЗ № 289

6. Логистика и ПВЗ (Пункты выдачи заказов)	В ПВЗ должна быть возможность распаковки и ознакомления с товаром. Ответственность за повреждение товара определяется правилами оператора ПЦП	Части 1 и 2 ст. 19 Закона. Распределение рисков перед потребителем определяется правилами платформы
7. Контролирующие органы	Контроль за соблюдением закона осуществляют ФАС и Роспотребнадзор	Статья 21 Закона

В связи с этим показателен разработанный Минэкономразвития России проект постановления Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2025 г. «Об утверждении Правил формирования и ведения реестра посреднических цифровых платформ» [6].

Реакция на принятие № 289-ФЗ в профессиональном сообществе оказалась неоднозначной. Ряд исследователей оценивает закон положительно. Так, по мнению доцента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации М. Хачатуряна, принятие данного акта создает значимый импульс для развития малого и среднего предпринимательства, предоставляя субъектам МСП дополнительные возможности выхода на потребительский рынок [7] Вместе с тем высказываются и критические оценки. Так, Т. Якупов обращает внимание на то, что, несмотря на гражданско-правовую форму взаимодействия, цифровые платформы располагают инструментами, функционально близкими к административным, включая механизмы ограничения доступа, рейтингов и условий взаимодействия, которые закон затрагивает, но не устраняет в полной мере [8]. При этом большинство авторов сходятся во мнении, что принятие № 289-ФЗ является важным этапом в регулировании электронной торговли.

Таким образом, Федеральный закон № 289-ФЗ представляет собой значимый шаг в развитии нормативного регулирования цифровой коммерции. Регламентация платформенной экономики объективно сопряжена с необходимостью поиска баланса между свободой предпринимательской деятельности и допустимыми пределами государственного вмешательства. В отличие от ранних законодательных инициатив, предполагавших жесткое регулирование, № 289-ФЗ носит преимущественно рамочный и методический характер, задавая направления развития электронной торговли без чрезмерного ограничения рыночной динамики. В частноправовом измерении данный закон формирует модель ограниченной частной автономии в платформенных отношениях, в рамках которой свобода договора сочетается с императивными гарантиями защиты слабой стороны, что позволяет рассматривать его как этап эволюции гражданско-правового регулирования цифрового оборота.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3.

2. Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 1.

3. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

4. Проект федерального закона № 568223-8 «О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации”». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/568223-8.

5. О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и в статьи 12 и 18 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»: проект федер. закона № 445923-8. URL:https://sozd.duma.gov.ru/bill/ 44 59 23-8.

6. Проект Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил формирования и ведения реестра посреднических цифровых платформ» : подготовлен Минэкономразвития России 30 сентября 2025 г.// СПС «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56933246/.

7. Зайцев А. В. Эксперты считают, что закон о платформенной экономике защитит россиян от контрафакта // ТАСС. 2024. 16 января. URL: https://tass.ru/ eko nomika/24472545.

8. Онлайн-торговля РФ выросла за девять месяцев почти на треть, во многом за счет продуктов // Агроэксперт. 2024. URL: https://agroexpert.press/ numbers/onlajn-torgovlya-rf-vyrosla-za-9-mesyaczev-pochti-na-tret-vo-mnogom-za-schet-produktov/.

9. Совет Федерации одобрил закон, регулирующий маркетплейсы в России // Адвокатская газета. 2024. 19 июля. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/ sovet-federatsii-odobril-zakon-reguliruyushchiy-marketpleysy-v-rossii/.

Басынина А. Р.[1]*,*
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Гук В. А.,
заместитель начальника кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ПРАВА

Защита прав и интересов несовершеннолетних в цифровой среде представляет собой один из самых сложных и актуальных вызовов для современного семейного права. Традиционно семейное право регулировало отношения в физическом мире, оперируя такими понятиями, как место жительства, порядок общения с родителями, алиментные обязательства и образование в офлайн-пространстве. Однако цифровая среда – интернет, социальные сети, онлайн-игры и виртуальные миры – кардинально изменила ситуацию, создав пространство, где ребенок одновременно находится в безопасности собственного дома и в глобальном, часто неконтролируемом публичном пространстве. Угрозы здесь стали абстрактными: кибербуллинг, фишинг, а не физическими, при этом цифровая личность и персональные данные ребенка приобрели самостоятельную ценность. Семейное право вынуждено срочно адаптировать свои классические институты к этим новым реалиям.

Проводя значительную часть свободного времени в интернете, современные подростки оказываются крайне уязвимы перед лицом цифровых опасностей. Легкость доступа к сети несет не только пользу, но и прямые угрозы: от распространения деструктивной информации, побуждающей к противоправным действиям, до злонамеренного использования конфиденциальных сведений о детях. В силу возрастных особенностей несовершеннолетние часто не способны адекватно оценить степень риска, что в итоге оборачивается тяжелыми последствиями для их психики, безопасности и семей в целом.

«Современная задача государства – признание и защита цифровых прав граждан наряду с другими правами. В ст. 29 Конституции России закреплено право каждого гражданина на информацию, которое не является абсолютным, т. е. возможны его ограничения в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и интересов других лиц и проч. Данное консти-

[1] © Басынина А. Р., 2026.

туционное положение означает, что возможны ограничения доступа к информации, если они связаны с защитой несовершеннолетних от негативов информационной среды» [1, с. 253–254].

В 2023 г. была утверждена бессрочная Концепция информационной безопасности детей в России. Ее стратегические цели – создание безопасного информационного пространства и защита молодежи от деструктивного воздействия. Документ закрепляет ведущую роль и ответственность государства в этой сфере. В качестве ключевого механизма реализации политики предусмотрен принцип сорегулирования, при котором государство и медиаиндустрия совместно обеспечивают безопасность контента на основе его психолого-педагогической и художественной оценки, способствуя тем самым гармоничному развитию детей [2].

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, материнство, детство и семья являются объектами государственной защиты. При этом забота о детях и их воспитание представляют собой равную правовую возможность и обязанность обоих родителей. Государственная политика в этой сфере направлена на ограждение несовершеннолетних от любого воздействия, которое может нанести ущерб их всестороннему развитию – физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному.

Ст. 26 ГК РФ, устанавливающая дееспособность несовершеннолетних от 14 до 18 лет, является ключевым правовым механизмом защиты их прав и интересов в цифровой среде. Она создает сбалансированный режим, позволяющий подросткам развивать цифровую и финансовую грамотность, одновременно защищая их от рисков. Общее правило о необходимости письменного согласия родителей на сделки защищает подростков от необдуманных финансовых потерь при совершении крупных онлайн-покупок, оформлении подписок или согласий на обработку данных. В то же время статья предоставляет им «зону самостоятельности», напрямую связанную с цифровым миром. Несовершеннолетний может самостоятельно распоряжаться своими заработками, полученными, например, за фриланс или ведение блога, и тратить их онлайн. Он также самостоятельно осуществляет права автора – размещает, лицензирует и защищает свои произведения [3, с. 26].

Важным инструментом защиты является право открыть банковский счет для цифровых платежей только с согласия родителей, что предотвращает неконтролируемые траты и мошенничество. Однако статья не только дает права, но и устанавливает ответственность: подросток самостоятельно несет имущественную ответственность за сделки и причиненный вред в сети, что учит его отвечать за свои цифровые действия.

Семейный кодекс Российской Федерации конкретизирует эти положения, возлагая на родителей функцию защиты прав и законных интересов ребенка [4, с. 64]. Важнейшим принципом является приоритет интересов несовершеннолетних: все родительские права должны осуществляться исключительно в их пользу, а обеспечение благополучия детей является первостепенной задачей семьи.

Таким образом, законодательство формирует двуединую ответственность: государства – по созданию системы защиты семьи и детства, и родителей – по

непосредственной реализации этой защиты в повседневной жизни. Однако в условиях цифровой реальности традиционные правовые механизмы требуют адаптации, поскольку онлайн-угрозы становятся новой сферой, где должны применяться как родительская забота, так и государственные гарантии безопасности.

Одним из ключевых вызовов является переосмысление родительских прав и обязанностей, формирование концепции «цифрового родительства». Родительская ответственность более не ограничивается офлайном. Теперь она включает в себя цифровую опеку, которая становится предметом судебных споров: при раздельном проживании родителей кто и как будет контролировать цифровую активность ребенка, решать, сколько времени он может проводить в сети, в какие игры играть и какие приложения устанавливать. Эти вопросы встают в один ряд с определением порядка общения в реале. Кроме того, право ребенка на общение с родителями и родственниками теперь распространяется и на цифровые каналы – видеозвонки и мессенджеры, а ограничение такого общения одним из родителей может рассматриваться как нарушение прав. Наконец, обязанность по воспитанию теперь включает необходимость обучать ребенка основам кибербезопасности и цифровой гигиены, что требует от самих родителей соответствующей грамотности.

Таким образом, цифровая среда не является зоной, свободной от права. Это новое поле для применения и развития классических принципов семейного права: приоритета защиты прав ребенка, родительской ответственности и обеспечения его всестороннего развития. Успешное решение этой задачи зависит от гибкости семейного права, его способности к интеграции с нормами других отраслей и готовности всех участников – законодателей, судей, органов опеки и, прежде всего, самих родителей – осознать новую степень ответственности в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Еркин И. Э. Вопросы обеспечения прав несовершеннолетних в цифровой среде // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития : сборник научных статей XII Всероссийской научнопрактической конференции с международным участием, Курск, 30.12.2022. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2022. Том 1.

2. Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации // Распоряжение Правительства от 28 апреля 2023 г. № 1105-р.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Российская газета. 1994. № 238-239 (8 декабря).

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. / № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Российская газета. 1996. № 17 (27 января).

Башаева М. Д.[1]*,*
курсант
Уфимского юридического
института МВД России

Научный руководитель:
Белявская Р. Р.*,*
преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Уфимского юридического института МВД России

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ СПЕЦИФИКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ

Современный этап развития гражданского общества характеризуется стремительной цифровизацией экономики, что оказывает существенное влияние на все сферы общественных отношений, включая договорные. Сфера цифровых услуг и платформ, особенно в части договора купли-продажи, претерпевает колоссальные изменения, обусловленные развитием новых технологий и изменением потребительского поведения.

Проблема в том, что несмотря на значительное развитие цифровой торговли, основная и наиболее актуальная проблема, требующая комплексного решения по состоянию на 2025 г., заключается в отсутствии четкой и единообразной системы распределения ответственности между участниками договорных отношений, в контексте защиты прав потребителей при заключении договора купли-продажи. Эта проблема проявляется в различных аспектах, затрагивая продавцов и покупателей, а также сами цифровые платформы.

Актуальность данной статьи заключается в том, что она направлена на разработку научно обоснованной системы распределения ответственности между участниками договора купли-продажи при использовании цифровых платформ, основанной на принципе справедливости, разумности и баланса интересов всех заинтересованных сторон.

Цель исследования – разработать научно обоснованную концепцию правового регулирования, призванную обеспечить справедливое и эффективное распределение ответственности. Это касается взаимоотношений цифровых платформ, продавцов, производителей и других сторон договорных отношений в сфере купли-продажи. Конечная цель – усилить защиту прав потребителей.

Современное законодательство уделяет внимание регулированию договорных отношений в цифровой среде (цифровые услуги, платформы), в частности, отношениям купли-продажи. В российском законодательстве нет четкого определения цифровой платформы, но ее можно понимать как систему, обеспечивающую взаимодействие пользователей.

---

[1] © Башаева М. Д., 2026.

Особенностью заключения цифрового договора является электронная форма (оферта, акцепт, документооборот, электронная подпись), определяющая порядок сделок в интернете. Примером может служить размещение товара с ценой на сайте (публичная оферта, ст. 437 ГК РФ) и его добавление в корзину (акцепт) [1].

Правовая природа отношений между пользователем, продавцом и платформой может быть различной (агентский, комиссионный, оказания услуг, смешанный договор). Платформа часто выступает как информационный посредник (ст. 1253.1 ГК РФ) [2], предоставляя возможность сделок, но не являясь их стороной. Важен анализ моделей взаимодействия, таких как:

1) B2C (Business to Consumer) – бизнес для потребителя (отношения, где профессиональный участник рынка (продавец, исполнитель) взаимодействует с конечным, неквалифицированным потребителем);

2) C2C (Consumer to Consumer) – потребитель для потребителя (частные сделки между людьми, удовлетворяющими свои личные нужды);

3) B2B (Business to Business) – бизнес для бизнеса (деловые, профессиональные отношения между равноправными субъектами рынка) [3].

Регулирование основывается на принципах свободы договора, добросовестности, защиты прав потребителей, безопасности информации и недопустимости злоупотребления правом. Условия договора, ущемляющие права потребителя, недействительны (ст. 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей») [3].

Цифровые платформы породили новые вызовы в правовом регулировании купли-продажи, требующие защиты потребителей. Ключевые проблемы включают:

1) анонимность и трансграничность затрудняют установление личности продавца, повышая риски мошенничества;

2) отсутствие осмотра требует максимально полной и точной информации (ст.ст. 8–10 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»), что часто не соблюдается;

3) неясность условий, навязывание невыгодных положений (нарушение ст.ст. 421, 16 ГК РФ и Закона «О защите прав потребителей»);

4) риски мошенничества, несанкционированных списаний, а также недостаточная защита персональных данных, несмотря на Федеральный закон «О национальной платежной системе» [4];

5) задержки и отсутствие информации о товаре создают неудобства (ст. 23.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»);

6) распространенность дефектов, сложность возврата и доказывания (ст.ст. 475–477 ГК РФ, ст.ст. 18–24 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»).

Также в электронной торговле часто встречается проблема получения товара ненадлежащего качества, осложненная возвратом и отсутствием гарантии. Хотя законодательство (ст.ст. 475–477 ГК РФ, ст.ст. 18–24 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей») защищает потребителя, доказать недостатки сложно. Реализация права на отказ от дистанционного товара (ст. 26.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей») также затрудне-

на из-за расходов на возврат и ограничений. Ответственность цифровых платформ за действия продавцов остается дискуссионной (ст. 1253.1 ГК РФ), требуя баланса между необоснованной ответственностью и обеспечением безопасной среды.

Решение требует особого комплексного подхода: совершенствования законодательства, усиления контроля, не менее важно повышение грамотности потребителей и внедрение безопасных технологий.

Рост электронной торговли на цифровых платформах вызывает нарушения прав потребителей и недобросовестную конкуренцию. Для решения необходимо:

1) совершенствование законодательства о защите прав потребителей (уточнение информации о товаре, упрощение возврата, защита электронных платежей);

2) усиление ответственности со стороны цифровых платформ (ответственность за действия продавцов, верификация, эффективные механизмы разрешения споров);

3) развитие альтернативных способов разрешения споров (онлайн-медиация, специализированные платформы) [5, с. 121–205].

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что развитие дистанционной торговли и увеличение ее доли в общем объеме розничной купли-продажи в условиях цифровизации является неизбежным, однако этот процесс должен сопровождаться грамотно выстроенной тактикой правового регулирования со стороны государства, поскольку в правоотношениях, складывающихся в данной сфере, в силу недостаточности правового регулирования, возникает множество проблем. На сегодняшний день имеется достаточный правоприменительный опыт, множество теоретических разработок, с помощью которых возможно привести действующее законодательство к необходимому уровню регулирования данных отношений, способствующему устранению многочисленных коллизий и пробелов [6].

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52.

2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу IV «Отдельные виды обязательств» / под ред. Л. В. Щенниковой // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

3. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http: // www. consultant.ru.

4. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

5. Савельев А. И. Электронная коммерция в России: проблемы правового регулирования. М. : Статут, 2016.

6. Астахова И. Ю., Федоров А. Г. Договор дистанционной купли-продажи: актуальные проблемы и особенности правового регулирования // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2023. № 2.

Борисова Е. В.[1]***,***
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Филиппова А. И.,
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ ЧЕРЕЗ ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ

Цифровизация общественных отношений создает новые вызовы для системы защиты прав несовершеннолетних. По статистическим данным исследований, более 89 % российских детей в возрасте от 7 до 17 лет являются активными пользователями интернета [1]. Это обуславливает необходимость переосмысления традиционных механизмов гражданско-правовой защиты и формирования у несовершеннолетних правовой грамотности как инструмента самозащиты. Как справедливо отмечает Е. А. Суханов, гражданское право регулирует имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников [2, с. 45]. Однако в цифровой среде несовершеннолетние сталкиваются со специфическими рисками, требующими особых правовых механизмов защиты.

Затрагивая правовой статус несовершеннолетних в цифровой среде, стоит определить дееспособность лиц. Согласно ст. 28 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), малолетние в возрасте от 6 до 14 лет вправе самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки [3]. Ст. 26 ГК РФ предоставляет несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет более широкую дееспособность, позволяя распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами.

С позиций цивилистической доктрины правовая грамотность несовершеннолетних не может рассматриваться как внешний по отношению к частному праву социальный фактор. Она представляет собой внутреннее условие реализации частной автономии, от которого зависит юридическая значимость волеизъявления и допустимость возложения на несовершеннолетнего имущественных последствий совершаемых им действий в цифровом обороте. В этом контексте формирование правовой грамотности выступает превентивным гражданско-правовым механизмом, направленным на поддержание баланса

[1] © Борисова Е. В., 2026.

между принципом свободы договора и необходимостью защиты экономически и информационно более слабой стороны правоотношения, а не исключительно мерой образовательного или социального характера.

В цифровой среде возникает проблема квалификации действий несовершеннолетних. Как отмечает А. П. Сергеев, «развитие цифровых технологий требует переосмысления классических институтов гражданского права, включая учение о дееспособности» [4, с. 178].

По-нашему мнению, цифровая трансформация общественных отношений изменяет природу сделок, характер имущественных интересов и уровень информационного неравенства, что делает традиционные конструкции гражданского права недостаточными без их научного переосмысления.

Считаем, что ключевым является вопрос о пределах допустимости реализации частной автономии несовершеннолетних. Несмотря на то, что гражданское законодательство традиционно исходит из презумпции свободного и разумного волеизъявления, цифровая среда формирует асимметрию информации, в которой несовершеннолетний оказывается слабой стороной. В силу этого профессиональные участники цифрового рынка должны нести повышенный стандарт добросовестности и учитывать ограниченные возможности несовершеннолетних по оценке юридических последствий своих действий.

Особую важность представляет определение юридической природы цифровых объектов, которыми распоряжаются несовершеннолетние - игровых предметов, виртуальных активов, цифровых произведений творчества. Признание цифровых объектов самостоятельными объектами гражданских прав требует внедрения специальных правовых режимов, включая регулирование их оборотоспособности, определения их имущественной ценности и механизмов защиты от злоупотреблений.

Кроме того, отметим, что правовая грамотность несовершеннолетних должна рассматриваться как элемент их частного правового статуса. Недостаточная осведомленность ребенка о последствиях заключаемых цифровых сделок снижает эффективность гражданско-правовых механизмов защиты и делает превентивные меры – правовое просвещение, обучение цифровой безопасности и формирование навыков правовой самозащиты – ключевым элементом всей системы защиты.

Резюмируя, совершенствование гражданско-правовой защиты несовершеннолетних возможно лишь при комплексном подходе, сочетающем:

–уточнения нормативных конструкций, регулирующих цифровые сделки;

–установления повышенных требований к поведению профессиональных участников цифровой среды;

–развития правовой грамотности несовершеннолетних как фундаментального условия использования ими своей частной автономии.

Судебная практика демонстрирует неоднозначный подход. В определении Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2020 г. № 18-КГ20-54 суд признал недействительной сделку по приобретению несовершеннолетним внутриигровой валюты на сумму 87 000 руб., указав, что такая сделка не может считаться мелкой бытовой [5].

Цифровая среда порождает особые виды правоотношений с участием несовершеннолетних:

– заключение договоров на оказание цифровых услуг;

– распоряжение цифровыми активами;

– оборот персональных данных;

– создание и использование объектов интеллектуальной собственности.

Е. А. Суханов подчеркивает, что «гражданско-правовое регулирование должно обеспечивать баланс между свободой договора и защитой слабой стороны» [6, с. 12]. Применительно к несовершеннолетним этот принцип приобретает особое значение.

Система защиты прав несовершеннолетних в цифровой среде базируется на комплексе нормативных актов:

– Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает общие правила о дееспособности и защите прав несовершеннолетних (гл. 3, 11, 59);

– Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» регулирует оборот информационной продукции [7];

– Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» содержит специальные нормы о защите персональных данных несовершеннолетних (ст. 9) [8].

Как отмечается в научной литературе, «фрагментарность правового регулирования создает пробелы в защите прав детей в цифровой среде» [9, с. 34].

Имущественные права несовершеннолетних в цифровой среде нарушаются через:

– несанкционированное списание денежных средств;

– навязывание невыгодных договоров;

– мошеннические схемы.

В апелляционном определении Московского городского суда от 12 августа 2021 г. по делу № 33-32456/2021 суд удовлетворил требования законных представителей о возврате денежных средств, потраченных 12-летним ребенком на покупку игровых предметов, признав сделку недействительной в силу ст. 172 ГК РФ [10].

Н. Д. Егоров справедливо указывает, что «защита имущественных прав несовершеннолетних требует активной позиции законных представителей и эффективных механизмов родительского контроля» [11, с. 156].

На современном этапе развития технологий особую актуальность приобретает защита:

– права на изображение (ст. 152.1 ГК РФ);

– права на неприкосновенность частной жизни (ст. 152.2 ГК РФ);

– чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ).

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 18-КГ22-17-К4 подтвердило право несовершеннолетнего на компенсацию морального вреда за распространение его изображения в социальной сети без согласия законных представителей [12].

Характеризуя правовую грамотность как механизм защиты, стоит отметить, что данная концепция рассматривает следующие элементы:

– знание основных прав и обязанностей;

– понимание правовых последствий действий в интернете;

– навыки безопасного поведения;

– умение защищать свои права.

В. А. Белов отмечает, что «правовое просвещение является важнейшим элементом превентивной защиты гражданских прав» [13, с. 267]. Фундаментальные принципы государственной политики в области правового просвещение закреплены в основополагающем акте утвержденного Президентом Российской Федерации от 28 апреля 2011 г. № Пр-1168 «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан». Кроме того, Концепция информационной безопасности детей, утвержденная распоряжением Правительства от 2 декабря 2015 г., акцентирует внимание на необходимость защиты несовершеннолетних от негативной информации, воздействующую на сознание ребенка, что также является важным аспектом формирования правовой культуры [14].

Согласно ст. 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», образовательные программы должны формировать правовую культуру обучающихся [15].

Разработка эффективной модели формирования правовой грамотности предполагает комплексный подход, включающий несколько ключевых компонентов:

1. Образовательный компонент:

– включение в школьную программу модулей по цифровой безопасности;

– проведение специализированных тренингов и семинаров;

– разработка интерактивных образовательных материалов.

2. Информационный компонент:

– создание доступных информационных ресурсов;

– адаптация правовой информации для детского восприятия;

– использование современных форматов коммуникации.

3. Практический компонент:

– обучение алгоритмам действий при нарушении прав;

– формирование навыков критического мышления;

– развитие цифровой гигиены.

Как указывает М. Н. Малеина, «эффективность правовой защиты напрямую зависит от правовой осведомленности субъектов» [16, с. 89].

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить ряд системных проблем. К числу основных относятся пробелы в законодательстве, в частности отсутствие четких критериев для отнесения к мелким бытовым сделкам в цифровом пространстве, недостаточная правовая регламентация оборота цифровых активов, а также неопределенность правового статуса виртуальных объектов. Значительные сложности связаны с процессом доказывания, что обусловлено проблемами идентификации пользователей, трансграничным характером пра-

воотношений и высокой волатильностью цифровых доказательств. Кроме того, сохраняется проблема низкой правовой грамотности, выражающаяся в недостаточной осведомленности несовершеннолетних о своих правах, отсутствии у них навыков правовой самозащиты и наличии пробелов в правовом просвещении родителей.

В целях решения указанных проблем, авторы предлагают реализовать комплекс мер по следующим направлениям. В законодательной сфере целесообразна разработка самостоятельного закона о защите прав несовершеннолетних в цифровой среде, конкретизация понятия мелких бытовых сделок применительно к цифровым операциям и установление обязательных механизмов верификации возраста. В организационном плане предлагается создание специализированных служб по защите прав детей в интернете, внедрение обязательных программ правового просвещения и развитие института медиации для урегулирования цифровых споров. Технологические меры должны быть направлены на широкое внедрение систем родительского контроля, разработку возрастных фильтров контента и создание безопасных цифровых платформ, предназначенных специально для детей.

Е. А. Суханов подчеркивает необходимость «комплексного подхода к совершенствованию механизмов гражданско-правовой защиты с учетом современных технологических реалий» [17, с. 234].

На основе всего выше сказанного, можно сделать вывод, что гражданско-правовая защита несовершеннолетних в цифровой среде представляет собой комплексную проблему, требующую системного решения. Формирование правовой грамотности является ключевым превентивным механизмом, дополняющим традиционные способы защиты гражданских прав.

Правовая грамотность несовершеннолетних должна рассматриваться не только как образовательная задача, но и как необходимый элемент системы гражданско-правовой защиты в условиях цифровизации общественных отношений.

Список литературы

1. Дети в интернете: исследование Лаборатории Касперского. URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2022.

2. Суханов Е. А. Российское гражданское право : учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. М. : Статут, 2021.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

4. Сергеев А. П., Толстой Ю. К. Гражданское право : учебник. В 3 т. Т. 1. М. : Проспект, 2020.

5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2020 г. № 18-КГ20-54 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Суханов Е. А. Гражданское право и современность: проблемы и перспективы // Вестник гражданского права. 2022. № 1.

7. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 48.

8. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

9. Рузакова О. А. Гражданско-правовая защита прав несовершеннолетних в цифровой среде // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 5.

10. Апелляционное определение Московского городского суда от 12 августа 2021 г. по делу № 33-32456/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. Т. 1. М. : Статут, 2021.

12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 18-КГ22-17-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Белов В. А. Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 1. Общая часть. Введение в гражданское право. М. : Юрайт, 2021.

14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 49. Ст. 6987.

15. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

16. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М. : МЗ Пресс, 2020.

17. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2020.

Булыжкин Д. А.[1]*,*
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ВИДЕОИГРА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ОБЪЕКТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРАВА

В условиях интенсивного развития цифровых технологий видеоигры перестали восприниматься исключительно как форма досуга и приобрели характеристики самостоятельного сегмента цифровой экономики. Их создание и распространение вовлекают значительное число субъектов в устойчивые гражданско-правовые отношения, включающие элементы договорного регулирования, оборота результатов интеллектуальной деятельности и защиты прав пользователей. Как справедливо отмечает Е. Н. Агибалова, цифровые объекты «перестают быть вспомогательным элементом гражданского оборота и формируют самостоятельный массив имущественных и неимущественных правоотношений» [1, с. 92]. Вместе с тем нормативная база, регулирующая данные отношения, формировалась фрагментарно и не отражает в полной мере специфику видеоигр как сложного цифрового продукта.

Российское гражданское законодательство не содержит легального определения видеоигры, что обусловливает отсутствие единообразного подхода к ее правовой квалификации. На протяжении длительного времени в судебной практике преобладала тенденция отождествления видеоигр с программами для электронно-вычислительных машин, в связи с чем применялись положения ст. 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). В рамках такого подхода видеоигра рассматривалась преимущественно как совокупность алгоритмов и программного кода, обеспечивающих функционирование цифрового контента на конкретном устройстве. Подобная позиция была выражена, в частности, в апелляционном определении Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 26 июня 2015 г. по делу № 33-15908/2015, в котором компьютерная игра была квалифицирована как программное обеспечение, а требования пользователя – оставлены без удовлетворения [5].

Подобная квалификация была в определенной степени оправдана на ранних этапах развития игровой индустрии, когда техническая составляющая домини-

[1] © Булыжкин Д. А., 2026.

ровала над иными элементами цифрового продукта. Однако дальнейшая эволюция видеоигр привела к качественному усложнению их структуры. Современные игровые проекты включают в себя не только программные решения, но и результаты художественного, литературного и музыкального творчества, а также элементы дизайна и интерактивного повествования, объединенные единым замыслом. И. В. Чувствинов подчеркивает, что «видеоигра по своей природе является мультимедийным произведением, в котором программный код выступает лишь одной из составляющих» [3, с. 105].

Дополнительные сложности создает отсутствие в отечественном праве разграничения между понятиями видеоигры, компьютерной игры и консольной игры. В научной доктрине видеоигра, как правило, рассматривается как универсальный цифровой продукт, независимый от аппаратной платформы, тогда как различия между версиями для различных устройств носят преимущественно технический характер. Как отмечает Д. В. Овчаров, использование различных терминов при отсутствии их нормативного разграничения приводит к смешению правовых режимов и ошибкам правоприменения [4, с. 45]. В связи с этим обоснованным представляется подход, при котором видеоигра рассматривается в качестве собирательного понятия, охватывающего все формы ее технологической реализации, независимо от способа доступа пользователя к контенту.

Начиная с конца 2010-х гг. в российской судебной практике наметился постепенный отход от узкого программно-технического подхода. Все чаще видеоигры квалифицируются как сложные объекты гражданских прав, включающие совокупность самостоятельных, но функционально взаимосвязанных результатов интеллектуальной деятельности. Такая тенденция прослеживается, в частности, в решении Нытвенского районного суда Пермского края от 14 сентября 2023 г. по делу № 2-525/2023, где суд, анализируя содержание пользовательского соглашения и характер игрового продукта, исходил из его комплексной природы и экономической ценности для пользователей [6].

Структура современной видеоигры включает программный код, визуальные и графические элементы, сценарные материалы, пользовательский интерфейс, персонажей и музыкальное сопровождение. Каждый из указанных компонентов может обладать самостоятельной правовой охраной, однако их юридическое значение проявляется именно в совокупности, поскольку изъятие любого из элементов нарушает целостность цифрового продукта. В этой связи применение положений ст. 1240 ГК РФ, регулирующей правовой режим сложных объектов, представляется наиболее адекватным отражением юридической природы видеоигры, что также поддерживается в научной литературет [3, с. 107–109].

Проведенный анализ показывает, что видеоигры в условиях цифровизации гражданского оборота перестали восприниматься исключительно как программный продукт и приобрели признаки сложного цифрового объекта, включающего совокупность разнородных результатов интеллектуальной деятельности. Отсутствие в действующем законодательстве легального определения видеоигры и специального правового режима обусловливает неоднородность доктринальных подходов и правоприменительной практики, что, по справедливому замечанию Э. Р. Хасанова, «существенно затрудняет квалификацию прав

на виртуальное игровое имущество и снижает уровень правовой определенности» [7, с. 104].

В сложившихся условиях наиболее обоснованным представляется применение к видеоиграм конструкции сложного объекта гражданских прав, предусмотренной ст. 1240 ГК РФ, что позволяет учитывать их целостный характер, коллективную природу создания и функциональную взаимосвязь составляющих элементов. Вместе с тем данный подход носит временный и компенсаторный характер, что свидетельствует о необходимости дальнейшего развития гражданского законодательства и формирования специального правового регулирования видеоигр с учетом их экономической, культурной и правовой значимости.

Список литературы

1. Агибалова Е. Н. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 33, № 1.

2. Патрашкин Р. А. Видеоигры как объект интеллектуальной собственности в гражданском праве Российской Федерации // E-Scio. 2021. № 9 (60).

3. Чувствинов И. В. Видеоигры и интеллектуальная собственность: особенности защиты прав при небуквальном копировании // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3 (33).

4. Овчаров Д. В. Сравнительно-правовой анализ терминов «видеоигра» и «компьютерная игра» // Юридическая наука. 2021. № 12.

5. Апелляционное определение Московского городского суда от 26 июня 2015 г. по делу № 33-15908/2015.

6. Решение Нытвенского районного суда Пермского края по делу № 2-525/2023 от 14 сентября 2023 г. по делу № 2-525/2023 // Sudact.ru. URL: https://sudact.ru/regular/doc/78j2Z4KkKk6d/?ysclid=mkfp384toj177544005.

7. Хасанов Э. Р. Перспективы правового регулирования виртуального игрового имущества // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7 (211).

Бутбая Г. М.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры гражданско-правовых дисциплин
Института социальных наук

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НОВЫХ СПОСОБАХ РАСЧЕТОВ

Общественные отношения, возникающие в сфере финансовых услуг (и непосредственно в сфере расчетов), равно как и вся остальная финансовая система, в последние тридцать лет подвергаются постоянной трансформации, обусловленной развитием информационных технологий.

Накопленный в период 2000-х гг. потенциал развития информационных технологий в сочетании с эффектом интеграции российской действительности в глобальные информационные и экономические системы вызвал не только резкий рост информационных технологий, но и все большее их применение в массовом сегменте рынка. Сфера финансовых услуг не стала исключением. Все больше экономических субъектов начали пользоваться новыми способами заключения сделок и расчетов, построенными на дистанционном обслуживании в сети Интернет. В связи с этим важно исследовать нормативную правовую базу, складывающуюся в этом сегменте финансового рынка.

В первую очередь, стоит обратить внимание на перечень нормативно-правовых актов, составляющих комплекс законодательства о Национальной платежной системе (далее – НПС), поскольку именно в рамках нее складываются новые способы расчетов. Основной нормативный акт в данной области – Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – Закон о НПС), хотя и содержит традиционное для подобных случаев указание о перечне актов, входящих в систему законодательства о НПС, вместе с тем не определяет их закрытого перечня. В связи с этим при описании системы нормативно-правовых актов, регулирующих отношения по поводу НПС, необходимо перечислить не только Закон о НПС и прямо принятые в его развитие и указанные в нем нормативные акты, но иные источники – нормативные акты системы законодательства Российской Федерации, международные акты или нормативные акты участников расчетов, группируя их по признаку предмета регулирования, которым в нашем случае будут являться правоотношения участников НПС, возникающие в случае осуществления ими расчетных операций.

Ст. 2 Закона о НПС определяет, что законодательство Российской Федерации о национальной платежной системе основывается на Конституции Российской Федерации, международных договорах Российской Федерации и состоит из настоящего Федерального закона и иных федеральных законов. Указанная норма Закона о НПС также определяет, что Правительство Российской Федерации и федеральные органы исполнительной власти в пределах своих полномо-

[1] © Бутбая Г. М., 2026.

чий в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом и иными федеральными законами, могут принимать нормативные правовые акты в целях регулирования отношений в национальной платежной системе.

Отдельно Законом о НПС оговорена компетенция Центрального банка Российской Федерации (далее – Банка России) в рассматриваемой сфере: Банк России в пределах своих полномочий может принимать нормативные акты в целях регулирования отношений в национальной платежной системе.

Исходя из дословного прочтения указанной нормы закона система законодательства о НПС включает следующие нормативные акты:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Международные договоры Российской Федерации.
3. Федеральные законы.
4. Нормативные правовые и распорядительные акты, принимаемые Правительством Российской Федерации.
5. Нормативные правовые и распорядительные акты, принимаемые федеральными органами исполнительной власти.
6. Нормативные правовые и распорядительные акты, принимаемые Банком России.

В отношении названной нами системы актов необходимо сделать несколько важных комментариев. Во-первых, Закон о НПС появился в нашей правовой системе относительно недавно (в 2011 г.) и по своему содержанию он представляет собой единственный специальный акт, регулирующий отношения внутри НПС. Вместе с тем Закон о НПС не является актом, регулирующим все без исключения отношения участников, в какой бы области они не лежали. Соответственно, к системе отношений, возникающих в рамках НПС, применимы не только акты, специально инициированные в связи с появлением НПС, но иные акты, регулирующие общие основания взаимодействия участников НПС. К подобного рода нормативным актам могут быть отнесены положения законодательства общего характера, применимые в целом к субъектам и отношениям вне их зависимости от специальной сферы применения

Во-вторых, несмотря на то, что акты Банка России отнесены Законом об НПС в последнюю группу источников законодательства о НПС, фактически именно акты Банка России являются основным и самым значимым блоком законодательства о НПС. Акты Банка России по отношению к иным элементам системы законодательства о НПС следует рассматривать как отдельный основной институт по отношению к иным элементам, носящим общий характер.

В-третьих, ни в системе законодательства, ни в имеющихся научных наработках по рассматриваемой области нет четкого указания о том, по каким критериям тот или иной нормативный акт следует относить к системе законодательства о НПС.

Исходя из предмета регулирования Закона о НПС можно выделить направления применения указанного закона. Так, Закон о НПС определяет следующие элементы предмета регулирования Закона:

– правовые и организационные основы национальной платежной системы;

–порядок оказания платежных услуг, в том числе осуществления перевода денежных средств, использования электронных средств платежа;

–деятельность субъектов национальной платежной системы;

–требования к организации и функционированию платежных систем;

–порядок осуществления надзора и наблюдения в национальной платежной системе.

Исходя из перечисленных элементов регулирования, мы можем предложить условно классифицировать законодательные акты в НПС по двум группам:

1) группа административно-управленческого направления, куда могут быть отнесены законодательные акты, устанавливающие основы организации и управления в НПС;

2) группа актов частноправового регулирования, к которой можно отнести нормативно-правовые акты, регулирующие именно порядок непосредственного осуществления расчетов и расчетных операций в НПС.

Отметим, что ряд исследователей также относят нормативные акты, регулирующие расчеты, к системе регулирования НПС. Например, Н. В. Байдукова, определяя понятие НПС как «совокупность правил, договорных отношений, технологий, методик расчета, внутренних и внешних нормативных актов, которые позволяют всем участникам производить финансовые операции и расчеты друг с другом» [1] фактически относит законодательные акты о расчетах к регулирующим НПС элементам. Похожую точку зрения поддерживают и некоторые другие исследователи, например, Г. Г. Фетисов, О. И. Лаврушин, И. Д. Мамонова [2].

Таким образом, можно сказать, что современные способы расчетов складываются в рамках функционирующей национальной платежной системы, правовое регулирование которой осуществляется в настоящее время разными нормативным правовыми актами.

Список литературы

1. Деньги, кредит, банки / под ред. Г.Н. Белоглазовой : учебник. М., 2007.

2. Организация деятельности центрального банка : учебник / Г. Г. Фетисов, О. И. Лаврушин, И. Д. Мамонова ; под общ. ред. Г. Г. Фетисова. 3-е изд., стер. М., 2008.

Бушев А. Е.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ИСТОЧНИКОМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Проблема гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источниками повышенной опасности, сохраняет актуальность в условиях технологического развития общества. Рост числа технических устройств и механизмов, обладающих повышенной потенциальной опасностью, требует четкого правового регулирования механизмов возмещения вреда и распределения рисков между участниками правоотношений.

Саму эволюцию гражданской ответственности за вред, причиненный «источником повышенной опасности» условно, можно классифицировать по нескольким основным этапам развития.

К первому следует отнести зарождение идей объективной ответственности. Истоки этой концепции находятся в глубокой древности (взять, к примеру ответственность владельца дикого животного в римском праве по Lex Aquilia) [1]. Исторические корни концепции гражданской ответственности можно обнаружить еще в римском праве (ответственность за вред, причиненный животными, судами, постройками).

Примером res periculosa (в переводе с латыни – «опасная вещь») являются случаи ответственности хозяина животного, в случае его нападения на другого человека или нанесения материального ущерба чужому имуществу [2]. Римские юристы разработали систему юридической ответственности владельца таких вещей независимо от наличия вины, исходя из принципа объективной ответственности (culpa in eligendo vel custodiendo лат.) – ответственности за выбор способа хранения или контроля над потенциально опасной вещью. Эта концепция стала основой для современных правовых норм, регулирующих ответственность владельцев опасных объектов, например, автомобилей, оружия, химикатов и промышленных предприятий.

Однако в своем современном виде институт начал формироваться только в эпоху промышленной революции (в XIX – начале XX в.) с развитием промышленности и различных видов транспорта. Изначально доктрина и законодательство европейских стран фокусировались на конкретных, очевидно опасных объектах: железные дороги, автомобили, производственные механизмы [3]. Появление паровых двигателей, сложных станков привело к тому, что традиционный принцип вины nulla culpa, nulla poena оказался несправедливым по отношению к потерпевшим. Доказать вину владельца сложного устройства было весьма затруднительно, а порой и практически невозможно. Именно с этим

[1] © Бушев А. Е., 2026.

можно связать факт начала усиления ответственности вне зависимости от наличия вины, что стало закрепляться в различных правовых актах, касающихся нового вида ответственности собственников [4].

Следует отметить, что термин «источник повышенной опасности» официально не использовался, и понимание возникающего риска базировалось скорее на общем осознании технической уязвимости развивающихся отраслей экономики. Таким образом, зарождение идеи особой ответственности происходило интуитивно и постепенно формировало фундамент будущих юридических конструкций.

В гражданском законодательстве западных стран [5], как правило, в отличии от Российской Федерации, используются иные юридические конструкции, которые выполняют «похожую» функцию – возложение ответственности без вины (strict liability/ no fault liability – пер. с англ. строгая ответственность/ отсутствие ответственности по вине) за вред, причиненный в результате определенной опасной деятельности или контролем над опасными объектами.

Континентальное романо-германское) право, на примере Германии, использует концепцию Gefährdungshaftung [6] (опасная/рискованная ответственность или ответственность за создание опасности). Это особая, узаконенная законом ответственность без вины. Есть смысл остановиться на ключевых отличиях от российского определения:

–нет общего понятия (существует закрытый перечень случаев, прямо предусмотренных специальными законами Einzelfallgesetze – законы отдельных случаев). К ним относятся: закон об ответственности для дорожного движения, закон об ответственности операторов железных дорог и трамваев, закон об ответственности за вред, причиненный воздушными судами, закон об атомной энергии, закон об ответственности за продукты;

–ответственность «привязана» к конкретному объекту или технологии, а не к абстрактной деятельности. Владелец автомобиля, владелец железной дороги, оператор АЭС несут ответственность в силу самого факта владения/эксплуатации этого объекта, если будет доказана причинно-следственная связь между его специфической опасностью и причиненным вредом.

Во французском же праве [7] аналогом является ответственность за вещи, закрепленная в ст. 1242 Гражданского кодекса Франции. Эта конструкция, сформированная судебной практикой достаточно широка и гибка:

–общий принцип: каждый несет ответственность за вред, который причинен не только его собственными действиями, но и вещами, находящимися под его охраной. Критерий: не свойства вещи (ее опасность или безопасность), а связь между вещью контролем над ней и причиненным вредом;

–если вещь сыграла активную роль в причинении вреда, то лицо, осуществлявшее над ней контроль, несет ответственность, если не докажет действие непреодолимой силы или вину потерпевшего;

–охват шире, чем у «источника повышенной опасности» в России: под эту ответственность может подпасть практически любая вещь (от транспортного средства и промышленного станка до стула и куска асфальта), если будет установлена

ее «активная роль». Это не столько «источник повышенной опасности», сколько общая презумпция ответственности лица за подконтрольные ему объекты.

В англо-саксонском (общем) праве, например, в английском праве существует доктрина «строгой ответственности» [8]. Ее классическим источником является прецедентное дело Райлендса против Флетчера (1868 г.), однако при современной трактовке сфера применения правила Райлендса против Флетчера сильно сузилась, и в настоящее время оно применяется редко, так как суды предпочитают трактовать многие случаи в рамках закона о небрежности или статутного права.

Американское право в целом восприняло правило Райлендса против Флетчера, но его применение сильно варьируется от штата к штату. Наряду с ним существует широкий спектр законов об ответственности без вины, принятых на уровне штатов и на федеральном уровне, которые охватывают конкретные сферы: ответственность владельцев автомобилей (в рамках no fault insurance во многих штатах), ответственность за вредоносную деятельность (например использование взрывчатых веществ, содержание диких животных), продуктовая ответственность, экологический ущерб, также активно используется доктрина «Attractive nuisance» (привлекающий источник опасности), которая обязывает владельцев земли принимать разумные меры для защиты детей от опасных искусственных условий на их территории, даже если дети будут «незваными гостями», поскольку эти условия (бассейн, стройка, стоянка старых автомобилей, заброшенное здание) могут их привлечь, а дети не осознают связанных с ними рисков.

Развитие понятия «источник повышенной опасности», а параллельно с ним и ответственность за причиненный им вред, в истории русского права также прошло в несколько ключевых этапов, каждый из которых характеризовался эволюционированием юридического осмысления и практического регулирования этого феномена.

Ранняя дореволюционная эпоха (XIX в.) – начало формирования концепции источника повышенной опасности относится ко второй половине XIX в., когда бурное развитие промышленности привело к увеличению количества железнодорожных катастроф, несчастных случаев на предприятиях. Первые попытки законодательного регулирования относятся именно к этому периоду [9]. Уже тогда возникали споры относительно особенностей возложения ответственности за вред, причиненный такими источниками, поскольку обычные правила деликтной ответственности были недостаточны для защиты жертв производственных травм и крупных технологических аварий [10].

Значительный прогресс произошел в советский период. Впервые самостоятельная статья, посвященная источникам повышенной опасности, появилась в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. (ст. 404) [11]. Здесь впервые вводится специальное правило о безусловной обязанности лиц и предприятий отвечать за вред (нести ответственность), причиненный принадлежащим ему опасным объектом (торговцы горючими материалами, держатели диких животных, железнодорожным транспортом и т. д.). Такое нововведение стало значительным шагом вперед, подчеркнув значительным вниманием особую роль техники и технологий, становящихся все более важной частью общественной жизни.

Советская юридическая наука сделала значительный вклад в дальнейшее углубленное исследование природы этого явления. Ученые цивилисты выделили особые признаки источника повышенной опасности и сформулировали ключевые положения, касающиеся оснований ответственности [12]. Наиболее значимой работой стала разработка трех элементов теории: угроза, непредсказуемость и неизбежность риска. Эти элементы позволили систематизировать понимание и легли в основу современного правопонимания.

Третий (постсоветский) этап начался после распада Советского Союза и перехода России к рыночной экономике. Конституция Российской Федерации, принятая в декабре 1993 г., положила начало формированию нового этапа российского гражданского права. Основные положения об источниках повышенной опасности нашли отражение в новом Гражданском кодексе РФ, принятом в 1994–1996 гг. Особенность постсоветского периода состоит в большей ориентации на рыночные отношения и частную собственность, что потребовало существенного обновления концептуального аппарата.

Сегодня содержание и значение источника повышенной опасности определяется ст. 1079 ГК РФ, которая выделяет транспортные средства, механизмы, электрическую энергию высокого напряжения, атомную энергию, взрывчатые вещества, сильнодействующие токсические вещества и некоторые виды профессиональной деятельности (строительство, промышленное производство и т. д.) как возможные объекты повышенного риска. Этот этап характеризуется продолжением научных исследований и попыток расширить список возможных источников повышенной опасности, что обусловлено быстрым научно-техническим прогрессом и появлением новых угроз.

Таким образом, институт гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, играет ключевую роль, в обеспечении социальной справедливости и защите прав потерпевших. Однако практика показывает необходимость дальнейшего совершенствования законодательства и повышения качества правоприменительной деятельности. Совершенствование существующих правовых норм позволит создать эффективную систему охраны общественных интересов и укрепления правопорядка в сфере обращения источников повышенной опасности.

Список литературы

1. Ernst W. The politics of the lex Aquilia / W. Ernst // The Legal History Review. 2022. Vol. 90. No. 3–4.

2. Римское частное право : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Д. В. Дождев ; под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 2. изд., изм. и доп. М. : Норма, 2003.

3. Кулагин М. И. Предпринимательство и право: опыт Запада : избранные труды. М. : Юрист, 1997.

4. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М. : Юрид. литература, 1966.

5. Яшнова С. Г. Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, в гражданском праве России и стран Западной Европы / С. Г. Яшнова. Ульяновск : Ульяновский государственный университет, 2017.

6. Ogorek R. Untersuchungen zur Entwicklung der Gefährdungshaftung im 19. Jahrhundert. Köln [u.a.] : Böhlau, 1975.

7. Слипченко Е. И., Фахретдинова О. В. Сравнительно-правовые аспекты возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью человека и гражданина по законодательству зарубежных государств // Аллея науки. 2019. № 2.

8. Румянцев М. Б. Строгая ответственность за вред, причиненный повышено опасной деятельностью, в доктрине и правоприменительной практике США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 3.

9. Яичков К. К. Гражданское и торговое право капиталистических государств. М. : Международные отношения, 1986.

10. Соловьева А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975.

11. Гражданский кодекс РСФСР от 31.12.1922 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Дерюгина С. Р. Правовые особенности деликтных обязательств, возникающих при причинении вреда источником повышенной опасности // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 1.

13. Антимонов С. Б. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. М.,1952.

14. Иоффе О. С. Обязательственное право. М. : Юрид. литература, 1975.

15. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1951.

Вачаев В. В.[1]*,*
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Филиппова А. И.,
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ И РОБОТОТЕХНИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

Повсеместное внедрение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) и автономных робототехнических систем в различные сферы общественной жизни формирует новые вызовы для института гражданско-правовой ответственности. В научной статье анализируются ключевые проблемы определения субъекта ответственности, возможности применения конструкции источника повышенной опасности, а также сложности установления причинно-следственной связи при причинении вреда автономными системами. Проводится сравнительный анализ подходов к регулированию ответственности за вред, причиненный ИИ в зарубежной практике, а также соответствующих концепций, сформированных в российской цивилистической доктрине. Авторами делается вывод о целесообразности разработки в Российской Федерации специального правового регулирования, сочетающего элементы строгой ответственности операторов систем высокого риска с определенным распределением рисков между участниками жизненного цикла искусственного интеллекта.

Цифровая трансформация, основным драйвером которой выступают технологии искусственного интеллекта и робототехники, перестала быть предметом футурологических прогнозов и стала частью объективной реальности. От автономных транспортных средств и систем медицинской диагностики до управления финансовыми рынками и генерации цифрового контента - ИИ принимает решения либо оказывает существенное влияние на процессы, затрагивающие жизнь, здоровье и имущество граждан [3, с. 135–146].

Вместе с тем автономность и сложность подобных систем формируют принципиально новую правовую коллизию: вопрос о том, кто должен нести гражданско-правовую ответственность в ситуации, когда вред причинен не непосредственными действиями гражданина и не функционированием тради-

[1] © Вачаев В. В., 2026.

ционного технического средства, а результатом работы самообучающейся системы, решения которой не всегда предсказуемы даже для ее разработчиков.

Действующее российское законодательство, основанное на классических принципах генерального деликта и ответственности за вину, оказывается недостаточно адаптированным к разрешению подобных ситуаций. Как отмечается в доктрине, автономные технические системы порождают качественно новые риски, требующие формирования специальных правовых режимов [5, с. 2–5]. Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе теоретических и практических проблем применения норм гражданско-правовой ответственности к отношениям, возникающим вследствие причинения вреда искусственным интеллектом, а также в оценке перспектив развития соответствующего правового регулирования с учетом отечественного и зарубежного опыта.

Дискуссии о наделении ИИ правосубъектностью носят преимущественно схоластический характер и не способствуют практическому решению проблемы ответственности [13, с. 25]. Искусственный интеллект представляет собой результат сложного программирования и обработки данных и по своей природе является инструментом, а не самостоятельным субъектом права.

С точки зрения деликтного права более продуктивным представляется подход к квалификации деятельности по эксплуатации автономных систем ИИ как источника повышенной опасности. В российской цивилистике традиционно различаются теория объекта и теория деятельности, однако применительно к ИИ их прямое использование затруднено. ИИ носит нематериальный характер как алгоритм, но причиняет вред исключительно в процессе его практического использования [5]. В связи с этим наиболее обоснованным является отнесение деятельности по использованию автономных систем ИИ и робототехники к деятельности, создающей повышенную опасность, что позволяет применять положения ст. 1079 ГК РФ об ответственности независимо от вины [1]. Такой подход имеет принципиальное значение в условиях, когда установление вины конкретного лица в традиционном понимании зачастую невозможно.

Многостадийный жизненный цикл искусственного интеллекта обусловливает феномен «диффузии ответственности», при котором потенциальными субъектами ответственности могут выступать различные лица, участвующие в создании и эксплуатации системы.

К их числу относятся:

– разработчик, отвечающий за алгоритмическую модель, обучение системы и качество используемых данных;

– производитель, несущий ответственность за аппаратные и программно-аппаратные дефекты;

– оператор (интегратор), осуществляющий внедрение, эксплуатацию и контроль функционирования системы;

– пользователь, чьи неправомерные или неосторожные действия в отдельных случаях могут стать причиной вреда.

С цивилистической точки зрения ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом, не выходит за пределы частноправовой парадигмы, поскольку затрагивает перераспределение имущественных потерь между фор-

мально равноправными участниками гражданского оборота. Искусственный интеллект, независимо от степени автономности и сложности алгоритмической модели, не приобретает статуса самостоятельного субъекта права, а потому не может рассматриваться в качестве носителя гражданско-правовой ответственности [4]. Причиненный им вред подлежит квалификации как результат деятельности лиц, осуществляющих создание, внедрение и эксплуатацию соответствующих систем, с использованием традиционных для частного права конструкций – ответственности за источник повышенной опасности, договорного распределения рисков и внедоговорной ответственности. Такой подход позволяет сохранить системность гражданского права и обеспечить баланс между защитой потерпевших и интересами участников технологического оборота [2].

Зарубежная судебная практика, как уже сложившаяся, так и формирующаяся, демонстрирует тенденцию к возложению первичной ответственности на оператора, который непосредственно контролирует систему и извлекает экономическую выгоду из ее использования. Показательным является дело *Moffatt v. Air Canada* (2024), в котором суд возложил ответственность за действия чатбота на авиакомпанию как оператора цифрового сервиса. Аналогичный подход прослеживается и в более ранней практике судов США [10].

В российской доктрине также обсуждается возможность солидарной ответственности всех лиц, участвующих в создании и эксплуатации вредоносной системы ИИ, с учетом их совместной деятельности и распределения рисков [11].

При этом ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом, по своей природе носит частноправовой характер, поскольку связана с перераспределением имущественных потерь между равноправными участниками гражданского оборота. Независимо от степени автономности ИИ, причиненный им вред сохраняет характер гражданско-правового деликта и подлежит регулированию средствами частного права.

В российской теории также обсуждается вопрос о солидарной ответственности всех причастных к созданию и использованию вредоносного ИИ лиц, учитывая их совместную деятельность и общую цель [5, с. 2–5].

Вопрос ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, по своей природе является частноправовым, поскольку затрагивает перераспределение имущественных потерь между равноправными участниками гражданского оборота. Независимо от степени автономности ИИ, причиненный им вред не утрачивает характера гражданско-правового деликта, а потому подлежит урегулированию средствами частного права – через конструкции источника повышенной опасности, договорного распределения рисков и внедоговорной ответственности.

Основным практическим препятствием для потерпевших является доказывание причинно-следственной связи. Закрытость алгоритмов, коммерческая тайна, сложность и динамичность самообучающихся моделей превращают традиционный принцип распределения бремени доказывания в чрезмерно обременительный для истца. В этой связи европейская инициатива AILD, предусматривающая презумпцию причинной связи и расширенные полномочия суда по

истребованию доказательств, представляется обоснованной и заслуживающей внимания [7].

Перед российской правовой системой стоит задача выбора модели дальнейшего регулирования. Длительное применение исключительно общих норм ГК РФ способно привести к правовой неопределенности и фрагментарной судебной практике. С учетом зарубежного опыта, считаем целесообразным:

– нормативно закрепить квалификацию эксплуатации автономных систем ИИ как источника повышенной опасности;

– внедрить дифференцированный режим ответственности в зависимости от уровня риска;

– установить специальные презумпции и процессуальные механизмы в пользу потерпевшего;

– обеспечить распределение ответственности между разработчиком, производителем и оператором.

Развитие технологий искусственного интеллекта формирует новую социально-экономическую реальность, требующую адаптации традиционных институтов гражданского права. Отсутствие специального регулирования ответственности за вред, причиненный ИИ, создает правовой вакуум, препятствующий как защите прав потерпевших, так и устойчивому развитию технологий.

Опыт Европейского союза и США свидетельствует о смещении акцента ответственности на оператора систем высокого риска и о необходимости упрощения доказывания для потерпевших. Для Российской Федерации актуальной задачей является формирование сбалансированной модели гражданско-правовой ответственности, способной одновременно стимулировать инновации и обеспечивать эффективную защиту прав участников гражданского оборота.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. II) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Антимонов Б. С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. М. : Госюриздат, 1952.

3. Вавилин Е. В. Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42.

4. Василевская Л. Ю. и др. Цифровизация гражданского оборота: монография : в 5 т. Т. 3. Правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов. М. : Проспект, 2023.

5. Деликтная ответственность за причинение вреда искусственным интеллектом: проблемы и перспективы развития // Гражданское право. 2025. № 4.

6. AI Liability FAQ - Understanding Legal Risks of Artificial Intelligence // Kolmogorov Law Firm.

7. Liability Rules for Artificial Intelligence // European Commission.

8. EU AI Act: first regulation on artificial intelligence // European Parliament.

9. New Federal Legislation Proposes Product Liability Standards for AI Systems // BT Law.

10. Legal Liability for AI-Driven Decisions – When AI Gets It Wrong, Who Can You Turn To? // HFW.

11. Дерюгина Т. В. О противоправности как условии возмещения вреда и возникновения деликтного обязательства // Цивилист. 2024. № 4 (50).

12. Дерюгина Т. В. К вопросу о видах обязательств вследствие причинения вреда // Гражданское право. 2025. № 1.

13. Чеговадзе Л. А., Наумов Р. Д. О возникновении и правовой природе деликтного обязательства // Законность и правопорядок. 2020. № 1 (25).

Георгиевская А. Р.[1]*,*
курсант
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
Мельник С. В.,
профессор кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ЭКО, СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО)

В российском законодательстве, в качестве основания для вступления в статус «родителя», а также приобретения соответствующих прав и обязанностей – является происхождение детей. При этом важно обратить внимание, на тот факт, что в данном случае употребляется термин «происхождение», поскольку под ним, следует понимать исключительно биологическую связь ребенка с родителями. Также, само происхождение ребенка, не порождает никаких юридических связей, до тех пор, пока факт рождения последнего (ребенка) не будет зарегистрирован в органе ЗАГС, в установленном законом порядке. В таком случае, права возникают не только у ребенка, но и у его родителей или законных представителей, например, на охрану здоровья матери и новорожденного ребенка.

Обращая внимание на данный факт, стоит упомянуть, что конституционные права, возникают у ребенка с рождения, вне зависимости от наличия или отсутствия юридического факта его регистрации, например, право на жизнь, что также подтверждается закреплением законодателем ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка.

Однако, с учетом современных достижений науки и медицины, рождение ребенка может осуществляться не только кровной матерью, но и посредством применения вспомогательных репродуктивных технологий (ЭКО, суррогатное материнство). С целью установления соответствия законодательства прогрессу, помимо Семейного Кодекса Российской Федерации, регулирующего установление происхождения детей, также, 21 ноября 2011 г. был принят Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Под экстракорпоральным оплодотворением (далее – ЭКО) – следует понимать слияние сперматозоида и яйцеклетки, происходящее вне тела женщины, с последующим пересаживанием получившихся эмбрионов в полость матки матери [9].

---

[1] © Георгиевская А. Р., 2026.

В свою очередь, суррогатное материнство представляет собой сложное явление, как с правовой, так и с биологической точки зрения. Поскольку в зачатии ребенка участвуют три человека, а именно генетические родители и суррогатная мать, которая вынашивает ребенка генетических родителей [5].

Более подробно рассматривая использование ЭКО для происхождения детей, отметим, что данный метод является довольно сложным, с точки зрения медицины, и зачатие получается не с первого раза. В силу чего, родители сдают анализы, которые в свою очередь подвергаются заморозке, на тот случай, если эмбрион у родителей не приживется, у врачей будет замороженный ранее образец, который они могут использовать при повторной процедуре. Обращая внимание на данный факт, возникает вопрос, процессуального разрешения спора о том, кому из родителей принадлежит данный замороженный эмбрион. В случае, если первичное зачатие посредством использования ЭКО является успешным, замороженный эмбрион уничтожается, однако как поступить в том случае, если зачатие не получилось, а супруги пришли к решению о начале бракоразводного процесса, кому из них он будет принадлежать? Подобные случаи на практике в Российской Федерации – довольно редкие, однако судом Черкесска был создан судебный прецедент, он сослался на решение ЕСПЧ, поскольку адвокаты сторон и привлеченные юристы разошлись во мнениях [10].

Также в соответствии со ст. 139,140 ГПК РФ женщина просила суд принять меры обеспечительного характера – запретить «Ава-Петер» осуществлять какие-либо действия с криоконсервированными эмбрионами до рассмотрения искового заявления и вступления в силу решения суда. Эта просьба была удовлетворена: исполнительный лист, предписывающий наложить соответствующий запрет.

На наш взгляд, с целью решения подобных правовых споров среди партнеров, прибегающих к использованию метода ЭКО, следует более тщательно освящать тонкости данной процедуры, как биологического, так и юридического характера, а также важно обратить внимание, на необходимость развития данной отрасли в медицине.

Говоря о процессуальных аспектах установления происхождения ребенка при использовании родителями суррогатного материнства, отметим, что на практике существует большее количество судебных споров, в сравнении с методом ЭКО. В качестве юридического основания для суррогатного материнства служит договор, как на коммерческой, так и на безвозмездной основе. Что регулируется как федеральным законодательством, так и Приказом Министерства Здравоохранения от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению».

В первую очередь, следует отметить, что одной из основных процессуальных проблем данного договора является тот факт, что окончательно не ясно, является ли она гражданско-правовым, семейно-правовым или смешанным, что в свою очередь порождает ряд последующих проблем при разрешении возникающих споров. Наиболее распространенным, среди них – является желание суррогатной матери претендовать на права законного родителя ребенка. Также, несмотря на то, что 4-ый раздел постановления Пленума Верховного Суда Рос-

сийской Федерации от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» закрепляет основные положения о разрешении исков участников суррогатного материнства, неоднозначность правовой природы договора, значительно усложняет процессуальные аспекты.

Так, Е. С. Митрякова в своей работе поясняет, что договор суррогатного материнства имеет гражданско-правовую природу, аргументируя свою точку зрения тем, что он является договором возмездного оказания услуг, ведь зачастую использование данного метода для рождения ребенка осуществляется на коммерческой основе [6].

В свою очередь А. А. Пестрикова считает, что данный договор по своей природе является непоименованным смешанным договором, поскольку к нему применяются как нормы гражданского права, так и нормы семейного права [8].

Мы в свою очередь, склоняемся к тому, что с учетом настоящего состояния российского законодательства, следует рассматривать природу данного договора в качестве смешанной. А при возникновении споров, опираться на нормы как семейного, так и гражданского права.

Таким образом, в заключение следует отметить, что согласно статистике, за последнее десятилетие, все больше семейных пар прибегают к использованию вспомогательных репродуктивных технологий для рождения ребенка [7].

Однако, несмотря на это, в законодательстве не определены многие правовые аспекты применения данных методов, что порождает за собой длительные судебные прения, относительно установления истинности происхождения детей. Тем самым, говоря о правовой природе договоров ЭКО и суррогатного материнства, следует рассматривать их в качестве смешанных. А что касается процессуальных аспектов применения норм законодательства, необходимо усилить правотворческую деятельность в данной сфере общественных отношений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 01 июля 2020 г. № 11-ФКЗ, от 06 октября 2022 г.) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru.).

2. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: текст в редакции от 31 июля 2025 г. (принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Российская Федерация. Законы. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323 ФЗ:

текст в редакции от 23 июля 2025 г. (принят Государственной Думой 1 ноября 2011 г. : одобрен Советом Федерации 9 ноября 2011 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

4. Приказ Министерства Здравоохранения от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/.

5. Абрамовская Д. В., Волкова А. А., Серегин Д. С. Суррогатное материнство. Современный взгляд // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 12 (40).

6. Митрякова Е. С. Правовое регулирование суррогатного материнства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2006.

7. Муратова С. А. Законодательное регулирование и правовая природа договора суррогатного материнства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6.

8. Пестрикова А. А. Обязательства суррогатного материнства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2007.

9. Чечурова Д., Сиднев И. Эко, как современная проблема демографии // Вести научных достижений. 2019. № 4.

10. Суд Черкесска создаст прецедент в практике ЭКО // VADEMECUM. URL: https://vademec.ru/article/sud_cherkesska_sozdast_pretsedent_v_praktike_eko/.

Гомозова О. Ю.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРИМЕНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕДОПУСТИМОСТИ НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Актуальность анализа применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] о юридически значимых сообщениях и использования данного института в правоприменительной деятельности органов внутренних дел обоснована базированием гражданских правоотношений на основных принципах гражданского права. Принципы гражданского права определяют направленность и содержание правового регулирования, выступая базой формирования и развития гражданских правоотношений. Принцип недопустимости недобросовесного поведения, сформулированный законодателем в ст. 10 ГК РФ, является основным началом всех гражданских правоотношений.

Недопустимость недобросовестного поведения, в первую очередь, определяется в качестве предела осуществления субъективного права, которое имеет расплывчатые границы. Как и другие нравственные категории, добросовестность обеспечивает некую гибкость правового регулирования в силу оценочного характера данного понятия.

Обращение к проблематике юридически значимых сообщений в аспекте принципа недопустимости недобросовестного поведения представляется актуальным ввиду практической значимости данного института для оценки поведения участников гражданского оборота.

Юридически значимые сообщения направлены, с одной стороны, на установление момента возникновения соответствующих правовых последствий, а с другой – на формирование оснований для возникновения, изменения либо прекращения прав и обязанностей. При этом ключевое значение имеет именно первая из указанных функций, поскольку реализация второй возможна и посредством иных юридических фактов, тогда как юридически значимые сообщения позволяют определить конкретный момент начала либо прекращения действия правовых последствий.

Необходимо подчеркнуть, что, исходя из содержания ст. 165.1 ГК РФ, законодатель связывает юридически значимые сообщения с наступлением для адресата гражданско-правовых последствий, выражающихся в возникновении, изменении либо прекращении прав и обязанностей, предусмотренных законом или условиями сделки

[1] © Гомозова О. Ю., 2026.

Методологически значимым для выявления особенностей правовой природы и материально-правового содержания юридически значимых сообщений является обращение к анализу правоприменительной практики, в частности к рассмотрению арбитражного дела № А40-138161/23-27-9487. Указанное дело было возбуждено по требованию генерального подрядчика к подрядчику о взыскании денежных средств, включающих сумму аванса, не подтвержденную результатами фактического исполнения обязательств, проценты за пользование авансовыми денежными средствами, рассматриваемыми в качестве формы коммерческого кредитования, а также договорную неустойку, начисленную вследствие нарушения сроков выполнения работ по договору, пред-метом которого являлось осуществление комплекса работ по погружению свай-оболочек на стадии подготовки объекта к проведению испытаний.

В ходе рассмотрения спора сторонами были заявлены взаимоисключающие позиции: истец исходил из того, что подрядчиком обязательства по договору исполнены лишь частично, в то время как ответчик указывал на выполнение работ в объеме, соразмерном всей сумме перечисленного аванса.

При этом в рамках арбитражного судопроизводства судами не было учтено обстоятельство, установленное в результате уголовно-процессуального производства, а именно постановление следователя о частичном прекращении уголовного преследования в отношении подрядчика.

Принятие указанного процессуального решения было обусловлено выводами предварительного расследования, в ходе которого получил подтверждение факт выполнения части договорных работ на сумму полученного аванса, что было зафиксировано в материалах уголовного дела и подтверждено собранными доказательствами. Данные обстоятельства, по мнению заявителя, обладают существенным значением для разрешения арбитражного спора, поскольку на момент его рассмотрения они не были известны суду и, следовательно, не могли быть положены в основу судебного акта, тогда как их учет объективно способен был повлиять на выводы суда относительно объема подлежащих взысканию денежных средств.

В аспекте разграничения новых и вновь открывшихся обстоятельств особую научно-практическую значимость приобретает вопрос о правовой квалификации постановления следователя о прекращении уголовного преследования в отношении лица, участвующего в гражданском судопроизводстве. Проведенный анализ позволяет обосновать вывод о целесообразности отнесения указанного процессуального решения к числу юридически значимых сообщений. При отсутствии в системе действующего законодательства нормативно закрепленного определения рассматриваемой категории ее материально-правовая характеристика формируется посредством доктринального подхода, основанного на квалификации соответствующих сообщений в качестве юридических фактов, с наступлением которых нормы гражданского права связывают возникновение, изменение либо прекращение гражданско-правовых последствий.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238-239 (8 декабря).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. № 220 (20 ноября).

3. Постановление от 30 января 2024 г. по делу № А40-138161/2023. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/dA1PiQFW1zQZ/?ysclid=mckj0jk4a8318096721.

Грушка К. С.[1]***,***
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Левкина Е. С.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ С ПОМОЩЬЮ СИСТЕМЫ СМАРТ-КОНТРАКТОВ

В условиях цифровизации общества, когда правовые отношения все чаще фиксируется в цифровом формате, актуальным становится вопрос о новых механизмах защиты прав человека. Смарт-контракты, как элемент блокчейн-технологий, представляют собой автоматизированные договоры, исполняемые без посредников, что напрямую связано с проблемами права в условиях цифровизации памяти через неизменяемые цифровые записи [1, с. 45]. Кроме того, в контексте глобальной цифровизации важно учитывать международные аспекты, где смарт-контракты уже интегрированы в системы международной торговли и финансов, способствуя унификации стандартов защиты данных. Смарт-контракты облегчают выполнение договорных соглашений со встроенной прозрачностью и устойчивостью к подделке. Отличительные особенности смарт-контрактов делают их уместными во многих приложениях. В отрасли, а также в академических кругах было проведено множество исследований с целью изучения сильных сторон и применении смарт-контрактов. В России аналогичные тенденции наблюдаются в проектах цифрового рубля, где смарт-контракты используются для автоматизации платежей, но требуют дополнительного правового регулирования для минимизации рисков.

Смарт-контракт определяется как цифровой договор, автоматизирующий исполнение обязательств при наступлении заданных условий, без дополнительного волеизъявления сторон (п. 2 ст. 309 ГК РФ). В российском законодательстве смарт-контракты признаны формой электронного договора, что позволяет их применять в финансовой сфере, логистике и публичном управлении. Например, в рамках цифрового рубля Банк России интегрирует смарт-контракты для условных платежей [2, с. 78]. Их правовая природа – гибридная: это и программный код, и юридический инструмент, соответствующий принципам гражданского права, таким как автономия воли и добросовестность. Смарт-контракты основаны на блокчейн-технологиях, где каждая транзакция фиксируется в распределенном реестре, обеспечивая неизменяемость и прозрачность.

---

[1] © Грушка К. С., 2026.

В России Федеральный закон № 259-ФЗ от 31 июля 2020 г. «О цифровых финансовых активах» предоставляет основу для их легализации, но не решает все вопросы, связанные с ответственностью за ошибки в коде.

В контексте защиты прав человека смарт-контракты способствуют реализации свободы договора (ст. 421 ГК РФ), автоматизируя исполнение и минимизируя споры. Однако их применение влияет на конституционные права: псевдонимность и трансграничность затрудняют судебную защиту, а неизменяемость кода может противоречить праву на самозащиту и управление данными [1, с. 50]. В зарубежной практике, например в Мальте, добровольная сертификация смарт-контрактов предотвращает нарушения прав человека, включая использование в криминальных целях [1, с. 55]. В России аналогичные подходы могли бы усилить защиту, особенно в гражданско-правовых отношениях, связанных с имущественными правами и интеллектуальной собственностью, где блокчейн обеспечивает «память» о транзакциях. Дополнительно, в контексте защиты прав на данные, смарт-контракты могут интегрироваться с системами KYC (Know Your Customer), как в проектах Росфинмониторинга, где они автоматизируют верификацию, снижая риски мошенничества [4, с. 67].

В России пробелы в законодательстве приводят к тому, что суды часто трактуют смарт-контракты как обычные электронные договоры, что не учитывает их технические особенности, такие как автоматическое исполнение без возможности отмены [5, с. 45]. Это подчеркивает необходимость гармонизации с международными стандартами, такими, которые акцентируют на безопасности и защите данных.

Преимущества смарт-контрактов включают прозрачность и автоматизацию, что повышает эффективность защиты прав в цифровой среде. Например, в логистике (как в практике РЖД) они фиксируют исполнение контрактов, предотвращая фальсификации. Дополнительно, в банковском секторе, такие как в проектах Сбербанка, смарт-контракты позволяют сократить операционные расходы на 50–70 %, автоматизируя расчеты и минимизируя посредников [6, с. 23]. В международной торговле они упрощают цепочки поставок, как в случае с платформой IBM Blockchain, где контракты обеспечивают реальное время отслеживания грузов, повышая доверие между сторонами. Еще одним преимуществом является децентрализация, которая снижает риски коррупции в публичном управлении, например, при распределении государственных контрактов. В России проекты в сфере недвижимости используют смарт-контракты для регистрации прав собственности, что ускоряет весь процесс [7, с. 78]. Однако эти преимущества реализуются только при правильном исполнении, с учетом стандартов безопасности, таких как аудит кода для предотвращения уязвимостей.

Среди проблем, связанных с использованием смарт-контрактов, стоит отметить сложности с их выполнением из-за возможных ошибок в коде [3, с. 30]. В целом чтобы справиться с большей частью проблем важно разработать стандарты и ограничения, которые будут влиять на использование данной технологии в относительно сложных и спорных сделках.

Уязвимость к реентраным атакам, т. е. постоянным серьезным прогрессивным угрозам, является одним из самых проблемных вопросов при использова-

нии технологии смарт-контракта. В Китае, к примеру, вводят жесткие требования к идентификации участников смарт-контрактов, чтобы обеспечить защиту личных данных пользователей, а также удостовериться в реальности сторон контракта. В России возможно применение обязательного аудита и внедрение технологии «аварийного выключателя» для быстрого завершения или прерывания процедуры, в целях сохранения прав участников.

Действующее российское законодательство прямо устанавливает допустимость самозащиты гражданских прав. Однако способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения (ст. 14 ГК РФ). Таким образом, способы самозащиты должны быть пропорциональны совершенному правонарушению (или угрозе его совершения) и легальны. Однако некоторые авторы указывают на необходимость установление дополнительных условий допустимости самозащиты субъективных прав: недопущение злоупотребления правом и необходимость соблюдения порядка (последовательности) защиты гражданских прав [8].

Ключевой проблемой в данной сфере также является то, что у участников нет возможности внести изменения в договор при непредвиденных обстоятельствах, так как код прописан заранее.

В заключении можно сделать вывод о том, что смарт-контракты являются относительно эффективным инструментом охраны гражданских прав людей, особенно в условиях цифровизации. Чтобы данная сфера развивалась и активно использовалась нужно поднять заинтересованность граждан к ней, а также систематизировать данные способы защиты прав юридически. В целом, смарт-контракты не просто автоматизируют операции, но и укрепляют доверие между участниками, так как смарт-контракты сохраняют «цифровую историю» правоотношений без каких-либо искажений.

Список литературы

1. Кузнецова О. А. Актуальные вопросы реализации и защиты прав человека в практике применения технологии смарт-контрактов // Law Enforcement Review. 2023. Т. 7. № 3.

2. Федеральный закон от 1 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации».

3. Иванов А.Б. Проблемы применения смарт-контрактов в гражданском обороте // Экономика и право. 2024. № 5.

4. Росфинмониторинг. Интеграция смарт-контрактов в системы KYC // Финансовый мониторинг. 2024. № 3.

5. Петров С. В. Судебная практика по смарт-контрактам в России // Юридический вестник. 2025. Т. 10. № 2.

6. Сбербанк. Экономия от внедрения смарт-контрактов // Банковские технологии. 2025. № 1.

7. Министерство экономического развития Российской Федерации. Пилотные проекты смарт-контрактов в недвижимости // Экономика России. 2024. № 4.

8. Максимов В. А. Основания самозащиты гражданских прав собственниками// Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3.

Долженко Г. В.[1]*,*
заместитель командира
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Жилищные права являются одной из ключевых составляющих социальной защищенности граждан. В соответствии с Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция РФ), каждый гражданин имеет право на жилище [1], однако на практике реализация этого права сталкивается с множеством препятствий. Недостаток доступного жилья, сложности с его приватизацией и регистрацией прав собственности, а также высокие цены на аренду и покупку недвижимости – лишь часть из вызовов, с которыми сталкиваются граждане. Рынок недвижимости демонстрирует рост стоимости как на первичном, так и на вторичном рынках. Согласно данным Росстата, в I квартале 2025 г. индекс цен на первичном рынке составил 104,3 % к уровню IV квартала 2024 г., на вторичном – 100,4 %, что отражает продолжающийся рост стоимости жилья. Рынок аренды также показывает устойчивую динамику. По данным аналитических сервисов, в течение 2024–2025 г. ряд крупных городов фиксировал рост арендных ставок до 12–15 % в годовом выражении. Средняя стоимость аренды по России на конец 2025 г. держится на уровне около 35 тыс. руб. в месяц. При этом по регионам наблюдаются значительные различия: в городах-миллионниках рост аренды выражен сильнее, чем в среднем по стране [2]. Таким образом, правовое регулирование и совершенствование механизмов защиты жилищных прав становятся актуальными задачами.

Законодательные акты, регулирующие жилищные права граждан, включают Конституцию РФ, Жилищный кодекс РФ, а также ряд федеральных законов и подзаконных актов. Конституция РФ выступает фундаментальной правовой основой, устанавливающей принципиальные начала предоставления жилья, порядок его аренды и приватизации, а также определяющей принципы управления многоквартирными домами.

Идейные начала Конституции РФ находят свое отражение в специальных законах, в числе которых Жилищный кодекс РФ (далее – ЖК РФ) [3] по праву

[1] © Долженко Г. В., 2026.

занимает ключевое место. В нем определено, что жилищное законодательство основывается на необходимости обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления условий для осуществления гражданами права на жилище, его безопасности, на неприкосновенности и недопустимости произвольного лишения жилища, на необходимости беспрепятственного осуществления вытекающих из отношений, регулируемых жилищным законодательством, прав.

Несмотря на общую направленность норм ЖК РФ на защиту жилищных прав граждан, зачастую недостаточная конкретизация норм и пробелы в правовом регулировании затрудняют применение некоторых положений. В юридической доктрине устойчиво подчеркивается, что степень определенности и полноты нормативно-правовых предписаний напрямую влияет на качество правового регулирования и устойчивость правопорядка. По этому поводу С. С. Алексеев отмечал, что норма способна выполнять свою регулирующую функцию лишь при условии ее достаточной ясности, исключающей произвольное толкование, поскольку неопределенные предписания неизбежно размывают границы дозволенного и допустимого [7]. Сходную точку зрения высказывал В.В. Лазарев [9], подчеркивая, что недостаточная конкретизация норм провоцирует неоднородность правоприменения и затрудняет гражданам прогнозирование юридических последствий своих действий. По мнению Л. А. Морозовой [10], точность и детальность правовых предписаний выступают одним из важнейших элементов юридической защищенности личности, поскольку именно они обеспечивают стабильность и предсказуемость применения закона.

Проведенный анализ позиций ученых свидетельствуют о том, что детальная проработка норм и устранение пробелов в правовой регламентации являются ключевыми условиями формирования правовой определенности, единообразия практики и доверия граждан к государственным институтам, что имеет особую значимость в социально чувствительных сферах, включая жилищное законодательство.

Автором выявлены следующие актуальные проблемы развития жилищного законодательства.

Доступность жилья. В последние годы стоимость недвижимости значительно выросла, что особенно характерно для крупных городов. Такая тенденция создает препятствия для граждан с низким и средним уровнем дохода, ограничивая их возможность приобрести жилье или арендовать его на длительный срок [15].

Недостаток социального жилья. Многочисленные очереди на получение социального жилья, в том числе и представителям государственных органов (органов внутренних дел, федеральной службы безопасности и др.) [16] затрудняют реализацию жилищных прав граждан. Социальное жилье представляет собой жилые помещения, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и предоставляемые гражданам по договору социального найма на условиях, установленных жилищным законодательством. В российской правовой системе оно предназначено для лиц, которые признаны нуждающимися в жилье и не имеют возможности обеспечить себя жилым помещением само-

стоятельно. Предоставление социального жилья является одним из ключевых механизмов реализации конституционного права на жилище, закрепленного в ст. 40 Конституции РФ, а также важным инструментом государственной социальной поддержки.

Значимость социального жилья проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах. Прежде всего, оно обеспечивает минимальный уровень жилищной защищенности для социально уязвимых категорий граждан, снижая риск нарушения прав и способствуя укреплению социальной стабильности. Наличие государственного жилищного фонда позволяет государству выравнивать социально-экономическое положение населения, создавая условия для повышения социальной мобильности и улучшения качества жизни малоимущих семей, инвалидов, сирот и других групп, испытывающих трудности в доступе к рынку недвижимости. Социальное жилье также выполняет функцию регулирования жилищного сектора: оно снижает давление на коммерческий рынок аренды, позволяет целенаправленно расселять аварийные дома и способствует реализации долгосрочных программ развития городской инфраструктуры. Кроме того, развитие системы социального найма имеет экономическое значение, стимулируя строительную отрасль и сокращая государственные расходы на экстренные меры социальной защиты. В совокупности эти факторы делают социальное жилье важнейшим элементом социальной политики и одним из инструментов формирования справедливой и устойчивой жилищной системы.

Жилищные споры и нарушения прав собственников. Споры между собственниками жилья и управляющими компаниями, а также случаи незаконного выселения, становятся нередкими и требуют более тщательного регулирования как со стороны законодательства, так и органов власти.

Даже при корректно оформленной сделки приватизации или иной передаче жилья гражданам процедура государственной регистрации прав на недвижимость часто сталкивается с бюрократическими препятствиями, длительными сроками и значительными финансовыми затратами. Сложности возникают как из-за недостаточной определенности законодательства, так и из-за особенностей кадастровой системы и практики органов регистрации, которые не всегда могут однозначно квалифицировать объекты недвижимости, особенно в случаях перепланировок, перевода нежилых помещений в жилые или нестандартного распределения долей. Несмотря на внедрение электронных сервисов и возможностей подачи документов в цифровом формате, многие технические и организационные проблемы сохраняются, включая несовершенство электронного нотариального заверения, трудности с идентификацией сторон и фиксацией права собственности. Кроме того, оформление прав собственности сопровождается обязательными государственными пошлинами, затратами на получение кадастровых паспортов и возможными расходами на услуги посредников, что становится серьезной финансовой нагрузкой для граждан, особенно для семей со средним и низким доходом. В результате право собственности формально существует, но юридически остается незащищенным, что снижает возможности распоряжения жильем, его продажи, сдачи в аренду и наследования, создавая риски для собственников и подрывая доверие к институту частной собственно-

сти. Эти проблемы оказывают влияние не только на отдельные семьи, но и на стабильность жилищного рынка в целом, затрудняя развитие прозрачной и эффективной системы распределения и использования жилья [17].

Все эти проблемы требуют совершенствования правового регулирования, направленного на защиту жилищных прав граждан.

Для защиты жилищных прав граждан предусмотрен ряд механизмов, обеспечивающих юридическую защиту. Одним из ключевых инструментов является судебная защита. Граждане вправе обращаться в суд с целью признания своих прав на жилье, восстановления нарушенных прав или оспаривания незаконного выселения. Согласно исследованиям правоведов, судебная практика в России демонстрирует устойчивую тенденцию к рассмотрению исков о признании права собственности, выселении и восстановлении нарушенных жилищных прав. Так, по данным В. В. Лазарева, обращение в суд является наиболее эффективным способом защиты прав собственников и нанимателей, особенно в случаях спорных или «нестандартных» сделок с недвижимостью [10].

Вторым важным механизмом являются органы государственной власти и местного самоуправления, которые наделены обязанностью обеспечивать граждан жильем, предоставлять социальное жилье и защищать права собственников. Юридическая доктрина подчеркивает, что деятельность этих органов носит как обеспечительный, так и регулятивный характер, создавая условия для реализации конституционного права на жилище. Так, С. С. Алексеев указывал, что именно через систему государственных и муниципальных органов возможно реализовать права на социальное жилье, контролировать соблюдение правил пользования им и предотвращать произвольные действия со стороны третьих лиц [7].

В случае нарушения жилищных прав граждане могут обращаться в прокуратуру и другие надзорные органы. Наиболее ярко такие возможности проявляются в случаях незаконного выселения, нарушения правил пользования жильем или ущемления прав на социальное жилье. Научные исследования показывают, что взаимодействие с надзорными органами является эффективным механизмом оперативного реагирования на нарушения и обеспечивает соблюдение законности, особенно когда речь идет о правах социально уязвимых категорий населения [10].

Немаловажным инструментом является нотариальное и регистрационное обеспечение сделок с недвижимостью. Нотариусы и органы государственной регистрации играют ключевую роль в официальном оформлении сделок, фиксации прав собственности и обеспечении юридической защиты как собственников, так и арендаторов. Качественное нотариальное сопровождение и своевременная регистрация сделок существенно снижают риски утраты прав и позволяют предотвращать мошенничество на рынке недвижимости [11]. Таким образом, комплексное применение перечисленных механизмов – судебного, административного, надзорного и регистрационно-нотариального – обеспечивает гражданам многоуровневую защиту жилищных прав и способствует стабильности жилищного рынка. Также можно выделить тенденцию развития информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИКТ) и их влияние как на рынок жилья путем своевременной реакции цен на недвижимость,

так и на процесс поиска, оформления и оказания различных услуг гражданам с помощью ИКТ в области сделок с недвижимостью.

Одним из решений стала разработка системы регистрации сделок аренды недвижимости в режиме онлайн с помощью сети Интернет через портал Государственных услуг. Такой подход помог ускорить процесс регистрации сделок при условии создания надежного посредника со стороны государства, и снизить риски мошенничества, поскольку сделка защищена со стороны государства, а доступ к информации быстрый и прозрачный.

Защита жилищных прав граждан является важной задачей, требующей комплексного подхода и совершенствования законодательства. Современные вызовы, такие как рост цен на жилье, недостаток доступного жилья и проблемы с регистрацией собственности, требуют активного участия государства, общественных организаций, и гражданского общества. Совершенствование правовых механизмов защиты, развитие программ социального жилья и внедрение инновационных способов разрешения споров позволят укрепить систему защиты жилищных прав и создать более благоприятные условия для обеспечения прав граждан на достойное жилище.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Средние цены и индексы цен на рынке жилья // Росстат. URL: https://28.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/27_2_7.htm.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Росстат. Индексы цен на жилье в Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики.
7. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М. : Юридическая литература, 1981–1982.
8. Вопленко Н. Н. Пробелы в праве и пути их устранения. М. : Норма, 2003.
9. Лазарев В. В. Теория государства и права. М. : Юрист, 2010.
10. Морозова Л. А. Теория государства и права. М. : Норма, 2013.
11. Бачило И. Л. Пробелы в праве и способы их преодоления. М. : Инфра-М, 2000.
12. Бевзенко Р. С. Жилищное право России: учебное пособие. М. : Статут, 2021.
13. Толстой Ю. К., Левушкин А. Н. Жилищное право России : учебник. М. : Юрайт, 2020.
14. Гнедаш Е. В. Жилищные права граждан и их защита: монография. М. : Проспект, 2022.

15. Такого никогда не было: россиян предупредили о проблемах с жильем // PNZ.ru. 10.12.2025. URL: https://pnz.ru/life/takogo-nikogda-ne-bylo-rossiyan-predupredili-o-problemah-s-zhilem/.

16. Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил право сотрудников ОВД занимать служебное жилье: постановление № 33-П от 9 октября 2025 г. // НПП «Гарант-сервис», 2025. URL: https://www.garant.ru/news/188 5155/.

17. Обзор судебной практики Президиума Верховного Суда Российской Федерации по спорам, связанным с реконструкцией, переустройством и перепланировкой помещений в многоквартирном доме (утв. Президиумом ВС РФ 13.12.2023). URL: https:/www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_464516/.

Долинская В. В.[1]*,*
профессор кафедры гражданского права
Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина,
доктор юридических наук, профессор

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Понятие «Искусственный интеллект» (далее – ИИ) впервые в российских нормативно-правовых актах использовано в подп. а) п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Вообще количество определений ИИ, как утверждают специалисты, приближается к нескольким десяткам [1–6].

В условиях внедрения ИИ в различные сферы деятельности и отсутствия единообразного подхода к его характеристике уже появляются судебные споры, связанные с ним.

Условно разделим их на две группы:

– споры по поводу интеллектуальных прав на ИИ;

– споры о возмещении убытков, вреда, причинение которых связано с использованием ИИ.

Первая группа, с позиций права, стала уже почти классической.

Отдельные элементы системы ИИ могут охраняться:

– авторским правом как программа для ЭВМ (программное обеспечение);

– как объекты смежных прав (базы данных, используемые для обучения ИИ);

– патентным правом как изобретения или полезные модели (технические решения, реализованные в системе ИИ);

– в режиме коммерческой тайны / ноу-хау (алгоритмы и методы машинного обучения).

Вторая группа представляет больший, на взгляд автора, интерес, охватывает разнообразные отношения и, к сожалению, не имеет еще адекватной нормативно-правовой базы, что усложняет правоприменительную практику, в том числе работу судов.

Выделим при ее рассмотрении как минимум такие блоки, как:

– общие вопросы ответственности в условиях цифровизации [см., например: 7–8];

– квалификация ИИ [см., например: 9–10];

– отдельные судебные дела в этой сфере.

В России их еще мало.

Например, решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 4 февраля 2025 г. по делу № А56-102880/2024 о признании сделки (договора консультационных услуг) недействительной (в связи с тем,

---

[1] © Долинская В. В., 2026.

что оказанная услуга – изготовление стратегии развития – была подготовлена ответчиком с использованием нейросети, предназначенной для генерирования текстов и презентаций, и это якобы свидетельствует о некомпетентности ответчика, отсутствии у него профессионализма, введении истца в заблуждение) полностью построено на нормах гражданского законодательства о действительности / недействительности сделок и о договорах. Неправомерных действий ответчика суд не выявил, указал на подписание истцом акта приема-передачи результата услуг и их оплаты, в удовлетворении иска было отказано.

Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 19 августа 2024 г. (и Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 января 2025 г. №13АП-30307/2024) по делу №А56-52652/2024 о взыскании компенсации за незаконное использование (без согласия правообладателя) интернет-магазином результата интеллектуальной деятельности в виде фотографического произведения построены на нормах гражданского законодательства об охране интеллектуальных прав. На взгляд автора, интерес представляет не столько фабула дела (фотография создана фотографом, опубликована на платформе ИИ, интернет-магазин разместил фотографию на сайте по продаже товаров и в свою защиту утверждает, что использованное им изображение было сгенерировано нейросетью *Stable Diffusion* и отличается от оригинала), сколько:

–лицензионное соглашение, размещенное на сайте компании *Shutterstock* (а обычно гражданин ставит галочку в поле «принять» без реального ознакомления с лицензионным соглашением), - отправка материалов в *Shutterstock* означает предоставление неэксклюзивных прав и лицензии без ограничения по территории и с правом передачи по сублицензии для реализации любых бизнес-целей, и признание относимым и допустимым доказательством фиксации нарушения автоматизированной системой «Вебджастис» – программным комплексом по фиксации информации в сети Интернет, зарегистрированным Роспатентом в реестре программ для ЭВМ.

Таким образом, судебная практика свидетельствует о том, что важен не сам факт использования ИИ, а соотнесение таких действий с регулирующими соответствующие отношения нормами, их правомерность.

Еще интереснее представляются судебные споры за рубежом. К тому же там задействованы значительные денежные средства.

Писатель Джордж Р. Р. Мартин и группа других авторов одержали победу в судебном разбирательстве против компании *OpenAI* по поводу нарушения авторских прав.

Суд признал, что нейросеть *ChatGPT* создает произведения, по сути похожие на оригинальные книги этих авторов, в частности, ИИ передает общую атмосферу, повторяет сюжетные линии и характеры персонажей из книг цикла «Песнь льда и пламени».

Осенью 2025 г. в сетевом журнале *The Verge* было сообщено о том, что «Британская энциклопедия» (*Encyclopedia Britannica*) и ее дочерняя компания словарь *Merriam-Webster* подали иск в федеральный суд Нью-Йорка против компании *Perplexity AI* (среди инвесторов которой числится Джефф Безос), раз-

вивающей поисковый сервис на базе ИИ и позиционирующей себя как альтернативу *Google Search*, обвинив ее в нарушении авторских прав и прав на товарные знаки, а также в причинении ущерба их брендам.

В иске обе компании утверждают, что алгоритмы *Perplexity* систематически сканируют веб-сайты энциклопедии и словаря, копируют защищенные авторским правом материалы и тем самым лишают издателей части трафика, воспроизводят чужие материалы без ссылок на первоисточники. Кроме того, система ответов *Perplexity* применяет названия имеющих многовековую историю деятельности компаний для выдачи искаженного или неполного контента, что может вводить пользователей в заблуждение относительно источника информации и негативно сказывается на деловой репутации истцов.

Примечательно, что крупные средства массовой информации заняли разные позиции в отношении этого сервиса.

В 2024 г. иск к нему подал *News Corp* – медиахолдинг, владеющий *The Wall Street Journal* и *New York Post*. Конфликты возникали также с *Forbes*, *The New York Times* и *BBC*.

А журналы *Time*, *Los Angeles Times* и *World History Encyclopedia* решили сотрудничать с сервисом и подключились к программе стартапа по распределению доходов от рекламы.

Безусловно, следует развивать правовую основу новых отношений, адекватную достижениям науки и техники. Для этого можно использовать зарубежный и международный опыт, в том числе интеграционных объединений, например, Закон Европейского союза об искусственном интеллекте (*Artificial Intelligence Act*), принятый Европейским парламентом 13 марта 2024 г. и одобренный Советом Европейского союза 21 мая 2024 г., Белую книгу об искусственном интеллекте – европейский подход к совершенству и доверию 2020 г. (под схожим названием уже выпущены несколько книг российских авторских коллективов), Резолюцию Европарламента от 16 февраля 2017 «Нормы гражданского права о робототехнике», Резолюцию Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций от 16 декабря 1996 г. №A/51/628 «Типовой закон об электронной торговле, принятый Комиссией Организации Объединенных наций по праву международной торговли» (ЮНСИТРАЛ).

Но пока, как демонстрирует даже этот краткий обзор судебной практики, можно находить правовые средства и в действующем законодательстве при условии четкой правовой квалификации отношении.

Список литературы

1. Данилина Я., Рыбачук М. Системные эффекты и риски цифровой экономики: анализ с позиций системной экономической теории // Экономическая наука современной России. 2019. Т. 86. № 3.

2. Дженина И., Нафикова Т. Интернет вещей: концепции и государственная политика // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 7.

3. Пороховский А. А. Цифровизация и производительность труда // США & Канада: экономика, политика, культура. 2019. Т. 49. № 8.

4. Фуколова Ю. Игры искусственного разума // Harvard Business Review . Россия. Июнь – июль, 2019.

5. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции. М. : Эксмо, 2019.

6. Шумская Е. И. Экономический потенциал четвертой промышленной революции: монография / под ред. А.А.Пороховского. М. : ИД Научная библиотека, 2019 (Серия: Экономика, финансы).

7. Долинская В. В. Проблемы ответственности в условиях цифровизации // Юридическая ответственность и цифровизация: проблемы права и процесса: монография / под ред. Т. В. Летута. Оренбург : Оренбургский гос. ун-т, 2023.

8. Долинская В. В. Развитие транспортной среды и проблемы правового регулирования обеспечения безопасности при использовании транспортных средств // Транспортное право в условиях цифровой трансформации: беспилотные транспортные средства, цифровизация оборота, электронный коносамент, интеллектуальные транспортные системы: монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина. М. : Проспект, 2025.

9. Антонов А. А. Искусственный интеллект: вопросы правосубъектности // Юрист. 2023. № 9.

10. Болотаева О. С. Правосубъектность искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208).

Егорова К. Н.[1]*,*
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Гук В. А.,
заместитель начальника кафедры
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ ПО ПОДБОРУ СУРРОГАТНЫХ МАТЕРЕЙ: ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Способность к деторождению признается одним из ключевых прав человека, однако с каждым годом в мире становится все больше пар и отдельных людей с диагностированным бесплодием. Проблема бесплодия в нашей стране касается каждой четвертой пары, что составляет 25 % от общего числа.

В настоящее время женщины из-за снижения репродуктивного здоровья пользуются услугами суррогатного материнства, ведь этот вариант носит минимальные риски потери ребенка по сравнению с эктракорпоральным оплодотворением (далее – ЭКО). Суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору о суррогатном материнстве, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, половые клетки которых использовались для оплодотворения, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям (далее – потенциальные родители (генетическая мать и генетический отец) и которые состоят в браке между собой, либо одинокой женщиной, половые клетки которой использовались для оплодотворения и для которой вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям (далее – одинокая женщина (генетическая мать) [1].

Таким образом, суррогатное материнство имеет два основных измерения. В медицинском аспекте оно является ответом на репродуктивную дисфункцию, выраженную в неспособности к вынашиванию беременности по причине отсутствия матки, патологии эндометрия или повторных неудач ЭКО. В юридическом аспекте оно представляет собой формализованные законодательством договорные отношения, устанавливающие взаимные права, обязанности и требования к генетическим родителям и суррогатной матери.

Несмотря на то, что в зарубежных странах суррогатное материнство с использованием искусственного оплодотворения осуществляется с 1980 г., в Рос-

[1] © Егорова К. Н., 2026.

сии данный способ законодательно закрепился в 2011 г., когда был принят Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а 19 декабря 2022 г. были внесены изменения, которые ужесточили требования, как к суррогатной матери, так и будущим родителям.

В первую очередь, данные изменения касаются обновленной редакции ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Круг лиц, имеющих право на суррогатное материнство в РФ, включает: Мужчину и женщину, состоящих в браке и одиноких женщин (при наличии медицинских показаний) (ч. 3 ст. 55).

Закон разрешает использование донорских яйцеклеток или спермы в программе суррогатного материнства только потенциальных родителей, состоящих в браке (ч. 9 ст. 55).

Для участия в программе суррогатной матерью необходимо иметь гражданство РФ, а также соответствовать возрастным и медицинским критериям, установленным законодательством (ч. 10 ст. 55).

В качестве потенциальных родителей (интенд-родителей) для регистрации ребенка, рожденного суррогатной матерью, могут выступать: супружеская пара, в которой хотя бы один из супругов является гражданином Российской Федерации или одинокая женщина, являющаяся гражданкой Российской Федерации (ч. 11 ст. 55).

Стоит обратить внимание на п. 3, где необходимым условием является наличие гражданства Российской Федерации у суррогатной матери, что сокращает круг лиц, которые могут быть суррогатной матерью, а это в свою очередь создает проблему поиска для супружеских пар.

Основным каналом для поиска суррогатной матери является самостоятельный поиск или поиск через частных посредников.

Репродуктивные клиники располагают собственными базами данных, содержащими информацию о женщинах, прошедших первичное медицинское обследование и выразивших готовность участвовать в программах суррогатного материнства.

Специализированные агентства, работающие преимущественно в онлайн-формате, предлагают комплексное сопровождение программы, включая поиск кандидатур, правовую поддержку и координацию процесса.

Использование онлайн-платформ специализированных агентств позволяет потенциальным родителям оперативно и надежно подобрать кандидатуру, соответствующую всем критериям. Профессиональный подход через цифровые сервисы обеспечивает комплексное решение и преимущества.

Функционал платформ включает электронные медкарты для защищенного обмена данными между всеми участниками процесса, а также умные алгоритмы подбора кандидатов на основе локации, медицинской истории и личных критериев.

Профессиональные агентства осуществляют полное юридическое сопровождение процесса: разработку договорной документации, оформление необходимых отказов и правовое обеспечение регистрации новорожденного с указа-

нием биологических родителей. Применение технологий электронного подписания документов существенно оптимизирует правовые процедуры. Например, использование систем электронного подписания договоров (например, DocuSign) значительно ускоряет юридический процесс.

Использование телемедицинских технологий обеспечивает возможность проведения предварительных консультаций со специалистами-репродуктологами и психологами без географической привязки участников процесса. Комплекс психологического сопровождения и профессиональной медиации способствует созданию гармоничной атмосферы. Практическое воплощение находят в работе закрытых групп поддержки и системе постоянного онлайн-взаимодействия, позволяющей интенд-родителям быть частью процесса независимо от расстояния.

Процесс сопровождения включает помощь в установлении доверительных отношений между всеми участниками программы. Для безопасного знакомства используются проверенные платформы и закрытые сообщества, ставшие основным ресурсом для первичного взаимодействия. В данный список входят платформы вроде Simple Surrogacy, Surrogate.com и различные социальные сети (Facebook (социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории России), специализированные форумы), которые стали основным местом для первичного контакта.

Несмотря на удобства и преимущества использования онлайн-платформ по сравнению с иными способами поиска кандидаток, существуют некоторые проблемы.

Использование интернет-анонимности злоумышленниками приводит к увеличению случаев финансового обмана и регистрации недобросовестных профилей.

Информационное пространство характеризуется избыточностью и противоречивостью данных, что затрудняет для неподготовленных пользователей дифференциацию достоверных сведений и мифологизированных представлений.

Публикация конфиденциальной информации персонального, медицинского и финансового характера в цифровой среде неизбежно создает риски компрометации данных.

Кроме того, распространено недооценка сложности юридических вопросов, а попытки экономии на квалифицированной правовой помощи способны привести к серьезным негативным последствиям.

Существующие проблемы во многом связаны с тем, что правовой статус онлайн-платформ и агентств суррогатного материнства определяется преимущественно общими положениями Гражданского кодекса РФ, в отсутствие прямого отраслевого регулирования. Отдельный закон, который бы устанавливал специальные правила именно для цифровых площадок в этой сфере, на сегодня не принят.

Онлайн-платформы регулируются на основе целого комплекса законов и правил, которые касаются разных аспектов их деятельности.

Таким образом, онлайн-платформа попадает под регулирование в нескольких ключевых плоскостях:

– в качестве поставщика информационно-посреднических услуг [2];

– роли участника процессов применения репродуктивных технологий [3];

–в статусе оператора, осуществляющего обработку персональных данных [4].

Обратимся к регулированию онлайн-платформы, как оператора, работающего с персональными данными, ведь платформа работает с высокочувствительными персональными данными (состояние здоровья, биометрические данные, финансовые условия), что создают угрозу конфиденциальности персональных данных. Правовой основой защиты персональных данных в России служит Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», который был принят 27 июля 2006 г.

Существует множество угроз безопасности в цифровой среде, но со стороны самой онлайн-платформы по предоставлению услуг использования вспомогательных репродуктивных технологий распространенной является утечка персональных данных – несанкционированное раскрытие персональных данных в результате случайных, непреднамеренных действий субъектов/операторов персональных данных или целенаправленных действий злоумышленников [5].

Имеется статистика общей утечки персональных данных в медицине, ведь сфера суррогатного материнства специфичная, что и обуславливает отсутствие статистики. В январе–июне 2025 г. Россия вышла на второе место в мире по масштабам утечек медицинских данных. Темпы их роста в системе здравоохранения ускорились на 16,7 % относительно предыдущего полугодия. Все зафиксированные утечки содержали персональные данные пациентов и врачебную тайну. Хотя основным источником компрометации данных стали внешние кибер атаки, существенный вклад продолжают вносить и внутренние нарушения.

Деятельность онлайн-платформ, осуществляющих обработку данных в области суррогатного материнства, сопряжена с повышенными требованиями к защите информации. Это обусловлено специальным характером обрабатываемых сведений, которые относятся к особо защищаемым категориям персональных данных и затрагивают вопросы частной жизни и семейной тайны. Несоблюдение установленных требований влечет за собой применение строгих мер юридической ответственности.

С 30 мая 2025 г. за утечку специальных категорий персональных данных установлены существенно повышенные штрафы: для граждан – от 300 000 до 400 000 руб., для должностных лиц – от 1 млн. до 1,3 млн. руб., для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – от 10 млн. до 15 млн. руб. При повторных нарушениях размер штрафных санкций может достигать 500 млн. руб.

В случае утечки данных возможно привлечение к уголовной ответственности по нескольким статьям УК РФ:

–ст. 137 (нарушение неприкосновенности частной жизни) – штраф до 200 000 руб. или лишение свободы до двух лет;

–ст. 183 (незаконные получение и разглашение коммерческой тайны) – штраф до 1 000 000 руб. или лишение свободы до пяти лет;

–ст. 272.1 (незаконные использование и трансграничная передача информации) – штраф до 700 000 руб. или лишение свободы до пяти лет.

В соответствии с Федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных» онлайн-платформы обязаны получать согласие субъектов на обработку данных, обеспечивать адекватную защиту информации, уведомлять Роском-

надзор о начале обработки данных и незамедлительно сообщать о всех инцидентах, приведших к утечке.

Таким образом, онлайн-платформы, работающие в сфере суррогатного материнства, подвергаются значительным правовым рискам, включая многомиллионные штрафы и уголовное преследование, что требует реализации максимальных мер защиты конфиденциальной информации.

Основной проблемой в правовой сфере суррогатного материнства, а конкретно регулировании онлайн-платформ, предоставляющих данные услуги, является необходимость создания специальных нормативно правовых актов, которые бы учитывали специфику процесса.

Федеральные законы не учитывают все риски конкретной области, а ответственность может нести несоразмерный характер по сравнению с содеянным, ведь сложно квалифицировать данные, например при их утечки, так как данные о суррогатном материнстве относятся к нескольким категориям одновременно – медицинская тайна, семейная тайна, информация о частной жизни, биометрические данные, к тому же прослеживается сложность реализации защиты электронных данных. Нельзя игнорировать конфликты правовых интересов в виде коллизий между семейным законодательством, законодательством о персональных данных и медицинским правом.

Список литературы

1. Часть 9 статьи 55Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 23.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025), // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

5. General Data Protection Regulation (GDPR) – Legal TextGeneral Data Protection Regulation (GDPR) https://gdpr-info.eu.

6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

7. Приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (зарег. в Минюсте России 19.10.2020 № 60457). Приложение № 1. Порядок использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказания и ограничения к их применению. V. Суррогатное материнство // СПС «КонсультантПлюс».

8. Митряков Е. С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2006.

Золотарева Р. В.[1]*,*
курсант
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
Мельник С. В.,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

«СЕРАЯ ЗОНА» ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРАВОВЫЕ РИСКИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И ПРОДАВЦОВ НА АГРЕГАТОРАХ

В настоящее время, в эпоху цифровизации общества повсеместно распространяются онлайн-агрегаторы – экосистемы с развитой дистрибуцией, позволяющие обеспечивать взаимодействие продавца и покупателя и способные предоставить потребителю данные о приобретаемых товарах и услугах, установленных ценах и зарегистрированных продавцах в удобном формате. Такие платформы, как Wildberries, Ozon, Avito, Яндекс.Еда, Delivery Club и им подобные, стали неотъемлемой частью повседневной жизни современного человека. Исходя из статистических данных, на текущий 2025 г. в России 84 % пользователей делают покупки на маркетплейсах [1]. Несмотря на значительно высокое количество участников, пользующихся информационной экосистемой, и развитость цифровых платформ существует ряд пробелов законодательного регулирования, проявляющийся в том, что правовой статус и, как следствие, объем ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств продавцом часто остаются неопределенными, формируя «серую зону» ответственности. В указанных условиях выявить так называемую «серую зону» ответственности является целью и задачей для развития законодательства и правоприменительной практики.

«Серая зона» ответственности – это правовая неопределенность в вопросе о том, кто и в какой мере несет ответственность при возникновении проблем между участниками купли-продажи на онлайн-агрегаторе. Эта «зона» создает значительные правовые риски как для потребителей, так и для продавцов. Для первых риски связаны с невозможностью эффективно защитить свои права в случае получения некачественной услуги или товара. Для вторых – с непрозрачностью взаимоотношений с платформой, произвольным применением ее внутренних правил и финансовыми потерями.

Актуальность исследования детерминирована формированием нового объекта гражданско-правового регулирования – информационного агрегатора, правовой статус которого в настоящее время не получил комплексного закрепления [2, с. 13]. Данный правовой вакуум порождает риски и коллизии в сфере

[1] © Золотарева Р. В., 2026.

защиты прав как потребителей, так и хозяйствующих субъектов, взаимодействующих посредством данных платформ. Целью настоящего исследования является систематизация этих рисков и анализ правовых механизмов их минимизации.

Для решения проблемных вопросов необходимо определить, агрегатор является комиссионером или агентом и выявить, какие правоотношения возникают между участниками триады «потребитель – агрегатор – продавец».

Договор является первостепенной правовой формой, которая консолидирует отношения с участием товарного агрегатора, связано это с тем, что именно он является юридическим фундаментом формирования взаимных прав и обязанностей у субъектов гражданского оборота. Основными функциями договора являются фиксация существенных условий соглашения сторон, установление стимулирующий мер к его исполнению, выраженных в ответственности за нарушение договорных обязательств.

В российской юридической доктрине доминирует позиция о том, что возникновение и установление отношений между продавцом и товарным агрегатором осуществляется с привлечением посреднических договоров, а именно договора комиссии и агентского договора [3, с. 232].

В первом случае в качестве посредника – комиссионера выступает маркетплейс, а продавец – комитент предлагает свои товары и услуги с целью реализации своей продукции. При этом, исходя из ст. 990 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), агрегатор приобретает права и обязанности по сделкам даже в случаях, когда магазин напрямую указан в договоре и вступает с покупателем в отношения по его исполнению [4]. Комиссионер несет полную ответственность за потерянное и поврежденное имущество комитента, что значительно его обременяет, поэтому заключение такого договора для маркетплейса является крайне невыгодным.

Во втором случае агрегатор выступает в качестве посредника – агента, а продавец в качестве принципала, предметом агентского договора являются обязательства агента по совершению юридических и иных действий, несмотря на то, что маркетплейс также указан в договоре с покупателями (третьими лицами). Ограничения для принципала предусмотрены ст. 1007 ГК РФ и заключаются в том, что агрегатор скован в совершении схожих аналогичных сделок, что частично противоречит работе информационной экосистемы. Несмотря на это агентский договор предусматривает более широкий спектр возможностей для маркетплейса, почему и является более разумным для заключения.

Так, лидер среди агрегаторов на текущий период, Wildberries, реализует свою деятельность через агентский договор от имени и за счет продавца, что предусмотрено п. 2.1. общих условий реализации товаров юридическим лицам на сайте [5]. Важно отметить, что данный документ предусматривает возможность маркетплейса обеспечить дополнительные услуги, выраженные в организации доставки и выдачи, складском хранении и приемке возвратов, а также в его праве рекомендовать минимальную цену товара. Перечисленные действия также отражают черты альтернативной законодательной конструкции для регулирования правовых отношений между маркетплейсом и продавцом – договора возмездного оказания услуг. Данный смешанный вид договора нашел свое

применение в современных реалиях в связи с чем является ведущим среди российских агрегаторов.

В момент совершения заказа на агрегаторе одновременно возникают и взаимодействуют три группы правоотношений. Потребитель, акцептуя оферту продавца, заключает с ним основной договор, одновременно он действует в рамках правоотношений с агрегатором, определяемых пользовательским соглашением. Центральная проблема заключается в том, что для потребителя в большинстве случаев эта сложная конструкция непонятна. Экономическая экосистема создает «эффект единого лица» с помощью фирменного стиля и коммуникации. Потребитель полагает, что заключает договор купли-продажи исключительно с маркетплейсом, поэтому не имеет необоснованных ожиданий в отношении его ответственности. Суды, руководствуясь принципом защиты слабой стороны (потребителя) и оценивая фактическое поведение агрегатора, все чаще признают его обязанности выходящими за рамки простого информирования, что позволяет возложить на него ответственность за действия конечного продавца.

В последнее время участились случаи жалоб покупателей в отношении продавцов на платформах агрегаторов, причиной служит несоответствие товара заявленной картинке и описанию. Сложность ситуации обстоит в том, что на рынки платформ зашли так называемые «китайские магазины-призраки», которые копируют фото и описание у продавцов, уже разместивших на тот момент объявление товара, снижают цены будто бы на такой же товар, но на самом деле в оборот запускают его контрафактный аналог. В данных ситуациях страдают и покупатели, получившие некачественное изделие, и продавцы, чей рейтинг и оборотоспособность падают. В связи с этим необходимо определить с какими рисками могут столкнуться субъекты отношений купли-продажи и каким способом их предотвратить.

Потребитель, использующий агрегатор, сталкивается со следующими основными правовыми рисками:

Риск ненадлежащего исполнения договора из-за невозможности идентификации контрагента. Получив некачественную услугу или товар, потребитель не может предъявить претензию напрямую маркетплейсу, который отправляет его к продавцу. Последний же может быть труднодоступен или юридически не оформлен, поэтому вопрос об ответственности за некачественный или контрафактный товар в большинстве случаев остается в подвешенном нерешенном состоянии.

Риск недостоверной информации о товаре или услуге, чаще всего связанный с недобросовестной рекламой и сомнительными отзывами. Маркетплейс, как лицо, разместившее данную информацию, несет ответственность за нее в соответствии со ст. 12 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» (далее ЗОЗПП), но на практике перекладывает ее на продавца [6]. Агрегаторы в свою очередь могут манипулировать рейтингами продавцов или не осуществлять достаточную модерацию отзывов, вводя потребителя в заблуждение относительно качества услуги.

Риски, связанные с обработкой персональных данных. Передавая свои данные агрегатору, потребитель часто не имеет гарантий их защиты и правомерно-

го использования, в силу того, что владельцы маркетплейсов имеют право использовать данные пользователей для эффективной работы своих услуг, а именно технологии «cookies».

«Серая зона» ответственности для продавцов связана со следующими правовыми рисками:

1. Риск одностороннего изменения условий договора. Пользовательские соглашения агрегаторов, как правило, являются договорами присоединения (ст. 428 ГК РФ). Большинство агрегаторов предусмотрели в «правилах пользования торговой площадкой» право в одностороннем порядке изменять условия пользования платформой, требовать от покупателей предоплаты товара, совершать записи телефонных переговоров с покупателем и т. п. [7, с. 118]. Также экономическая экосистема оставляет за собой право в любой момент изменить тарифы, правила размещения информации и иные условия, что создает неустойчивость бизнес-среды для продавца.

2. Риск блокировки аккаунта и наложение на него штрафов без объяснения причин. Техническая или модерационная блокировка профиля продавца может привести к полной приостановке деятельности и значительным финансовым потерям, включая штрафные санкции. Процедура обжалования таких решений часто непрозрачна и затянута.

3. Риск зависимости и монополизации. Продавец, вложивший значительные ресурсы в продвижение на конкретной платформе, оказывается в сильной зависимости от нее. Агрегатор, занимающий доминирующее положение, может диктовать невыгодные условия.

По агентскому договору риск ответственности за действия агрегатора несет продавец, поэтому при ошибках маркетплейса, например, таких как неправильная передача заказа, неверно указанная цена или иное нарушение обязательства перед потребителем, ущерб и финансовые претензии понесет продавец.

«Серая зона ответственности» на агрегаторах является последствием правовых коллизий в сфере цифровизации и связана с тем, что законодатель не успевает за нововведениями в развитии экономических экосистем. Для минимизации существующих рисков необходимы комплексные меры:

1. Со стороны законодателя необходимо точно закрепить правовой статус и объем ответственности агрегатора в зависимости от степени его вовлеченности в процесс заключения и исполнения договора. Целесообразно ввести понятие «организатора сделки» с установлением солидарной ответственности за действия продавцов.

2. Со стороны агрегаторов необходимо пересмотреть пользовательские соглашения, создать эффективные внутренние досудебные механизмы урегулирования споров, такие как независимый арбитраж, сделать четкую идентификацию продавца для потребителя на всех этапах сделки.

3. Со стороны потребителей важное значение приобретает правовая грамотность, уровень которой необходимо повысить у населения, уверить в потребности внимательного изучения пользовательских соглашений и сохранение скриншотов заказов и переписок.

4. Со стороны продавцов стоит отказать от полной зависимости от одной платформы и сосредоточиться на тщательном анализе договоров с агрегаторами.

Таким образом, только совместными усилиями всех участников цифровой экосистемы можно трансформировать «серую зону» в прозрачное правовое поле, обеспечивающее баланс интересов и эффективную защиту прав как потребителей, так и добросовестных продавцов.

Список литературы

1. Статистика маркетплейсов в России. URL: https: //inclient.ru/ marketplaces-stats/.

2. Чеговадзе Л. А. Агрегаторы как объекты гражданских прав и ответственность их владельцев по обязательствам // Цивилист. 2022. № 1 (37).

3. Абросимова Е. А. К вопросу о договорной ответственности маркетплейсов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2 (30).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. II) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

5. Wildberries // Официальный сайт. URL: https://www.wildberries.ru/.

6. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 07.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_305/.

7. Наука, образование, технологии в эпоху трансформаций : сборник статей Международной научно-практической конференции (Петрозаводск, 22 мая 2025 г.) / отв. ред. И. И. Ивановская, Л. А. Кузьмина. Петрозаводск : Новая наука, 2025. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82349789_47684152.pdf.

Игнатенкова А. Ю.[1]*,*
командир отделения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Шаронов С. А.,
профессор кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПРИЗВАННЫХ ПО МОБИЛИЗАЦИИ, В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Актуальность. Сфера трудового права регулирует права и обязанности различных категорий работников. Военнослужащие, учитывая современную актуальность частичной мобилизации, являются представителями одной из категорий, по отношению к которой обращено особое внимание и существует отдельный механизм регулирования и разрешения вопросов их трудовой деятельности. Актуальность данного исследования обусловлена стечением уникальных социально-правовых и ситуативных факторов, возникших в условиях частичной мобилизации, сформировавших новую, значимую категорию участников трудовых отношений, защищающих в определенный период свою страну – граждан, призванных на военную службу по мобилизации. Введение специального правового режима, закрепленного в ст. 351.7 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) [1], потребовало экстренной адаптации классических институтов трудового права к условиям, совмещающим военную службу с сохранением трудовых прав. Цифровые технологии на современном этапе развития общества позволяют рассмотреть данный вопрос с различных ракурсов. Статистические данные подтверждают актуальность темы исследования: начиная с первого квартала 2025 г. Вооруженные Силы Российской Федерации пополнились значительным числом военнослужащих, избравших службу по контракту в качестве формы реализации своего гражданского долга. Согласно официальным данным, количественный прирост данной категории личного состава превысил отметку в 400 тысяч человек. Параллельно с этим получила развитие и добровольческая инициатива, в результате которой было интегрировано свыше 34 тысяч граждан, что свидетельствует о комплексном характере проводимой работы [2].

В настоящее время процесс сохранения и защиты трудовых прав военнослужащих, призванных по мобилизации, содержит проблемы, связанные с не-

[1] © Игнатенкова А. Ю., 2026.

добросовестным поведением работодателя и с неправильной трактовкой законодательных норм. Авторы научных трудов отмечают важную особенность по рассматриваемому вопросу: в структуре правового статуса военнослужащих сохранение их трудовых прав имеет немаловажное значение, однако разрешению и регулированию подобных вопросов уделено недостаточно внимания [3, с. 82].

Цель настоящей работы представляет собой раскрытие особенностей обеспечения прав военнослужащих в контексте рассматриваемой темы, комплексный анализ теоретических основ, правовых механизмов и практических проблем защиты трудовых прав военнослужащих, призванных по мобилизации, выявление особенностей возникновения и сохранения таких прав в условиях трансформации трудовых отношений под влиянием цифровизации, а также разработка предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики по данной теме.

Для достижения этой цели требуется решить следующие *задачи:*

1) исследовать специфику правового статуса военнослужащих, призванных по мобилизации, как особых субъектов трудового права;

2) проанализировать гарантии, предоставляемые военнослужащему, призванному по мобилизации, а также членам семей мобилизованных;

3) выявить и систематизировать ключевые проблемы и правовые коллизии, возникающие в практике применения норм о защите трудовых прав мобилизованных в условиях цифровизации.

В основу *методологии* настоящей публикации будет положен теоретический и системный метод, сравнительно-правовой анализ трудовых прав различных категорий граждан.

При рассмотрении *первой задачи* необходимо определить правовой статус военнослужащего и особенности законодательного регулирования данной категории граждан. Согласно п. 3 ст. 2 Федерального закона о воинской обязанности и военной службе граждане, проходящие военную службу, являются военнослужащими [4]. Содержанием правового статуса военнослужащего в соответствии с Российским Законодательством является несение специфических публичных обязанностей, ключевыми из которых выступают обеспечение обороноспособности государства и его непосредственная вооруженная защита. Реализация этих обязанностей сопряжена с безусловным исполнением служебно-боевых задач вне зависимости от степени их опасности и сложности. Такой правовой режим имманентно предполагает возможность выполнения профессионального долга в обстановке, создающей прямой риск для жизни и здоровья.

Граждане, проходящие военную службу в рамках мобилизационного призыва, наделяются правовым статусом, приравненным к статусу военнослужащих, осуществляющих службу по контракту. Данное правовое положение гарантирует им право на получение денежного довольствия, размер и структура которого устанавливаются наравне с выплатами для контрактного состава, что закреплено в нормах Указа Президента Российской Федерации № 647 (пп. 2 и 3) [5].

С другой стороны, законодатель четко определяет круг лиц, на которых распространяется обязанность по призыву в условиях мобилизации. В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона № 31-ФЗ, к такой обязанности привле-

каются граждане, состоящие в запасе Вооруженных Сил, при условии отсутствия у них установленных законом оснований для предоставления отсрочки от прохождения службы в данный период [6].

В рамках трудовых отношений работник, который был призван на военную службу по мобилизации, не теряет свой статус, приобретенный при заключении трудового договора (далее – ТД). Он также обладает всеми правами, предусмотренными ст. 21 ТК РФ [7, с. 78]. Важно, ТД с данной категорией лиц без исключений мог быть оформлен как в письменной, так и в электронной форме (ст. 312.2 ТК РФ).

Таким образом, отметим имеющиеся особенности статуса мобилизованного работника. Российский законодатель, с одной стороны, вводит особый правовой режим призыва для определенной категории граждан, а с другой – обеспечивает им комплекс материальных гарантий, уравнивающих их положение с военнослужащими по контракту. Исходя из правового статуса таких лиц сохранение их гарантий по положениям ТК РФ неоспоримо.

Для решения *второй задачи* исследования обратимся к такой особенности защиты трудовых прав, рассматриваемой категории лиц- обеспечение соответствующими гарантиями. Современное трудовое законодательство Российской Федерации реагирует на новые социальные реалии, формируя специальные правовые механизмы для защиты трудовых прав граждан, привлекаемых к выполнению задач в зоне проведения специальной военной операции (далее – СВО). Центральным элементом данной системы выступает ст. 351.7 ТК РФ, закрепляющая особый порядок регулирования трудовых отношений с данной категорией лиц. С 1 марта 2025 г. вступили в силу поправки, касающиеся рассматриваемой темы, внесенные в ТК РФ. Поправки уточняют порядок и сроки приостановки трудовых договоров и условия увольнения контрактников.

В отличие от основного порядка (расторжение ТД по основаниям, предусмотренным актами трудового законодательства, такими как ТК РФ и иными законам), в отношении участников СВО применяется иной правовой режим – приостановление действия ТД. Такую особенность, введенную в ТК РФ, рассматривает в своих трудах С.А. Шаронов [8, с. 155]. Данная мера вступает в силу с момента получения работником повестки или мобилизационного предписания, уведомления о заключении контракта и действует на весь период несения службы. Важно подчеркнуть, что в период приостановления ТД выплата заработной платы не производится, однако за военнослужащим безусловно сохраняется его рабочее место и весь комплекс приобретенных до момента призыва социально-трудовых прав, включая права в сфере дополнительного страхования, негосударственного пенсионного обеспечения и социально-бытовых льгот для него и его семьи.

Кроме того, одной из значимых компенсаторных мер является особый порядок исчисления страхового стажа. Период участия в СВО засчитывается в стаж в двойном размере. Данное правило имеет критическое значение для лиц, имеющих право на досрочное назначение пенсии, например, для работников Крайнего Севера, для которых один день службы приравнивается к двум дням работы в особых климатических условиях. После завершения службы работнику

гарантировано право на восстановление в прежней должности. Для реализации этого права установлен трехмесячный срок, исчисляемый с даты окончания военной службы. Неявка на работу по истечении данного срока предоставляет работодателю основание для расторжения ТД по п. 13.1 ч. 1 ст 81 ТК РФ. Возобновление договора происходит в день фактического выхода на работу при условии предварительного (за три рабочих дня) уведомления работодателя. Восстановленному работнику в течение последующих шести месяцев предоставляется исключительное право использовать ежегодный оплачиваемый отпуск в удобное для себя время.

Правовой статус ветеранов боевых действий, приобретаемый участниками СВО, закрепляет за ними пожизненное право на выбор времени для ежегодного отпуска. С 14 июля 2023 г. в законодательство внесен ряд существенных дополнений, усиливающих поддержку военнослужащих, имеющих семейные обязанности. В частности: установлено право на единовременный отпуск по уходу за ребенком-инвалидом продолжительностью до 24 дней; отменены возрастные ограничения (ранее – до 16 лет) для права военнослужащего на получение ежегодного отпуска в удобное время при наличии ребенка-инвалида; введена возможность для военнослужащего-мужчины, потерявшего супругу, взять дополнительный отпуск до 3 месяцев для воспитания детей; расширен перечень оснований, запрещающих увольнение с военной службы для женщин-военнослужащих, имеющих детей [9, с. 180].

Законодатель распространяет действие защитных механизмов и на членов семей военнослужащих. Супругам участников СВО предоставлены, в частности, следующие гарантии: преимущественное право на оставление на работе при сокращении численности штата; запрет на привлечение к работе в ночное время, выходные дни и командировки без их явно выраженного согласия, если они воспитывают ребенка до 14 лет; право на синхронизацию периода своего ежегодного отпуска с отпуском супруга-военнослужащего, при этом дни, превышающие продолжительность собственного отпуска, предоставляются без сохранения заработной платы; право на кратковременный (до 14 дней) отпуск без сохранения заработной платы для супругов и родителей погибших военнослужащих [10].

В соответствии с вышеизложенным отметим, в случае приостановления действия ТД при мобилизации работника на военную службу, за ним сохраняется его должность и рабочее место. На это время работодатель вправе принять другого сотрудника по срочному договору исключительно для выполнения обязанностей отсутствующего работника. До начала периода приостановления работодатель обязан полностью выплатить сотруднику заработную плату и все причитающиеся суммы за фактически отработанное время. За работником сохраняются все социальные и трудовые гарантии, право на которые он приобрел до приостановления договора и на защиту которых он может рассчитывать в случае возможных нарушений со стороны работодателя. Работодатель также может по своему усмотрению оказывать работнику материальную помощь. Указанный период засчитывается в общий и специальный трудовой стаж, за исключением случаев, когда специальный стаж учитывается для досрочного назначения страховой пенсии по старости.

При решении *третьей задачи* необходимо обратиться к судебной практике. Несмотря на законодательное регулирование сохранения полного объема трудовых прав граждан, которые были призваны на военную службу по мобилизации, на практике существует проблема недобросовестного поведения работодателей по отношении к такой категории работников.

Так, в Ульяновской области суд удовлетворил иск сотрудника о незаконном увольнении и обязал компанию восстановить его с выплатой денежной компенсации. Предметом разбирательства стал юридический статус документа, представленного сотрудником для приостановления трудовых отношений: справки военного комиссариата, где тот указывался лишь кандидатом для заключения контракта о военной службе. Поскольку данная бумага не являлась прямым основанием для прекращения работы, судебная инстанция признала ее недействительной. Однако в ходе разбирательства было установлено, что в дальнейшем сотрудником был заключен и действующий двухлетний контракт на военную службу, о чем военкоматом направлялась соответствующая справка. Несмотря на получение этих документов, работодатель принял решение о расторжении ТД, ошибочно полагая, что подписание контракта с Минобороны автоматически прекращает трудовые отношения по инициативе работника. После возвращения с СВО сотрудник предпринял попытку возвращения к работе, однако столкнулся с фактом увольнения. В ходе судебного разбирательства им были предоставлены: официальная справка из войсковой части, выписка из журнала боевых действий, а также собственноручные пояснения о добровольном характере заключения контракта в целях содействия Вооруженным силам. На основании этих документов суд установил, что на работника распространяется защита ст. 351.7 ТК РФ, предусматривающая не увольнение, а приостановление ТД. В результате компания была обязана восстановить сотрудника, выплатить ему компенсацию морального вреда в размере 50 тыс. руб., а также все причитающиеся по внутренним нормативным актам выплаты [11].

Таким образом, просматривается четкий механизм защиты прав работников, которые были мобилизованы, со стороны государства. Однако необходимо рассмотреть превентивные меры по отношению к работодателям, с целью недопущения подобных прецедентов на начальном этапе из возможного возникновения.

В условиях цифровизации появляются и другие проблемы в контексте рассматриваемой темы, разрешение и разъяснение которых является фундаментально важным на современном этапе развития трудовых взаимоотношений субъектов. Так, Государство продолжает цифровую трансформацию системы воинского учета. В 2025 г. после успешного пробного периода, был запущен в промышленную эксплуатацию единый электронный реестр воинских повесток. На основе данных реестра выстраивается система рассылки электронных повесток, полностью заменяющих классические бумажные бланки.

Важно отметить, электронная повестка – это официальный документ, обладающий идентичной бумажному аналогу юридической силой. Законодательно закреплено, что электронные повестки, направленные через портал «Госуслуги», а также извещения, отправленные заказными письмами, приравниваются по своей юридической силе к врученным гражданину непосредственно в воен-

комате или переданы через его работодателя. Работодателям в данном случае необходимо изучить новый формат: понять, какой объем информации о военнообязанных сотрудниках теперь содержится в этой централизованной базе данных, и как адаптировать под эти изменения внутренний кадровый учет.

В *заключении* необходимо сделать следующие выводы:

1. Проведен комплексный анализ специфики правового статуса военнослужащих, призванных по мобилизации. Определены особенности таких лиц как особых субъектов трудового права.

2. Рассмотрены гарантии, предоставляемые мобилизованным работникам, а также их родственникам.

3. Выявлены и систематизированы ключевые проблемы, возникающие в практике применения норм о защите трудовых прав военнослужащих, призванных по мобилизации. Отмечены новые механизмы, введенные в условиях цифровизации, и возможные проблемы в связи с ними в рамках данной темы.

Проведенный в представленной работе анализ позволяет констатировать, что российский законодатель сформировал развернутую систему трудовых гарантий для участников СВО. Данная система носит комплексный характер, сочетая механизм сохранения трудовой позиции (приостановление договора) с компенсационными и реабилитационными (гарантии при возвращении) мерами. Дополнительные преференции для членов семей направлены на стабилизацию социального положения всей семьи военнослужащего. Совокупность указанных норм свидетельствует о выделении в рамках трудового права специального правового режима, обеспечивающего повышенный уровень социальной защиты данной категории граждан, а современные процессы цифровизации предоставляют основу для новых механизмов реализации прав и гарантий работников, а также поддерживают перспективной темы для будущих исследований.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/.

2. Российская газета. Выпуск от 10 декабря 2025 г. // Интернет-портал «Российской газеты». URL: https:// rg.ru/2025/12/10/medvedev-v-voinskie-chasti-v-2025-godu-pribylo-bole-400-tysiach-kontraktnikov.html/.

3. Конохов М. В. О некоторых проблемах правового регулирования трудовых отношений с участием военнослужащих // Аграрное и земельное право. 2024. №2.

4. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/.

5. Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603354026.

6. Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/.

7. Шаронов С. А., Рыженков А. Я.Трудовое право России : учебник для вузов ; под общ. ред. С. А. Шаронова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023.

8. Шаронов С. А. Частноправовые аспекты правовой модели соотношения трудового договора и контракта о прохождении службы в органах внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 4.

9. Шаронов С. А. Увольнение работника как вид дисциплинарного взыскания // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5.

10. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14 апреля 2023 г. № 127-ФЗ// Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/.

11. Решение Димитровградского городского суда Ульяновской области от 12 апреля 2024 г. № 2-415/2024 // Официальный интернет-портал Димитровградского городского суда Ульяновской области. URL: https://dimitrovgradskiy.uln. sudrf.ru/.

Илеску К. И.[1],
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Чулкова М. Р.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

РЕГУЛИРОВАНИЕ И ЗАЩИТА ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ И ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕГ

Проблема регулирования и защиты платежных средств и электронных денег в настоящее время занимает одно из центральных мест в повестке дня финансовых регуляторов, законодателей и участников рынка по всему миру, что обусловлено стремительной цифровизацией права и экономики, а также трансформацией правовой природы денег. Наблюдается беспрецедентный рост использования безналичных форм расчетов – от традиционных банковских карт и онлайн-банкинга до стремительно набирающих популярность мобильных платежных систем, электронных кошельков и цифровых валют. Эта массовая цифровизация создает как новые возможности для упрощения и ускорения финансовых операций, так и новые, более изощренные вызовы.

В первую очередь, актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения финансовой стабильности и безопасности. В условиях, когда значительная часть денежного оборота осуществляется в цифровом формате, возрастают риски, связанные с киберпреступностью, мошенничеством, утечкой персональных данных и несанкционированными транзакциями. Регулирование в данной сфере направлено на создание надежных правовых механизмов защиты, включая требования к безопасности информационных систем, идентификации пользователей, а также разработку четких процедур реагирования на инциденты и возмещения ущерба. Эти меры защиты также включает борьбу с использованием платежных систем для отмывания денег и финансирования терроризма, что требует от законодательных органов постоянного совершенствования инструментов контроля и мониторинга. Наряду с этим, важнейшим аспектом является защита прав потребителей.

В условиях широкого распространения электронных платежей миллионы людей доверяют свои средства цифровым платформам. Поэтому принципиально важно гарантировать, что их законные права и интересы будут соблюдены, и в случае возникновения проблем они смогут получить надлежащую поддержку и защиту как своих имущественных прав, так и своих активов. Представля-

[1] © Илеску К. И., 2026.

ется, что правовая защита платежных систем и электронных денег должна подразумевать прозрачность условий предоставления услуг и проведения денежных операций; право на возврат средств при несанкционированных операциях, а также защиту персональных данных при осуществлении финансовых услуг.

Развитие индустрии финансовых технологий также привносит свой вклад в актуальность проблемы. Появление новых игроков, предлагающих инновационные платежные решения, требует адаптации существующей законодательной базы или разработки новых правовых подходов. Регуляторы сталкиваются с необходимостью найти баланс между стимулированием инноваций и поддержанием конкуренции, с одной стороны, и предотвращением системных рисков, которые могут возникнуть из-за деятельности новых, еще недостаточно изученных участников рынка, с другой. Это касается как регулирования самих финтех-компаний, так и стандартизации их взаимодействия с традиционными финансовыми институтами. Более того, эволюция самого понятия денег делает вопрос регулирования платежных средств и электронных денег особенно острой. Электронные деньги перестают быть просто представлением фиатных денег в цифровом виде, а становятся самостоятельным платежным инструментом, требующим особого правового статуса и гарантий. Появление и потенциальное распространение цифровых валют центральных банков, а также рост интереса к стейблкоинам и децентрализованным криптовалютам ставят перед регуляторами новые, еще более сложные задачи по определению их правовой природы, регулированию эмиссии, обеспечению стабильности и предотвращению рисков для финансовой системы. Наконец, глобализация экономических процессов требует гармонизации подходов к регулированию платежных систем на международном уровне. Увеличение объема трансграничных платежей и операций между различными юрисдикциями подчеркивает необходимость согласованных действий регуляторов для обеспечения бесперебойного функционирования глобальной финансовой системы, предотвращения регуляторного арбитража и создания равных условий для всех участников рынка.

Развитие цифровых технологий в области платежей сопровождается ростом киберугроз и финансовых преступлений. По данным исследований, количество фиксируемых случаев несанкционированного доступа к платежным системам увеличивается экспоненциально, при этом способы социальной инженерии становятся все более изощренными. Обеспечение безопасности платежных систем требует многоуровневого подхода, включающего как технические, так и организационные меры. В соответствии с позицией, выраженной в работах А. А. Вяткина, финансовые риски в системе обеспечения экономической безопасности электронных платежных систем требуют комплексного анализа [11]. Автор подчеркивает, что современные платежные системы должны обладать устойчивостью к различным видам атак, включая кражу учетных данных и взлом криптографических ключей. Ключевые направления обеспечения безопасности включают: внедрение многофакторной аутентификации, использование защищенных каналов передачи данных, регулярное тестирование на уязвимости, мониторинг подозрительных операций в режиме реального времени, а также надлежащее обучение сотрудников финансовых учреждений и конечных

пользователей. Особое значение приобретает биометрическая аутентификация, которая значительно снижает риск несанкционированного доступа.

Анализ киберугроз, направленных на платежные системы, позволяет выделить несколько основных категорий. Во-первых, угрозы, связанные с компрометацией учетных данных пользователей через фишинг, социальную инженерию и вредоносное программное обеспечение. Во-вторых, атаки на инфраструктуру платежных систем, включая нарушение работы сайтов, попытки несанкционированного доступа к серверам и внедрение вируса в критические системы. В-третьих, мошенничество, связанное с подделкой платежных инструментов и созданием поддельных платежных интерфейсов. Согласно исследованиям Н. В. Городновой, анализ рисков и безопасности системы электронных средств платежа должен включать оценку как внешних, так и внутренних угроз [12]. Внешние угрозы включают действия хакеров и киберпреступников, в то время как внутренние угрозы связаны с неправомерными действиями сотрудников финансовых учреждений и злоупотреблениями доступом к системам.

Одной из критических проблем современного финансового права является фрагментарность и неполнота нормативно-правового регулирования в области электронных денег и инновационных платежных инструментов. В Российской Федерации правовая база сформирована в основном Федеральными законами № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» и № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», однако многие аспекты цифровых платежей и электронных денег нового поколения остаются недостаточно урегулированы или вообще не упоминаются в законодательстве. Л. М. Исмагилова в своей работе подчеркивает важность системного подхода к правовому регулированию национальной платежной системы Российской Федерации [2; 3; 13]. Автор отмечает, что существующие нормативные акты не в полной мере учитывают особенности функционирования современных платежных инструментов, таких как мобильные платежи, электронные кошельки, виртуальные активы и криптовалюты.

Е. С. Ларионова утверждает, что принципы, лежащие в основе регулирования платежных систем, следует рассматривать как важный механизм для уменьшения юридических рисков, возникающих в процессе их работы. [15]. В своем исследовании автор выделяет ряд фундаментальных принципов, которые должны лежать в основе развития нормативно-правовой базы. Например, принцип прозрачности – открытость информации о правилах функционирования платежных систем и условиях использования платежных инструментов перед всеми заинтересованными сторонами. Принцип справедливости – сбалансированное распределение прав, обязанностей и ответственности между операторами, участниками и пользователями платежных систем. Принцип безопасности – обеспечение надлежащего уровня защиты от киберугроз, мошенничества и иных рисков, угрожающих функционированию системы. Принцип универсальности доступа – создание условий для широкого охвата населения платежными услугами с учетом социальной значимости финансовой инклюзии.

Применение данных принципов позволяет структурировать правовое регулирование таким образом, чтобы оно не только защищало интересы отдельных субъектов, но и способствовало развитию конкурентной среды, стимулировало

инновации и обеспечивало финансовую стабильность. Важно отметить, что указанные принципы должны применяться с учетом специфики каждой платежной системы и особенностей национального финансового рынка. Авторы обосновывают необходимость комплексного применения криптографических методов, технологии распределенного реестра и иных инновационных решений для обеспечения целостности, конфиденциальности и аутентичности платежных операций. Одним из наиболее перспективных решений является использование блокчейн-технологии, которая обеспечивает прозрачность, неизменяемость и децентрализацию процесса проведения платежей. Блокчейн позволяет создавать защищенные, верифицируемые записи о каждой транзакции без необходимости в центральном органе контроля.

Вопрос о защите прав потребителей при использовании платежных систем и электронных денег приобретает все большую актуальность по мере роста числа пользователей цифровых платежных сервисов. В Российской Федерации основные гарантии прав потребителей закреплены в Законе № 2300-1 «О защите прав потребителей» и отраслевых финансовых законах, однако специфика электронных платежей требует дополнительных механизмов защиты [4]. Ключевыми аспектами защиты потребителей являются: право на полную информацию о условиях использования платежных инструментов и связанных с ними комиссиях, право на компенсацию убытков в случае несанкционированного доступа к счету, право на рассмотрение жалоб и претензий в установленные сроки, право на конфиденциальность личных данных, право на отзыв согласия на обработку персональных данных.

Обеспечение прозрачности условий использования платежных систем и электронных денег является необходимым предусловием для развития доверия потребителей к цифровым финансовым услугам. Многие потребители сталкиваются с ситуациями, когда условия использования платежных инструментов изложены в сложной юридической форме, содержат скрытые комиссии или неясные положения о ответственности сторон. В соответствии с принципами справедливого потребительского законодательства, операторы платежных систем обязаны предоставлять информацию, которая является понятной, доступной и актуальной. К таким сведениям можно отнести информацию о размере и условиях взимания комиссий; времени проведения платежей; правилах возврата платежей; процедурах урегулирования споров; уровне защиты данных; рисках, связанных с использованием платежных инструментов.

На мой взгляд, регулирование платежных систем и защита электронных денег требуют комплексного и системного подхода, учитывающего как технологические реалии, так и юридические принципы. На основе анализа выявленных проблем можно сделать следующие выводы: во-первых, существует необходимость повышения уровня безопасности платежных систем посредством внедрения современных криптографических методов, технологий распределенного реестра и систем мониторинга в реальном времени; во-вторых регулирующими электронные деньги нового поколения, криптовалюты и другие инновационные платежные инструменты; в-третьих необходимо укрепить механизмы защиты прав потребителей и обеспечения информационной прозрачности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации // Собрание законодательств Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Российская газета. 2011. № 130.

3. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Российская газета. 2002. № 127.

4. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1992. № 15.

5. Турбанов А. В. Цифровой рубль как новая форма денег // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 5 (138).

6. Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 1 (194).

7. Бехер В. В. Цифровой рубль: новая реальность платежной системы России // Устойчивое развитие науки и образования. 2021. № 1 (52).

8. Ручкина Г. Ф. Цифровой рубль: некоторые итоги внедрения новой формы денежного обращения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 12 (255).

9. Сариев Г. С. Цифровой рубль как новая форма национальной валюты Российской Федерации // Молодой ученый. 2023. № 52 (499).

10. Пономаренко К. С., Лагкуева И. В. Становление цифрового рубля как третьей формы денег в системе регламентации эмиссионного права // Вопросы российского и права. 2023. Т. 13. № 5 А.

11. Вяткина А. А. Управление рисками в системе экономической безопасности электронных платежных систем // Инновационное развитие экономики. 2023. № 5 (77).

12. Городнова Н. В. Анализ рисков и безопасности системы электронных средств платежа // Экономическая безопасность». 2021. Т. 4. № 2.

13. Исмагилова Л. М. Некоторые аспекты правового регулирования национальной платежной системы Российской Федерации // Молодой ученый. 2023. № 40 (487).

14. Ларионова Е. С. Принципы регулирования платежных систем как инструмент снижения правового риска их функционирования //Актуальные проблемы российского права. Том 17. № 2 (2022).

Казанцева Е. В.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры конституционного и гражданского права
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПЛАТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ

Двадцать первый век характеризуется стремительным развитием технологического прогресса, который в свою очередь, влияет на становление и развитие цифровизации общества. Сегодня практически все сферы деятельности внедряют и(или) применяют и развивают цифровые (информационные) технологии, не стала исключением и сфера здравоохранении.

В доктрине медицинского направления, высказывается мнение, что действия законодателя по регулированию правоотношений с использованием цифровых (информационных) технологий в сфере здравоохранения, не всегда отвечают требований общества («сегодня» и «сейчас»). С этим сложно согласится, так как жизнь и здоровье человека является нависшей ценностью человека и всегда защищается государством. Непосредственно, защита государства (принятие соответствующих нормативных правовых актов направленных на регулирование правоотношений) должна быть обоснованной, разумной и реализуемой всеми участниками правоотношений. Следовательно, законодатель не всегда успевает действовать (принимать правовые акты) в стремительно развивающихся общественных правоотношениях, в том числе основанных на новых цифровых (информационных) технологиях.

В 2017 г. с целью совершенствования внедрения информационных технологий в сфере охраны здоровья граждан и реализации приоритетного направления государства («Электронные здравоохранение») принят Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ [1], который, непосредственно с помощью применения информационных технологий, обеспечил:

– повышение эффективности управления в данной сфере;

– оказание медицинской помощи различным субъектам правоотношений;

– организацию проведения обучения (переподготовку, повышение квалификации) медицинских и фармацевтических работников;

– повышение информированности населения в сфере здравоохранения.

Указанным законом вводится такое понятие как «телемедицинские технологии» – это информационные технологии обеспечивающие дистанционное взаимодействие медицинских работников как между собой, так и участием иных субъектов общества (пациентами и(или) их законными представителями) (абз. 1 ст. 3 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ).

---

[1] © Казанцева Е. В., 2026.

И как справедливо отмечает М. Л. Давидова, «перспективы развития телемедицины не столько связаны с разрешением отдельно взятого противоречия, сколько представляют собой результирующую разнонаправленных противоречивых тенденций, включая растущий общественный запрос на дистанционное взаимодействие, обусловленный как конкретными событиями (пандемия COVID-19), так и текущими социальными процессами» [2, с. 118].

Научное медицинское сообщество выделяет множество классификаций телемедицины, которые зависят от критериев, взятых за их основу. Не вдаваясь в полемику, отметим, что, по мнению автора, телемедицина подразделяется на виды, в зависимости от направления ее деятельности (внутренняя или внешняя).

Внутренняя деятельность телемедицины направлена на обеспечение эффективности функционирования медицинской организации (как государственных, так и частных), и включает в себя: деятельность по использованию внутренних интегральных сетей с медицинской информацией; взаимодействие между медицинскими организациями; организацию и проведение обучения (повышение квалификации) медицинских и фармацевтических работников и т. д.

Внешняя деятельность включает: предоставление медицинских услуг пациентам и (или) их законным представителям; взаимодействие с иными субъектами правоотношений, направленное для обеспечение потребностей эффективного функционирования медицинских организаций (в том числе заключение различных дистанционных договоров, к примеру, поставка медицинской продукции, подрядные работы по установке и обслуживанию медицинского оборудования и т. д.).

В связи с развитием цифровых (информационных) технологий и с целью урегулирования правоотношений в сфере здравоохранения, законодателем в 2023 г. принят новый порядок предоставление платных медицинских услуг с использованием информационных технологий (Постановление Правительства Российской Федерации № 736-2023г. [3]), к его особенностям следует отнести:

–разграничение в определении видов платных услуг предоставляемых государственными и частными медицинскими организациями;

–предоставление права медицинским организациям самостоятельно определять виды оказываемых платных медицинских услуг и устанавливать их цену (тариф);

–обязанность получить предварительное, полное согласие заказчика (пациента) на получение медицинской услуги (до ее оказания);

–определение общего порядка заключение договора дистанционным способом, для оказания медицинских услуг (общая информация о заказчике и исполнителе обязательная к доведению конрагентов).

Среди недостатков данного правового акта следует отметить отсутствие (упоминание) таких понятий как телемедицина, информационные технологии. Также законодателем закреплена ответственность исполнителя возместить вред, причиненный жизни или здоровью пациента, в результате оказания медицинских услуг ненадлежащего качества, однако в правилах отсутствует как характеристика предоставляемой услуги, так и требования к ее качеству.

В апреле 2025 г. Министерством здравоохранения России введен Порядок оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий (приказ МЗО РФ от 11 апреля 2025 г. № 193н). Указанный приказ, принимая во внимание ведомственное назначение, направлен, прежде всего, на организацию деятельности государственных и частных медицинских организациях по оказанию телемедицинской помощи.

Для пациента и(или) его законного представителя, он представляет интерес только в одном аспекте: в правовом акте определено, что телемедицинская помощь предоставляется только в виде консультации (консилиума консультантов). При этом, такая консультация считается завершенной после направления заказчику (пациенту и(или) его законному представителю) заключения по результатам консультации (протокола консилиума). В приказе отсутствует указание на предъявляемое требование к данному заключению и (или) протоколу и соответственно к его подписанию в электронном виде, что вынуждает заказчика искать правовые акты, которыми закреплены требования к указанным видам документов, что, соответственно, усложняет механизм реализации защиты прав пациента. Следует отметить, что в Постановлении Правительства Российской Федерации № 736-2023г., отсутствует указание на заключение и (или) протокол как итог оказания услуги, в том числе отсутствует указание на иной вид результата оказания услуг или моменте его исполнения. Ни один из указанных выше правовых актов, не дает понятия «медицинские услуги дистанционным способом». Толкование данного понятия определяется из взаимосвязи таких дефиниций как «телемедицинские технологии», «медицинская услуга» и «услуга дистанционным способом», которые закреплены в различных правовых актах, в том числе в научных трудах.

Услуга – это объект гражданских прав, включает в себя совершение определенных действий (деятельности), и занимает значительное сегмент в общественных правоотношениях.

Гражданское законодательство регулирует общий порядок возмездного оказания услуг и называет некоторые разновидности возмездных услуг, среди которых самостоятельными являются медицинские услуги и консультационные услуги (п. 2 ст. 779 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Понятие медицинской услуги закреплено в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ, и определяется как: процесс в форме медицинского вмешательства (состоит из предупреждения, диагностики, лечения, реабилитации), который должен иметь самостоятельное законченное значение.

В доктрине дефиниция «консультация» рассматривается как услуга, совет, который предоставляется лицом для решения поставленных пред ним вопросов (задач).

В законодательстве нет определения понятия «дистанционная услуга», ученые дают ее определение в зависимости от сферы изучения. «Дистанционно» рассматривается как осуществление какого-либо процесса (деятельность) на определенном расстоянии с помощь различных технологических средств.

Дистанционные услуги в сфере здравоохранения могут быть реализованы при помощи информационных технологий – сети Интернет. Высказывается

мнение о допустимости предоставлении дистанционной медицинской услуги, при помощи (по средствам) телефонной связи. По мнению автора, такая услуга допустима, но только для уточнения по ранее данным исполнителем (представителем медицинской организации) рекомендациям, заключениям.

Таким образом, считаем, что платные медицинские услуги дистанционным способом – это деятельность по предупреждению, профилактике, лечении и(или) наблюдении исполнителя направленная на решение задания (вопросов) заказчика в сфере охраны его (заказчика) здоровья.

В указанных правоотношениях заказчик – это пациент и(или) его законный представитель. Пациентом может выступать любое физическое лицо, являющееся гражданином России или иностранным гражданином (лицом без гражданства), которые находятся на территории России на законных основаниях.

Исполнителем выступает врач и(или) специалист определенной направленности и(или) консилиум врачей (специалистов). Следует отметить, что исполнитель является или самостоятельным субъектом правоотношений (имеет специальное разрешение на осуществление медицинской деятельности) или представителем медицинской организации, которая осуществляет медицинскую деятельность на законных основаниях.

Право предоставлять платные медицинские услуги дистанционным способом должно быть указано в лицензии, как вид деятельности.

Медицинская организация, предоставляющая услуги дистанционным способом, обязана разместить на официальном сайте и предоставить заказчику основную полную и достоверную информацию о:

–медицинской организации (наименование, месте расположении), специальном разрешении (лицензии);

–квалификации специалиста (-ов) осуществляющих консультации и графиках предоставления таких услуг;

–видах предоставляемых платных медицинских услуг дистанционным способом и порядок его предоставления (права и обязанности исполнителя и заказчика);

–ценах (тарифах) на услуги и порядок расчетов;

–заключении договора дистанционным способом, в том числе его образец;

–форме результата предоставления медицинской услуги дистанционным способом и его основных элементах (данное требование является авторским мнением);

–иную информацию по необходимости и на усмотрение медицинской организации.

Заключение соглашения о предоставлении платных медицинских услуг дистанционным способом, оформляется в обязательном порядке в форме письменного договора, требования к которому закреплены в Постановлении Правительства Российской Федерации № 736-2023 г.

Одним из ключевых аспектов договора является предмет – услуга, которая должна быть четко определена и понята заказчиком и исполнителем.

В сфере здравоохранения определение предмета – услуги, в большинстве случаев, будет затруднительно по многим факторам, среди которых можно отметить: отсутствие четкости задания от заказчика; многоэтапность услуги (от результата обследования зависит объем следующих необходимых исследований); длительность услуги для конечного результата и т. д.

Важным и неотъемлемым критерием услуги является качество ее предоставления. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» закрепляет, что услуга должна быть выполнена, в соответствии с качеством, которое определено договором, или в соответствии с требованиями, которые предъявляются для подобного вида услуг (ст. 4 Закона) [5]. Следовательно, результат услуги и ее качество должно быть доведено до заказчика и указано в тексте договора.

Следует отметить, что на положительный эффект или качество конечного результата от консультации влияет множество факторов. С одной стороны, компетенция специалиста и умение работать в дистанционном формате, а с другой стороны действия самого заказчика, к примеру, предоставление исполнителю неполной, недостоверной или искаженной информация от заказчика; невыполнение заказчиком рекомендаций исполнителя при прохождении медицинского исследования и т. д.

Результат (момент исполнение договора) предоставления медицинской услуги дистанционным способом, должен быть оформлен письменно в виде заключением или протоколом консилиума и обязательно подписан цифровой подписью исполнителя. В заключение обязательно должна быть указана полная информация предоставления заказчиком, на основании которых сделаны выводы и рекомендации исполнителем.

Существенными условиями договора на предоставления платных медицинских услуг дистанционным способом, также является:

1. Оплата за услуги, как отмечалось ранее, она должна быть фиксирована и доведена до заказчика в момент заключения договора, а принимая во внимание дистанционный способ, оплата должна предшествовать предоставлению услуги.

2. Срок исполнения услуги. По мнению автора, он должен быть указан в договоре, и зависеть от длительности предоставления платной медицинской услуги. К примеру, если на конечный результат консультации повлияют результаты назначенного медицинского исследования, то данное условие необходимо отобразить в тексте договора. Невыполнение заказчиком в установленные сроки указаний исполнителя, влияющих на конечный результат услуги, освобождает исполнителя от ответственности за возможные последствия таких действий заказчиком.

Подводя итог, отметим, что платные медицинские услуги дистанционным способом – это деятельность по предупреждению, профилактике, лечении и(или) наблюдении, исполнителя направленная на решение задания (вопросов) заказчика в сфере охраны его (заказчика) здоровья. Основной услугой телемедицины является проведение консультаций онлайн и осуществляется как государственными, так и частными медицинскими организациями на основании договора.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http:// pravo.gov.ru.

2. Давыдова М. Л. Развитие законодательства о телемедицине: противоречия и тенденции // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 7(176).

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 мая 2023 г. № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

4. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

5. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

Казин Д. А.[1]*,*
студент
юридического факультета (специалитет)
Северо-Западного филиала
Российского государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева»

Научный руководитель:
Виталий А. М.,
доцент кафедры гражданского права
Северо-Западного филиала
Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
кандидат юридических наук, доцент

ТЕОРИИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СМЕШАННОГО ДОГОВОРА ДАРЕНИЯ

Правовая регламентация смешанного договора дарения является очень важным шагом на пути всего правового регулирования данной договорной конструкции. В зависимости от выбранного подхода к регламентации будет зависеть не просто, какие положения закона будут применимы к смешанному дарению, а каким образом будут применяться эти нормы. В сущности, все теории, предложенные наукой, сводятся к двум основным группам: теория единства и теория разделения.

Единства мнений среди сторонников теории единства не имеется, в связи с чем в данной группе можно выделить три основные подгруппы:

1) рассмотрение смешанного дарения целиком по правилам или купли-продажи, или по правилам дарения (данный подход поддерживается Е. А. Крашенинниковым) [1, с. 128];

2) выбор квалификации смешанного дарения остается на усмотрение суда, при этом учитывается, какая часть (возмездная или безвозмездная) преобладает в договоре;

3) рассмотрение смешанного дарения в качестве единого и цельного договора, к которому в одних случаях применяются нормы о купле-продаже, а в других – нормы дарения.

Мы сразу отметим, что ключевым недостатком всей теории единства, безусловно, является игнорирование самостоятельных возмездного и безвозмездного элементов в договоре, несмотря на то, что одним из существенных признаков смешанного дарения как раз является наличие двух самостоятельных объектов. Именно поэтому, на наш взгляд, совершенно непонятно, исходя из каких соображений вся сделка должна подчиняться правилам только купли-продажи или дарения, если стороны договорились, что часть вещи продается,

[1] © Казин Д. А., 2026.

а остальная часть дарится, или, если вещь продается по заниженной цене, а остальная часть цены по соглашению сторон идет в дар. Почему в одном случае мы полностью игнорируем возмездную составляющую всего договора, а в другом – безвозмездную, в то время как налицо два самостоятельных объекта со своей индивидуальной правовой природой? Иначе говоря, в случае признания всей сделки дарением, чем будет являться, например, та денежная сумма, которая платится за вещь или часть вещи? Аналогичный вопрос будет и при признании всей сделки куплей-продажей – чем будет являться безвозмездное предоставление части вещи или дарение части покупной цены? Обосновать подчинение всей сделки нормам о купле-продаже с позиции применения теории субъективной эквивалентности не представляется возможным, в противном случае мы необоснованно отвергаем договорную свободу сторон, которые согласовали, что один объект дарится, а другой продается. И, наконец, по нашему мнению, такой подход к регламентации смешанного дарения только как купли-продажи или только дарения приводит к тому, что разграничение смешанного дарения от обычной купли-продажи или от дарения сводится на нет.

Что касается сторонников третьей подгруппы теории единства, то здесь внимания заслуживает позиция Вильгельма Мюллера. Ученый рассматривал в качестве единого и цельного договора смешанное дарение, к которому в одних случаях применяются нормы о купле-продаже, а в других нормы дарения. Автором был предложен вариант, согласно которому нормы дарения должны применяться в отношении формы сделки, права отказа дарителя от исполнения договора в случае обеднения, отмены дарения по причине неблагодарности одаряемого. Что же касается применения правил о купле-продаже, то ученый считал, что они должны применяться при регламентации ответственности за эвикцию и за фактические недостатки вещи [2, с. 472–473]. В основу своей концепции Мюллер положил теоретическое положение о том, что смешанное дарение представляет собой единое обязательственное отношение, а, значит, при таком понимании будет и единый объект договора. На наш взгляд, такой подход также является неверным по той же причине, что и предыдущие два подхода, поскольку отрицается существование и наличие в смешанном дарении двух самостоятельных объектов. Ко всему прочему, Мюллером не дается никаких критериев, по которым он считал необходимым применять в одном случае нормы о дарении, а в другом – нормы о купле-продаже.

Схожую с Мюллером позицию занимал и Генрих Генигер [2, с. 473–475]. Ученый также придерживался видения в смешанном дарении единого и неделимого обязательственного отношения, но, в отличие от Мюллера, подход к определению применимых норм сильно отличался. Генигер предложил разделить нормы купли-продажи и дарения с позиции возмездности и безвозмездности. Ученый разделил нормы о дарении и купле-продаже на четыре группы. Первую группу составляют нормы, которые никоим образом не связаны с понятиями возмездности и безвозмездности, так называемые нейтральные нормы – обязанность передать вещь, несение риска. Ко второй группе относятся правила дарения, которые, хоть и основаны на моменте безвозмездности, но которые, в то же время, могут довольно просто быть применены к смешанному даре-

нию – право дарителя на отобрание дара и на отмену дарения. В третью группу вошли нормы дарения, которые, хоть и не вступают в конфликт с нормами о купле-продаже, но применение которых будет явно нецелесообразным к смешанному дарению – формальные требования, необходимые для заключения договора дарения, куда входят и правила о форме договора. Ученый считал, что было бы явно несправедливым решением признавать всю сделку недействительной вследствие несоблюдения неких формальных требований, требуемых законодателем для дарения при условии, если сам по себе договор смешанного дарения обладает столь несущественным безвозмездным элементом. Поэтому применять последствия недействительности следует только тогда, когда элемент безвозмездности в смешанном дарении будет присутствовать в более или менее значительной доле. Определение же количественного показателя доли безвозмездности в сделке – это удел судебной практики. В четвертую группу вошли те нормы купли-продажи и дарения, которые находятся во взаимном противоречии друг с другом.

В концепции Генигера лежит тот же самый подход, согласно которому понятия возмездности и безвозмездности – это не взаимно исключающие друг друга явления, исходя из чего ученый полагал, что и правовая регламентация смешанного дарения также должна заключаться во взаимном применении как норм дарения, так и купли-продажи. Так, автором был сделан вывод, что, поскольку даритель отвечает лишь за умысел и грубую неосторожность, а продавец – за легкую неосторожность, то в смешанном дарении величина вины будет зависеть от того, какой из элементов в сделке преобладает: если это безвозмездная составляющая, то степень вины смещается в сторону правил о дарении и, наоборот, если преобладает возмездная составляющая, то степень ответственности приближается к правилам о купле-продаже. По такому же принципу Генигер предлагал решать и все остальные вопросы регламентации смешанного дарения.

Можно заметить, что концепция, предложенная Генрихом Генигером, является значительно более проработанной по сравнению с теорией Вильгельма Мюллера, но и эту теорию мы также не можем признать верной. Такая концепция регламентации смешанного дарения опять же игнорирует такой существенный признак смешанного дарения как наличие двух самостоятельных объектов. Несмотря на то, что ученый считает возможным существование единого возмездно-безвозмездного обязательства, в то же время, он считает необходимым принимать во внимание степень наличности безвозмездной составляющей в сделке, из чего следует, на наш взгляд, что ученый впадает в противоречие с самим собой. Сама по себе концепция разделения правил о купле-продаже и дарении на группы с целью выявить точки соприкосновения для комбинированного их применения, является довольно удачной, но критерий наличности определенной степени безвозмездности, положенный в основу деления всех норм, нельзя признать верным. Это объясняется тем, что законодатель не просто так создал определенные правила и требования для различных договорных конструкций – в нашем случае купли-продажи и дарения.

Еще одним сторонником теории единства был и Л. Эннекцерус, который имел очень своеобразное видение смешанного дарения. Ученый на первое ме-

сто ставил куплю-продажу, через которую совершается и дарение, а потому к смешанному дарению должны применяться все положения о купле-продаже, которые не находятся в конфликте с нормами о дарении [3, с. 124]. Данный подход к регламентации имеет все вышеизложенные недостатки, присущие вообще всем концепциям теории единства. Отметим лишь, что идея, высказанная Эннекцерусом, является крайне непонятной, а именно: каким образом через заключение договора купли-продажи одновременно происходит и дарение? Объяснить это явление нам не представляется возможным, поскольку, что купля-продажа, что дарение – это именно договорные конструкции, а, значит, в каждом случае необходимо соединение волей сторон. Из предложенного же варианта следует, что, если стороны договорились продать вещь, например, по заниженной цене, то через продажу вещи образуется еще и акт дарения. Каким образом и почему автоматически совершается дарственный акт нам непонятно.

Таким образом, исходя из приведенных научных мнений, можно сделать вывод, что все концепции теории единства не подходят для надлежащего правового регулирования смешанного договора дарения. Рассмотрим теперь теорию разделения со своими подходами.

Сторонники теории разделения рассматривают смешанное дарение как договор, который состоит из двух самостоятельных частей – возмездной (купли-продажи) и безвозмездной (дарения), соответственно, и регулирование которых также должно быть самостоятельным, иначе говоря, возмездная составляющая подчиняется правилам купли-продажи, а безвозмездная – правилам дарения. Правда, среди сторонников данной теории нет единства мнений касательно того, что может выступать объектом дарения. Так, одни считают, что объектом дарения может выступать только идеальная часть вещи, т. е. доля, которая остается неоплаченной; другие же, наоборот, считают, что объектом дарения может выступать исключительно часть покупной цены.

Значительная часть немецких ученых считает, что только идеальная часть вещи может выступать объектом дарения, обосновывая такой тезис тем, что одну и ту же вещь невозможно одновременно и продать, и подарить, поэтому необходимо точно понимать стоимость всей вещи, чтобы определить размер покупной цены той ее части, которая продается. Если же стороны не определили в договоре стоимостные показатели, то предлагается обратиться к объективной стоимости всей вещи, а затем уже с ее помощью определить цену продаваемой части. Рассмотрим на примере такой подход: в ситуации, когда стороны договорились, что компьютер продается за 70 000 руб., рыночная цена которого 100 000 руб., и, при этом было согласовано, что остальная его часть идет в дар, то выходит, что 0,7 компьютера продается, а 0,3 вещи считается подаренной.

Ламмфромм и Дернбург придерживаются иного взгляда; они считают, что объектом купли-продажи выступает всегда вся вещь, а вот объектом дарения должна выступать та часть покупной цены, которую продавец недополучит по сравнению с действительной стоимостью вещи. Так, в вышеприведенном примере, если применять второй подход, получится, что продается весь компьютер за 70 000 руб., а 30 000 руб. считаются подаренными.

Возникает резонный вопрос, а какой же из предложенных наукой вариантов можно признать верным. А. А. Симолин считал, что самым верным решением будет синтез двух подходов [2, с. 477–478]. Договор смешанного дарения можно сконструировать по-разному. Так, в одном варианте стороны желали именно подарить часть вещи, а в другом – часть покупной цены. Разве даритель не может подарить часть вещи или, наоборот, подарить денежную сумму, или освободить от имущественной обязанности одаряемого перед собой в рамках обычного дарения? Конечно, даритель вправе совершить любое из названных действий, тогда нам не понятно, исходя из каких соображений мы должны ограничить это право распоряжения в ситуации с договором смешанного дарения. Мы, соглашаясь с профессором А. А. Симолиным, считаем, что, по существу, нет никаких оснований для такого рода ограничений.

Поэтому, на наш взгляд, объектом смешанного дарения может выступать как часть покупной цены, так и часть вещи. Самое главное, чтобы из текста договора ясно следовало, что стороны согласовали два самостоятельных объекта, если же это из текста договора вывести путем толкования его положений не получается, то ни о каком смешанном дарении речи идти не может. А. А. Симолин в этом отношении считал, что «никаким презумпциям здесь места быть не может» [2, с. 479].

В настоящее время научное сообщество высказывается больше в пользу второго подхода, предложенного Ламмфроммом и Дернбургом, по тем причинам, что в ситуации дарения идеальной части вещи возникают следующие трудности:

1) в случае отмены дарения неизбежно возникает общая долевая собственность между дарителем и одаряемым, которая будет довольно неудобна для имущественного оборота, особенно в ситуации с неблагодарным одаренным, что должно вести к имущественному разделу вещи на самостоятельные составляющие, а, как мы знаем, не любую вещь можно взять и таким образом разделить;

2) ответственность дарителя и продавца различна, вследствие чего возникает обоснованный вопрос о том, каким образом должен продавец/даритель в смешанном дарении отвечать за недостатки; поскольку продаются и дарятся идеальные, а не реальные доли, то и выяснить, в какой из частей (подаренной или проданной) возник недостаток не представляется возможным.

Мы, поддерживая позицию А. А. Симолина, считаем все вышеприведенные возражения несостоятельными. Достаточно вспомнить, что смешанное дарение представляет собой такой смешанный договор, в котором воли сторон были направлены именно на то, чтобы один объект был продан, а второй был подарен. Это означает, что, если отпадает один из элементов договора, то почему должен сохраняться оставшийся элемент сделки? Здесь стоит исходить из того, что стороны бы вообще не пошли на сделку, если бы часть вещи или часть покупной цены не шли в дар. В ст. 180 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закреплено, что по общему правилу недействительность части сделки не влечет недействительности прочих ее частей при условии, если можно предположить, что стороны бы заключили договор и без недействительных положений. Из приведенной нормы следует, что при отмене дарения должно

следовать расторжение всего договора смешанного дарения, а это, в свою очередь, не позволит образовывать общую долевую собственность.

Что касается второго возражения, то рассмотрим ситуацию с договором купли-продажи, когда продавец продает 0,5 идеальной доли вещи за 10 000 руб., а в ней обнаруживаются недостатки, как должен решаться вопрос об ответственности продавца? А. А. Симолин рассуждал, что в таком случае за недостатки вещи отвечает продавец лишь в пределах покупной цены [2, с. 480, 486]. Получается, что продавец будет отвечать за недостатки всей вещи, но лишь в пределах 10 000 руб. Аналогичным образом, на наш взгляд, должен будет решаться вопрос с ответственностью и в смешанном дарении. При этом, если покупатель решит вместо заявления требований об уменьшении покупной цены, безвозмездного устранения недостатков или возмещения собственных расходов на устранение недостатков отказаться от исполнения договора, то прекратит действие весь договор смешанного дарения, а не только возмездная составляющая.

Таким образом, мы считаем, что нет никаких препятствий к использованию в смешанном дарении в качестве объекта дарения как покупной цены, так и доли вещи. Главное не забывать, что договор смешанного дарения образуется через настолько тесное сплетение волей сторон, что прекращение существования одной из частей договора влечет прекращение действия всего договора в целом.

Однако на практике, поддерживаемая нами теория разделения не принимается. Верховным судом Республики Дагестан было рассмотрено дело о признании незаконным отказа регистрирующего органа в государственной регистрации перехода права собственности на квартиру, приобретенную на основании смешанного договора дарения. В договоре стороны указали, что квартира оценивается в 900 000 руб., при этом покупатель обязуется оплатить только 432 000 руб. за квартиру, а остальная сумма в 468 000 руб. считается подаренной. К нашему глубокому сожалению, судами было отказано в признании возможности участникам оборота заключать договор смешанного дарения, объяснив это тем, что договор купли-продажи и договор дарения являются самостоятельными, совершенно различными по своему содержанию договорами и не могут быть заключены путем составления одного документа, подписанного сторонами, и тем более зарегистрированы в таком виде. Также суд сделал вывод, что такого рода соглашение сторон нельзя назвать смешанным договором в порядке ст. 421 ГК РФ.

Но, несмотря на отказ судебной практики воспринимать как таковую возможность заключения смешанного договора дарения, мы считаем, что самым правильным будет применение именно теории разделения, именно она провозглашает наличие самостоятельных объектов для возмездной и безвозмездной составляющих договора, а это, в свою очередь, позволит регулировать данную конструкцию смешанного договора с позиции принципа комбинирования, т. е. применения норм соответствующих поименованных договоров к соответственно возмездным и безвозмездным элементам сделки, что будет соответствовать тем намерениям, которыми руководствовались стороны при заключении договора.

Список литературы

1. Сергеев А. П. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (ч. II) : учебно-практический комментарий. М. : Проспект, 2016.

2. Симолин А. А. Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2025.

3. Эннекцерус Л., Кипп Т., Вольф М. Курс германского гражданского права. Т. 1, полут. 2. М. : Издательство иностранной литературы, 1950.

4. Смешанное дарение, или новый взгляд на проблему неэквивалентности встречных предоставлений // Кружок гражданского права юридического факультета СПбГУ. URL: https://zakon.ru/blog/2016/11/9/smeshanoe_darenieili_novyj_vzglyad_na_problemu_neekvivalentnosti_vstrechnyh_predostavlenij.

5. Тарасов К. Договор смешанного дарения: существует ли граница с возмездной сделкой. Журнал РШЧП. 2018. № 2.

Калинкин А. С.[1]*,*
слушатель
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Новгородов Д. А.,
старший преподаватель
кафедры административного права
и административной деятельности полиции
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта и робототехники обусловило активное внедрение беспилотных транспортных средств (далее – БТС) в различные сферы – от грузоперевозок до общественного транспорта и частного использования. При этом правовое регулирование данной области значительно отстает от технического прогресса. Отсутствие четких законодательных норм, определяющих субъекта ответственности за вред, причиненный в результате функционирования БТС, создает значительные правовые риски как для производителей, так и для владельцев и пользователей таких систем.

В условиях, когда беспилотные автомобили уже выходят на дороги общего пользования и становятся частью транспортной инфраструктуры, вопросы юридической ответственности за их действия приобретают особую значимость. Наличие элементов автономности и принятия решений без участия человека ставит под сомнение традиционные подходы к вине, причинной связи и субъектному составу ответственности [4, с. 218].

Кроме того, современные тенденции развития цифрового права, формирование правового режима данных и искусственного интеллекта требуют комплексного осмысления возможных моделей ответственности (гражданско-правовой, административной и уголовной) применительно к беспилотным транспортным средствам.

Таким образом, исследование проблем юридической ответственности в контексте функционирования БТС является своевременным и практически значимым, поскольку способствует выработке теоретических основ и предложений для совершенствования законодательства, направленного на обеспечение без-

[1] © Калинкин А. С., 2026.

опасности, правовой определенности и доверия общества к технологиям автономного транспорта.

В настоящее время беспилотное транспортное средство представляет собой технически сложный объект, оснащенный системой искусственного интеллекта, способной осуществлять управление движением без участия человека. Особенностью БТС является наличие алгоритмов машинного обучения, позволяющих принимать решения в реальном времени на основании анализа данных, поступающих от датчиков и внешней среды.

С юридической точки зрения БТС не может рассматриваться как субъект права, поскольку не обладает волей и правосубъектностью. Следовательно, все последствия его функционирования должны возлагаться на лицо, обладающее соответствующими правами и обязанностями в отношении данного средства. Однако определение такого лица – производителя, владельца, пользователя или разработчика программного обеспечения – вызывает значительные трудности и остается дискуссионным вопросом.

Традиционные конструкции юридической ответственности основаны на предположении о наличии человеческого поведения, выражающегося в действии или бездействии субъекта. В случае с БТС данное условие не соблюдается: действия совершаются программным комплексом, а не человеком. Это порождает вопрос: можно ли считать действия БТС действиями его владельца или производителя?

Некоторые исследователи предлагают рассматривать решения, принимаемые алгоритмом, как «опосредованные действия» лица, которое ввело систему в эксплуатацию [8, с. 547]. Другие считают, что в подобных ситуациях применим принцип объективной (безвиновной) ответственности [5, с. 40], аналогичный ответственности владельца источника повышенной опасности в соответствии со ст. 1079 ГК РФ [1].

Однако использование данного подхода не учитывает особенности автономности систем и многоуровневость технической цепочки. Например, причинение вреда может быть вызвано не ошибкой владельца, а дефектом программного обеспечения, созданного третьим лицом. Это требует пересмотра существующих оснований распределения ответственности.

Анализ показа, что в современной юридической науке выделяют несколько возможных моделей ответственности за действия БТС:

1. Модель «владельца источника повышенной опасности». Владелец беспилотного транспортного средства несет ответственность по аналогии с владельцем обычного автомобиля, независимо от своей вины. Такой подход обеспечивает защиту прав потерпевших, однако несправедливо возлагает риск на лицо, не контролирующее действия искусственного интеллекта.

2. Модель «производителя или разработчика». Ответственность возлагается на лицо, создавшее технологию, допустившую ошибку в алгоритме. Данная концепция близка к институту ответственности за некачественный товар (ст.ст. 1095–1099 ГК РФ), однако ее применение осложнено трудностями доказывания причинно-следственной связи между дефектом программы и наступившим вредом.

3. Комбинированная модель распределенной ответственности. Ответственность может распределяться между различными участниками: владельцем, производителем, разработчиком и оператором системы. Подобная модель, например, реализуется в законодательстве некоторых стран ЕС и США и позволяет учесть сложность современных технологических цепочек.

По нашему мнению, наиболее перспективной видится именно комбинированная модель, основанная на принципе пропорциональности и оценке степени влияния каждого участника на наступление вреда.

В свою очередь международная практика показывает, что проблема юридической ответственности за действия БТС является глобальной. Так, в Германии в 2017 г. был принят закон, допускающий эксплуатацию автомобилей с автоматизированным управлением при условии наличия ответственного оператора [6, с. 36]. В США законодательство отдельных штатов (например, Невада, Аризона) предусматривает ответственность владельца транспортного средства, независимо от степени автономности системы [7, с. 202]. В Европейском союзе ведется работа над созданием специального правового режима для «электронных агентов» и автономных систем, включающего принципы «этического ИИ» и страхового покрытия рисков [3, с. 203].

Российское законодательство пока не содержит четких норм, определяющих ответственность за действия БТС. В настоящее время в некоторых регионах установлены особые правовые режимы для беспилотных транспортных средств, однако они носят экспериментальный характер и не создают универсальной правовой базы [2, с. 889].

Таким образом, с целью обеспечения правовой определенности и защиты прав всех участников дорожного движения необходимо:

– закрепить в законодательстве понятие «беспилотного транспортного средства» и «оператора автономной системы»;

– установить особый режим гражданско-правовой ответственности, основанный на сочетании принципов вины и объективной ответственности;

– предусмотреть обязательное страхование гражданской ответственности владельцев, эксплуататор и разработчиков БТС;

– разработать единые механизмы учета и хранения данных о действиях БТС (аналог «черного ящика»).

Реализация данных мер позволит минимизировать правовые риски, повысить доверие к автономным технологиям и обеспечить баланс интересов государства, бизнеса и граждан.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что развитие технологий беспилотного транспорта ставит перед правовой системой принципиально новые задачи, не сводимые к традиционным моделям ответственности. Автономность и способность искусственного интеллекта принимать решения без участия человека разрушают привычную для права конструкцию субъекта и действия, что требует пересмотра базовых понятий вины, причинной связи и источника повышенной опасности.

Отсутствие единообразного подхода к определению субъекта ответственности за вред, причиненный БТС, создает значительные правовые риски и препят-

ствует широкому внедрению подобных технологий. Применение существующих норм гражданского законодательства лишь по аналогии не обеспечивает достаточного уровня правовой определенности и защиты прав потерпевших.

Следовательно, оптимальным направлением развития законодательства представляется формирование комбинированной модели юридической ответственности, предусматривающей распределение рисков между владельцем, производителем и разработчиком программного обеспечения, в зависимости от характера и источника причиненного вреда.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. II) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

2. Гудков Ю. А., Филина Н. В. Экспериментальный правовой режим применения беспилотного транспорта // Динамика развития системы военного образования : материалы VII Международной научно-практической конференции. Омск, 2025.

3. Жарков К. К. Правовой режим внедрения интеллектуальных транспортных систем // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 1 (70).

4. Королева Е. Г. Использование беспилотных транспортных средств на дорогах общего пользования // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования : сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Орел, 2024.

5. Кузьмин И. А. Объективно-противоправное деяние как основание объективной (безвиновной) ответственности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 1 (26).

6. Съедин О. Н., Юстратов Д. В. Развитие нормативной правовой базы для высокоавтоматизированных автотранспортных средств в Федеративной Республике Германия // Научный вестник автомобильного транспорта. 2021. № 3.

7. Халитова Е. М., Тебряев А. А. Субъект гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный технологиями искусственного интеллекта // Правовая реформа. 2024. № 2.

8. Шестак В. А., Волеводз А. Г., Ализаде В. А. О возможности доктринального восприятия системой общего права искусственного интеллекта как субъекта преступления: на примере уголовного законодательства США // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4.

Калугина А. Е.[1],
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

СМАРТ-КОНТРАКТ КАК ДОГОВОРНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Эпоха стремительной цифровизации и быстрого развития блокчейн-технологий принесла с собой множество инноваций, одной из которых является концепция «смарт-контракта». Ее внедрение в различные сферы жизни от финансового сектора до логистики и управления интеллектуальной собственностью открывает новые возможности для минимизации рисков, сокращения издержек и повышения доверия между сторонами без необходимости в посредниках.

Однако, несмотря на технологические преимущества такой конструкции, возникает вопрос о том, может ли она квалифицироваться как полноценный гражданско-правовой договор в пределах действующих правовых норм. Их технические характеристики – программный код как форма выражения воли, автоматическое исполнение условий, неизменность записей в блокчейне – бросают вызов традиционным представлениям о форме сделки, согласии сторон, предмете договора и механизмах защиты прав.

Американский криптограф Ник Сабо, автор данной концепции, рассматривал смарт-контракт не как аналог традиционного договора, а как принципиально новый цифровой институт. По его мнению, в одном случае он представляет собой программные протоколы, автоматически исполняющие условия соглашения, в другом – цифровые наборы обязательств, включающие протоколы, по которым стороны выполняют эти условия [2].

Сущность предложенной концепции заключается в использовании возможностей компьютерных сетей для выполнения сложных алгоритмов и защищенных протоколов, формализующих деловые отношения по аналогии с тем, как право структурирует их в «бумажном» виде. Ник Сабо указывал, что смарт-контракты призваны охватывать технологическими средствами весь жизненный цикл обязательства – от поиска контрагента и ведения переговоров до исполнения и разрешения споров.

---

[1] © Калугина А. Е., 2026.

Примером предшественника смарт-контракта являлся торговый автомат – автономная система, выполняющая условия через механические гарантии безопасности. Смарт-контракты представляют собой эволюцию этого принципа, предлагая внедрять договорные условия (залог, поручительство, переход прав) в защищенные протоколы управления любым оцифрованным имуществом. Изначально данная идея не получила широкого распространения из-за отсутствия соответствующей инфраструктуры, но с появлением технологии блокчейн, в частности платформы Ethereum, смарт-контракты обрели практическую реализацию.

Технологически смарт-контракты не привязаны исключительно к блокчейну, они могут быть реализованы и на традиционных платформах (механических, как торговый автомат, или клиент-серверных, как системы автоматической блокировки банковских карт), однако именно распространение технологий распределенного реестра обеспечило существенный прогресс в реализации данной концепции. В смарт-контрактах обязательства из договора трансформируются в программный код, который автоматически исполняет действия (например, платежи) при наступлении заданных условий. Внешние данные могут поступать через специальные интерфейсы («оракулы»).

Концептуально для создания смарт-контрактов используется программное обеспечение (Contractware), которое оцифровывает контрактные условия, часто по принципу «если – то». Его сочетание с технологией блокчейн дает двойное преимущество: цифровая контролируемая обработка соглашений и защита от последующих манипуляций, неисполнения или неплатежеспособности контрагента.

Для теории частного права, законодательства и правоприменительной практики технология смарт-контрактов является явлением достаточно новым, что порождает острую доктринальную дискуссию относительно их правовой природы. Ключевой вопрос, занимающий умы цивилистов, можно сформулировать так: является ли смарт-контракт самостоятельным гражданско-правовым договором или же это лишь технический способ исполнения обязательств («код»)?

В российской и зарубежной правовой доктрине сложилось несколько подходов к решению этой дилеммы. Ряд исследователей склоняются к признанию смарт-контракта договором. Так, А. И. Савельев определяет его как соглашение, существующее в форме программного кода, который обеспечивает самоисполнимость условий [6]. В свою очередь, Л. А. Новоселова также квалифицирует его как гражданско-правовой договор, отмечая, что в программном коде могут быть выражены условия различных сделок [5].

Противоположной позиции придерживаются специалисты, рассматривающие смарт-контракт исключительно как техническое средство. Так, А. Тюльканов [8] и бельгийский правовед М. Негирран [7] считают, что смарт-контракт – это компьютерная программа или технология, являющаяся производной от договора, но не самим договором. С этой точки зрения, смарт-контракт выступает лишь средством автоматического исполнения уже заключенного соглашения, своего рода «цифровым исполнителем» воли сторон. Аналогичной точки зрения придерживается М. А. Егорова, указывая, что смарт-контракт следует считать способом исполнения обязательств, особенно тех, где передача имуще-

ственного предоставления происходит в цифровой среде (например, криптовалютные транзакции) [9].

Существует и более радикальный подход, выраженный в формуле «Code is Law» («Код есть закон»), подразумевающий создание автономной правовой системы, неподконтрольной традиционному праву. Однако большинство исследователей, включая А. А. Крыцулу, справедливо критикуют этот подход, указывая, что смарт-контракты не могут существовать в правовом вакууме и должны подчиняться императивным нормам национальных законодательств. Смарт-контракт, по сути, выполняет две функции: служит функциональным эквивалентом контракта (определяя условия обмена) и инструментом его исполнения (контролируя и документируя обмен) [4].

За рубежом законодательное регулирование смарт-контрактов развивается более стремительно и порой идет по пути создания специальных норм. В США, где регулирование часто осуществляется на уровне штатов, уже существуют легальные определения. Так, штат Аризона в 2017 г. внес поправки в законодательство, согласно которым «договор не может быть лишен юридической силы только потому, что он является смарт-контрактом». Законодатель Аризоны определяет смарт-контракт как «управляемую событиями программу для ЭВМ, функционирующую в распределенном реестре». Аналогичные нормы приняты в Теннесси, Небраске и Вайоминге, который называют «Делавэром для цифровых активов» [2].

В Европе пионером стала Италия, принявшая в феврале 2019 г. закон, который не только определяет смарт-контракт как программу на базе блокчейна, но и приравнивает его к письменной форме сделки при условии электронной идентификации сторон. Интересен и опыт Республики Беларусь, где Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики» (2017 г.) закрепил определение смарт-контракта как программного кода для автоматизированного совершения сделок, став одним из первых актов в мире, легализовавших этот институт на государственном уровне [1].

Концепция «смарт-контракта» применяется во многих странах мира, в том числе и в России. Так, «Альфа-Банк» и S7 Airlines в декабре 2016 г. провели расчеты по аккредитиву с использованием смарт-контрактов на блокчейн-платформе Ethereum. Суть сделки заключалась в автоматизации платежа: деньги были заблокированы на счете при открытии аккредитива, а их окончательный перевод исполнителю произошел только после подтверждения оказания услуг, что было запрограммировано в контракте. Данный пример показал, как технология может исключать задержки и минимизировать бумажный документооборот в финансовых операциях [4].

В Российской Федерации законодатель пошел не по пути принятия отдельного закона о смарт-контрактах, а по пути адаптации Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) к реалиям цифровой экономики. Важнейшим шагом стало введение в 2019 г. новых положений в ГК РФ. В частности, ст. 309 ГК РФ была дополнена абзацем вторым, который предусматривает возможность исполнения обязательств путем применения информационных технологий без дополнительного волеизъявления сторон («самоисполняемые»

сделки). Эта норма фактически легализует механизм работы смарт-контракта, не вводя самого термина в кодекс. Кроме того, поправки в ст. 141.1 ГК РФ закрепили понятие «цифровых прав», создав базу для оборота токенизированных активов [4].

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах...» также не содержит прямого определения смарт-контракта, однако регулирует выпуск и обращение ЦФА, которые технологически базируются на принципах смарт-контрактов в распределенных реестрах. Таким образом, российский подход заключается в регулировании правовых последствий и механизмов исполнения (ст. 309 ГК РФ) и формы сделки (ст. 434 ГК РФ, признающая электронные документы равнозначными бумажным), а не в детальном описании технологии в законе.

Особый интерес представляет судебная практика, которая начала формироваться еще до вступления в силу основных «цифровых» поправок. Показательным является решение Арбитражного суда Омской области от 27 мая 2019 г. по делу № А46-4990/2019. В данном споре между ООО «Петролеум Трейдинг» и ООО «Ликом» рассматривалось взыскание задолженности по договору поставки [3]. Уникальность дела заключается в том, что стороны заключили дополнительное соглашение, в котором прямо предусмотрели возможность подписания приложений к договору в виде электронного документа, названного ими «блокчейн-контракт». Суд установил, что стороны согласовали использование простой электронной подписи и признали юридическую силу за обменом информацией в электронном виде. Более того, в соглашении использовалась конструкция автоматического акцепта: если покупатель не заявлял отказ от приложения в установленный срок (до 17:00 по МСК), условия считались принятыми («молчание является акцептом»).

Суд признал такую договорную конструкцию легитимной, опираясь на ст. 434 ГК РФ (заключение договора путем обмена электронными документами) и ст. 421 ГК РФ (свобода договора). В решении было подтверждено право сторон согласовывать автоматическое увеличение стоимости товара при просрочке оплаты – механизм, характерный для алгоритмической природы смарт-контрактов. Суд удовлетворил иск, взыскав долг и пени, тем самым подтвердив, что российская правовая система готова признавать юридическую силу сделок, использующих элементы смарт-контрактов (автоматический акцепт, электронная форма, алгоритмические условия), даже если они реализованы через комбинацию традиционных договоров и электронных протоколов.

Таким образом, смарт-контракт в российской правовой системе утверждается не как отдельный вид договора, а как специфическая договорная конструкция и способ исполнения обязательств, сочетающий в себе элементы электронной формы сделки и автоматизированного исполнения.

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо сформулировать развернутый вывод о месте смарт-контракта в современной системе гражданского права.

Во-первых, анализ доктринальных подходов и законодательных инициатив как в России, так и за рубежом (США, Италия, Беларусь) позволяет утверждать, что смарт-контракт не следует квалифицировать как самостоятельный, обособ-

ленный вид гражданско-правового договора (подобно купле-продаже или аренде). Смарт-контракт представляет собой специфическую договорную конструкцию, сочетающую в себе новую цифровую форму сделки и автоматизированный способ исполнения обязательств. Как справедливо отмечается в научной литературе (в частности, в работах Л. Г. Ефимовой и И. Е. Михеевой) [1], правовая природа данного явления дуалистична: для программиста – это код, а для юриста – инструмент, опосредующий юридически значимые действия.

Во-вторых, российский законодатель избрал наиболее взвешенный путь интеграции этой технологии, отказавшись от создания жесткого и узкого специального закона в пользу адаптации общих норм ГК РФ. Введение положений об исполнении обязательств с применением информационных технологий (ст. 309 ГК РФ) легализовало ключевой принцип смарт-контракта – его самоисполнимость. Это означает, что «код» не подменяет собой «право», а служит технической оболочкой для реализации воли сторон, которая по-прежнему подчиняется фундаментальным принципам гражданского законодательства.

В-третьих, рассмотренный пример из судебной практики наглядно демонстрирует, что для легального использования смарт-контрактов в России уже существует достаточная правовая база, основанная на принципе свободы договора (ст. 421 ГК РФ). Суды готовы признавать юридическую силу алгоритмических соглашений, если стороны четко выразили свою волю в «гибридной» форме – закрепив основные условия в традиционном соглашении и делегировав исполнение (акцепт, начисление неустойки) программному алгоритму. Это опровергает популярный в среде криптоэнтузиастов тезис «Code is Law» («Код есть закон») в его радикальном понимании: в случае спора суд анализирует не столько программный код, сколько исходные договоренности сторон и их соответствие нормам права.

Наконец, перспектива развития смарт-контрактов лежит в плоскости их дальнейшей интеграции с реальным сектором экономики через развитие института цифровых прав и цифровых финансовых активов. Однако для массового внедрения этой конструкции необходимо дальнейшее совершенствование механизмов защиты слабой стороны и разрешения коллизий между неизменностью блокчейна и необходимостью внесения изменений в договор (например, при его расторжении или признании недействительным). Смарт-контракт как договорная конструкция эволюционирует от экспериментальной технологии к стандарту автоматизированного делового оборота, где правовые нормы задают «правила игры», а программный код выступает гарантом их безусловного соблюдения.

Список литературы

1. Ефимова Л. Г., Михеева И. В., Чуб Д. В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4.

2. Крыцула А. А. Правовой режим смарт-контрактов: код или договор / А. А. Крыцула // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 56.

3. Решение от 27 мая 2019 г. по делу № А46-4990/2019 // СудАкт.ру.

4. Шушканов П. А., Ряховская Я. О. Смарт-контракты в российской правовой системе // Право и управление. 2022. № 10.

5. Новоселова Л. А. Токенизация объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12.

6. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3.

7. Neguerrand M. Les smart contracts en Belgique: une destruction utopique du besoin de confiance. Dalloz IT/IP. 2019. № 1.

8. Тюльканов А. Блокчейну – да, смарт-контрактам – нет: законодатели Невады определились с понятиями // Zakon.ru. 2017. URL: https: //zakon.ru/ blog/ 20 17/06/19/blokchejnu_-_da_smart-kontraktam_-_net_zakonodateli_ nevady_ opredelilis_s_ponyatiyami.

9. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020.

Климов И. А.[1]*,*
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В условиях стремительного развития информационных технологий, цифровизации общества и роста роли социальных сетей вопросы защиты нематериальных благ приобретают особую актуальность. Хотя законодательство Российской Федерации содержит достаточно норм, направленных на защиту таких ценностей личности, как честь, достоинство, деловая репутация, имя и частная жизнь, реализация этих норм зачастую сталкивается с рядом трудностей.

Среди основных проблем защиты нематериальных благ можно выделить следующие аспекты.

1. Сложности доказывания факта нарушения. Одной из главных проблем является субъективный характер восприятия причиненного морального вреда, что затрудняет его доказывание в суде. В отличие от имущественного ущерба, который можно выразить в денежном эквиваленте, моральный вред носит индивидуальный характер и не всегда поддается объективной оценке. По этому поводу К. Н. Шелегович утверждает, что в силу особого характера нематериальных благ, определение порядка их правовой защиты приводит на практике к большому числу вопросов, связанных с определением действительного факта их нарушения, и, соответственно применения мер гражданско-правового характера для восстановления их целостности и неприкосновенности, компенсации причиненного вреда [5, с. 104].

Например, из решения № 2-2531/2023 от 10 октября 2023 г. по делу № 2-2531/2023 Промышленного районного суда города Оренбурга следует, что на истца обрушилось множество оскорбляющих сообщений в личной переписке по мессенджеру «WhatsApp» [4]; ответчик перешел к оскорблениям личного характера, порочащим честь и достоинство истца, на почве личной неприязни использовал нецензурную брань в адрес истца. Истец требовал взыскать с ответчика 10000 руб. в качестве компенсации морального вреда. Суд требования истца отклонил, сославшись на то, что под распространением сведений, поро-

[1] © Климов И. А., 2026.

чащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу. Сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением, если лицом, сообщившим данные сведения, были приняты достаточные меры конфиденциальности с тем, чтобы они не стали известными третьим лицам [7, с. 237].

2. Недостаточная эффективность способов защиты нарушенных прав. Суды могут применять такие меры, как удаление порочащей информации, запрет на дальнейшее распространение сведений и т. д., однако в интернете эти меры зачастую оказываются недолговременными – информация может быть размещена повторно или сохраниться в кэшированных версиях сайтов. По этому поводу А. А. Палагина утверждает, что владелец сайта или уполномоченное им лицо объективно ограничены в возможности определить достоверность информации, размещаемой на сайте третьими лицами, а потому не обязаны удалять порочащие сведения, если конечно их недостоверность не является очевидной или не установлена вступившим в законную силу решением суда [6, с. 324–326]. Из этого следует, что обязанность по удалению информации в сети Интернет может возникать у владельца сайта лишь при наличии объективных и юридически значимых оснований – очевидной недостоверности сведений либо вступившего в законную силу судебного акта. До наступления указанных условий владелец ресурса не располагает ни необходимыми сведениями, ни соответствующими полномочиями для самостоятельной оценки достоверности информации, размещаемой третьими лицами, что исключает возможность возложения на него расширенной ответственности.

3. Низкая степень осведомленности граждан. Низкий уровень правовой информированности граждан существенно ограничивает реализацию предусмотренных гражданским законодательством механизмов защиты нематериальных благ. На практике многие лица не осознают содержание и объем прав, закрепленных в ст.ст. 150, 152, 152.1 и 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а также не владеют процессуальными навыками их осуществления. Вследствие этого нарушения права на изображение, неприкосновенность частной жизни, защиту чести, достоинства и деловой репутации нередко остаются без надлежащей правовой реакции, что способствует бесконтрольному распространению противоправной информации в цифровой среде.

Эффективность гражданско-правовой охраны нематериальных благ напрямую зависит не только от нормативного закрепления соответствующих прав, но и от уровня их осознания носителями. Отсутствие правовых знаний фактически нивелирует защитный потенциал ст.ст. 150 и 152–152.2 ГК РФ, снижая превентивное значение правового регулирования.

4. Несоответствие законодательства современным реалиям. Нормативное регулирование защиты нематериальных благ формировалось в условиях, когда цифровая среда не оказывала существенного влияния на способы нарушения личных неимущественных прав, что предопределило его ограниченную адаптацию к современным реалиям. В результате такие формы посягательств, как кибербуллинг, использование имени и изображения гражданина в мошеннических целях, создание фиктивных аккаунтов, а также распространение информации с применением автоматизированных технологий и систем искусственного интеллекта, длительное время находились вне сферы четкого правового регулирования. Как справедливо отмечает М. О. Текучева, лишь в последние годы наметилась тенденция к последовательному законодательному осмыслению указанных явлений, тогда как ранее защита нематериальных благ в сети Интернет была затруднена вследствие отсутствия нормативных конструкций, способных охватить соответствующие правоотношения [7, с. 237]. В этих условиях приоритетной задачей становится дальнейшее развитие гражданско-правового регулирования, ориентированного на защиту прав, нарушенных в цифровой среде, включая формирование точных юридических дефиниций и механизмов защиты, адекватных характеру современных информационных угроз.

Безусловно, можно найти различные пути решения таких проблем. Поскольку развитие правовых норм зачастую не успевает за динамикой развития цифровой среды, представляется необходимым разработать специальные нормативные акты, которые детально регулировали бы защиту нематериальных благ, в том числе и в сети Интернет, также необходимо установить в них четкие временные рамки для удаления порочащей и недостоверной информации из электронных ресурсов.

Проведенный анализ показывает, что защита нематериальных благ в условиях цифровизации сталкивается с системными трудностями, обусловленными как спецификой самих личных неимущественных прав, так и особенностями их нарушения в современной информационной среде. Наиболее уязвимым элементом правоприменения остается доказывание факта посягательства и объема морального вреда, что связано с оценочным характером соответствующих категорий и формализованным подходом судов к понятию распространения порочащих сведений. В результате значительная часть нарушений, особенно совершаемых в закрытых цифровых каналах, оказывается выведенной за пределы эффективной судебной защиты.

Одновременно выявляется ограниченная результативность традиционных гражданско-правовых способов охраны нематериальных благ при их применении в сети Интернет. Механизмы удаления информации и запрета ее распространения не обеспечивают устойчивого правового эффекта, а действующая модель ответственности владельцев информационных ресурсов объективно не ориентирована на оперативное пресечение нарушений. Дополнительным фактором, снижающим защитный потенциал законодательства, выступает недостаточный уровень правовой осведомленности граждан, что препятствует своевременному использованию предусмотренных законом средств защиты и ослабляет превентивную функцию гражданского права.

В совокупности указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития гражданско-правового регулирования защиты нематериальных благ с учетом трансформации способов информационного взаимодействия. Требуется адаптация нормативных конструкций к цифровой среде, формирование четких правовых механизмов реагирования на новые формы посягательств, а также установление процессуально определенных и оперативных процедур устранения недостоверной информации. Последовательная реализация данных направлений позволит повысить эффективность охраны личных неимущественных прав и обеспечить их реальное функционирование в условиях цифрового общества.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: www. pravo. gov.ru.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

4. Решение Промышленного районного суда г. Оренбурга (Оренбургская область) по делу № 2-2531/2023 от 10 октября 2023 г. по делу № 2-2531/2023//sudact.ru. URL: https:// sudact.ru/regular/doc/WzmEgDEtMQWT/?ysclid=mjojw35pv739665906.

5. Шелегович К. Н. Правовое регулирование защиты чести, достоинства и деловой репутации в Российской Федерации. Тюмень, 2019.

6. Палагина А. А. Механизм правовой защиты чести и достоинства при распространении порочащей информации в сети Интернет: взгляд высших судов // Молодой ученый. 2017. № 2 (136). URL: https:// moluch.ru/ archive/ 136/ 38135.

7. Текучева М. О. Актуальные проблемы защиты нематериальных благ в сети Интернет // Вестник науки. 2025. № 2 (83). URL: https://www.вестник-науки.рф/ article/21237.

Колесникова Е. А.[1]*,*
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Максимова И. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРИМЕНЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ЗАЩИТЕ АВТОРСКИХ ПРАВ В ОНЛАЙН-СРЕДЕ

В условиях цифровой трансформации общества вопросы защиты авторских прав приобретают особую актуальность. Глобальная сеть Интернет, став универсальной платформой для распространения контента, одновременно создала беспрецедентные возможности для нарушения исключительных прав правообладателей. Массовый характер нарушений, трансграничность цифровой среды и технологическая асимметрия между правообладателями и нарушителями формируют комплекс правовых проблем, требующих системного анализа и выработки эффективных механизмов защиты.

Современное российское законодательство закрепляет широкий спектр мер ответственности за нарушение авторских прав: гражданско-правовые (ст. 1252 ГК РФ), административные (ст. 7.12 КоАП РФ) и уголовные (ст. 146 УК РФ). Однако их применение в онлайн-среде сталкивается с существенными затруднениями, обусловленными спецификой цифрового пространства. Ключевая проблема заключается в идентификации нарушителя: использование анонимайзеров, VPN-сервисов, динамических IP-адресов позволяет злоумышленникам скрывать свою личность и географическое местоположение, что затрудняет предъявление исковых требований и исполнение судебных решений.

Особую сложность представляет доказывание факта нарушения. В отличие от материального мира, где контрафактная продукция имеет осязаемую форму, цифровой контент копируется мгновенно и без потери качества, распространяясь по множеству узлов сети. Судам приходится оценивать скриншоты, цифровые следы, логи серверов, что требует специальных познаний в области информационных технологий. При этом оперативность фиксации доказательств критически важна: контент может быть удален в течение минут после публикации. В этой связи возрастает значение нотариального обеспечения доказательств (ст. 102 Основ законодательства о нотариате), однако и этот механизм не лишен недостатков – нотариусы зачастую не обладают необходимой технической компетенцией для корректного закрепления цифровых доказательств.

[1] © Колесникова Е. А., 2026.

Гражданско-правовые способы защиты, предусмотренные ст. 1252 ГК РФ, в онлайн-контексте демонстрируют ограниченную эффективность. Требование о возмещении убытков сталкивается с проблемой их доказывания: правообладатель должен подтвердить размер реального ущерба и упущенной выгоды, что в условиях цифрового пиратства крайне затруднительно. Компенсация в твердой сумме (от 10 тыс. до 5 млн руб.) или в двукратном размере стоимости контрафакта (п. 3 ст. 1252 ГК РФ) хотя и упрощает процесс взыскания, но не всегда соответствует масштабу нарушения. Судебная практика показывает, что суды нередко снижают размер компенсации, ссылаясь на принцип соразмерности, что снижает стимулирующий эффект данной меры ответственности [3, с. 45–47].

Эффективным инструментом противодействия онлайн-пиратству стало предварительное обеспечение иска (ст. 1302 ГК РФ), позволяющее оперативно блокировать ресурсы, распространяющие контрафактный контент. Механизм внесудебных блокировок, предусмотренный ст. 15.2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ускорил процесс пресечения нарушений, однако породил новые проблемы. Во-первых, возникает риск злоупотребления правом со стороны правообладателей, инициирующих блокировки без достаточных оснований. Во-вторых, технические особенности функционирования Интернета позволяют нарушителям быстро перемещать контент на новые адреса, что превращает борьбу с пиратством в «игру в прятки».

Административная ответственность за нарушение авторских прав в сети (ст. 7.12 КоАП РФ) применяется редко ввиду сложности доказывания состава правонарушения. Для привлечения к ответственности необходимо установить вину лица, размер незаконного использования, а также связь между действием и последствием – задачи, практически невыполнимые в условиях анонимного Интернета. Кроме того, предусмотренные санкции (штрафы до 2 тыс. руб. для граждан и до 40 тыс. руб. для юридических лиц) несоизмеримы с доходами, получаемыми от незаконного распространения контента, что нивелирует превентивный эффект нормы [7, с. 112–114].

Уголовная ответственность по ст. 146 УК РФ теоретически способна стать действенным средством борьбы с масштабным цифровым пиратством. Однако ее применение ограничено высокими порогами крупного (свыше 100 тыс. руб.) и особо крупного (свыше 1 млн руб.) размера ущерба, которые в онлайн-среде достигаются лишь при систематической коммерческой деятельности. Следственные органы сталкиваются с трудностями в определении стоимости незаконно распространенного контента, особенно если он распространялся бесплатно, но приводил к упущенной выгоде правообладателя. Кроме того, трансграничный характер нарушений требует международного сотрудничества, которое зачастую замедляет процесс привлечения к уголовной ответственности [5, с. 88–90].

Существенной проблемой остается баланс между защитой авторских прав и конституционными свободами (ст. 29 Конституции РФ). Чрезмерно жесткие меры пресечения могут ограничивать доступ к информации, нарушать принцип сетевого нейтралитета и препятствовать развитию цифровых сервисов. Так,

массовые блокировки сайтов по принципу «одного нарушителя» затрагивают законный контент, размещенный на том же ресурсе, что противоречит принципу дифференцированного подхода к ответственности [2, с. 67–69].

Технологическое развитие порождает новые формы нарушений: стриминг нелицензионного контента, распространение через мессенджеры и социальные сети, использование облачных хранилищ для размещения пиратских копий. Законодательство не успевает адаптироваться к этим вызовам: например, статус временных копий контента в оперативной памяти устройств до сих пор не имеет четкой правовой регламентации, что создает правовую неопределенность при квалификации действий пользователей [9, с. 154–156].

Для повышения эффективности применения мер ответственности необходимо:

1. Совершенствовать механизмы идентификации нарушителей в сети, включая развитие систем цифрового следа и взаимодействие с интернет-провайдерами.
2. Упростить процедуру доказывания убытков в цифровой среде, введя презумпцию размера ущерба на основе статистических данных о рыночных ценах на аналогичный контент.
3. Расширить применение альтернативных способов защиты, таких как принудительное удаление контента через хостинг-провайдеров на основании судебного акта.
4. Повысить размеры административных штрафов с учетом потенциальной прибыли от незаконного использования.
5. Развивать международное сотрудничество в сфере борьбы с цифровым пиратством, включая унификацию процедур экстрадиции и взаимной правовой помощи.
6. Внедрять технологические решения (цифровые водяные знаки, блокчейн-реестры авторских прав) для упрощения доказывания принадлежности прав и факта нарушения.
7. Проводить правовое просвещение пользователей о последствиях нарушения авторских прав в онлайн-среде.

Таким образом, применение юридических мер ответственности в сфере защиты авторских прав в онлайн-среде требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование законодательства, развитие судебной практики и внедрение технологических инструментов. Только сбалансированная система мер, учитывающая специфику цифровой среды, способна обеспечить эффективную защиту интеллектуальных прав без ущерба для развития информационного общества.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020 № 31. Ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. IV) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3448.

6. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 22.07.2024) // Ведомости СНД и ВС Российской Федерации. 1993. № 10. Ст. 357.

7. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. М. : Юрайт, 2023.

8. Моргунова Е. А. Авторское право: проблемы и перспективы развития // Закон. 2022. № 5.

9. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М. : Проспект, 2024.

10. Тихомиров Ю. А. Цифровые технологии и право: вызовы современности // Журнал российского права. 2023.

Котенко А. В.[1],
командир отделения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Шаповалов Я. А.,
старший преподаватель кафедры
гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридической наук

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОТКАЗА ОТ ВЫПЛАТЫ СТРАХОВОГО ВОЗМЕЩЕНИЯ

Сегодня все больше людей принимают решение о защите своего имущества путем добровольного страхования. К сожалению, сфера страхования имеет немало проблем. Одной из наиболее острых проблем, затрагивающих как интересы страховщиков, так и страхователей, является отказ в выплате страхового возмещения [9, с. 46]. Страховые компании используются различные способы, чтобы не выплачивать страховую выплату, иногда нарушая при этом законодательство нашей страны.

Отказ от выплаты страхового возмещения происходит в случаях, когда страховая компания считает, что наступление страхового случая или его последствия не соответствуют условиям договора. Законодатель закрепил основания для такого отказа в гл. 48 и 49 Гражданского кодекса, а также в Законе Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27 ноября 1992 г. № 4015-1.

К ним относятся:

1. Нарушение условий договора страхования, например, несоблюдение сроков уведомления страховщика о страховом случае.

2. Исключения из страхового покрытия. Так, некоторые риски изначально не входят в договор, например, такие как ущерб в результате форс-мажорных обстоятельств.

3. Предоставление ложных сведений, например, если страхователь сообщил неверные или неполные данные при заключении договора, это может послужить основанием для отказа.

4. Отсутствие доказательств наступления страхового случая, что особенно актуально в ситуациях, когда страхователь не может подтвердить причинно-следственную связь между событием и убытками [2].

---

[1] © Котенко А. В., 2026.

Одной из ключевых теоретических проблем является поиск баланса между интересами страховщика и страхователя. Страховые компании, с одной стороны, заинтересованы в минимизации расходов и предотвращении мошенничества, а страхователи ожидают справедливого возмещения убытков, что является сутью страхования. На практике договоры часто содержат сложные неоднозначные формулировки, которые затрудняют получение страхователями положенных им денежных средств. Например, профессор В. В. Шахов отвечает в своей работе «Страховое дело», что сегодня эта проблема проявляется через использование в договоре терминов вроде «умышленное действие» или «непредвиденное обстоятельство», которые могут толковаться по-разному [11, с. 99]. Использование понятий такого рода часто приводит к частичному или полному непониманию страхователя условий договора и приводит к нарушению его прав и законных интересов.

Еще одной немаловажной теоретической проблемой является недостаточная разработанность отдельных вопросов, касающихся, например, добросовестности сторон или обязательного страхования в определенных секторах (например, ОСАГО) [7, с. 11].

Основной проблемой в отказе выплаты страхового возмещения на практике являются различные злоупотребления со стороны страховщиков. Такие злоупотребления часто проявляются в попытках страховых компаний уклонится от исполнения своих обязательств. Наиболее распространенными проявлениями этого являются следующие.

Затягивание сроков рассмотрения дела.

Использование формальных оснований для отказа, которые, как правило, не связаны напрямую с характером страхового случая. Так, например, Верховный Суд Российской Федерации (ВС РФ) рассмотрел спор о договоре страхования жилого дома. Страховщик отказал в выплате, утверждая, что страхователь не указал год постройки дома, который мог бы повлиять на решение о заключении договора. ВС РФ постановил, что если страховщик не запросил эту информацию на этапе заключения договора, то он не вправе ссылаться на ее отсутствие как на основание для отказа в выплате. Суд подчеркнул, что договор был действителен, так как страховая премия была уплачена, а полис выдан. Суд отказ страховщика признал неправомерным [13].

Требование избыточных документов [5]. Так, например, п. 52 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» закрепляет, что недопустим отказ в рассмотрении заявления о наступлении страхового случая и выплате страхового возмещения на основании непредставления страхователем (выгодоприобретателем) отдельных документов, предусмотренных договором (правилами) страхования, в случае, когда представленных страхователем (выгодоприобретателем) документов достаточно для принятия решения о выплате страхового возмещения [16].

Еще одной немаловажной проблемой на практике является недостаток доказательственной базы. Например, при дорожно-транспортных происшествиях часто могут отсутствовать записи с видеорегистраторов или камер видеона-

блюдения, которые могли бы быть использованы в качестве доказательств, что делает ситуацию спорной и затрудняет ее объективное рассмотрение [12, с. 65].

Также сегодня распространены случаи мошенничества со стороны страхователей, которые намеренно увеличивают сумму ущерба или инсценируют страховой случай. Например, приговором Центрального районного суда города Новокузнецка признана виновной группа лиц, которые инсценировали несколько ДТП в местах, где отсутствовали камеры видеонаблюдения, с целью получения выплат от ООО СК «Гелиос» и АО «СОГАЗ». Суд назначил им наказание в виде лишения свободы, а также взыскал с них денежную компенсацию [15].

Путем решения данных проблем может являться совершенствование и дальнейшая детализация страхового законодательства, в том числе:

Повышение прозрачности страховой деятельности., что заключается в совершенствование новых технологий и может позволить создать доступные базы данных по страховым случаям и выплатам. Кроме того, цифровизация взаимодействия между страховщиком и страхователем могут снизить уровень конфликта и повысить доверие к страховым компаниям.

Образование и информирование страхователей, так как сегодня многие страхователи не до конца понимают условия договоров и свои права. Информирование населения о правилах страхования и обязанностях сторон поможет уменьшить количество спорных ситуаций. В этом плане с положительной стороны можно оценить введение обязанности страховщиков по предоставлению страхователям ключевого информационного документа. Данная обязанность была введена с 1 апреля 2023 г. Ключевой информационный документ должен содержать информацию об основных условиях страхового объема, а именно о перечне страховых рисков, событиях, которые не являются страховым случаем, порядке получения страховой выплаты, основаниях для возврата страховой премии и досудебном урегулировании спора.

Введение обязательной медиации перед судебным разбирательством может сократить количество судебных споров и помочь сторонам прийти к компромиссу. Федеральным законом от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» установлено право граждан обращаться к финансовому уполномоченному для защиты своих прав от произвола всех видов страховых организаций, кроме страховых организаций, осуществляющих обязательное медицинское страхование.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что отказ от выплаты страхового возмещения имеет много проблемных аспектов как в теории, так и на практике. Для их решения необходимо доработать законодательные нормы, связанные со страхованием, повысить правовую грамотность страхователей, а также сделать данную отрасль более прозрачной. Это требует совместных усилий законодателя, страховых компаний и самих страхователей, чтобы минимизировать конфликты и повысить доверие к страховым институтам и повысить защищенность прав и законных интересов граждан нашей страны.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. II) : Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга четвертая. Договоры о страховании. М. : Статут, 2002.
4. Иоффе О. С. Обязательственное право. М. : Юридическая литература, 1975.
5. Анохин Е. А. Международное и национальное страховое право. М. : Проспект, 2019.
6. Трухачев В. В. Правовые основы страховой деятельности в России. СПб. : Юридический центр Пресс, 2020.
7. Левин Б. М. Страхование: правовые основы и практика. М. : Дело и сервис, 2018.
8. Романов Е. В. Судебная практика по страховым спорам // Журнал российского права. 2021. № 5.
9. Назарова М. В. Особенности разрешения споров в страховании: теория и практика // Юридическая наука и практика. 2020. № 4.
10. Андреев А. В. Отказ в страховых выплатах: анализ судебной практики // Вестник гражданского права. 2019. № 3.
11. Шахов В. В. Страховое дело. М. : Финансы и статистика, 2021.
12. Баринов А. А. Медиация в страховых спорах: перспективы и проблемы // Право и экономика. 2020. № 7.
13. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Практика по спорам, связанным с отказом в выплатах страхового возмещения. URL: www.vsrf.ru.
14. Рекомендации Банка России по урегулированию споров в страховой сфере (2023) // URL: https://cbr.ru/.
15. Приговор № 1-169/2020 от 6 февраля 2020 г. по делу № 1-169/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/uReUSpeH1DWv.
16. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» // СПС «КонсультантПлюс».

Крысанова-Кирсанова И. Г.[1],
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

КОМПЕНСАЦИОННАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

В последнее время участились случаи обращения граждан о защите своих прав в результате неправомерных действий государственных органов.

Законодательство в этой области развивалось на протяжении длительного времени. Понятие деликтной ответственности пришло в современное законодательство со времен Римского права. В Российском правопорядке нормы касающиеся ответственности государственных учреждений за вред, причиненный неправильными служебными действиями их должностных лиц предусматривался в первом проекте ГК РСФСР 1922 г. Позже, в период политических репрессий, практика применения этих норм была утрачена по понятным причинам. Формирование законодательства о возмещении вреда стало возможным только в 60-х гг. прошлого столетия. Прототипы современных норм о деликтной ответственности государственных органов появились в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г.

Нормы о возмещении вреда, причиненного действиями государственных органов и их должностными лицами, является важным прорывом в формировании современного гражданского законодательства России, поскольку затрагивает права и интересы граждан. Основные нормы, регулирующие этот вопрос, содержатся в Гражданском кодексе Российской Федерации, в ст.ст. 1069 и 1070, которые определяют условия ответственности за причинение вреда в результате действий указанных субъектов [2, с.134].

Согласно ст. 1069 Гражданского кодекса, ответственность органов государственной власти за причинение вреда возникает только в том случае, если действия должностного лица были осуществлены при исполнении служебных обязанностей. В то же время ст. 1070 ГК РФ уточняет, что к таким действиям относятся действия органов дознания и судов, где возмещение может покрывать ущерб, причиненный незаконными действиями [6, с.19].

Конституционное право на возмещение вреда, признанное ст. 53 Конституции Российской Федерации, обеспечивает правовую основу для охраны прав граждан. Однако, несмотря на наличие указанных норм, правоприменение в данной сфере сталкивается с рядом проблем. Успехом межотраслевого взаимодействия выступает баланс между соединением личных и общественных ин-

[1] © Крысанова-Кирсанова И. Г., 2026.

тересов, причем при возникновении деликтной ответственности преобладает публичноправовая составляющая.

Ключевым принципом гражданско-правовой ответственности служит равноправие сторон, исключающее отношения субординации. Отсюда видно, что юридическая природа гражданско-правовой ответственности сохраняет классические признаки, характерные также для деликтной ответственности государственных служащих и властных структур. Анализируя нормы права, регулирующие обязательства, возникающие вследствие правонарушений, важно отметить, что гражданское законодательство ориентировано преимущественно на защиту пострадавших лиц. Однако элементы социальной справедливости менее выражены именно в сфере гражданско-правовых санкций, включая ответственность госорганов.

Такое положение обусловлено с характерными особенностями механизма реализации восстановления нарушенных прав потерпевших в рамках деликтной ответственности органов государственной власти и их должностных лиц.

Одной из специфических черт характерной для деликтной ответственности органов государственной власти является определение субъектов подлежащих привлечению к ответственности за причинение вреда и его возмещению, поскольку подобная ответственность возлагается на публичные образования, в лице Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальные образования. Являясь особым субъектом участвующим в гражданско-правовых отношениях, государство представляет собой орган суверенной власти, наделенный такими правомочиями как правоспособность и деликтоспособность. Таким образом, именно государство принимает на себя обязательство по исковым требованиям предъявленным к казне. Деликтная ответственность органов государственной власти и его должностных лиц в общем виде является совместной имущественной ответственностью Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований, которая подлежит реализации за счет казны в связи с причинением вреда. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что деликтная ответственность органов государственной власти и их должностных лиц, представляет собой предусмотренную в законе или договоре имущественную обязанность, реализация которой является имущественная компенсация или возмещение ущерба в пользу потерпевшего. Восстановительный характер деликтной ответственности имеет приоритетное значение, поскольку конечной целью является восстановление положения существовавшего до нарушения.

Финансирование возмещения ущерба, причиненного государственными органами и должностными лицами, представляет собой сложный и многоступенчатый процесс, охватывающий как юридические, так и финансовые аспекты. Особые трудности возникают при формировании механизма для обеспечения возмещения ущерба в случае законных действий органов государственной власти, что требует четкого алгоритма правоприменения и наличия судебной практики.

Привлечение к гражданско-правовой ответственности требует выполнения четырех ключевых условий: наличия неправомерных действий; наступления ущерба вследствие указанных действий; прямой взаимосвязи между правонарушением и ущербом; виновности лица, нанесшего вред (гл. 59 Гражданского

кодекса Российской Федерации). При этом первые три условия обязательны, тогда как вина является дополнительным условием, поскольку отдельные случаи предусматривают ответственность даже при отсутствии вины.

Согласно действующим правовым нормам, возмещение вреда гражданам, причиненного действиями государственных органов, осуществляется на основании ст. 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. При реализации этой нормы особое значение имеет отсутствие противоправного поведения со стороны причинителя вреда и носит гражданско-правовой характер внедоговорного обязательства. Это дает основания полагать, что в случае правомерности действий со стороны органов власти они все же могут привести к ущербу, который должен быть возмещен. Случаи применения норм об ответственности в отношении причинения вреда правомерными действиями государственных органов четко прописаны в нормативных актах, регламентирующих обязательства государственных структур перед гражданами.

Указанная норма закона устанавливает обязательность возмещения ущерба в случаях, когда причинителями являются государственные органы и их должностные лица. В этом плане ключевым является наличие у истца доказательств того, что ущерб возник именно в результате правомерных действий, что создает определенные сложности в правоприменении. Зачастую возникает необходимость в дополнительных экспертизах и оценках, которые требуют значительных временных и финансовых затрат.

Финансирование возмещения ущерба осуществляется за счет средств федерального бюджета, бюджета субъектов Российской Федерации или местного бюджета, что также накладывает определенные ограничения на возможность возмещения. Основной проблемой здесь является наличие установленного лимита по выплатам, который зачастую недостаточен для полного удовлетворения требований пострадавших. Таким образом, в случае массовых обращений граждан в связи с действиями государственного органа, бюджет может не справиться с возложенными обязательствами.

Важным аспектом правоприменения является вопрос о порядке возмещения ущерба, который определяется индивидуально для каждого случая. Особого внимания заслуживают моменты связанные с оценкой ущерба и его обоснованием при подачи исковых заявлений, что в свою очередь препятствует восстановлению нарушенных прав граждан. Вместе с тем существует трудности касающиеся распределения бремени доказывания. Законодательно такая обязанность лежит на истце, однако наличие на практике противоречий правоприменения и отсутствие четких механизмов создают сложности в защите своих прав гражданам. Исходя из судебной практики, случаи, когда суды отказывают в удовлетворении исков, часто являются результатом недостаточной доказательной базы со стороны истцов и неопределенности в правилах возмещения.

В заключение, финансирование возмещения ущерба от действий государственных органов зависит не только от наличия средств в бюджете, но и от четкости правовых норм, детализирующих процесс компенсации. Необходима работа над гармонизацией законодательства, которая бы учла как интересы

граждан, так и возможности государства, создавая сбалансированную систему, способную оперативно реагировать на потребности общества.

Список литературы

1. Агибалова Е. Н. Деликтные обязательства. Волгоград, 2021.
2. Вершинин А. Е. Особенности гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный государственными органами // Вестник магистратуры. 2022. № 11.
3. Войтенко О. Н. Конституционно-правовые основы возмещения гражданам вреда, причиненного незаконными действиями представителей органов публичной власти // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (36).
4. Дерюгина Т. В. Проблемы определения условий гражданско-правовой ответственности государственных, муниципальных органов, их должностных лиц // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7.
5. Кабанова И. Е. Гражданско-правовая ответственность публичных субъектов: вопросы теории и практики: монография. М. : Юстицинформ, 2018.
6. Шубин Д. В. Порядок возмещения вреда, причиненного государственными органами и должностными лицами // Отечественная юриспруденция. 2017. № 5.

Кузбагаров Э. А.[1],
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

ЦИФРОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Активное развитие цифровых технологий обусловило появление новых форм общественных отношений, нуждающихся в адекватном правовом регулировании. Законодатель ответил на появившиеся относительно новые явления внесением изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ, введя понятие «цифровые права» в перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) и закрепив их определение в ст. 141.1 ГК РФ. Однако, как показывает анализ научных трудов, данное законодательное решение породило множество теоретических проблем и не сняло существовавшую неопределенность.

1. Цифровые отношения как предмет правового исследования.

Научно-технический прогресс последних двадцати пяти лет позволил перенести сложившиеся общественные отношения, как социальное явление, в цифровую среду. Такие отношения мы стали называть цифровыми отношениями, однако они не перестали быть общественными в традиционном их понимании. Потребность придания обычным общественным отношениям цифровой формы продиктована экономическими потребностями общества использующее новые цифровые технологии, которые позволяют быстро, просто, дешево распределять блага в цифровой форме.

Не менее сложной является проблема определения правовой природы цифровых отношений. С. К. Банакас, Д. А. Петров, В. Ф. Попондопуло и Е. В. Силина предлагают принципиально важное методологическое различение: «Цифровое право – это не отдельное подразделение в системе права, а цифровая форма частных и публичных цифровых отношений, которая требует новых подходов к их регулированию, но не подмены содержания цифровых отношений их формой» [2].

Авторы обоснованно разделяют цифровые отношения на два принципиально различных типа:

– частные цифровые отношения – «являются результатом правовой коммуникации (саморегулирования) участников цифровых отношений»;

– публичные цифровые отношения – «являются не отношениями права, а отношениями власти и подчинения (властеотношениями)» [2].

---

[1] © Кузбагаров Э. А., 2026.

Такой дифференцированный подход позволяет избежать концептуальной путаницы и выработать адекватные методы регулирования для различных по своей природе отношений.

2. Проблема неопределенности «цифровых прав» в цивилистике.

В частном праве выработано несколько правовых режимов имущественным правоотношений: вещное право, обязательственное право, корпоративное право, интеллектуальные права. В 2019 г. в ст. 128 ГК РФ был добавлен новый объект гражданских прав – цифровые права. Уже сам факт отнесения цифровых прав к объектам гражданских прав вызвал критику в научной среде и породил ряд вопросов: «являются ли цифровые права новым правовым режимом имущественных прав или это разновидность уже имеющихся прав?»

Согласно п. 1 ст. 141.1 ГК РФ, «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам». При анализе легального определения становится ясно, что цифровые права – это форма уже хорошо известных нам обязательственных, корпоративных и иных прав, которые могут существовать в рамках информационной системы отвечающей требованиям закона.

Е. Н. Агибалова последовательно доказывает, что «введение в гражданское законодательство понятия «цифровые права» в том виде, в каком оно представлено сегодня не вполне обоснованно, а отнесение таких прав к объектам гражданского права нелогично» [1]. Она аргументирует эту позицию тем, что термин «цифровые» указывает лишь на форму содержания прав и среду, где они существуют, а не на их качественное содержание. Действительно, мы не включаем в перечень объектов гражданских прав «бумажные права» или «папирусные права», что делает законодательную конструкцию внутренне противоречивой.

Схожей позиции придерживается Р.С. Бевзенко, который, по свидетельству Е. Н. Агибаловой, утверждает, что «цифровые права – это не самостоятельный вид объектов гражданских прав. Это – форма существования прав на имущество» [1]. Такой подход представляется методологически более верным, поскольку он позволяет сохранить единство системы объектов гражданских прав, не создавая новых искусственных.

Особую проблему представляет чрезмерная широта законодательного определения. Как справедливо отмечается в Экспертном заключении по проекту федерального закона № 424632-7, процитированном Е. Н. Агибаловой, данное определение «можно включить любые права, фиксируемые в цифровой форме» [1]. Это создает правовую неопределенность и затрудняет правоприменительную практику.

3. Особенности частных правоотношений обличенных в цифровую форму.

Первая особенность. Поскольку цифровые права могут существовать только в специальных цифровых системах, в отношениях между кредитором и должником появляется третье лицо – оператор информационной системы. Задача последнего сводится к обеспечению работоспособности системы, где фиксируются цифровые права, а также оказанию посреднических услуг по осуществле-

нию прав каждой из сторон. Так при продаже цифрового права оператор должен отразить его переход и возникновение у покупателя. По общему правилу результат перехода права происходит в автоматическом режиме, поскольку цифровые системы живут и работают по «своим» законам, и позитивный закон никак не влияет на работу системы в целом.

Вторая особенность. Воля и волеизъявление в цифровой среде специфично, чем вне ее. Так если говорить об отношениях, не осложненных цифровой составляющей, то при совершении сделки необходимо совпадение воли и волеизъявления. В цифровой среде воля и волеизъявление совпадают автоматический, особенно если речь идет о смарт-контракте, как способе исполнения обязательства. Проблемой такого автоматического совпадения воли и волеизъявления может быть ситуация, когда отчуждение цифрового права произошло не в результате добровольно принятого на себя автоматического исполнения, а злонамеренных действий третьих лиц. Формально с точки зрения системы, где существует цифровое право, исполнение произошло в результате совпадения воли и волеизъявления стороны. Тогда потерпевшей стороне не обходимо обращаться в правоохранительные органы и к оператору информационной системы для фиксации следов взлома системы и надеяться на благоприятный исход дела.

Третья особенность состоит в свойствах, которыми наделяется цифровое право в пределах информационной системы, что составляет правовой режим этого права (объекта прав). Собственно, именно те правила, с которыми соглашается пользователь системы, при регистрации устанавливают, в том числе порядок использования, распоряжения цифровым правом.

4. Позиция автора.

На основе анализа представленных научных позиций можно сформулировать следующие тезисы.

Критика сторонников концепции «цифровые права» новый объект гражданских прав является обоснованной. Действительно, цифровые права представляют собой не новый объект гражданских прав, а новую форму фиксации и осуществления традиционных субъективных прав. Более точным было бы закрепление понятия «права, выраженные в цифровой форме», что соответствовало бы их действительной правовой природе.

Методологическое различение частных и публичных цифровых отношений представляется эвристически плодотворным. Оно позволяет избежать концептуальной путаницы и разработать дифференцированные подходы к регулированию. Частные цифровые отношения по своей сути являются правоотношениями, тогда как публичные - властеотношениями.

Перспективным направлением развития законодательства представляется не создание новых искусственных конструкций, а адаптация существующих гражданско-правовых институтов к цифровой среде. Как справедливо отмечает С. В. Сарбаш, «цифровое право – это оформление любого известного права: вещного, обязательственного, корпоративного, исключительного, личного, т. е. лишь его форма, не более» [1].

Заключение.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Существующее законодательное определение цифровых прав как объекта гражданских прав является теоретически несостоятельным и создает практические трудности в правоприменении.

2. Цифровые отношения не представляют собой единого явления и должны дифференцироваться на частные и публичные с применением к ним различных методов правового регулирования.

3. Перспективным направлением совершенствования законодательства является отказ от создания искусственных конструкций в пользу адаптации традиционных гражданско-правовых институтов к цифровой среде.

4. Представляется целесообразным внесение изменений в ст.ст. 128 и 141.1 ГК РФ в части уточнения понятийного аппарата и отказа от квалификации цифровых прав как самостоятельного объекта гражданских прав. Это позволит преодолеть существующую теоретическую неопределенность и создать более эффективные механизмы регулирования цифровых отношений.

Список литературы

1. Агибалова Е.Н. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Юридический вестник ДГУ. 2020. Т. 33. № 1.

2. Цифровые отношения как предмет правового исследования [С. К.Банакас и др.] // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2023. № 2.

Максимов В. А.[1],
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

ЦЕЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

В современной цивилистике категория «гражданский оборот» является одной из ключевых и широко используемых в теории права. Однако в научной доктрине отсутствует единство взглядов относительно ее целевого назначения. Одни исследователи полагают, что гражданский оборот направлен на переход прав и обязанностей от одного субъекта к другому. Другие утверждают, что его основное предназначение заключается в обеспечении динамики объектов гражданских прав. Высказываются также позиции, согласно которым оборот способствует изменению субъектного состава правоотношений, поддержанию их динамики, а также служит удовлетворению потребностей участников гражданских правоотношений.

Анализ существующих точек зрения позволяет сделать вывод о том, что гражданский оборот представляет собой правомерное отчуждение или переход объектов гражданских прав от одного лица к другому. В этом контексте динамика объектов (их отчуждение или переход) и динамика прав (передача от одного субъекта к другому, прекращение права у одного и возникновение у другого) в совокупности составляют явление гражданского оборота. Следовательно, они являются элементами единого механизма, позволяющего достичь определенной цели, но не целью как таковой. Цель же – это желаемая конечная точка процесса, состояние, которого необходимо достичь, в отличие от самого процесса. Таким образом, интерпретация гражданского оборота как самоцели является методологически ошибочной.

Особую роль в понимании сущности гражданского оборота играет характеристика объектов гражданских прав как благ, способных благодаря своим полезным свойствам удовлетворять потребности участников правоотношений. Поскольку потребности общества и отдельных его членов, как правило, превышают доступное количество благ, возникает необходимость во взаимодействии субъектов для получения правомерного доступа к объектам, находящимся во владении иных лиц. Именно в рамках таких правоотношений осуществляется правомерное отчуждение или переход благ, что изменяет их состояние присвоенности (принадлежности).

Правомерное изменение состояния присвоенности, при котором чужое становится своим, а свое – чужим, формирует возможность использования объек-

[1] © Максимов В. А., 2026.

тов материального и нематериального мира для удовлетворения личных потребностей, исключая от такого использования третьих лиц, либо передачи этих прав другим субъектам с установлением пределов их реализации. Отсюда следует, что правомерный доступ к чужим объектам и изменение состояния принадлежности представляют собой конечную цель гражданского оборота.

Важно подчеркнуть, что изменение состояния присвоенности не может происходить произвольно, а осуществляется исключительно через отчуждение или переход благ от одного лица к другому. Юридическая природа гражданского оборота требует надлежащего оформления этих способов, что реализуется посредством правопреемства или правоустановления.

Таким образом, целью гражданского оборота является правомерное изменение состояния присвоенности (принадлежности) объектов гражданских прав.

Выявление целевого назначения гражданского оборота позволяет рассматривать его как органическую систему, где каждый элемент – динамика объектов и динамика прав – не способен самостоятельно обеспечить достижение конечной цели. Только во взаимосвязи этих элементов возможно достижение правомерного изменения состояния присвоенности объектов гражданских прав, что и отражает сущность данного явления в гражданско-правовой доктрине.

Малоземова Д. Д.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА ФЕДЕРАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Российской Федерации на праве собственности принадлежит значительное количество имущества, права на которое осуществляются органами государственной власти для достижения общего блага и реализации задач и функций государства. Наряду с указанным важным является экономическое и политическое значение федеральной собственности.

В связи с изменениями геополитической обстановки в нашей стране сегодня активно проводится политика на укрепление государственного сектора экономики. Поставленная цель осуществляется за счет оптимизации количества объектов управления, возврата незаконно отчужденного имущества в государственную собственность, национализации и т. д. Сохраняется тенденция к использованию акционерных конструкций даже в сфере стратегических отраслей, что требует установления особенностей управления и распоряжения акциями предприятий, которые находятся в федеральной собственности.

Соответственно вопросы совершенствования механизмов управления федеральным имуществом, в том числе осуществляемых в корпоративной форме, в настоящее время являются одним из приоритетных направлений деятельности органов государственной власти. Необходимо формирование и концептуальных подходов к осуществлению права собственности в соответствии с решаемыми задачами и моделями управления федеральным имуществом.

За последние годы сформировалась определенная правоприменительная практика, касающаяся вопросов осуществления права федеральной собственности, однако ее нельзя назвать устойчивой.

Одной из основных проблем в данной сфере является нормативная и практическая непроработанность гражданско-правовых средств осуществления права федеральной собственности. Конституция Российской Федерации закрепляет основы правового регулирования государственной собственности и управления ею. В ней содержится фундаментальное положение о признании и защите равным образом частной, государственной, муниципальной собственности (ст. 8 Конституции РФ). Порядок участия субъектов федеральной собственности в гражданском обороте, а также правовой режим федеральной собственности определяются гражданским законодательством (ст.ст. 124, 125, 214 Гражданского кодекса РФ) (далее – ГК РФ).

В соответствии со ст. 214 ГК РФ имущество, находящееся в государственной собственности, закрепляется за государственными предприятиями и учре-

[1] © Малоземова Д. Д., 2026.

ждениями, которое принадлежит им на праве хозяйственного ведения или оперативного управления (ст. 113 ГК РФ). В настоящее время, когда меняется характер управления федеральной собственностью актуальным является научное осмысление правосубъектности государственных юридических лиц (или с государственным участием) и пределов их вещных прав.

Современные условия развития конкуренции и инвестиционной привлекательности требуют использования широких возможностей в осуществлении права собственности. В то же время существующие в настоящее время механизмы осуществления права федеральной собственности является малоэффективными. Используемая для управления государственной собственностью форма ограниченного вещного права в виде хозяйственного ведения или оперативного управления усложняет процедуру гражданского оборота. Если предмет производства предприятий не является уникальным, то конкурировать с частными субъектами, которые пользуются более простыми формами распоряжения имуществом, очень сложно. Так еще в Концепции реформирования предприятий и иных коммерческих организаций, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 октября 1997 г. № 1373 «О реформе предприятий и иных коммерческих организаций» отмечалась необходимость поэтапного сокращения применение права хозяйственного ведения по отношению к предприятиям, находящимся в государственной и муниципальной собственности. Это обосновывалось требованиями экономического роста, интеграции предприятий [6].

Необходимо учитывать, что государство, являясь участником корпоративных отношений наряду с другими частными акционерами, как субъект публично-правовых отношений посредством органов государственной власти осуществляет нормативно-правовое регулирование. Поэтому при формировании нормативно-правового регулирования акционерных обществ с участием Российской Федерации важным является соблюдение баланса интересов субъектов гражданских правоотношений, которые в силу положений гражданского законодательства выступают в обороте на началах автономии воли и равенства (ст. 2 ГК РФ).

Проблему эффективности осуществления права федеральной собственности должна была решить новая организационно-правовая форма, именуемая государственной корпорацией. Свое развитие она получила с принятием Федерального закона от 8 июля 1999 г. № 140-ФЗ «О внесении дополнения в Федеральный закон «О некоммерческих организациях». Сейчас данная форма организации юридических лиц приобретает все большую популярность. Однако она вызывает ряд вопросов относительно самостоятельности организации и имущества, которое передается государственной корпорации на праве собственности, некоммерческой природы данных организаций и т. д.

Более того, многие специалисты в области цивилистики придерживаются мнения о крайне спорной природе государственных корпораций. Государственные корпорации не отвечают признакам корпоративности, так как не имеют членства. Принадлежность к государству спорная, так как они являются собственниками своего имущества. Некоммерческими их также назвать сложно, так как фактически государственные корпорации на постоянной основе зани-

маются предпринимательской деятельностью, ведут имущественный оборот от своего имени и получают прибыль.

Например, в своем исследовании Д. М. Албегова приходит к выводу, что государственная корпорация не является ни организационно-правовый формой, ни юридическим лицом. Госкорпорация представлена, как способ создания самостоятельных субъектов гражданского права, имеющих уникальный правовой статус [8]. С. М. Титанов подчеркивает, что управление государственной собственностью посредством создания федеральных государственных унитарных предприятий более эффективно и целесообразно чем посредством создания государственных корпораций [16].

Солидарность в том, что государственная корпорация не является наилучшим решением проблем хозяйственного ведения и оперативного управления выразил профессор Е. А. Суханов. В рамках своего выступления на IX Всероссийском юридическом форуме «Проблемы правового регулирования имущественного оборота». Евгений Алексеевич рассмотрел данный вопрос через концепцию публично-правовых юридических лиц, которые включают в себя правовой статус государственных корпораций и государственных компаний. Он отмечает, что государственными юридическими лицами могут быть только государственные унитарные предприятия и учреждения, так как в данном случае сохраняется субсидиарная ответственность Российской Федерации по обязательствам созданных ей юридических лиц. В иных случаях, причастность государства к имущественному обороту утрачивается. Таким образом, рассматривая правовой статус государственных компаний и корпораций корректнее говорить о частных субъектах права [7].

В сфере некоммерческих организаций также существует множество проблемных аспектов относительно организации деятельности государственных учреждений. На законодательном уровне проведена реформа системы государственных учреждений, направленная на оптимизацию перечня подобных объектов, находящихся в федеральной собственности [4], а также обеспечения должного финансирования. Судебная практика фиксирует большое количество случаев привлечения к ответственности должностных лиц государственных учреждений за нецелевое расходование имущества, коррупционные проявления и иные противоправные действия. Существуют проблемы, связанные с защитой интересов кредиторов таких учреждений [14].

Одна из причин указанных негативных проявлений кроется в несовершенстве механизма правового регулирования. Кроме того, как и в случае с государственными унитарными предприятиями, существуют определенные сложности в порядке распоряжения таким имуществом. В случае с учреждениями, указанных ограничений еще больше, что с одной стороны отражает некоммерческую природу учреждений, а с другой является дискуссионным вопросом на предмет поиска более рациональной формы использования вверенного организации имущества.

Согласно абз. 2 п. 4 ст. 214 ГК РФ, средства соответствующего бюджета и иное государственное имущество, не закрепленное за государственными предприятиями и учреждениями, составляют государственную казну Российской Федерации. Как следует из п. 1. ст. 126 ГК РФ имущество казны – это имуще-

ство, которым Российская Федерация не отвечает по своим обязательствам. В результате реформы системы учреждений Бюджетным кодексом Российской Федерации был унифицирован правовой режим имущества казны и имущества казенных учреждений [5]. Соответственно, возникает вопрос о возможной целесообразности регулирования осуществления прав на имущество, составляющее казну не ГК РФ, а Бюджетным кодексом РФ.

Однако ст. 242.3 БК РФ предусматривает порядок взыскания только по денежным обязательствам федеральных казенных учреждений. Порядок обращения взыскания на казенное неденежное имущество действующим законодательством не предусмотрен. Кроме того, данная тенденция вероятнее всего не имеет целенаправленную природу, и как таковой цели перевести указанные отношения в категорию бюджетных не существует. Поэтому, некоторые авторитетные ученые придерживаются мнения, что данное новшество будет неуместным.

Например, В. Г. Голубцов указывает в своей монографии, на то, что не стоит путать казну в частно-правовом и публичном контексте: …«В публичном праве казна – это система государственных органов, которые собирают и распределяют бюджетные средства, управляют государственным имуществом, тогда как в частноправовой плоскости казна – это сами средства и имущество государства» [11, с. 66–67]. Таким образом, регулирование осуществления прав на казенное имущество относится к предмету частных правоотношений, и может быть закреплено только нормами ГК РФ.

Большой интерес у специалистов в области цивилистики вызывает порядок организации государственно-частного партнерства. Данный вид реализации государственного имущества совместно с привлечением частных инвестиций в крупных проектах оценивается как очень перспективная форма организации гражданско-правового оборота с участием Российской Федерации [12]. Указанная форма сотрудничества помогает государству одновременно решить две важные задачи, заключающиеся в реализации крупных социальных, промышленных и иных проектов, а также организации помощи и содействия развитию частных субъектов экономики. В свою очередь, несмотря на внешнюю простоту конструкции договора, существует огромное количество тонкостей, связанных с предметом соглашения, субъектом в лице Российской Федерации и налагаемых в связи с этим ограничений, порядком заключения субдоговоров, механизмом наступления ответственности и т. д.

Необходимо также отметить, что для осуществления права собственности государство может воспользоваться таким гражданско-правовым средством, как договор доверительного управления имуществом. Российская Федерация, выступая как самостоятельный субъект в частно-правовых отношениях, очень часто применяет данную конструкцию. Сфера применения очень широкая. Она касается наследственных правоотношений (управление выморочным имуществом), отношения по реализации процедуры банкротства, эксплуатации недвижимого имущества (объектов культурного наследия) и т. д. Наличие определенных признаков вещных правоотношений и внешняя схожесть конструкции отношений доверительного управления имуществом с моделями некоторых ограниченных вещных прав, порождает дискуссию ученых по пово-

ду возможности переквалификации конструкции отношений доверительного управления имуществом из категории обязательственных в категорию вещных прав [10, с. 57–76]. Так, А. В. Бабаев отмечает, что у доверительного управляющего есть два из трех правомочия собственника: владение и пользование имуществом. Права доверительного управляющего носят абсолютный характер, так как неопределенный круг третьих по умолчанию обязуется их не нарушать. Кроме того, указанные права защищаются вещными исками, что, по мнению автора, говорит о принадлежность доверительного управления к категории вещных прав [9].

Сторонники противоположной позиции относят доверительное управление к обязательственным правам по следующим основаниям: в отличии от доверительной собственности, права титульного собственника имущества не «расщепляются», государство не утрачивает право собственности на имущественные объекты; по формальному признаку доверительное управление закрепляется в главе 53 ГК РФ как обязательственное право, в ст. 216 ГК РФ, право доверительного управляющего не закреплено; доверительный управляющий находится в абсолютном правоотношении по поводу переданного ему имущества [13, с.61].

В последнее время вопрос о перспективе развития в российском праве вещно-правового концепта доверительного управления имуществом является актуальным. Однако следует согласиться с тем, что этот вопрос необходимо анализировать не только с точки зрения требований соответствующей правовой системы, но и требований гражданского оборота [15, с. 86–91].

Таким образом, особую актуальность приобретают определение основных целей и принципов осуществления права федеральной собственности, формулирование понятия и видов средств ее осуществления, что требует детального исследования и формулирования новых подходов и методов совершенствования механизма осуществления права федеральной собственности, которые бы отвечали социально-экономической ситуации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL:http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998, № 31. Ст. 3823.

4. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации.2014. № 19. Ст. 2304.

5. Федеральный закон от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 19. Ст. 2291.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 октября 1997 г. № 1373 «О реформе предприятий и иных коммерческих организаций» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 44. Ст. 5078.

7. IX Всероссийский юридический форум Гарант «Проблемы правового регулирования имущественного оборота» // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: https:// vs.garant.ru/video/1879747/?key=03b713292de5f2b137980 51868821e59.

8. Албегова Д. М. Проблемы гражданско-правового регулирования деятельности государственных корпораций в Российской Федерации (на примере государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владикавказ, 2011.

9. Бабаев А. В. Система вещных прав : монография. М. : Волтерс Клувер, 2007.

10. Беневоленская З. Э. О перспективах права доверительной собственности в России с позиций проектов изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации // Известия вузов. Правоведение. 2012. № 1.

11. Голубцов В. Г. Российская Федерация как субъект гражданского права : монография. М. : Статут, 2019.

12. Казакова А. О. Гражданско-правовой статус участников государственно-частного партнерства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

13. Михеева Л. Ю. Доверительное управление имуществом ; под ред. В. М. Чернова. М. : Юристъ, 1999.

14. Полотовская Е. Ю. Гражданско-правовой статус государственных (муниципальных) учреждений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

15. Семенова Е. Г. Проблемы и перспективы вещно-правового концепта доверительного управления имуществом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107).

16. Титанов С. М. Правовой режим федерального государственного предприятия по законодательству Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011.

Малышева Н. А.[1]*,*
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ЕЩЕ РАЗ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

Тему соотношения обязательств вследствие причинения вреда и гражданско-правовой ответственности вполне справедливо можно назвать традиционной. Кто-то даже может назвать ее слишком банальной или тривиальной. Такой подход не будет казаться автору удивительным, поскольку в научной литературе написано достаточно много трудов по темам соотношения данных категорий [3; 7; 11; 13]. Однако автор настоящей статьи ставит цель не систематизировать имеющееся знание, а расставить некоторые точки, которые, по мнению автора, облегчают понимание рассматриваемых категорий.

Наиболее устоявшейся в цивилистике является позиция о понимании гражданско-правовой ответственности, которая согласуется с позицией общей теории права, где под юридической ответственностью понимается мера государственного принуждения с применением к правонарушителю предусмотренных нормой санкций, выражающихся в форме лишений, неблагоприятных последствий личного, организационного или имущественного характера [9]. Однако гражданско-правовая ответственность может носить и добровольный порядок, что ставит универсальность данного положения под сомнение. Стоит отметить справедливую позицию О. А. Кузнецовой о том, что меры ответственности всегда предполагают «осуждающее государственное принуждение» [5, с. 13]. Автор настоящего исследования не ставит цель по определению степени согласованности цивилистического подхода и общей теории права, однако находит необходимым отразить существующие точки зрения.

Вместе с тем определенные лишения для лица действительно всегда наступают, даже если ответственность возникает между юридически равными субъектами. Такие умозаключения ложатся в основу двух ключевых подходов к пониманию гражданско-правовой ответственности. Приверженцы первого понимают под ней всякое государственное принуждение лица к исполнению обязанности [1]. Вторая группа авторов признает гражданско-правовую ответственность только в случае наличия дополнительных правоограничений у лица, которые лежат за пределами установленных изначально обязанностей [2].

По мнению автора, доминирующие в теории гражданского права позиции во многом отражают сущность договорной ответственности, характерной для относительных правоотношений. Вместе с тем абсолютные правоотношения так-

[1] © Малышева Н. А., 2026.

же предполагают наличие обязанности соблюдать права третьих лиц, например, собственника или обладателя личных неимущественных прав. В вязи с этим с определенной долей условности приведенные позиции могут быть экстраполированы на все гражданские правоотношения.

Для выявления соотношения рассматриваемых категорий следует обратиться к мнениям ученых о содержании обязательств вследствие причинения вреда. В данном вопросе также наблюдается дуалистичность позиций, поскольку одни авторы отождествляют обязательства вследствие причинения вреда и гражданско-правовую ответственность [14]. Большинство авторов склонны разграничивать данные категории [4; 6; 12], обозначая разные критерии такого разграничения. Иные авторы считают, что рассматриваемые категории в некоторых случаях совпадают по содержанию, в некоторых – требуют разграничения [10]. Представляется, что в данном вопросе не может быть третьего варианта, поскольку юридические категории требуют ясности в своем толковании.

В связи с этим автор предлагает прибегнуть к изначально обозначенным постулатам о гражданско-правовой ответственности, где ответственность касается лишь негативных последствий для правонарушителя. Одновременно с этим стоит вспомнить труды В. А. Тархова, который отмечал, что гражданско-правовая ответственность может существовать только при наличии гражданского правоотношения [8, с. 18]. Таким правоотношением в данном случае выступает обязательство вследствие причинения вреда, которое по своему содержанию гораздо шире гражданско-правовой ответственности: такое правоотношение не всегда может повлечь негативные последствия принудительного характера.

Таким образом, можно сказать, что обязательства вследствие причинения вреда и гражданско-правовая ответственность являются смежными категориями, однако не тождественными. Данные категории объединяет наличие определенного правонарушения, однако первое понятие гораздо шире второго.

Список литературы

1. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность (Очерк теории). М. : Юридической литературы, 1976.

2. Грибанов В. П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей // Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000.

3. Карманова Е. В. Деликтные обязательства и обязательства из причинения вреда правомерными действиями // Современное право. 2011. № 12.

4. Красавчиков О. Е. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М., 1996.

5. Кузнецова О. А. Проблемы учения о гражданско-правовой ответственности // Lex Russica. 2017. № 5 (126).

6. Куракин И. А. Соотношение ответственности за правомерное причинение вреда и обязательства вследствие причинения вреда // Проблемы экономики и юридической практики. 2011. № 3.

7. Рузанова Е. В. Вопросы соотношения обязательств вследствие причинения вреда и гражданско-правовой ответственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3 (98).

8. Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973.

9. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 2-е изд. М. : Юристъ, 2001.

10. Толстой Ю. К. Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда // Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 4-е изд. М. : Проспект, 2005.

11. Цыганов В. И., Демин А. А. Причинение вреда и юридическая ответственность // Legal Concept. 2018. № 1.

12. Шевченко Я. Н. Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних. Киев, 1979.

13. Шевчук Е. П. Соотношение договорной и деликтной ответственности в обязательствах по возмещению вреда здоровью, причиненного при оказании медицинских услуг // Вестник ЗабГУ. 2014. № 7.

14. Яичков К. К. Система обязательств из причинения вреда в советском праве // Вопросы гражданского права. М., 1957.

Мельник С. В.[1]*,*
преподаватель
кафедры гражданско-правовых дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

Расторгуева А. А.[2]*,*
курсант
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Современное гражданское судопроизводство переживает фундаментальные преобразования, обусловленные стремительным технологическим развитием и глубокой интеграцией информационных систем в деятельность государственных органов. В условиях цифровизации государственного управления информационные технологии стали не просто вспомогательным инструментом, но системообразующим фактором функционирования судебной власти. Их влияние охватывает организацию судебных процессов, структуру взаимодействия с гражданами, формы документирования и коммуникации, а также способы восприятия правосудия обществом. Эта трансформация не носит локального характера: она затрагивает практически все составляющие гражданского процесса – от подачи обращений до обеспечения прозрачности и открытости деятельности судов. Российская Федерация, адаптируя свой правовой механизм к новым условиям, постепенно формирует цифровую архитектуру правосудия, стремясь к его доступности, эффективности и прозрачности, что подчеркивается и нормативными актами, регулирующими использование электронных форм коммуникации и раскрытия информации.

Важнейшим проявлением цифровой трансформации гражданского судопроизводства стало создание и внедрение автоматизированных информационных систем, центральное место среди которых занимает государственная система «Правосудие». Она объединяет в себе обширные базы данных судебных актов, протоколов, информации о движении дел, расписании судебных заседаний и иных сведений. Ценность подобных систем заключается не только в их технической функциональности, но и в их влиянии на институциональную структуру правосудия. Они обеспечивают равный доступ к информации, исключая необходимость непосредственного посещения суда для получения сведений по делу, и тем самым способствуют сокращению административной нагрузки как на сотрудников аппарата суда, так и на участников процесса. Значимость таких инструментов многократно возрастает в условиях активного использования

[1] © Мельник С. В., 2026.
[2] © Расторгуева А. А., 2026.

гражданами электронных сервисов, что непосредственно отражено в исследованиях, посвященных цифровизации судопроизводства [3].

Одним из наиболее заметных направлений технологических преобразований стало внедрение механизмов удаленного участия в судебных заседаниях, включающих использование систем видеосвязи. Эта технология позволяет преодолеть пространственные ограничения, предоставляя возможность гражданам, экспертам и представителям сторон принимать участие в процессе вне зависимости от места их нахождения. Возможность подключения по видеосвязи закреплена законодательно: ст. 155.1 ГПК РФ устанавливает право участников дела присутствовать на заседании с использованием систем видеоконференц-связи при наличии технической возможности и соответствующего ходатайства. Это положение фактически оформляет новую форму непосредственного участия, обеспечивая реализацию принципа доступности правосудия в условиях цифровой среды [1].

Наряду с дистанционным участием, в гражданском процессе существенно изменилась и процедура документирования судебных заседаний. Аудиопротоколирование, являющееся обязательным в соответствии с действующим законодательством, стало неотъемлемой частью судебного слушания. Широкое использование технических средств записи обеспечивает точность отражения хода заседания и способствует устранению возможных ошибок либо неточностей, неизбежных при традиционном письменном протоколировании. Таким образом, развитие технологий фиксирования судебной информации усиливает принцип гласности и обеспечивает сторонам более широкий спектр процессуальных гарантий.

Параллельно с реформированием внутренней инфраструктуры судов цифровизация затронула и сферу взаимодействия судебных органов с гражданами. Практически каждый суд Российской Федерации имеет официальный веб-сайт, оформленный по унифицированному шаблону. Эти интернет-ресурсы предоставляют доступ к судебным актам, биографиям судей, различным формам процессуальных документов, аналитическим отчетам и другим материалам, необходимым как для профессионального использования, так и для ориентирования граждан в судебной системе. Обязанность размещения судебных актов в сети Интернет закреплена в Федеральном законе от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», предусматривающем раскрытие информации при условии обезличивания персональных данных [2]. Это требование служит одновременно принципу гласности и нормам о защите частной жизни, формируя баланс между открытостью правосудия и охраной персональных сведений.

Цифровизация не ограничивается лишь публикацией судебных актов: она меняет саму структуру обращения граждан в суд. Электронный документооборот, в том числе возможность подачи исков, заявлений, жалоб и иных обращений через интернет, стал ключевым инструментом модернизации гражданского судопроизводства. Он значительно сокращает временные затраты и снижает необходимость физического присутствия в здании суда. Это особенно важно для удаленных территорий, где расстояние до судебных учреждений измеряется десятками, а порой и сотнями километров. Цифровые сервисы обеспечивают

возможность подачи документов в любое время суток, что повышает гибкость процессуальных действий и делает правосудие более доступным для граждан.

Тем не менее внедрение электронных технологий выявило ряд существенных проблем. Прежде всего, речь идет о несовершенстве правового регулирования, которое не всегда успевает за технологическим развитием. Отдельные вопросы, такие как порядок предоставления оригиналов документов после подачи электронных копий, до сих пор не получили однозначного решения. Отсутствие четкого механизма передачи оригиналов доказательств приводит к трудностям в обеспечении достоверности и аутентичности представленных материалов. Как следствие, возникает необходимость в разработке единых технологических и правовых стандартов, способных интегрировать электронный документооборот с традиционными формами представления доказательств.

Серьезной проблемой остается и неравномерность цифровизации в различных субъектах Российской Федерации. Особенно заметным это становится в сельских и отдаленных территориях, где техническое обеспечение, интернет-доступ и инфраструктурные возможности судов ограничены. Это приводит к тому, что участники процесса оказываются в неравном положении по сравнению с жителями крупных городов. Преодоление цифрового разрыва требует дополнительного финансирования, модернизации судебных зданий, улучшения качества связи и повышения уровня цифровой грамотности сотрудников. Важным аспектом является также необходимость обучения персонала: молодые сотрудники, как правило, легче осваивают новые цифровые инструменты, тогда как лицам старшего поколения порой сложно адаптироваться к постоянному обновлению технологий, что замедляет темпы перехода к электронным формам работы.

Существенную сложность представляет и защита электронных документов. Использование квалифицированной электронной подписи необходимо для подтверждения подлинности материалов, однако далеко не все граждане располагают такой подписью, а ее получение связано с финансовыми и организационными затратами. В зарубежной практике данная проблема решается посредством использования индивидуальных идентификаторов пользователей, которые приравниваются к личной подписи и позволяют безопасно подавать документы в электронном виде. Подобные решения рассматриваются как возможная модель для адаптации в российской системе, что подтверждается исследованиями в области цифровизации судопроизводства [4].

Влияние информационных технологий затрагивает также сферу организационного обеспечения работы судов. Автоматизированное распределение дел позволяет снизить риски субъективного влияния и повысить уровень объективности при назначении судьи. Однако существующие на практике модели нередко требуют участия человека – судебного специалиста, что снижает уровень автоматизации и оставляет пространство для улучшения алгоритмов распределения. Дальнейшее развитие автоматизированных систем, вероятно, будет направлено на повышение автономности и применение технологий искусственного интеллекта для анализа нагрузки, сроков рассмотрения дел и иных параметров, что позволит добиться большей прозрачности и эффективности.

Важной составляющей цифровых преобразований является борьба с коррупционными рисками. Электронные системы, фиксируя практически каждый процессуальный шаг, позволяют исключить возможность воздействия «человеческого фактора» и злоупотреблений. Прозрачность судебных процессов, доступность судебных актов, цифровое фиксирование движений дела – все это формирует новую культуру взаимодействия общества и судебной власти. Публикация судебных актов, несмотря на отдельные проблемы, связанные с необходимостью обезличивания персональных данных, остается одним из ключевых инструментов обеспечения доверия к правосудию. Примером нормативного ограничения стала блокировка ресурса «Росправосудие» по причине размещения решений без должного обезличивания, что свидетельствует о важности соблюдения баланса между принципами открытости и соблюдением требований к защите информации [5].

Особого внимания заслуживает проблема временных зон, с которой сталкиваются суды при использовании видеоконференц-связи. Проведение заседания с участниками, находящимися в регионах с существенной разницей во времени, требует сложной организационной подготовки и значительной координации. Это обстоятельство подчеркивает необходимость совершенствования систем планирования и разработки гибких режимов работы, позволяющих учитывать специфику географического положения сторон.

Нельзя не отметить и проблему дублирования информации, возникающую из-за параллельного использования бумажных и электронных форм документооборота. Переход к полностью цифровой модели требует масштабной работы по оцифровке архивов, созданию защищенных баз данных и формированию единой платформы хранения судебной информации. Эта задача требует как финансовых вложений, так и организационных усилий, включая разработку регламентов, стандартизацию форматов документов и создание системы резервного хранения данных.

Комплексное внедрение информационных технологий в гражданское судопроизводство оказывает многоплановое воздействие не только на деятельность судов, но и на подготовку юридических кадров. Уже сегодня юристы сталкиваются с необходимостью владения цифровыми инструментами, понимания особенностей электронной коммуникации, работы с системами правового мониторинга и анализа больших объемов данных. По мере перехода к технологически насыщенной модели работы правовой системы требования к компетенциям специалистов будут только возрастать, что требует адаптации образовательных программ, повышения цифровой грамотности и разработки специализированных курсов.

В конечном итоге сущность цифровой трансформации гражданского судопроизводства заключается не только в техническом оснащении, но и в изменении философии правосудия как социального института. Информационные технологии обеспечивают создание судебной системы, ориентированной на гражданина, доступной для широких слоев населения, лишенной бюрократических барьеров и пространства для злоупотреблений. Они позволяют оптимизи-

ровать распределение государственных ресурсов, ускорить процесс рассмотрения дел и обеспечить более высокий уровень защиты прав.

Таким образом, влияние информационных технологий на гражданское судопроизводство проявляется в комплексной перестройке всей системы: от способов участия в судебных заседаниях до принципов хранения и обработки документов. Эта трансформация создает новые возможности, но одновременно поднимает вопросы, требующие дальнейшего правового, организационного и технологического осмысления. В перспективе именно эффективность интеграции цифровых инструментов определит уровень доступности правосудия, степень доверия общества к судебной системе и качество реализации принципа справедливого судебного разбирательства.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Решетняк В. И. Электронные формы обеспечения доступа к информации о деятельности судов в зарубежных странах и в России // Администратор суда. 2016. № 4.

4. Пахомова О. А. Современные тенденции использования и роль информационных технологий в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 1.

5. Фоменков О. С. Использования и роль информационных технологий в гражданском судопроизводстве // Флагман науки. 2024. № 4 (15).

Мирзоева А. Ф.[1]*,*
курсант
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
Мельник С. В.,
профессор
кафедры гражданско-правовых дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

ОТ ТРАДИЦИОННОГО К ЭЛЕКТРОННОМУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Трансформация альтернативного урегулирования споров под влиянием стремительного развития цифровых технологий становится одной из наиболее обсуждаемых тем современной юридической науки. Так в последние десятилетия мир переживает радикальные изменения в способах взаимодействия, передачи информации и осуществления экономической деятельности, что закономерно затрагивает и сферу правосудия. Традиционные процедуры разрешения споров, которые формировались веками и опирались на физическое присутствие сторон, документарные доказательства и устные коммуникации, уже не способны полностью отвечать запросам цифровой эпохи, в которой преобладают мобильность, дистанционность и высокая скорость обработки данных. Актуальность исследования перехода от традиционных механизмов альтернативного урегулирования споров к электронным формам обусловлена тем, что общественная потребность в оперативности, прозрачности и доступности правового регулирования возрастает в геометрической прогрессии. Участники экономической и социальной деятельности ожидают от государств и правовых институтов возможности решать конфликтные ситуации в режиме реального времени, без привязки к территории, статусу или физическим ограничениям. Это формирует запрос на модернизацию существующих процедур медиации, арбитража и переговоров и на создание новых электронных платформ, способных обеспечить баланс между технологической эффективностью и соблюдением базовых принципов справедливости [1, с. 2].

Однако, несмотря на очевидные преимущества цифровых инструментов, переход к электронным формам альтернативного разрешения споров сопряжен со значительным комплексом проблем. Прежде всего, на первый план выходит вопрос нормативной неопределенности: действующие правовые системы зачастую не успевают адаптироваться к технологическим изменениям, что приво-

[1] © Мирзоева А. Ф., 2026.

дит к отсутствию четких стандартов для электронных доказательств, цифровой идентификации участников, процедур дистанционного взаимодействия и юридической силы электронных соглашений. Проблема усложняется тем, что традиционные механизмы альтернативного урегулирования споров (далее – АУС) основываются на межличностной коммуникации, доверии и субъективных аспектах взаимодействия сторон – в цифровой среде эти компоненты частично нивелируются или трансформируются. В онлайн-среде может снижаться уровень эмпатии, усложняться восприятие невербальных сигналов, что особенно критично для медиации, где результат достигается посредством тонких психологических и коммуникативных техник [2, с. 127].

Ключевым аспектом проблематики является также вопрос безопасности. Электронные платформы сталкиваются с киберугрозами, утечками персональных данных, рисками взлома и манипуляции информацией, что ставит под сомнение конфиденциальность процедур и подрывает доверие к цифровым форматам. Традиционная медиация или арбитраж могут обеспечить закрытость в физическом пространстве, однако в виртуальной среде требуется разработка специальных технических и правовых механизмов защиты. В ряде случаев именно отсутствие доверия к информационной безопасности становится определяющим фактором, препятствующим широкому распространению электронных форм АУС.

Не менее существенной проблемой является цифровое неравенство. Несмотря на высокую скорость распространения технологий, доступ к качественной цифровой инфраструктуре остается неравномерным в разных социальных группах и государствах. Ограниченные цифровые навыки участников спора могут привести к дискриминации, когда преимущества электронных процедур доступны лишь технологически подготовленной части общества. В таких условиях государство и юридическое сообщество сталкиваются с задачей создания инклюзивных систем, обеспечивающих равный доступ ко всем этапам электронной процедуры [3, с. 143].

Научное сообщество активно обсуждает проблемы, связанные с цифровизацией альтернативного урегулирования споров. Различные исследователи рассматривают происходящие процессы с позиций правовой теории, цифровой этики, социологии и информационных технологий. Обобщенный анализ показывает, что научные взгляды можно разделить на несколько направлений. Сторонники цифровизации подчеркивают, что переход к электронным формам – это не просто технологическая инновация, но логичный этап развития правосудия, связанный с изменением модели поведения современного человека. Они отмечают, что электронные платформы упрощают доступ к процедурам урегулирования споров, сокращают временные и финансовые издержки, расширяют возможности трансграничного взаимодействия и делают процесс более предсказуемым. Некоторые исследователи указывают, что алгоритмизация отдельных этапов АУС способна снизить субъективность, ограничить эмоциональные всплески сторон и сделать систему более рациональной [4, с. 125].

В то же время, другая часть научного дискурса концентрируется на критике чрезмерной технологизации. Выражаются опасения, что цифровые инструмен-

ты могут привести к стандартизации индивидуальных ситуаций и снижению гибкости процесса. Появляются вопросы о правах участников, если решения принимаются частично или полностью на основе алгоритмов, особенно если эти алгоритмы основаны на непрозрачных методах машинного обучения. Ученые обращают внимание на необходимость контроля за искусственным интеллектом, чтобы избежать рисков дискриминации, искажения данных или манипуляции результатами. Также подчеркивается, что в некоторых случаях живая коммуникация незаменима, особенно когда конфликт носит эмоциональный или ценностный характер.

Несмотря на различия в позициях, большинство исследователей сходятся в одном: цифровая трансформация альтернативного урегулирования споров неизбежна, но должна происходить под строгим контролем правовых институтов и научного сообщества. Для эффективного решения выявленных проблем необходимо формирование комплексной нормативно-правовой базы, регулирующей электронные формы АУС. Такая база должна включать четкие стандарты цифровой идентификации, подтверждения личности, электронного документооборота и юридического закрепления электронных соглашений. Важным является разработка детальных процедур, описывающих правила взаимодействия сторон в онлайн-среде, включая обеспечение их равных возможностей, гарантий безошибочной передачи информации, а также требований к технической защите данных.

Решение проблемы безопасности должно строиться на взаимодействии правовых норм и современных технологий, таких как криптография, распределенные реестры и многофакторная аутентификация. Государство и частные платформы обязаны внедрять стандарты кибербезопасности, обеспечивающие устойчивость к угрозам, а также механизмы ответственности за утечку конфиденциальных данных. Следующим шагом является снижение цифрового неравенства, включая организацию образовательных программ, государственную поддержку технически уязвимых групп населения и разработку интуитивно понятных пользовательских интерфейсов. Особую роль играет необходимость сохранения человеческого фактора. Даже в условиях цифровизации медиация, переговоры и арбитраж должны учитывать эмоциональную составляющую спора. Возможным решением является использование гибридных моделей, сочетающих цифровые инструменты с возможностью персонального взаимодействия в тех случаях, где оно необходимо. Такие модели способны объединить преимущества онлайн-платформ, а именно, их быстроту, доступность и комфорт с преимуществами традиционных процедур [5, с. 58].

Стоит отметить, что переход от традиционных к электронным формам альтернативного урегулирования споров представляет собой сложный, но перспективный процесс, открывающий новые горизонты для развития правовой системы. Цифровизация позволяет повысить доступность правосудия, оптимизировать процедуры, расширить охват участников и создать условия для формирования более гибкого и динамичного механизма разрешения конфликтов. Вместе с тем время требует осознанного и научно обоснованного подхода к цифровым инно-

вациям, учитывающего не только технологическую пользу, но и правовые, социальные и этические риски.

Таким образом, успешность цифровой трансформации альтернативного урегулирования споров будет зависеть от способности общества, государства и научного сообщества обеспечивать баланс между инновациями и сохранением фундаментальных правовых принципов. Электронные формы альтернативного урегулирования споров могут стать не только эффективным инструментом современного правосудия, но и важнейшим элементом правовой культуры XXI в., если они будут строиться на основе доверия, прозрачности, безопасности, научной экспертизы и ориентации на права человека. В этом случае цифровизация станет не угрозой, а инструментом гармонизации отношений и укрепления правовой устойчивости в условиях стремительных изменений глобального мира.

Список литературы

1. Потапова Л. В. Цифровизация альтернативных методов разрешения споров // МНИЖ. 2024. № 2 (140). URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/tsifroviza tsiya-alternativnyh-metodov-razresheniya-sporov.

2. Алиев А. Новые методы разрешения споров: конкуренция и взаимодействие с классическими инструментами в эпоху цифровизации и глобализации // European and Asian Law Review. 2019. № 1. URL: https:// cyberleninka. ru/article/n/novye-metody-razresheniya-sporov-konkurentsiya-i-vzaimodeystvie-s-kla ssicheskimi-instrumentami-v-epohu-tsifrovizatsii-i.

3. Платонова С. И. Цифровое неравенство как новая форма социального неравенства // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. № 6. URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/tsif-rovoe-neravenstvo-kak-novaya-forma-sotsialnogo-nera venstva.

4. Евсиков К. С. Цифровая трансформация альтернативного разрешения споров // Lex Russica. 2022. № 11 (192). URL: https://cyberleninka.ru/artic le/n/tsifrovaya-transformatsiya-alternativnogorazresheniya-sporov.

5. Барыбина А. З. Нормативно-правовая организация процесса информационной безопасности // Вестник Академии знаний. 2023. № 6 (59). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovaya-organizatsiya-protsessa - infor matsionnoy-bezopasnosti.

Мотина Е. А.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры криминалистики
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЦЕССА ВАКЦИНИРОВАНИЯ КАК НОВАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН В СФЕРЕ ИММУНОПРОФИЛАКТИКИ

Ежегодно в мире спасается не менее двух-трех миллионов жизней благодаря вакцинации: это один из величайших успехов в медицине [1]. В настоящее время стандартные средства организации системы иммунизации практически исчерпали себя. Использование информационных технологий позволяет выстроить единую систему от получения вакцины, отбора контингента для вакцинации до собственно вакцинации и контроля поствакцинальных эффектов. Информационные технологии наряду с генной инженерией и совершенствованием организационной структуры формируют новые возможности средств медицинской профилактики [2, с. 6].

Цифровая трансформация процесса вакцинирования представляет собой процесс внедрения цифровых технологий в систему организации вакцинации, направленный на оптимизацию процессов, мониторинг данных и управление программами иммунизации. Ее основными целями являются: повышение эффективности программ вакцинации (за счет автоматизации процессов сбора данных и анализа информации), мониторинг безопасности и эффективности вакцин (при иммунизации широких масс населения позволяет оперативно реагировать и оценивать варианты развития побочных явлений на введение вакцин и разрабатывать клинические рекомендации по их использованию); информирование населения об иммунизации (посредством инструментов, позволяющих выявлять информационные потребности населения и проводить кампании по вакцинации), что, в свою очередь, создает новые возможности для реализации прав в сфере иммунопрофилактики.

Среди основных направлений цифровой трансформации процесса вакцинирования можно выделить следующие:

1. Создание электронных систем управления вакцинацией. Сегодня медицинские организации различных форм собственности внедряют информационные системы для учета прививок, планирования графика вакцинации и мониторинга статуса иммунизации. В России действует Единая государственная информационная система здравоохранения (ЕГИСЗ), позволяющая интегрировать данные о пациентах и обеспечивать преемственность медицинских услуг. Такие системы помогают избежать дублирования прививок, контролировать сроки ревакцинации и упрощают доступ к информации о прививочном статусе.

[1] © Мотина Е. А., 2026.

2. Создание мобильных приложений и сервисов для пациентов. Разрабатываются приложения, которые напоминают о необходимости вакцинации, позволяют записываться на прием, отслеживать состояние после прививки и получать достоверную информацию о вакцинах. Так, например, специалисты Сеченовского университета представили Telegram-бота «Вакси» – инновационного цифрового помощника, предназначенного для распространения достоверной информации о вакцинации и профилактике инфекционных заболеваний. С помощью чат-бота пользователи могут получить полную и актуальную информацию обо всех вакцинах, зарегистрированных на территории России, включая данные о Национальном календаре профилактических прививок, особенностях подготовки к вакцинации, возможных реакциях организма и осложнениях. Проект «Вакси» включает сервисы для родителей и врачей: «Вакси. Забота», помогает отслеживать самочувствие ребенка после прививки, а «Васи.Про» – строить индивидуальный график вакцинации. Такие сервисы оказывают значительную помощь, снижая нагрузку на медицинский персонал и тревожность со стороны пациентов.

3. Использование искусственного интеллекта и аналитики данных. Искусственный интеллект применяется в сфере иммунопрофилактики для прогнозирования потребностей в вакцинах, оптимизации логистики, анализ эффективности иммунизации и разработки новых вакцин. Например, в Курчатовском институте используются алгоритмы машинного обучения для проектирования многокомпонентной вакцины, направленной против таких заболеваний, как лихорадка денге, COVID-19, болезнь Лайма и африканская чума свиней. Для анализа молекулярной архитектуры препаратов научные сотрудники используют инструменты искусственного интеллекта, что существенно оптимизирует и ускоряет процесс создания лекарственных средств.

4. Телемедицина и удаленный мониторинг. В период пандемии COVID-19 телемедицинские технологии позволили проводить консультации, оценивать состояние пациентов после проведения вакцинации и минимизировать личные визиты в медицинские организации, что особенно важно для лиц, с ограниченными возможностями и проживающими в удаленных районах. Телемедицина позволяет повысить доступность медицинской помощи, способствуя возможности реализации соответствующего права граждан.

5. Внедрение системы цифровых паспортов вакцинации (электронных сертификатов вакцинации). В период пандемии COVID-19, с января 2021 г. россияне, лица, сделавшие прививку от COVID-19, получали электронные сертификаты вакцинации. Документ, содержащий QR-код, размещался в личном кабинете на портале госуслуг. Наличие у граждан паспортов вакцинации упрощало подтверждение их прививочного статуса для путешествий, трудоустройства, посещения культурных мероприятий и пр. С другой стороны, возникли некоторые вопросы, например, вопрос о защите персональных данных и др.

Цифровая трансформация процесса вакцинирования оказывает непосредственное влияние на права граждан в сфере иммунопрофилактики, способствуя их реализации и защите. Так, современные электронные системы и приложения предоставляют пациента доступ к полной и объективной

информации о прививках, о необходимости вакцинации, возможных осложнениях и последствиях отказа от прививок, что соответствует требованиям ст. 5 ФЗ №157-ФЗ. Цифровые платформы предоставляют возможность выбора медицинской организации, удобного времени для записи на вакцинацию, расширяя возможность реализации данного права. Интеграция данных о прививках с электронными медицинскими картами упрощает диагностику и лечение поствакцинальных осложнений, что способствует реализации прав граждан на медицинскую помощь в случае возникновения неблагоприятных последствий вакцинации. Опыт применения цифровых сертификатов вакцинации продемонстрировал возможности защиты граждан от дискриминации, посредством снижения рисков необоснованных отказов в приеме на работу или в образовательные организации при наличии актуальных прививок.

Отдельно стоит отметить положительное влияние цифровых технологий на безопасность вакцин. Так, они позволяют контролировать качество вакцин (на всем пути от изготовления до введения пациенту), отслеживать цепочки их поставок (отслеживание и маркировка вакцин минимизирует риски появления контрафактных вакцин), ускорять проведение клинических испытаний (использование цифрового двойника пациента позволяет облегчить клинические испытания; поместив цифровой аналог препарата в цифровой аналог организма человека, исследователи могут увидеть, как взаимодействовал бы препарат с данным организмом), осуществлять мониторинг поствакцинальных эффектов (информационные системы иммунизации могут хранить информацию о истории вакцинации населения и контролировать поствакцинальные явления). Таким образом, цифровые технологии являются новым инструментом обеспечения безопасности вакцин создают возможности для обеспечения прав граждан на охрану здоровья посредством производства и реализации качественных лекарственных препаратов (вакцин).

С одной стороны, цифровые технологии открывают новые горизонты их применения в сфере иммунопрофилактики, с другой – являются смелым вызовом для общества, государства и науки, поскольку содержат в себе и определенные риски. Так, не может не возникать вопрос о защите данных населения: важно обеспечить конфиденциальность персональных данных в цифровых системах, чтобы избежать утечек и злоупотреблений. Следует учитывать и имеющийся цифровой разрыв среди населения: далеко не все граждане имеют равный доступ к интернету и цифровым технологиям, что может ограничить их возможности в использовании новых сервисов. Кроме того, требуется и четкое правовое регулирование использования цифровых технологий в сфере иммунопрофилактики.

Для максимальной реализации потенциала цифровой трансформации процесса вакцинирования необходимо развивать инфраструктуру и обучать специалистов для работы с цифровыми системами, обеспечивать интеграцию различных информационных платформ (например, ЕГИСЗ и системы частных клиник), укреплять международное сотрудничество области стандартизации цифровых сертификатов вакцинации, проводить просветительскую работу среди населения о преимуществах и безопасности цифровых технологий в здравоохранении.

Таким образом, цифровая трансформация процесса вакцинирования не только повышает эффективность иммунизации, но и служит инструментом защиты прав граждан, делая систему более прозрачной, доступной и ориентированной на потребности пациентов.

Список литературы

1. WHO. Vaccines and immunization. URL: https://www.who.int/health-topics/vaccines-and-immunization#tab=tab_1.

2. Старшинин А. В. Информационные технологии в вакцинации: анализ зарубежного и российского опыта : экспертный обзор. М. : НИИОЗММ ДЗМ, 2023. URL: https://niioz.ru/moskovskaya- meditsina/izdaniya-nii/obzory/.

Назаркулов Ж. Н.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

СОЧЕТАНИЕ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ В РЕГУЛИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ НЕДВИЖИМОСТИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Вопрос о соотношении публичных и частных интересов в регулировании отношений в сфере недвижимости в Кыргызской Республике (далее – КР) имеет методологическое значение не только в рамках анализа эффективности действующих норм, но и определения допустимого поведения участников оборота. В сфере недвижимости отмечается доминирование публичных интересов над частными и осуществление публично-правовых процедур, которые являются определяющими для осуществления субъективных прав [1]. Целью данной статьи является установление соотношения публичных и частных интересов, выявление их динамики путем исследования: а) системы принципов земельного законодательства; б) институтов гражданского права (прежде всего самовольной постройки и приобретательной давности).

Анализ Земельного кодека КР (далее – ЗК КР) свидетельствует, что закрепленная в нем система принципов отображает баланс ценностей: с одной стороны это «сохранение земли как природного объекта, основы жизни, развития и деятельности народа» (пп. 1 ст. 3 ЗК КР), «обеспечение государственной и экологической безопасности» (пп. 2 ст. 3 ЗК КР); с другой стороны – «соблюдение и защита прав и законных интересов собственников земельных участков и землепользователей» (пп. 4 ст. 3 ЗК КР), «равенство всех форм собственности на землю» (пп. 12 ст. 3 ЗК КР).

Сравнение земельного законодательства РФ и КР позволяет говорить, что Земельный кодекс РФ (далее – ЗК РФ) наряду с открытым перечнем включает такой принцип, как «сочетание интересов общества и законных интересов граждан» (пп. 11 ст. 1 ЗК РФ). Кроме того, среди основных принципов земельного законодательства закрепление получил принцип «единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов» (пп. 5 ст. 1 ЗК РФ). Данные принцип не назван в качестве основного в ЗК КР, однако сама взаимосвязь между зданием (сооружением) и земельным участком установлена ст. 46 ЗК КР. Значимость указанного принципа для регулирования отношений в сфере недвижимости поддерживается и в кыргызской доктрине [2].

С точки зрения содержательных задач гражданско-правового регулирования действие указанных принципов проявляется в нормах, регламентирующих отношения в сфере застройки земельного участка и давностного владения.

---

[1] © Назаркулов Ж. Н., 2026.

Действие принципа единства земельного участка и прочно связанных с ним объектов можно наблюдать при регулировании застройки земельного участка, находящегося в частной собственности. Гражданским кодексом КР (далее – ГК КР) установлено, что «собственник земельного участка приобретает право собственности на здание, сооружение и иное недвижимое имущество, возведенное или созданное им для себя на принадлежащем ему участке, если иное не предусмотрено законом или договором» (п. 2 ст. 233-4 ГК КР). Отступление от принципа единства, когда земельный участок не следует судьбе постройки, допускается в части самовольного строительства (ст. 254-1 ГК КР).

Согласно ст. 254-1 ГК КР самовольным строительством является: создание недвижимого имущества на земельном участке, не отведенном для этих целей; и/или без получения на это необходимых разрешений; и/или с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил. Несмотря на то, что ст. 254-1 ГК КР размещена в гл. 12 «Приобретение права собственности», в ней установлена презумпция сноса самовольной постройки (в судебном и административном порядке). На это прямо указывает и современная кыргызская доктрина, которая поддерживает исключение регистрации права на самовольную постройку и обосновывает признание права собственности на такой объект как методологически неверное, поскольку до приема в эксплуатацию и государственной регистрации вещного права объект не является недвижимым имуществом, а представляет собой совокупность строительных материалов [3; 4]. Статистика также свидетельствует об устойчивой правоприменительной практике именно пресечения, а не признания права за застройщиком [5].

Наряду с указанным, необходимо отметить, что п. 6 ст. 254-1 ГК КР предусмотрена возможность сохранения самовольной постройки «в исключительных случаях с учетом социально-экономической целесообразности» с передачей ее в муниципальную собственность с возмещением расходов на постройку в размере, определенным судом. То есть снос объекта самовольного строительства не является исключительной мерой.

Если сравнивать с российской моделью, ст. 222 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) также дает определение самовольной постройки и традиционно исключает возникновение права собственности на нее. Вместе с тем редакция нормы предусматривает возможность судебной легализации постройки при наличии условий, установленных законом (п. 3 ст. 222 ГК РФ).

Правы российские ученые А. Н. Левушкин и В. В. Измайлов в том, что «самовольное строительство – это социальное и правовое явление, возникающее на стыке частных и публичных интересов, которое требует определенности и легитимации» [6]. Судебная практика Российской Федерации основывается на том, что «снос объекта самовольного строительства является крайней мерой государственного вмешательства…, а устранение последствий допущенного нарушения должно быть соразмерно самому нарушению, не должно создавать дисбаланса между публичным и частным интересом…» [7].

По мнению Г. Н. Эйриян, «задача каждой страны состоит в том, чтобы постоянно пересматривать отношения владения и пользования в том, что касается соотношения публичных и частных прав» [8]. В данном случае показателен

опыт российского законодателя, который наряду с внедрением механизма приведения самовольной постройки в соответствие с параметрами и установленными требованиями (п. 2 ст. 222 ГК РФ) в качестве меры противодействия самовольному строительству ввел принудительное изъятие земельного участка, на котором создана самовольная постройка и лицами не выполнены предусмотренные законом обязанности по ее сносу или приведению в соответствие с установленными требованиями (ст. 285 ГК РФ).

Анализ внесенных Законом КР от 15 января 2013 г. № 5 изменений в гражданское законодательство, в соответствии с которыми утратили силу пп. 3 и 4 ст. 254.1 ГК КР, устанавливающие возникновение права собственности на самовольную постройку решением суда, позволяет говорить о смещении акцентов в сторону защиты публичных интересов.

В исследованиях обращается внимание, что публично-правовые аспекты самовольной застройки – это не только вопрос разрешений, но и вопрос пресечения незаконного размещения различных объектов и самовольного занятия муниципальных земельных участков [9; 4]. Однако на практике возникают ситуации, когда постройки возводятся в соответствии с градостроительным регламентом, но без получения на это необходимых разрешений (ввиду дефектов разрешительной системы). Такие случаи требуют оценки риска для публичных интересов и, возможно, более детального нормативного разграничения «исправимых» и «неисправимых» нарушений при осуществлении строительства. При этом легализация самовольной постройки не должна иметь целью исключительно возникновение вещного права на земельный участок, на котором она возведена [10]. Наличие законного правового титула является предпосылкой для возможного возникновения права собственности на постройку.

Еще одним институтом, который, по мнению специалистов, требует более детальной регламентации с целью обеспечения надлежащей защиты интересов собственника имущества, а также давностного владельца, является приобретательная давность [11; 12; 13]. Данная проблема актуальна в вопросах давностного владения недвижимостью и, особенно, земельными участками.

В КР судебная практика основывается на том, что ст. 265 Гражданского кодекса КР, устанавливающая условия возникновения права собственности на имущество в силу приобретательной давности, не распространяется на земельные участки [14]. В свою очередь на практике отмечаются случаи длительного добросовестного владения гражданами «исторически сложившимися» земельными участками (например, занятыми индивидуальными жилыми домами), где по различным причинам документы не оформлялись, а неразрывная связь земельного участка и постройки очевидна. Здесь публичный интерес в упорядочении застройки может сочетаться с частным интересом в признании права собственности на земельный участок.

Доктрина также обращает внимание на необходимость законодательного уточнения критерия добросовестности владения при рассмотрении споров о возникновении права собственности в силу приобретательной давности в целях обеспечения баланса интересов собственника, фактического владельца и третьих лиц [4].

Указанное свидетельствует о необходимости развития положений гражданского и земельного законодательства КР в рамках принципа сочетания интересов общества и законных интересов граждан. Полагаем, что наряду с усилением мер противодействия самовольному строительству должны быть закреплены гарантии обеспечения интересов граждан и юридических лиц. Необходимо нормативное закрепление исчерпывающего перечня случаев, когда легализация самовольной постройки допустима, с обязательной оценкой соответствия градостроительным и строительным нормам, безопасности, интересам третьих лиц. При этом правом легализовать самовольную постройку должны быть наделены субъекты, имеющие надлежащий правовой титул на земельный участок. Целесообразным представляется административный порядок легализации самовольных построек с возложением соответствующих функций на органы, уполномоченные на выдачу документов для проектирования, строительства и осуществления оценки соответствия вводимых в эксплуатацию завершенных строительством объектов.

В сфере приобретательной давности необходимо совершенствование административных процедур для регистрации права собственности на фактически используемые застроенные земельные участки как единые объекты недвижимости при сохранении недопустимости ее применения к незастроенным земельным участкам и самовольным постройкам. Единство судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов должно быть не только доктринальным тезисом, но и основным принципом земельного законодательства КР.

Список литературы

1. Семенова Е. Г. Понятие и содержание частноправового режима // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100).

2. Право собственности в Кыргызской Республике: вопросы развития / под ред. А. Н. Ниязовой. Бишкек, 2004.

3. Туратбекова Ч. А. Система вещных прав на землю в Кыргызской Республике: соотношение частных и публичных интересов : дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2006.

4. Фудашкин В. А., Эратов И. Т., Аттокурова Ж. М. Правовой режим самовольной постройки // Вестник КРСУ. 2024. Т. 24. № 7.

5. Аналитическая записка к проекту постановления Бишкекского городского кенеша «Об утверждении Положения «О порядке демонтажа объектов облегченного типа и сноса самовольных построек на территории города Бишкек». URL: https://bishkek.gov.kg/ru/post/21753.

6. Левушкин А. Н., Измайлов В. В. Самовольная постройка: правовые проблемы легитимации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 1.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 1.

8. Эйриян Г. Н. Сочетание интересов общества и частных интересов в регулировании использования земель // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 54.

9. Ниязова А. Н. Ограничения экономических прав граждан Кыргызской Республики (на примере права собственности на самовольную постройку) // Ежегодник по правам человека в Кыргызской Республике. 2012.

10. Семенова Е. Г. Особенности возникновения права собственности на самовольную постройку в Республике Крым // Развитие государственности и права в Республике Крым : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 05 февраля 2016 года / под общ. ред. С. А. Буткевича. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2016.

11. Бакытова М. Е. Некоторые дискуссионные аспекты давностного владения по законодательству Кыргызской Республики // Вестник КРСУ. 2018. Т. 18. № 3.

12. Ниязова А. Н. К вопросу о последствиях несоблюдения условий приобретательной давности // Научные труда «Эдилет». 2019. № 3.

13. Научно-практический комментарий к отдельным статьям Гражданского кодекса Кыргызской Республики / под общ. ред. А. Р. Салиева, А. А. Давлетова, Л. В. Гутниченко. Бишкек, 2015.

14. Постановление Пленума Верховного Суда Кыргызской Республики от 31 мая 2018 г. № 13 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел об оспаривании решений, действий (бездействия) государственных органов и органов местного самоуправления, связанных с предоставлением и изъятием земельных участков». URL: https://sot.kg/post/postanovlenie-plenuma-verhovnogo-suda-kr-ot-31-maya-2018-goda-n-13-o-nekotoryh-voprosah-voznikayushhih-pri-rassmotrenii-del-ob-osparivanii-reshenij-dejstvij-bezdejstviya-gosudarsvennyhorganoviorga.

Нгуен Д. Ч.[1]*,*
сотрудник
Института полицейской науки,
Академии народной полиции
Министерства общественной безопасности,
магистр

ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ И ЧАСТНОПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА ВО ВЬЕТНАМЕ И СТРАНАХ АЗИИ

1. Понятие цифровых активов и роль частноправовой базы в контексте технологического суверенитета.

Для глубокого понимания темы необходимо уточнить понятие цифровых активов и частноправовой базы в более широком контексте технологического суверенитета. Цифровые активы определяются как активы, существующие в форме электронного кода, не имеющие конкретной физической формы и основанные на распределенных технологиях, таких как блокчейн, для обеспечения неизменности, прозрачности и возможности исключительного контроля. К распространенным видам относятся: криптовалюты (например, Bitcoin или Ethereum), невзаимозаменяемые токены (NFT, представляющие уникальные активы, такие как цифровое искусство), цифровые данные (информационные активы в сфере больших данных) и виртуальные активы в виртуальных средах, таких как Метавселенная. Согласно Принципам УНИДРУА (Международный институт унификации частного права) по цифровым активам и частному праву, принятым в 2023 г. в Риме, цифровой актив – это *«электронная запись, которая подлежит исключительному контролю со стороны лица посредством криптографического ключа или аналогичного механизма»*, что позволяет применять правила владения, передачи, хранения и обеспечения безопасности, аналогичные тем, что действуют для традиционных материальных активов. Данный документ, разработанный при участии более 60 стран, подчеркивает технологическую нейтральность и нейтральность юрисдикции, отдавая приоритет принципу автономии воли сторон, ключевому принципу современного частного права. В то же время он содержит защитные механизмы для соблюдения императивных норм национального законодательства, во избежание ситуаций, когда трансграничные сделки ослабляют государственный контроль.

Частноправовая база фундаментально отличается от публичного права, связанного с государственной властью и общественными интересами. Частноправовая база фокусируется исключительно на регулировании равноправных отношений между частными субъектами, включая договоры, право собственности, наследование и гражданско-правовую ответственность. В сфере цифровых активов эта база играет важную роль в снижении трансграничных транзакционных издержек и стимулировании инноваций, например, посред-

[1] © Нгуен Д. Ч., 2026.

ством смарт-контрактов, которые исполняются автоматически без участия третьих лиц-посредников, тем самым повышая экономическую эффективность. Как подробно проанализировал профессор Алекс Миллс, специалист по международному публичному и частному праву и главный редактор журнала ICLQ, в своем исследовании *«Приватизация частного (и) международного права, 2023»*, процесс приватизации частного права создает глобальный рынок институтов разрешения споров. В этой системе автономия воли позволяет сторонам выбирать применимое право и суд, однако это создает риск размывания границ между публичным и частным, что может привести к доминированию транснациональных корпораций над данными и цифровой инфраструктурой. В контексте Азии частноправовая база гармонизируется посредством региональных торговых соглашений, таких как CPTPP (Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транс-Тихоокеанском партнерстве) и RCEP (Всестороннее региональное экономическое партнерство), что помогает таким странам, как Вьетнам, интегрироваться в глобальные цепочки создания стоимости цифровой экономики, не утрачивая при этом возможности контроля. Устойчивый технологический суверенитет здесь понимается не просто как технологическое самообеспечение, а как способность действовать независимо и гибко в международной системе, фокусируясь на контроле над инновациями, данными и цифровой инфраструктурой для противостояния геополитическим и экономическим вызовам. Доктор Якоб Эдлер (Jakob Edler) в исследовании *«Технологический суверенитет как формирующаяся рамка инновационной политики»* (Technology Sovereignty as an Emerging Frame for Innovation Policy, 2023) подчеркивает, что технологический суверенитет является не конечной целью, а средством реализации инновационной политики. Это особенно актуально в постпандемический период (после Covid-19), когда азиатские государства, такие как Вьетнам, Сингапур и Китай, вынуждены балансировать между открытостью для иностранных инвестиций и защитой национальных интересов. Цифровые активы, глобальная рыночная стоимость которых, по оценкам, превысит 3 триллиона долларов США к 2025 г. (согласно отчету Chainalysis Global Crypto Adoption Index 2025), становятся ключевым инструментом восстановления и развития экономики. Они не только создают экономическую стоимость, но и способствуют построению внутренней цифровой инфраструктуры, снижая зависимость от иностранных платформ, таких как AWS от Amazon или Azure от Microsoft. Однако для достижения устойчивости частноправовая база должна интегрировать экологические факторы (снижение энергопотребления при майнинге криптовалют), социальные факторы (сокращение цифрового неравенства) и экономические факторы (стимулирование сбалансированного роста), чтобы избежать попадания в ловушку «иллюзии суверенитета», с которой сталкиваются многие страны Азии.

2. Правовая база цифровых активов в странах Азии и во Вьетнаме.

2.1. Правовая база цифровых активов в странах Азии.

Правовая база цифровых активов в Азии крайне разнообразна, что отражает различия в уровнях экономического развития, геополитических стратегиях и степени открытости инновациям. Сингапур выделяется своим либеральным

и прозрачным подходом, закрепленным в Законе о платежных услугах 2019 г. (PSA 2019). Закон признает цифровые активы в качестве легального вида активов и предусматривает лицензирование бирж криптовалют со строгими требованиями к финансовой прозрачности. Денежно-кредитное управление Сингапура (MAS) использует модель «регуляторной песочницы» для тестирования инновационных методов цифровых финансов, позволяя частным предприятиям испытывать смарт-контракты без нарушения действующих норм. Одновременно с этим выдвигаются требования к прозрачности резервов активов для стейблкоинов во избежание рисков краха, подобного случаю с TerraUSD в 2022 г. Благодаря этому Сингапур привлек более 50 миллиардов долларов США инвестиций в сферу блокчейна в 2024 г., лидируя в Юго-Восточной Азии по индексу привлекательности цифровой экономики. Однако страна также сталкивается с рисками зависимости от иностранных инвестиций из США и Китая, что вызывает опасения по поводу потери контроля над национальными данными. Например, в 2024 г. Сингапур успешно разрешил спор по контракту NFT между двумя частными компаниями через местный суд, допустив автономию воли сторон в переговорах и достижении соглашения. Однако в случае невозможности достижения согласия стороны использовали заранее согласованный альтернативный механизм для обеспечения своих прав и интересов.

Китай, напротив, применяет подход жесткого контроля для защиты национального технологического суверенитета. С 2021 г. страна запретила частные операции с криптовалютами во избежание финансовых и экологических рисков, но при этом активно продвигает государственный блокчейн через цифровой юань (e-CNY). Китай характеризуется ограниченной частноправовой базой, отдавая приоритет государственной собственности для контроля потоков данных и снижения зависимости от цифрового доллара США (согласно отчету Народного банка Китая, 2025). К 2025 г. Китай рассматривает возможность выпуска стейблкоина, обеспеченного юанем, что знаменует изменение позиции в целях глобальной конкуренции. Тем не менее, принцип запрета автономии физических лиц в контрактах, связанных с криптовалютой, сохраняется во избежание системных рисков и для поддержания социально-экономической стабильности. Эта модель позволила Китаю занять первое место в мире по количеству патентов в сфере блокчейна (более 30 % от общемирового объема в 2024 г.), но также привела к недостатку инноваций в частном секторе и снижению привлекательности для иностранных инвестиций, подобно тому, как ограничения в отношении Huawei в США повлияли на азиатские цепочки поставок.

Япония представляет собой модель баланса между инновациями и безопасностью, опираясь на Закон о платежных услугах 2017 г. (с поправками). Япония признает криптовалюты как активы и требует от бирж регистрации в Агентстве финансовых услуг (FSA). FSA разрабатывает новый законопроект о цифровых активах (ожидается до 2026 г.), фокусируясь на классификации активов (например, разграничение между утилитарными токенами и токенами-ценными бумагами) и стремясь к внедрению технологических стандартов для повышения прозрачности владения и передачи. Одновременно интегрируются нормы о гражданско-правовой ответственности в случаях утраты активов из-за дей-

ствий хакеров (FSA, 2025). Япония вложила значительные средства в ИИ и блокчейн, используя частные контракты для поддержки НИОКР (R&D) в таких корпорациях, как Sony и Toyota. Однако энергетические риски от майнинга криптовалют остаются серьезным вызовом для страны, особенно после катастрофы на Фукусиме в 2011 г., что привело к строгим правилам потребления «зеленой» энергии. Например, в 2024 г. Япония применила частноправовые рамки для разрешения споров о праве собственности на NFT в индустрии развлечений, где Sony использует блокчейн для защиты интеллектуальной собственности (IP).

Другие страны Юго-Восточной Азии, такие как Южная Корея, Таиланд и Индонезия, придерживаются более осторожного курса, концентрируясь на борьбе с отмыванием денег и поддержке государственно-частного партнерства (ГЧП/PPP) для развития цифровой инфраструктуры. Южная Корея посредством *Базового закона о цифровых активах*, 2025 требует от иностранных эмитентов наличия местного филиала для обеспечения гражданско-правовой ответственности в контрактных спорах и защиты внутренних инвесторов, помогая снизить риски, исходящие от международных бирж. Таиланд и Индонезия используют правила Комиссии по ценным бумагам и биржам (SEC) и Управления по финансовым услугам (OJK) для борьбы с отмыванием денег, одновременно поощряя ГЧП для развития цифровой инфраструктуры, такой как дата-центры (например, сотрудничество Таиланда с Google для создания облачного региона в 2024 г., согласно *East Asia Forum*, 2025).

Можно заметить, что большинство стран Азии сталкиваются с «иллюзией технологического суверенитета» (Illusion of technological sovereignty) из-за зависимости от иностранной инфраструктуры, как отмечается в анализе *The Diplomat* (2025), где государства вынуждены балансировать между открытостью и контролем, чтобы не быть втянутыми в напряженность между США и Китаем. Таким образом, Сингапур и Япония движутся в направлении создания «песочниц» и классификации цифровых активов, в то время как Китай фокусируется на контроле данных. В этом контексте Вьетнам обладает преимуществом в скорости законотворчества, но должен перенимать опыт, чтобы избежать правовых коллизий, как в случае Индонезии, столкнувшейся с трудностями правоприменения из-за географического и культурного разнообразия, что привело к региональному неравенству в доступе к цифровым технологиям.

2.2. Правовая база цифровых активов во Вьетнаме.

Вьетнам утверждает свои передовые позиции в Азии и в мире принятием Закона о цифровой технологической индустрии (Закон № 71/2025/QH15 от 14 июня 2025 г.), вступающего в силу с 1 января 2026 г. (с некоторыми льготами, действующими с 1 июля 2025 г.). Это первый в мире закон, специально посвященный отрасли цифровых технологий, четко определяющий цифровые активы как *«цифровые активы, включающие виртуальные активы, криптоактивы и иные формы»*, и классифицирующий их по назначению (например: финансовые, художественные, информационные) и технологии (блокчейн, ИИ) для удобства применения в деловой практике и судопроизводстве (ст. 22). Цифровые активы признаются видом имущества согласно Гражданскому кодексу 2015 г. (ст. 105), что позволяет частным субъектам владеть, передавать, вести бизнес

и использовать их в качестве обеспечения в кредитных договорах или коммерческих сделках. Однако закон требует строгого соблюдения норм кибербезопасности, защиты персональных данных согласно Закону о защите персональных данных 2023 г. и борьбы с отмыванием денег в соответствии со стандартами ФАТФ (Рабочая группа по финансовым действиям), во избежание системных рисков и для защиты инвесторов (ст.ст. 23–24). Частноправовая база глубоко интегрирована через нормы о договорах передачи технологий и правах интеллектуальной собственности, где NFT могут охраняться как творческие произведения, а также через запрет на ограничение конкуренции, например, препятствование хранению или доступу к данным на цифровых платформах (ст. 35), что помогает создать здоровую конкурентную среду для частных предприятий, таких как стартапы в сфере финтеха.

Закон также поощряет модель государственно-частного партнерства (ГЧП) с конкретными льготами для привлечения частных инвестиций в высокотехнологичный сектор, такими как вклад государственного капитала до 70 % в проекты, связанные с цифровыми активами, разделение рисков по выручке (государство компенсирует 100 % дефицита в первые три года для стимулирования инноваций) и четкое регулирование владения данными (первичные данные принадлежат государству для защиты суверенитета, производные данные распределяются согласно частным контрактам в соответствии с Постановлением № 180/2025/ND-CP). Это не только стимулирует частные инвестиции, но и обеспечивает сохранение за государством стратегической контрольной роли, способствуя построению внутренней технологической цепочки поставок, например, в развитии национальных полупроводников и ИИ. Закон институционализирует дух Резолюции № 57-NQ/TW (о развитии цифровой экономики) и № 68-NQ/TW (о промышленной революции 4.0) Политбюро, с целью ускорения роста цифровой экономики в 2–3 раза быстрее темпов роста национального ВВП, при этом рынок цифровых активов оценивается более чем в 100 миллиардов долларов США и привлекает более 17 миллионов участников (данные Вьетнамской ассоциации блокчейна, 2025). Практический пример: платформы, такие как VNFT (национальная NFT-платформа) и Axie Infinity (блокчейн-игра, разработанная Sky Mavis), доказали экономический потенциал (Axie Infinity принесла вьетнамским игрокам миллиарды долларов дохода в период 2021–2023 гг.), но также выявили проблемы, связанные с отсутствием четкой правовой базы в прошлом, что привело к случаям мошенничества с NFT в г. Хошимине в 2024 г., нанеся ущерб в сотни миллиардов донгов и снизив доверие инвесторов (согласно газете *Юридическая газета Хошимина*, 2025).

Вьетнам активно интегрируется в международное сообщество через участие в CPTPP и EVFTA (Соглашение о свободной торговле между Европейским союзом и Вьетнамом), где частноправовая база цифровых активов гармонизируется с глобальными стандартами, такими как принципы УНИДРУА. Например, в рамках CPTPP Вьетнам обязуется признавать свободу и автономию воли сторон в международных контрактах, касающихся цифровых активов, но сохраняет за собой право применять защитные меры (резервные механизмы) для обеспечения национальной безопасности, такие как запрет на передачу цифровых

активов, связанных с чувствительными данными, без одобрения государства. Это помогает Вьетнаму привлекать инвестиции от технологических корпораций Европы и США, а также перенимать опыт партнеров для совершенствования внутренней правовой базы, например, применяя механизм контролируемого тестирования «песочницу» по примеру Сингапура для проверки новых бизнес-моделей цифровых активов без рисков. Более того, Вьетнам принял участие в международных форумах, таких как Рабочая группа G20 по цифровой экономике, в 2025 г., где обсуждалась гармонизация регулирования цифровых активов, что помогает обновлять передовые практики из Японии и Южной Кореи.

3. Решения, направленные на достижение устойчивого технологического суверенитета.

3.1. Проблемные вопросы и вызовы, препятствующие устойчивому технологическому суверенитету.

Во-первых, несмотря на то, что частноправовая база приносит много пользы, существующие проблемные вопросы серьезно препятствуют достижению устойчивого технологического суверенитета во Вьетнаме и Азии. Первой проблемой является чрезмерная приватизация правовой базы, ведущая к риску манипулирования структурой цифровой экономики, где транснациональные корпорации, такие как Google, Alibaba или Meta, контролируют цифровые данные и инфраструктуру, ослабляя автономию государства. Во Вьетнаме эта проблема проявляется в правовых коллизиях между Законом о цифровой технологической индустрии и Законом о кибербезопасности 2018 г., что снижает правоприменительный потенциал и повышает риски мошенничества.

Во-вторых, существует геополитическая и экономическая зависимость: напряженность в отношениях между США и Китаем делает азиатские страны уязвимыми в технологических цепочках поставок. Доктор Якоб Эдлер указывает, что зависимость от иностранной цифровой инфраструктуры ослабляет суверенитет. Например, Китай контролирует e-CNY для снижения зависимости от доллара США, в то время как другие страны, такие как Таиланд, сталкиваются с трудностями в оцифровке данных граждан из-за отсутствия базовых технологий, что ведет к рискам для национальной безопасности. Во Вьетнаме зависимость от китайских инвестиций в полупроводниковые технологии (составляющих 40 % инвестиций в 2024 г.) может привести к риску шпионажа данных, подобно обвинениям в адрес Huawei во многих европейских странах, что усложняет трансграничные частные контракты.

В-третьих, существуют экологические риски от майнинга цифровых активов, поскольку этот процесс требует огромного энергопотребления, сопоставимого с мощностью потребления такой небольшой страны, как Нидерланды. Это создает угрозу энергетической безопасности в таких странах, как Япония, особенно после катастрофы на Фукусиме. Это не только увеличивает выбросы углерода, но и влияет на обязательства Азии в рамках COP26 (Конференция ООН по вопросам изменения климата), где Вьетнам обязался сократить выбросы на 30% к 2030 г., однако воздействие майнинга криптовалют может оказать негативный эффект и замедлить прогресс в выполнении обязательств.

В-четвертых, это цифровое неравенство и отсутствие трансграничной гармонизации, где коллизии применимого права усложняют международные контракты. Профессор Е. Б. Леанович из Белорусского государственного университета в исследовании *«Проблемы цифровых активов в международном частном праве»*. Подчеркивается, что отсутствие единой нормативной рамки приводит к затяжным спорам о праве собственности, особенно в Азии с ее разнообразием правовых систем; например, различия между Гражданским кодексом Вьетнама и общим правом Сингапура увеличивают судебные издержки и снижают конкурентоспособность.

3.2. Решения по устранению проблем и вызовов, препятствующих устойчивому технологическому суверенитету.

Во-первых, для устранения проблем необходим многомерный подход, сочетающий международную гармонизацию, укрепление внутренних ресурсов и региональное сотрудничество. Первым решением является международная гармонизация посредством применения принципов УНИДРУА, при этом Вьетнам должен использовать резервные механизмы для защиты императивных национальных норм в трансграничных контрактах. Например, интеграция норм УНИДРУА в Закон о цифровой технологической индустрии поможет снизить коллизии применимого права, как предлагает профессор Ральф Майклс в исследовании *«Функциональный метод сравнительного правоведения, 2023»*, а также перенять опыт Южной Кореи, требующей наличия местного филиала для иностранных эмитентов с целью обеспечения гражданско-правовой ответственности.

Во-вторых, укрепление модели ГЧП: правительства могут разделять риски по выручке с инвесторами. Самое главное исходные данные по-прежнему принадлежат государству, что обеспечивает стратегический контроль над важными информационными активами. Это придает инвесторам уверенность при участии в проектах, сохраняя при этом роль и инициативу государства. Изучая модель Сингапура, азиатские страны могут внедрять «песочницы» для тестирования цифровых активов без создания системных рисков, а также диверсифицировать источники инвестиций для снижения геополитической зависимости. Например, Вьетнам может сотрудничать с ЕС через EVFTA для балансирования инвестиций из Китая.

В-третьих, масштабные инвестиции в центры НИОКР, и экологическое регулирование в направлении устойчивого развития. Предлагается ввести налоговый вычет в размере 200 % от расходов на НИОКР во Вьетнаме в сочетании с «зелеными» стандартами для майнинга цифровых активов с целью снижения энергопотребления. Следует учесть урок Японии с правилами Агентства финансовых услуг касательно возобновляемых источников энергии. Это не только решает экологические риски, но и стимулирует «зеленые» технологии, такие как использование возобновляемой энергии для дата-центров в Сингапуре.

В-четвертых, усиление регионального и международного сотрудничества для выработки общих стандартов и эффективных механизмов разрешения споров. Например: сотрудничество АСЕАН с УНИДРУА для установления единых стандартов по спорам о цифровых активах, что снизит судебные издержки для предприятий и частных лиц, а также минимизирует цифровое неравенство, вы-

званное различиями в законодательстве стран. Страны Азии могут применить гибридную модель управления между государственным и частным секторами: эта модель позволяет осуществлять контракты и транзакции с цифровыми активами преимущественно частному сектору, но государство будет играть роль строгого надзора. Это поможет предотвратить манипулирование рынком со стороны крупных или монопольных предприятий. Кроме того, необходимо повышение осведомленности и цифровых навыков граждан, что поможет сократить цифровой разрыв между городскими и сельскими районами, создавая равные возможности для участия всех граждан в экономике цифровых активов.

Список литературы

1. Закон об индустрии цифровых технологий № 71/2025/QH15. Национальное собрание Вьетнама, 2025.

2. Декрет № 180/2025/ND-CP от 1 июля 2025 г. о государственно-частном партнерстве в области науки и технологий. Правительство Вьетнама, Ханой, 2025.

3. Вьетнамская блокчейн-ассоциация. Отчет о рынке цифровых активов 2025 г.

4. УНИДРУА. Принципы цифровых активов и частного права. Рим : УНИДРУА, 2023.

5. Майклс, Ральф. Приватизация частного (и) международного права. Current Legal Problems. 2023. № 76 (1).

6. Эдлер Я. и др. Технологический суверенитет как новая концепция политики инноваций. 2023. № 52 (6).

Никитина А. А.[1]***,***
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Максимова И. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ, СОЗДАННЫЕ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, ПРОБЕЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта становится мощным катализатором глубинных изменений в креативной индустрии, перестраивая привычные представления о творческом процессе. Современные нейросетевые алгоритмы уверенно демонстрируют впечатляющие результаты в самых разнообразных сферах креативного труда: от создания живописных полотен и музыкальных композиций до генерации литературных текстов, архитектурных концепций и программного кода. Эта технологическая революция обнажает существенные пробелы в существующей системе правовой охраны интеллектуальной собственности, которая исторически базируется на незыблемом принципе человеческого авторства. В российском правовом поле до настоящего момента отсутствует целостная концептуальная модель, способная четко определить юридический статус объектов, созданных с применением ИИ-технологий, что порождает масштабную правовую неопределенность, затрагивающую всех участников инновационного процесса – от разработчиков нейросетевых платформ до конечных потребителей контента. Суть проблемы кроется в фундаментальном несоответствии классических юридических конструкций стремительно трансформирующейся технологической реальности.

Как отмечается в современных исследованиях, «ввиду быстро развивающихся цифровых технологий и внедрения их в повседневную жизнь вопрос о правовом статусе искусственного интеллекта приобретает новый, более важный характер и становится наиболее актуальным для гражданского права» [1].

Базовые положения российского авторского права зафиксированы в ст. 1228 ГК РФ, где однозначно закреплено: автором признается исключительно гражданин, творческим трудом которого создано произведение [2].

Сходные принципы имплементированы и в международные правовые акты, включая Бернскую конвенцию по охране литературных и художественных про-

[1] © Никитина А. А., 2026.

изведений. Такая нормативная конструкция исключает возможность признания ИИ субъектом авторских прав – вне зависимости от уровня автономности искусственный интеллект не обладает юридической правосубъектностью [3]. Возникающая правовая коллизия приводит к парадоксальной ситуации: произведение, полностью сгенерированное ИИ без какого-либо человеческого участия, оказывается вне зоны правовой защиты, поскольку в рамках традиционной правовой парадигмы отсутствует потенциальный субъект, которому можно предоставить право авторства. Таким образом, действующая нормативная база не обеспечивает охрану значительного массива креативных результатов, производимых машинными системами.

В условиях правового вакуума особую актуальность приобретает вопрос о надлежащем субъекте авторских прав на произведения, созданные с привлечением ИИ. Современная юридическая доктрина выделяет три ключевых подхода к решению этой проблемы. Первый – модель инициатора-куратора: авторство признается за лицом, инициировавшим процесс создания, осуществлявшим контроль над ним и определявшим параметры функционирования ИИ; в этом случае человек выступает в роли креативного менеджера, чей вклад может быть квалифицирован как творческий при соблюдении определенных условий [4, с. 88–90]. Второй – критериальный подход, основанный на выделении конкретных показателей для установления авторства: степени вовлеченности человека в процесс (отбор тематики, структурирование материала, редактирование), наличия интеллектуального замысла (формулировка задачи, требующей абстрактного мышления), осуществления кураторского контроля и постобработки результата [5, с. 67–70].Третий – дифференцированная модель, предполагающая обратную зависимость между степенью автономности ИИ и основаниями для признания человека автором; при полностью автоматизированной генерации без человеческого вмешательства авторство может быть исключено [6, с. 134–136].

При этом проблематика защиты субъективных прав в цифровой среде остается дискуссионной в юридической науке. Как отмечается в исследованиях, «защита субъективных гражданских прав занимает важное место в ряду дозволенного поведения участников гражданского оборота. С развитием технологического прогресса вопросы защиты субъективных прав получают новый виток актуальности и потому приковывают взгляды не только исследователей, но и законодателя» [7].

Особую сложность представляет проблема легитимного использования объектов, охраняемых авторским правом, в процессе обучения нейросетевых моделей. Обучающие датасеты зачастую включают колоссальные массивы информации – текстовые корпуса, визуальные изображения, музыкальные произведения, программный код, извлеченные из открытых источников. Значительная часть этих материалов находится под защитой авторского права, что создает существенные риски нарушения исключительных прав первоначальных правообладателей. Проблема усугубляется отсутствием четких правовых механизмов, регламентирующих допустимые способы использования защищенных объектов для целей машинного обучения, что порождает системные противоре-

чия между интересами правообладателей исходного контента, стремящихся защитить свои исключительные права, и разработчиков ИИ-систем, инвестирующих значительные ресурсы в создание и обучение нейросетевых моделей.

Международный опыт демонстрирует разнообразие подходов к урегулированию обозначенных противоречий. В США Бюро по авторским правам последовательно отказывает в регистрации произведений, созданных исключительно машинными системами, опираясь на трактовку Закона об авторском праве, ограничивающего охрану произведениями, созданными человеком [8, с. 201–203]. В Европейском союзе активно обсуждается введение смежных прав для операторов ИИ по аналогии с правами производителей фонограмм; ведется интенсивная работа по разработке нормативных актов, регулирующих использование ИИ в креативной индустрии [9, с. 92–94]. В Китае судебная практика признает права за пользователями ИИ при наличии существенного человеческого вклада в итоговый результат [10, с. 92–94]. ВОИС предлагает бинарную классификацию контента: произведения с творческим вкладом человека (подлежащие правовой охране) и продукты полностью автоматической генерации (не защищаемые авторским правом) [11, с. 33–35].

Российская судебная практика по вопросам ИИ-генерации находится в стадии формирования: суды преимущественно придерживаются позиции приоритета человеческого вклада, однако отсутствие специализированных правовых норм существенно затрудняет единообразное разрешение споров [12]. Несмотря на введение в 2025 г. новых ГОСТов, регламентирующих технические аспекты качества ИИ-контента, вопросы правовой охраны остаются неурегулированными, что порождает комплекс существенных рисков: отказ в регистрации прав на созданные произведения, судебные иски за непреднамеренное копирование защищенных объектов, ограничения со стороны платформ и издательств на публикацию материалов, созданных без человеческого участия [13–17].

Для преодоления существующих правовых лакун необходима комплексная модель регулирования, обеспечивающая баланс между защитой авторских прав и стимулированием инновационной деятельности. В качестве первоочередных мер можно предложить следующие шаги. Нормативно закрепить: в ст. 1228 ГК РФ критерий «творческого вклада человека» с определением минимальных требований к степени человеческого вмешательства (например, редактирование не менее 30 % контента); объект смежных прав – «произведения, созданные с использованием ИИ» – с сокращенным сроком правовой охраны (например, 25 лет с момента публикации), что позволит обеспечить правовую защиту результатам машинного творчества, установить баланс интересов создателей и общества, создать предсказуемые условия для коммерциализации ИИ-контента; презумпцию прав пользователя при соблюдении ряда условий: наличия лицензионного соглашения с разработчиком ИИ, документирования процесса генерации (промпты, версии модели), внесения изменений, требующих творческих усилий; реестр ИИ-генерируемых произведений для упрощения процедуры доказывания происхождения контента, обеспечения прозрачности правоотношений и предотвращения неправомерного использования объектов; регламентировать использование данных при обучении моделей

в ст. 1374 ГК РФ, а также требования к прозрачности источников обучающих данных, механизмы соблюдения прав первоначальных правообладателей и гарантии защиты персональных данных.

Важно учитывать экономические последствия закрепленных ограничений: избыточная защита прав разработчиков ИИ способна ограничить доступ к технологиям, особенно для малого бизнеса и частных пользователей, тогда как недостаточная охрана может снизить инвестиционную привлекательность сектора ИИ-разработок. Оптимальным представляется комбинированный подход: для коммерческих ИИ-систем – лицензирование с отчислением доли разработчику; для open source решений – режим общественного достояния с обязательным указанием источника. Такой механизм позволит сбалансировать интересы всех участников рынка, стимулировать инновации в сфере ИИ и обеспечить доступность технологий для широкого круга пользователей.

Перспективным направлением является закрепление технологических инструментов верификации происхождения произведений: цифровых водяных знаков (встраивание идентификационной информации в генерируемый контент), блокчейн-реестров (создание распределенных баз данных для фиксации этапов создания произведения) и метаданных генерации (сохранение информации о параметрах работы ИИ, использованных обучающих данных и степени человеческого вмешательства). Эти инструменты повысят прозрачность цепочки создания контента, упростят доказывание авторства в судебных спорах и предотвратят неправомерное присвоение результатов машинного творчества.

Для минимизации коллизий в трансграничных правоотношениях необходимо: синхронизировать национальные нормы с международными стандартами (например, директивой ЕС 2019/790 о цифровых услугах); участвовать в разработке универсальных принципов регулирования ИИ-контента на площадках ВОИС и ООН; формировать двусторонние соглашения с ключевыми партнерами по вопросам охраны интеллектуальных прав в цифровой среде.

Нормативное закрепление перечисленных положений в сфере ИИ-генерируемого контента требует системного подхода и учета ряда ключевых аспектов: четкого определения субъекта прав с учетом степени творческого вклада человека в создание произведения; внедрения технических инструментов верификации происхождения и авторства генерируемого контента; гармонизации норм с международными стандартами для обеспечения правовой определенности в глобальной цифровой экономике; создания специализированных судебных инстанций для рассмотрения споров об ИИ-контенте с привлечением экспертов в области цифровых технологий.

Реализация предложенных мер создаст условия для устранения существующих правовых пробелов, формирования благоприятной среды для развития ИИ-технологий, защиты интересов всех участников правоотношений в эпоху цифровой трансформации и обеспечения баланса между стимулированием инноваций и охраной интеллектуальных прав. Формирование правовой базы выступит катализатором технологического прогресса и укрепит позиции России на глобальном рынке интеллектуальной собственности в условиях цифровой экономики.

Список литературы

1. Крысанова-Кирсанова И. Г., Трушина И. О. Правовой статус искусственного интеллекта // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. IV) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 01.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52. Ст. 5496.

3. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 // Официальный сайт ВОИС. URL: https://wipo.int.

4. Иванов А. В. Право интеллектуальной собственности в эпоху ИИ : монография. М. : Юриспруденция, 2024.

5. Петрова С. Н. Авторское право и искусственный интеллект: вызовы современности // Закон. 2025. № 3.

6. Смирнов Д. К. Модели определения авторства в условиях развития нейросетей // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2025. № 1.

7. Тумаков А. В. Правовая парадигма защиты прав обладателя цифрового объекта // Lex Russica. 2025. Т. 78. № 10(227).

8. US Copyright Office. Compendium of U.S. Copyright Office Practices (3rd ed., 2024). Washington: GPO. 2024.

9. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council on open data and the re-use of public sector information (recast, 2025) // Official Journal of the EU. 2025. L 123.

10. Zhang L. AI-Generated Works in Chinese Copyright Law: Judicial Trends // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2025. Vol. 20. № 2.

11. WIPO. Guidelines on AI and Intellectual Property (2025 ed.). Geneva: WIPO Publishing. 2025.

12. Постановление Девятого арбитражногоапелляционного суда от 8 апреля 2024 г. № 09АП-642/24 // СПС «КонсультантПлюс».

13. ГОСТ Р ИСО/МЭК 42001–2024. Искусственный интеллект. Система менеджмента. Введ. 2025–01–01. М. : Стандартинформ, 2024.

14. ГОСТ Р 71476–2024. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта. Введ. 2025–01–01. М. : Стандартинформ, 2 Newton.

15. ГОСТ Р 71671–2024. Системы поддержки принятия врачебных решений с применением искусственного интеллекта. Основные положения. Введ. 2025–01–01. М. : Стандартинформ, 2024.

16. ГОСТ Р 71657–2024. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения. Введ. 2025–01–01. М. : Стандартинформ, 2024.

17. ГОСТ Р 71533–2024. Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Системы управления движением транспортным средством. Требования к испытанию алгоритмов обнаружения и распознавания дорожной разметки. Введ. 2024–12–01. М. : Стандартинформ, 2024.

Никулина А. В.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры гражданско-правовых дисциплин
Барнаульского юридического института МВД России

«ОБЪЕКТ ОХРАНЫ» КАК СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В контексте динамичных изменений социально-экономической сферы общества, обусловленных процессами глобализации в совокупности с увеличением количества угроз безопасности, складывается необходимость усиления экономического суверенитета. Непременной основой такового выступает предпринимательская охранная деятельность, которая играет важную роль в укреплении конституционных положений, обеспечивая реализацию принципа свободы предпринимательства и защиту частной собственности, что и определяет *актуальность* темы публикации.

В начале исследования необходимо обратить внимание на то, что охранная деятельность всегда осуществляется в рамках правового поля и существует как самостоятельное явление, сущность которого проявляется в характерных для него особенностях. По сути, предпринимательская охранная деятельность носит правореализационный характер, т. е. оказание охранных услуг может осуществляться только в рамках заключенного гражданско-правового договора.

Данный договор, в свою очередь, является юридическим фактом, служащим основанием возникновения охранного правоотношения, ключевым аспектом которого выступает объект охраны. Обозначенный аспект, по мнению автора, требует детального рассмотрения и системного анализа, поскольку в настоящее время его определение носит дискуссионный характер.

Таким образом, *целью* публикации является установление сущности объекта охраны в контексте охранной деятельности как разновидности предпринимательства. Для достижения цели необходимо решить следующие *задачи*:

1) установить проблемные аспекты, связанные с трактовкой понятия «объект охраны» в призме действующего законодательства;

2) предложить определение исследуемой категории.

Методология настоящего исследования предполагает использование системный подхода и таких общенаучных приемов как анализ и синтез.

В рамках решения *первой задачи*, важно отметить, что предпринимательская охранная деятельность представляет собой волевое целенаправленное воздействие субъекта складывающегося правоотношения (охранной организации) на объекты правовой действительности (охраняемые объекты). Поскольку отношения, возникающие в сфере охранной деятельности, анализируются в призме предпринимательства, а предпринимательская деятельность в свою очередь выступает предметом гражданско-правового регулирования, можно утверждать, что изучаемые отношения складываются по поводу охраны объектов гражданских прав.

---

[1] © Никулина А. В., 2026.

Вместе с тем необходимо акцентировать внимание на том, что объект охранного правоотношения и объект охраны понятия не тождественные. Объект охранного правоотношения характеризуется совокупностью нескольких объектов гражданских прав (материальных и нематериальных благ, а также оказание охранных услуг). В свою очередь объекты охраны не во всех случаях обязательно должны совпадать с положениями ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а именно с перечнем объектов гражданских прав [1].

Данная позиция четко аргументирована в кандидатской диссертации С. А. Шаронова, где ученый анализирует особенности объектов охраны через совокупность их признаков: «материальная форма существования, правовая форма владения, пользования и распоряжения, наличие специальных мер по сохранности (неприкосновенности), правовое оформление охраны, наличие юридической ответственности» [4, с. 8].

С правовой точки зрения, определение «объекта охраны» не должно носить двусмысленного характера, поскольку неопределенность может приводить к подмене понятий и, как следствие, возникновению отношений за рамками установленного правового регулирования. Вместе с тем сложившийся подход законодателя к трактовке понятия «объект охраны» можно охарактеризовать как неоднозначный.

С целью анализа обратимся к нормам основного «частноправового нормативного акта» – Закона Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон). В ст. 1.1 Закона под объектами охраны понимаются «недвижимые вещи (включая здания, строения, сооружения), движимые вещи (включая транспортные средства, грузы, денежные средства, ценные бумаги), в том числе при их транспортировке» [2].

Анализируя данное определение, следует отметить, что, несмотря на включение в нормативный акт обширного перечня объектов гражданских прав, охватывающего как движимые, так и недвижимые вещи, анализ данного документа выявляет отсутствие детализированной регламентации специфических аспектов правового регулирования и специфики услуг, предоставляемых охранными организациями в рамках предпринимательской охранной деятельности, что приводит к ряду противоречий, которые проявляются в следующих проблемных аспектах.

Во-первых, в ст. 3 Закона к перечню видов охранных услуг законодатель причисляет «… защиту жизни и здоровья граждан», однако норма-дефиниция ст. 1.1 не включает в определение объекта охраны «жизнь и здоровье». При этом, как справедливо отмечает С. А. Шаронов, «объект «здоровье» следует рассматривать не как состояние физического и иного благополучия человека, когда отсутствуют заболевания и расстройства организма, защита которого невозможна посредством оказания охранных услуг, а как «физическое тело человека», защищаемое от противоправных посягательств» [6, с. 151].

Во-вторых, в вышеназванной ст. 3 Закона в перечне охранных услуг в качестве таковых закреплена «… охрана объектов и (или) имущества…». Возникает вопрос: «Что подразумевал законодатель, отделив понятие «имущество» от по-

нятия «объект»?». Более того, исходя из анализа норм действующего гражданского законодательства, можно сделать вывод, что под имуществом понимается совокупность материальных и нематериальных объектов. Следовательно, формулировка ст. 3 вступает в противоречие с положениями все той же ст. 1.1, которая определяет объекты охраны исключительно как вещи, включая движимое и недвижимое имущество.

В-третьих, перечень охранных услуг, закрепленный в анализируемой ст. 3 Закона, включает, в том числе, «… обеспечение порядка», а также «… внутриобъектового и пропускного режимов». Следует согласиться с точкой зрения С. А. Шаронова, о том, что «объектом, по поводу которого появляются обязательства по оказанию услуг, обусловленных обеспечением порядка, а также пропускного и внутриобъектового режимов, выступает собственно «порядок», установленный заказчиком охранных услуг» [5, с. 205]. Однако в ст. 1.1 Закона о таком объекте как «порядок» законодатель даже не упоминает.

Подводя промежуточные итоги, можно сделать следующие выводы. Закрепленное в Законе понятие «объект охраны» носит усеченный характер, не раскрывая сущности и правовой природы данной категории. Такое законодательное «упущение» приводит к рассогласованию некоторых норм, содержащихся в Законе, что в целом не обеспечивает должного правового урегулирования отношений в сфере предпринимательской охранной деятельности.

Таким образом, существующая формулировка понятия «объект охраны» требует детальной проработки и уточнения для последующего обеспечения адекватного правового регулирования деятельности организаций, оказывающих охранные услуги в рамках гражданско-правовых договоров с учетом специфики объектов, которые они охраняют.

Важно отметить, что с 1 сентября 2026 г. вступает в силу новый закон о частной охранной деятельности [8], принятие которого обусловлено назревшей объективной необходимостью.

В рамках нового нормативного правового акта законодатель осуществляет попытку углубленного и расширенного толкования понятия «объект охраны» и включает в него «…здания, строения, сооружения, территорию или акваторию, транспортное средство, груз, в том числе при его транспортировке, денежные средства либо иное имущество…» (п. 8 ст. 2).

Однако предлагаемая норма-дефиниция, по мнению автора, не решает сложившуюся проблему определения объекта охраны, закрепляя только один объект гражданских прав – «вещи и иное имущество», и оставляя «за рамками» перечня «жизнь и здоровье» и собственно «порядок». Данные объекты упоминаются в иных нормах (п. 7, п. 9 ст. 2). То есть законодатель, по сути, дифференцирует эти понятия, отделяя их друг от друга.

Так, согласно п. 7 ст. 2 нового закона охраняемое лицо – это «… физическое лицо, защита жизни и здоровья которого от противоправных посягательств осуществляется телохранителем на основании договора на оказание частной охранной организацией охранной услуги». Возникает вопрос о допустимости такой трактовки. По мнению С. А Шаронова, «… этот структурный элемент относится не к объекту, а к субъекту отношения, а его правовое положение опре-

деляется гражданским законодательством» [7, с. 8]. Следовательно, объектом охраны должно выступать физическое тело охраняемого лица, что в полной мере соответствует такому признаку объекта как «материальная форма существования», о котором шла речь выше.

Кроме того, возникает вопрос о корректности формулировки «вещи и иное имущество» (п. 8 ст. 2), поскольку в контексте гражданского законодательства под «иным имуществом» как объектом гражданских прав понимаются не овеществленные объекты, а имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права).

Исходя из анализа совокупности признаков объектов охраны, в числе которых обозначается материальная форма их существования, напрашивается вывод о том, что «иное имущество» в аспекте его гражданско-правового толкования объектом охраны выступать не может.

В призме обеспечения защиты объектов от противоправных посягательств актуализируется проблема правовой регламентации охраны нематериальных объектов. В связи с этим представляется целесообразным установить обязательное указание на материальную форму объектов охраны, что позволит исключить двусмысленность и обеспечить более четкую правовую основу для их защиты.

Таким образом, в рамках решения *второй задачи* автором предлагается следующее определение *объекта охраны* – это обязательный компонент предпринимательской охранной деятельности, включающий в себя две составляющие: материальные объекты, а именно, движимые и недвижимые вещи, физическое тело охраняемого лица, а также нематериальные – собственно порядок как результат охранных услуг.

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы.

Определение объекта охраны, закрепленное в действующем законодательстве, характеризуется неопределенностью и вступает в противоречие с положениями ГК РФ. Складывающаяся ситуация приводит к правовой неясности и, как следствие, подмене понятий, что в свою очередь негативным образом отражается на эффективности правового регулирования предпринимательской охранной деятельности.

Принятый (но не вступивший в силу) новый закон, вероятно, не разрешит всех обозначенных проблемных аспектов, поскольку легальное определение объекта охраны должно включать в себя все многообразие гражданско-правовых объектов, что позволит обеспечить более эффективную и комплексную защиту интересов субъектов охранных правоотношений.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 427-ФЗ «О частной охранной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Шаронов С. А. Договор на оказание услуг частной охранной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.

5. Шаронов С. А. Гражданско-правовое регулирование охранной деятельности в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2015.

6. Шаронов С. А. Проблемы правового регулирования охранной деятельности как разновидности предпринимательства // Власть Закона. 2019. № 4.

7. Шаронов С. А. Проект Федерального закона «О частной охранной деятельности» как зеркало проблем, обусловленных отсутствием учета системных элементов отраслей гражданского и трудового права // Современное право. 2023. № 9.

8. Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 427-ФЗ «О частной охранной деятельности» (вступает в силу с 01.09.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

Павлова К. С.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ИСПОЛНЕНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТА: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Совершенствование информационных технологий привело к стремительной цифровизации общества, что, в свою очередь, обусловило возникновение новых общественных отношений, возникающих в цифровом пространстве. В настоящее время экономическая парадигма находится в состоянии активной цифровой трансформации, затрагивая не только процессы, связанные с предпринимательством и бизнесом, но и фундаментальные институты, к которым, в данном случае, относятся деньги и договоры. Так, в ответ на существующие глобальные вызовы, Банк России разработал цифровой рубль - третью форму российской национальной валюты, являющуюся дополнением к имеющимся двум формам денег.

Параллельно с указанным ранее нововведением, отечественный законодатель вносит изменение в существующий Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее ГК РФ), закладывая тем самым основы для признания и использования как смарт-контрактов, так и цифрового рубля.

Так, правовой статус цифрового рубля определяется Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], а также Концепцией цифрового рубля, предложенной Банком России, на основании которых цифровой рубль является цифровой формой российской национальной валюты, выпускаемой Банком России в дополнение к существующим формам денег. Данное положение, а также вышеуказанный Федеральный закон позволяют разграничивать цифровой рубль и иные, имеющиеся на сегодняшний день, цифровые активы [3].

Рассматривая цифровой рубль с гражданско-правовой позиции, стоит отметить, что, на основании ст. 128 ГК РФ он (цифровой рубль) является объектом гражданских прав. Также, в соответствии со ст. 140 ГК РФ, цифровой рубль является денежным средством (валютой) [1]. Следовательно, на основании указанных норм, цифровой рубль выполняет все классические функции денег, т. е. является законным средством платежа на территории Российской Федерации, служит мерой стоимости, а также средством накопления. Данный факт и разграничивает цифровые активы и цифровой рубль. Мнение, согласно которому цифровой рубль является цифровой валютой неправильное, ввиду наличия у цифрового рубля ранее указанных признаков, делающих его денежным средством. Цифровая валюта, в свою очередь, денежным средством не является, поэтому она (цифровая валюта) не может также являться и средством накопления

[1] © Павлова К. С., 2026.

[5, с. 171–172]. Стоит отметить, что данный вывод имеет фундаментальное значение ввиду того, что ко всем сделкам с использованием цифрового рубля будут применяться общие нормы обязательственного и вещного права, регулирующие денежные обязательства и расчеты.

С технической точки зрения, цифровой рубль представляет собой цифровой токен, т. е. запись в реестре, учет которого централизованно ведется на соответствующей платформе Банка России. Участники оборота цифрового рубля получают доступ к платформе через соответствующие кошельки, открытие которых происходит в уполномоченных финансовых организациях, т. е. банках. Именно при помощи этой централизованной и достаточно технологически продвинутой процедуры цифровой рубль имеет свойство программируемости.

Рассматривая смарт-контракт или же умный контракт, стоит отметь, что его легализация в российском праве произошла с введением в ст. 309 ГК РФ положения, на основании которого исполнение обязательств может осуществляться путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки. В российском праве смарт-контракт определяется как программный код, выполняющий определенные условия сделки между двумя и более сторонами на основе технологии блокчейн. Стоит также отметить, что ранее известный российскому обществу подход, на основании которого смарт-контракт представляет собой инновационный договор, является неверным. В данном случае смарт-контракт признается лишь способом исполнения уже существующих обязательств, возникших из имеющихся в российском праве форм договора или иного соглашения. Так, классический договор, в котором каждая из сторон согласовывает имеющиеся у них условия, остается неизменной первоосновой.

Смарт-контракт, в данном случае, выступает лишь инструментом его автоматизированного исполнения. С технической точки зрения, смарт-контракт представляет собой программу для электронной вычислительной машины, которая может автоматически совершать определенные действия при наступлении тех или иных последствий, указанных в условии программы [6, с. 40–41].

Применение цифрового рубля и смарт-контракта может создать достаточно мощный технический симбиоз, который сможет стать актуальным в следующих аспектах:

1. Полная автоматизация и снижение издержек. Так, процесс исполнения обязательств и выполнения всех условий договора полностью возлагается техническому алгоритму. Данный факт позволяет исключить человеческий фактор и наличие возможных бюрократических задержек.

2. Повышение прозрачности и надежности производимых платежей и договоров. Так, все условия сделки будут фиксироваться при помощи смарт-контракта, а все производимые с цифровым рублем операции будут записываться на соответствующей платформе Банка России. Данный факт будет минимизировать риски недобросовестного поведения сторон договора, позволит избежать факты мошенничества и оспаривания неправомерно нарушенных прав.

3. Увеличение скорости расчетов. Так как цифровой рубль и операции, производимые с ним, являются прямым обязательством Банка России, перевод средств будет осуществляться в реальном времени, а при помощи смарт-

контракта данные между сторонами денежные обязательства смогут происходить в максимально ускоренном режиме.

4. Возможность использования новых бизнес-моделей. Смарт-контакт на основе цифрового рубля делает возможным программируемое субсидирование, страхование, установление автоматических платежей и т. д.

Тестирование использования цифрового рубля, на сегодня, провели более 13 банков, примерно 600 граждан, а также почти 30 торговых и сервисных компаний. Среди производимых операций также присутствовали сделки с использованием смарт-контракта. Так, Банк «ВТБ» решил смоделировать смарт-контракт на платформе цифрового рубля Банка России для поставки технологического оборудования. Данная операция была произведена с целью демонстрации автоматизации различных бизнес-процессов, производство которых станет более эффективным. По условиям смоделированного договора заказчик приобрел оборудование у поставщиков, а Банк «ВТБ», в данном случае, выступил в качестве финансового партнера, обеспечив их взаиморасчеты в цифровых рублях с применением смарт-контракта на платформе цифрового рубля. Таким образом, заказчику нужно было лишь подключиться к соответствующей платформе Центрального Банка через систему Банка «ВТБ» и ввести соответствующие условия контракта. Поставщику же необходимо было проделать аналогичные операции, после чего подтвердить условия. На данном примере Банк «ВТБ» наглядно продемонстрировал актуальность и результативность данных инноваций для сферы бизнеса, апробируя известные сегодня технологические прогрессы воедино [4].

Однако, несмотря на наличие существенных преимуществ такой связки между цифровым рублем и смарт-контрактом, невозможно не отметить ряд имеющихся нерешенных недостатков и правовых коллизий. Так, среди указанных проблем можно выделить:

1. Проблему распределения ответственности. Наличие многоступенчатого подхода к выполнению обязательств по договору с использованием смарт-контракта и цифрового рубля затрудняет определение виновного лица, в случае наличия убытков. Технические сбои, в существующей реальности, не являются редкостью и исключением, поэтому вопрос относительно распределения ответственности остается открытым [7, с. 46–47].

2. Проблема безотзывности и судебной защиты. Как уже ранее указывалось, действие смарт-контракта, в большинстве случаев, является мгновенным и необратимым, поэтому у существующих исследователей возникает вопрос относительно оспаривании данных сделок, наложения ареста на цифровой кошелек с находящимися на нем цифровыми рублями, необходимыми для выполнения тех или иных условий договора с использованием смарт-контракта и т. д.

Однако, несмотря на наличие некоторого ряда правовых недочетов, цифровой рубль, являясь программируемой формой национальной валюты, является высокоэффективным инструментом для исполнения договоров с использованием смарт-контракта. Использование смарт-контракта с цифровым рублем позволит совершить переход существующих обязательств в цифровую среду, где исполнение всех имеющихся условий будет являться гарантированным свой-

ством самой сделки. Проводимые исследования в части осуществления операций с цифровым рублем и смарт-контрактом, выполняемые на базе Банка России и ведущих банков Российской Федерации, убедительно демонстрируют значительный потенциал данной технологии, а также позволяет заручиться поддержкой юридических лиц и граждан-потребителей, что, в свою очередь, гарантирует использование данных технологий достаточно широким кругом лиц.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Концепция цифрового рубля (подготовлена Банком России). URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf.

4. Официальный сайт Банка ВТБ. URL: https://www.vtb.ru/articles/finansovaya-gramotnost/chto-takoe-cifrovoy-rubl/.

5. Тумаков А. В. Понятие и оборот цифровой валюты. Направления совершенствования действующего российского законодательства // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4.

6. Титов Д. Е. Смарт-контракты в платформе цифрового рубля: потенциал автоматизации государственных выплат // Научная дискуссия: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 23 апреля 2025 г. Пенза : Наука и Просвещение, 2025.

7. Григорьев В. В. Преимущества и недостатки цифрового рубля // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16. № 5.

Панова Д. С.[1]*,*
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ЦИФРОВАЯ ПОДПИСКА КАК ДОГОВОРНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Современный гражданский оборот претерпевает фундаментальные изменения, которые еще десять лет назад казались сюжетом футуристического романа. Утро среднестатистического горожанина начинается не с покупки газеты в киоске, а с уведомления новостного приложения, доступ к которому оплачивается ежемесячно. Музыка в наушниках, фильмы вечером и даже функции подогрева сидений в некоторых автомобилях – все это больше не приобретается в собственность, а берется во временное пользование. Экономика владения стремительно уступает место экономике пользования. Однако за удобством автоматических списаний скрывается сложнейшая и до конца не урегулированная юридическая конструкция, порождающая массу вопросов о природе возникающих правоотношений.

Центральной проблемой здесь выступает квалификация договора цифровой подписки. С точки зрения традиционного института гражданского права, определить его природу крайне затруднительно. Если приобрести диск с программным обеспечением в магазине – это договор купли-продажи экземпляра с сопутствующей лицензией, то что такое подписка на цифровой сервис? Здесь нет передачи вещных прав, так как нет физического носителя. Пользователь получает лишь возможность взаимодействия с удаленным сервером. На первый взгляд, напрашивается аналогия с договором возмездного оказания услуг. Исполнитель предоставляет доступ к контенту, а заказчик его оплачивает. Но услуга потребляется в момент ее оказания, тогда как подписка предполагает длящееся состояние доступности, независимо от того, пользуется ли клиент сервисом в данный момент или нет.

Здесь возникает конструкция, известная как договор с исполнением по требованию, или абонентский договор [8]. В российском правовом поле данная модель закреплена в ст. 429.4 Гражданского кодекса [1]. Суть ее заключается в том, что абонент платит не за конкретное количество переданных данных или просмотренных фильмов, а за само право требовать предоставления исполне-

[1] © Панова Д. С., 2026.

ния в определенный период. Если пользователь не открыл приложение ни разу за месяц, услуга все равно считается оказанной, а оплата не возвращается. Эта особенность создает уникальный экономико-правовой баланс, который зачастую смещен в сторону поставщика услуг.

Однако цифровая подписка – это не просто абонентский договор в вакууме. Это сложный смешанный договор, включающий в себя элементы лицензионного соглашения. Когда оформляется подписка на Wink или Яндекс.Плюс, пользователь акцептует условия, предоставляющие ему право использования объектов интеллектуальной собственности (фильмов, музыки, программного кода) в личных целях. Это простая неисключительная лицензия. Но, в отличие от классической лицензии, которая часто выдается на весь срок действия авторского права или на длительный период за разовый платеж, здесь право использования жестко привязано к периодическим платежам. Прекращение оплаты влечет мгновенное прекращение лицензии. Возникает парадоксальная ситуация: потребитель может годами платить за доступ к библиотеке книг или игр, выплатить сумму, многократно превышающую их рыночную стоимость, но по итогу не иметь на руках абсолютно ничего. В момент расторжения договора «цифровой капитал» пользователя обнуляется [5, с. 50].

Особую остроту вызывает вопрос о содержании договора, который в подавляющем большинстве случаев является договором присоединения. Условия использования формуляров разрабатываются сильнейшей стороной – платформой. Потребитель лишен возможности влиять на текст соглашения: он может либо нажать кнопку «Согласен», либо отказаться от использования сервиса вовсе. Учитывая монопольное или олигопольное положение многих цифровых гигантов, «свобода договора» превращается в фикцию. Если человеку нужен профессиональный графический редактор, а производитель перевел его исключительно на модель Software as a Service (модель предоставления программного обеспечения, при которой программа и все данные хранятся на серверах провайдера, а пользователь получает к ним доступ через интернет по подписке), у пользователя нет альтернативы.

В этом контексте критически важным становится анализ так называемых «темных паттернов» (dark patterns) – интерфейсных решений, подталкивающих пользователя к невыгодным действиям. Классический пример – усложненная процедура отписки. Подписаться можно в один клик, часто даже случайно, активировав пробный период, который затем автоматически трансформируется в платный. А вот чтобы отменить подписку, зачастую приходится пройти квест из множества экранов, подтверждений, а иногда и звонков в службу поддержки. С правовой точки зрения это можно трактовать как злоупотребление правом и нарушение принципа добросовестности. Навязывание услуг через автоматическое продление без явного, активного согласия пользователя на каждый новый период становится предметом судебных разбирательств во многих юрисдикциях, однако единого подхода к регулированию этой механики пока не выработано.

Еще один тонкий момент касается одностороннего изменения условий договора. Платформы часто оставляют за собой право менять стоимость подписки

или состав предоставляемого контента без предварительного согласования. Пользователь подписывался на онлайн-кинотеатр ради конкретного сериала, а правообладатель отозвал лицензию, и сериал исчез из библиотеки. При этом стоимость подписки осталась прежней или даже выросла. В классическом обязательственном праве одностороннее изменение условий договора допускается лишь в исключительных случаях. В цифровой среде это стало нормой. Правовая природа объекта подписки здесь демонстрирует свою текучесть: пользователь платит не за конкретный список произведений, а за доступ к каталогу на текущий момент. Это существенно снижает уровень правовой защищенности потребителя по сравнению с покупкой физических носителей или даже разовой покупкой цифровых копий.

Нельзя обойти стороной и вопрос цифрового наследования. При классической модели покупки книг или пластинок наследники получали имущество. В модели подписки имущество отсутствует. Аккаунт в Steam или подписка на облачное хранилище неразрывно связаны с личностью пользователя и условиями пользовательского соглашения, которое обычно прямо запрещает передачу учетной записи третьим лицам. Смерть пользователя, как правило, означает прекращение договора, и весь накопленный цифровой контент, включая, например, сохранения в играх, плейлисты или личные архивы (если они не были выгружены локально), становится недоступным. Цифровая подписка создает категорию активов, которые существуют только пока жив их владелец и пока он платежеспособен.

Проблема усугубляется трансграничным характером таких отношений. Потребитель может находиться в одной стране, серверы – в другой, а юридическое лицо правообладателя зарегистрировано в третьей. Определение применимого права и подсудности в случае спора превращается в головоломку. Хотя законодательство о защите прав потребителей обычно императивно защищает пользователя по месту его жительства[3], на практике взыскать убытки с корпорации, не имеющей представительства в юрисдикции истца, бывает невозможно. Договорная конструкция цифровой подписки фактически выводит значительную часть гражданского оборота в «серую зону», где национальные правовые механизмы работают со сбоями.

Следует обратить внимание и на аспект защиты персональных данных, который вшит в ткань договора подписки [4]. Часто валютой, которой расплачивается пользователь, являются не только деньги, но и его данные. Платформы анализируют предпочтения, время активности, геолокацию для таргетирования рекламы или улучшения алгоритмов. Если рассматривать предоставление персональных данных как встречное предоставление, то договор приобретает черты меновой сделки. Однако оценка эквивалентности такого обмена практически невозможна. Пользователь редко осознает реальную стоимость информации, которую он передает в обмен на «бесплатный» пробный период или скидку на подписку.

Динамическое ценообразование также вносит элемент неопределенности в договорную конструкцию. Алгоритмы могут определять стоимость подписки индивидуально для каждого пользователя на основе его платежеспособности,

модели устройства или истории покупок [6, с. 120]. Это ставит вопрос о принципе равенства участников гражданского оборота и запрете дискриминации. Если два пользователя получают идентичный объем услуг (доступ к одной и той же базе фильмов), но платят разную цену исключительно из-за того, что один зашел с последней модели смартфона, а второй – со старого ноутбука, нарушается ли здесь публичный порядок? Формально – свобода договора позволяет устанавливать любые цены. Фактически – это новая форма социальной сегрегации, закрепленная в программном коде.

Рассматривая подписку как договорную конструкцию, необходимо отметить ее эволюцию в сторону экосистемности. Сегодня мы все чаще подписываемся не на отдельный сервис, а на пакет услуг: доставка еды, такси, музыка, кино и банковские привилегии объединяются в единый Яндекс.Плюс или СберПрайм. Юридически это создает сложную структуру множественности лиц на стороне исполнителя. Пользователь заключает договор с агрегатором, но услуги фактически оказываются разными юридическими лицами. Ответственность за некачественное оказание услуги в такой цепочке часто размывается. Агрегатор ссылается на то, что он лишь информационный посредник, а непосредственный исполнитель может быть недосягаем для претензий. Конструкция единой подписки требует переосмысления правил об ответственности в сложных обязательствах.

Интересен и механизм прекращения обязательств. В традиционном праве отказ от договора часто связан с возмещением фактически понесенных расходов исполнителю. В цифровой подписке расходы на предоставление доступа еще одному пользователю стремятся к нулю (маржинальные издержки копирования цифрового контента ничтожны). Поэтому штрафы за досрочное расторжение годовой подписки, которые иногда пытаются применять сервисы, выглядят экономически необоснованными и правомерно оспариваются как кабальные условия. Однако сервисы находят обходные пути, предлагая годовую подписку с большой скидкой, которая аннулируется при досрочном выходе, пересчитывая использованные месяцы по высокому «базовому» тарифу. Это создает эффект «золотых наручников», удерживающих потребителя в договорных отношениях против его воли.

Стоит также упомянуть появление модели hardware-as-a-service (оборудование как услуга), которая переносит логику цифровой подписки на материальный мир. Принтеры, которые отказываются печатать, если не оплачена подписка на чернила, или автомобили, отключающие функцию автопилота при просрочке платежа. Здесь договорная конструкция цифровой подписки вторгается в вещное право, ограничивая правомочия собственника вещи. Собственник автомобиля формально владеет «железом», но не владеет функциональностью, которая контролируется программно через удаленный сервер. Это размывает само понятие права собственности, превращая его в урезанное право владения материальным носителем с необходимостью арендовать его полезные свойства.

Анализ судебной практики показывает, что суды пока склонны применять аналогии закона, пытаясь натянуть старые нормы на новые отношения. Споры о возврате денег за неиспользованный период подписки часто решаются со ссылкой на нормы о возмездном оказании услуг, игнорируя абонентскую при-

роду договора. Это создает нестабильность и непредсказуемость для участников рынка. Отсутствие специального регулирования цифровых подписок в гражданском законодательстве тормозит развитие справедливого рынка [9].

В перспективе, вероятно, потребуется выделение договора о предоставлении цифрового контента и цифровых сервисов в отдельный вид договорных обязательств. Необходимо законодательно закрепить требования к прозрачности условий продления, механизмам отказа от подписки («кнопка отмены» должна быть так же доступна, как «кнопка подписки») и правилам изменения стоимости. Также актуальным становится вопрос о портативности цифровых активов – праве пользователя при смене платформы перенести свои плейлисты, историю просмотров и другие данные, накопленные за время действия договора. Это снизило бы зависимость от конкретного поставщика и усилило бы конкуренцию.

Подводя итог анализу, можно констатировать, что цифровая подписка – это не просто способ оплаты, а самостоятельная, уникальная договорная конструкция, сочетающая элементы аренды, услуг и лицензии, но не сводимая ни к одной из них полностью. Она трансформирует саму суть потребления, заменяя статичное обладание вещью динамичным процессом доступа. Эта модель несет в себе как огромные возможности для бизнеса и удобство для пользователей, так и серьезные риски правовой неопределенности и дисбаланса интересов. Задача юридического сообщества – не просто наблюдать за этим процессом, а вырабатывать новые доктринальные подходы и предлагать законодательные решения, которые вернут равновесие в отношения между цифровым гигантом и маленьким человеком с смартфоном в руке. Без этого мы рискуем оказаться в мире, где у нас есть доступ ко всему, но мы не владеем ничем, а условия нашего существования в цифровой среде могут быть изменены в одностороннем порядке в любой момент.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. IV) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

3. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.

4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 06.02.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

5. Архипов В. В. Интернет-право : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2023.

6. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование . 2-е изд. М. : Статут, 2016.

7. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. М. : Буки Веди, 2020.

8. Федотов А. Г. Абонентский договор: опыт комментария ст. 429.4 ГК Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2018. № 2.

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 9.

Поваляева М. Е.[1]***,***
курсант
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
Мельник С. В.,
профессор кафедры гражданско-правовых
дисциплин Орловского юридического
института МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ В ИНТЕРНЕТЕ: МОЖНО ЛИ ЗАСТАВИТЬ ПОИСКОВИКИ УДАЛИТЬ ИНФОРМАЦИЮ О СЕБЕ?

В эпоху цифровых технологий наблюдается определенная тенденция, которая характеризуется изменением распространения и хранения личной информации в сети Интернет. Необходимо отметить, что сведения, размещенные среди узкого круга лиц, могут сохраняться неопределенное время, тем самым причиняя вред правам и законным интересам гражданина. В качестве механизма защиты против свободного распространения информации, периодически содержащей персональные данные, в российском законодательстве сформировался гражданский институт «права на забвение».

В современных источниках «право на забвение» трактуется как способность человека требовать удаления или сокрытия информации, которая может являться недостоверной, неполной, излишней, неактуальной или нежелательной. Также это право включает в себя возможность отозвать согласие на обработку персональных данных, даже если эти сведения верные, но стали несоответствующими или избыточными по отношению к задачам обработки [1, с. 122].

Актуальность закрепления «права на забвение» в современном обществе вызвана множеством причин, таких как хранение недостоверной или не актуальной информации, которая наносит вред статусу человека и долгое время находит ассоциации с ним, свободное распространение приватных сведений, необходимость усовершенствования отечественного законодательства. Цифровая репутация в настоящее время имеет большое значение для каждой личности, поскольку непосредственно оказывает неизгладимое влияние на карьеру, профессиональные отношения и личное положение каждого.

В Российской Федерации «право на забвение» нашло отражение в Федеральном законе «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ст.ст. 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» от 13 июля 2015 г. №264-ФЗ (далее по тексту – Закон о праве на забвение) [2].

---

[1] © Поваляева М. Е., 2026.

Если обратиться к статистике, то можно заметить, что за 2024 г. было зафиксировано 26000 заявок на удаление данных из поисковой системы Яндекса, из которых получили одобрение 17940, что более, чем в семь раз больше, по сравнению с данными на 2016 г. [3]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что «право на забвение» является необходимым инструментом, который предоставляет защиту личности в условиях развития цифрового пространства.

Согласно Закону о праве на забвение, поисковая система – это информационная система, осуществляющая поиск информации в сети Интернет. Тем не менее, требуется обратить внимание, что «право на забвение» предпочтительно осуществляется к поисковым системам, которые приобретают прибыль за счет маркетинга, а также веб-рекламы, скорее всего это необходимо для выделения основных цифровых систем [5]. Кроме того, для реализации этого права законодатель выделяет несколько необходимых юридических условий:

1. Наличие оснований для прекращения показа контента на просторах сети Интернет:

–существование опровергающих сведений, которые могут порочить честь и достоинство человека;

–потеря актуальности данной информации для публичности;

–распространение данных с несоблюдением действующих законодательных запретов.

2. Исполнение особого порядка. Гражданин имеет право требовать от оператора поисковой системы прекращения показа информации поусловиям перечисленным выше. Безусловно, для этого процесса требование физического лица должно содержать его персональные данные, а также согласие для их обработки, ссылку на страницу в поисковой системе, на которой опубликованы сведения.

3. Возможность оператора отказать в прекращении показа контента, если эта информации содержит определенную значимость. К ней можно отнести данные об осуществлении конкретным лицом деятельности в политике, профессиональная деятельность, сведения о совершенных преступлениях, если имеется не погашенная или не снятая судимость.

Необходимо отметить, что существуют случаи, когда оператор поисковой системы не выполняет требования о прекращении показа ссылок на сведения, на которые распространяется «право на забвение», то в таком случае гражданин может обратиться за судебной защитой. Так, в ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации закреплено право любого лица требовать удаления информации, размещенной в сети Интернет, которая порочит честь, достоинство и может наносить вред деловой репутации. [4] Так, помимо физических лиц, юридические лица могут применять «право на забвение», в контексте защиты своей деловой репутации.

Проанализировав законодательство, регулирующее условия реализации этого института, можно сделать вывод о сложной системе его осуществления, проявляющейся в материальных и процессуальных аспектах, а именно, соблюдении определенных законом условий для удаления сведений, особый порядок досудебного урегулирования, выстраивание равновесия между защитой личной цифровой информации и поддержанием публичного интереса к ней.

Если обратиться к примерам досудебного регулирования, то можно выделить одно из самых известных первых дел, связанных с «правом на забвение» – это дело бизнесмена Сергея Михайлова, который одним из первых воспользовался этим правом. Так, на информационных платформах появились сведения о том, что Сергей Михайлов является членом опасной преступной группировки Солнцева. Бизнесмен изъявил желание удалить эту информацию, тем не менее, из-за огласки запросов на эту тему после его обращения стало значительно больше. Тем не менее, после его обращения, в поисковых системах Yandex и Google были скрыты запросы, относящиеся к этой теме, а в поисковой системе Google при введении данного вопроса в поисковой строке сообщается, что некоторые данные могли быть скрыты [6].

Также для исследования темы реализации «права на забвение» можно обратиться к судебной практике прошедших лет. Так, в одном из судебных дел, гражданин обращается с иском к поисковым системам Yandex и Mail.ru. Физическое лицо требует прекращения показа ссылок на сведения, гласящие о задержании этого лица и подозрении его в совершении преступления в составе организованной группы, так как уголовное дело было прекращено по причине реабилитирующих оснований. Суд полностью удовлетворил требования истца, опираясь на то, что информация является недостоверной и неактуальной, тем самым обязал поисковые системы Yandex и Mail.ru прекратить выдачу ссылок по этим запросам. Данное судебное решение показывает действенность механизма защиты «права на забвение», устанавливает приоритет защиты личной жизни при делах, связанных с прекращением уголовного преследования [7].

В связи с развитием цифрового права необходимо отметить, что становится актуальным вопрос о возможности расширения действия «права на забвение» среди умерших. В Законе о праве на забвение прямо отсутствует информация о том, что заявителем может быть любое лицо, поэтому формулировка закона не предоставляет возможным определить, возможно ли обратиться родственникам умершего к поисковым платформам. Отсутствие указания в законодательстве при данных событиях создает в праве неопределенность. Поэтому необходимо закрепление условий в системе российского права, согласно которым будет возможно определение реализации «права на забвение» среди умерших [8].

На основании вышесказанного, проведенные исследования института «права на забвение», дает право сделать вывод об эффективной работе механизма осуществления защиты личности во время цифровизации общества. Также следует подчеркнуть сохранение спорных аспектов, которые требует глубокого изучения в этой области. К данным моментам можно отнести изучение проблемы о «праве на забвение» среди умерших лиц. Также создаются проблемы при определении баланса между сохранением исторических сведений и данным правом, что формирует спорность в вопросе цифрового наследия. Будущее данного института строится в систематизации и гармонизации российского законодательства, формировании унифицированной судебной практики, которая будет учитывать интересы физических лиц и юридических лиц в сфере защиты своей репутации. Вместе с тем, необходим интерес к социально-значимой ин-

формации, и сохранение ее в свободном доступе для общества в эпоху развития цифровых технологий.

Список литературы

1. Дофгань Е. Ф. права человека в эпоху цифровых технологий // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2018 № 5 (45).

2. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

3. Репутация. Москва. URL: https://reputation.moscow/pravo-na-zabvenie/.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 49. Ст. 5071.

5. Прокопенко А. В., Цуканов О. В. Право на забвение в сети интернет гражданско-правовой аспект вопросов реализации и защиты личной информации // Вестник экономики и права. 2025. № 106.

6. Бизнесмен Сергей Михайлов воспользовался правом на забвение. URL: https://amp.rbc.ru/rbcnews/technology_and_media/30/05/2016/5748/73bc9a79477bf8e5a75d.

7. Решение Кировского районного суда г. Перми от 17 октября 2018 г. «Судебные акты Российской Федерации». URL: https://sudact.ru/regu-lar/doc/h8x0b8ylBElq/.

8. «Право на забвение» в сети Интернет после смерти гражданина: зарубежные подходы и возможность реализации в России. URL: https://ipcmagazine.ru/articles/1729212/.

Полежаева О. Г.[1],
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОЦЕДУРЫ ПРОХОЖДЕНИЯ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ АККРЕДИТАЦИИ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ

В настоящее время завершается процесс глобального реформирования системы допуска медицинских работников к профессиональной деятельности. Внедрение процедуры аккредитации медицинских работников, предусмотренной федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [1] стало ключевым элементом реформы системы непрерывного медицинского образования. Цифровизация этого процесса призвана повысить доступность, прозрачность и эффективность процедуры [2]. Переход к аккредитации осуществляется поэтапно и должен завершиться к 1 января 2026 г.

Периодическая аккредитация медицинских работников является важным инструментом обеспечения качества и безопасности медицинских услуг. Процесс ее прохождения регламентируется приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации [3], которым определены сроки проведения, порядок подачи специалистом необходимого пакета документов, а также установлен порядок приема соответствующих документов и их последующая оценка. Как основное новшество, призванное оптимизировать и упростить документационный оборот, а значит и всю процедуру прохождения аккредитации, необходимой для продолжения профессиональной деятельности, предложено использование федерального регистра медицинских и фармацевтических работников. Безусловно, цифровизация процесса прохождения периодической аккредитации является современным и своевременным средством, но несмотря на ее положительные аспекты, зачастую является непреодолимым препятствием, ведущим к временному отстранению от выполнения обязанностей специалистов, в случае, если процесс прохождения аккредитации затягивается. Существуют серьезные проблемы, с которыми сталкиваются медицинские работники, необходимость решения которых обеспечит в первую очередь доступность и высокое качество медицинской помощи населению.

Эмпирические данные, включая многочисленные обращения в профессиональных сообществах, свидетельствуют о частом возникновении различных барьеров, препятствующих прохождению аккредитации. Наиболее острым из них является возврат по формальным основаниям (несоответствие сканов установленным, но не всегда четко доведенным до сведения пользователя, техническим

[1] © Полежаева О. Г., 2026.

требованиям – разрешение, формат, размер файла, а также субъективная оценка «нечитаемости» или «неполноты» приложенного файла) к концу регламентных сроков проверки документов, что приводит к массовым отстранениям специалистов от работы [4]. Каждый такой цикл – «возврат – доработка – повторная отправка» отнимает большое количество времени, с учетом установленных сроков и фактически превращается в многократно повторяемое препятствие. Проблемы усугубляются техническим несовершенством платформы: ошибки при загрузке файлов, недоступность сервиса, неинтуитивный интерфейс, затрудняющий корректное заполнение форм. При этом, ответственность за технические сбои системы де-факто возлагается на пользователя, который не может доказать факт такой ошибки, что ведет к пропуску сроков. Сложившаяся проблема, превратившаяся в настоящий момент в источник правовой и профессиональной нестабильности серьезно демотивирует кадры и свидетельствует о том, что существующая цифровая модель, несмотря на декларируемые цели оптимизации, порождает серьезные кадровые риски для системы здравоохранения, которая и так находится в непростом положении.

По данным статистики, приведенным на пленарном заседании 11 ноября 2025 г. председателем Государственной думы Российской Федерации Вячеславом Володиным, дефицит медицинских кадров в России достиг 80 % [5]. Такая ситуация, в том числе, на наш взгляд, связана с несовершенством процедуры прохождения периодической аккредитации, которая нуждается в оптимизации.

Медицинские работники обязаны проходить аккредитацию каждые пять лет, в противном случае они утрачивают право на осуществление медицинской деятельности и подлежат отстранению от работы в порядке, предусмотренном Трудовым кодексом Российской Федерации [6]. Таким образом, для специалиста пропуск нормативного срока влечет применение жесткой санкции в виде отстранения без оплаты труда и риск увольнения. Обмен документами между аккредитуемым и аккредитационной комиссией осуществляется в электронном формате с использованием федерального регистра медицинских и фармацевтических работников и только в случае отсутствия сведений об аккредитуемом в таковом – почтовым отправлением, что законодательно закрепляет зависимость процедуры от технической исправности и удобства интерфейса данной платформы, а также технических возможностей доступа к ней и навыков работы с персональным компьютером и иной оргтехникой самого аккредитуемого.

Вместе с тем, необходимо отметить, что периодическая аккредитация проводится путем оценки портфолио аккредитуемого, соответственно комплектность, правильность оформления представленных документов, являются безусловной необходимостью при прохождении процедуры. Нормативные сроки, установленные для аккредитационных комиссий (оценка портфолио – 15 рабочих дней, срок рассмотрения апелляции – 15 рабочих дней, явно диссонируют со сроками, предоставленными аккредитуемому для защиты своих прав (например, подать апелляцию на решение аккредитационной комиссии можно в течение двух рабочих дней). Устанавливая такие жесткие формальные рамки существующие нормативные акты не предусматривают некого «периода защиты» для специалиста, своевременно инициировавшего процедуру. Работник

оказывается в некой «процессуальной ловушке»: с одной стороны, он выполнил свою обязанность по подаче документов, но из-за длительности сроков рассмотрения и частый возврат по формальному основанию документов, а также задержек этапов прохождения со стороны комиссии, физически лишен возможности завершить прохождение процедуры аккредитации вовремя.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что проблемы цифровизации аккредитации носят не временный и не сугубо технический, а системно-нормативный характер. Для их разрешения, на наш взгляд, необходимо принять комплекс мер:

1. Введение «защитного периода» – нормы, согласно которой своевременная подача полного комплекта документов будет предоставлять специалисту право продолжать работу до момента вынесения аккредитационной комиссией окончательного решения.

2. Технологическая доработка личного кабинета медицинского работника должна предусматривать превентивную автоматизированную проверку файлов на соответствие формальным требованиям до момента окончательной отправки, что резко сократит количество возвратов.

3. Создание эффективного и быстрого механизма досудебного обжалования решений о возврате документов и технических сбоев.

4. Закрепление на законодательном уровне ответственности работодателя за прохождение процедуры периодической аккредитации трудоустроенных медицинских работников.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

2. Приказ Минздравсоцразвития России от 28 апреля 2011 г. № 364 «Об утверждении Концепции создания единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения» // СПС «Консультант Плюс».

3. Приказ Минздрава России от 28 октября 2022 г. № 709н «Об утверждении Положения об аккредитации специалистов». URL http:// publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211300021.

4. Материалы вкладки «Отзывы» официального сайта Федерального аккредитационного центра, как эмпирическая база, фиксирующая трудности при прохождении аккредитации // URL https://fca-rosminzdrav.ru/.

5. Парламентская газета от 11 ноября 2025 г. URL https:// www.pnp.ru/social/volodin-na-nachalo-2025-goda-v-rossii-ne-khvatalo-bolee-23-tysyach-vrachey.html.

6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

Политкин И. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЗНАНИЯ КОМИТЕТА КРЕДИТОРОВ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫМ СООБЩЕСТВОМ

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в ст. 181.1 закрепляет существование конструкции гражданско-правового сообщества. По замыслу законодателя, гражданско-правовыми сообществами являются участники юридического лица, сособственники, кредиторы при банкротстве и другие лица, хотя и непоименованные законодателем, однако являющиеся сообществами исходя из закона или существа отношений. В контексте заявленной темы интерес представляют гражданско-правовые сообщества, образованные кредиторами.

Все коллективные гражданско-правовые образования, очевидно, являются фикциями, т. е. не имеют объективного выражения в материальном мире. Однако, такие фикции формируются физическими лицами, которые в процессе управления объединениями, организуют деятельность его коллективного органа управления. Так, например, корпоративное юридическое лицо, как одна из коллективных правовых фикций, выражается вовне при функционировании его органов управления, которые составляют участники этого юридического лица. Сособственники, при решении вопросов, связанных с общей собственностью, созывают общее собрание, которое также является своеобразным органом принятия решений. Кредиторы при банкротстве, как одна из коллективных общностей, также должны иметь прообраз органа управления объединением. Само существование данного объединения обусловлено необходимостью решения совместных вопросов, связанных с требованием к должнику об исполнении денежных обязательств перед кредиторами, что невозможно осуществить без коллективного органа принятия решений.

Обращаясь к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (далее – ФЗ № 127) можно заметить две общности, которые в теории могут быть признаны гражданско-правовыми сообществами: собрание кредиторов и комитет кредиторов. Существует позиция, согласно которой собрание и комитет кредиторов отождествляются при исследовании их статуса [7], что представляется в корне неверным, так как данные коллективные образования имеют совершенно разные конструктивные основы организации и функционирования.

Верховный суд Российской Федерации, характеризуя в своем постановлении решения собраний, отмечает, что и собрание, и комитет кредиторов являются гражданско-правовыми сообществами (Постановление Пленума Верхов-

[1] © Политкин И. А., 2026.

ного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ»). Некоторые представители научной доктрины солидарны с мнением высшего судебного органа и считают, что оба представленных коллективных образования следует считать гражданско-правовыми сообществами [1; 3; 4], другие же исследователи к сообществам относят только собрание [2; 5]. В результате, цивилисты сошлись во мнении только относительно собрания кредиторов, а статус комитета кредиторов продолжает оставаться дискуссионным. В этой связи необходимо определить, является ли комитет кредиторов гражданско-правовым сообществом.

Согласно ч. 1 ст. 17 ФЗ № 127, комитет кредиторов формируется для представления законных интересов конкурсных кредиторов, уполномоченных органов, осуществления контроля за деятельностью арбитражного управляющего, а также для реализации других предоставленных собранием кредиторов полномочий.

В ходе анализа представленной нормы, несложно сделать вывод о том, что комитет кредиторов существует для представления интересов всех кредиторов, которые, будучи участниками общего собрания кредиторов, предоставляют комитету соответствующие полномочия.

Как уже упоминалось выше, деятельность абстрактных правовых фикций, в том числе и гражданско-правового сообщества, проявляется вовне деятельностью органа управления. Поэтому, чтобы определить возможность комитета кредиторов являться гражданско-правовым сообществом, необходимо представить его в качестве органа управления сообществом. В результате осуществления подобного мысленного эксперимента становится очевидно, что комитет кредиторов не отвечает требованиям органа управления в гражданско-правовом сообществе по ряду причин:

Во-первых: в законодательстве установлены случаи, когда создание комитета кредиторов является обязательным (присутствие в деле о банкротстве более 50-ти конкурсных кредиторов и уполномоченных органов). Количество членов комитета в любом из случаев не может превышать 11-ти человек (ч. 4 ст. 17 ФЗ № 127). В таком случае невозможно достижение кворума собрания, как органа управления гражданско-правового сообщества, так как, согласно ч. 1 ст. 181.2 ГК РФ кворум должен исчисляться из общего числа членов гражданско-правового сообщества и составлять не менее 50% его участников [6].

Во-вторых: согласно ч. 1 ст. 18 ФЗ № 127, комитет кредиторов избирается собранием кредиторов. По сути, собрание формирует комитет из своих же членов для представления интересов всех кредиторов. Свою деятельность комитет кредиторов также прекращает по решению собрания (ч. 1 ст. 18 ФЗ № 127). Соответственно, можно сделать вывод о том, что комитет кредиторов является производной от собрания конструкцией, которая обладает только теми полномочиями, которыми его наделило собрание.

В третьих: численность собрания как органа управления в сообществе должна соотноситься с общей численностью самого сообщества, так как каждый участник гражданско-правового сообщества имеет право принимать участие в соответствующем собрании. В то же время, численность комитета креди-

торов строго ограничена определенным количеством человек, что идет вразрез с общей конструкцией организации органа принятия решений в гражданско-правовом сообществе.

В результате, комитет кредиторов не может считаться органом принятия решений в гражданско-правовом сообществе кредиторов, а значит и не является его проявлением в материальном мире. Комитет может существовать наряду с собранием кредиторов, однако вопрос его присутствия в отношениях по банкротству напрямую зависит от собрания кредиторов или законной необходимости. В любом случае, полномочия комитета всегда определяются общим собранием кредиторов, поэтому данное образование следует считать производным от собрания, вспомогательным элементом в рамках процедуры банкротства.

Список литературы

1. Груздев В.В. Гражданско-правовые сообщества: понятие, виды // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 10.

2. Несостоятельность (банкротство): учебный курс: в 2 т. Т. 1 / под ред. С. А. Карелиной. М. : Статут, 2019.

3. Ованесов Б. К. Гражданско-правовые сообщества в делах о банкротстве: понятие, признаки, виды, правовые проблемы волеизъявления // Молодой ученый. 2023. № 19 (466).

4. Поваров Ю. С. Особенности комитета кредиторов как гражданско-правового сообщества // Вестник арбитражной практики. 2018. № 4.

5. Пыльнев Ю. А. Воплощение концепции гражданско-правового сообщества в сфере несостоятельности и банкротства // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 11.

6. Чеговадзе Л. А. О кворуме общих собраний в садоводческом некоммерческом товариществе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 3.

7. Шайбаков С. В. Правовой статус собрания и комитета кредиторов в системе органов управления корпоративных организаций // Образование и право. 2024. № 3.

Поляков И. И.[1]*,*
преподаватель Высшей школы
корпоративного управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ЛЕГИТИМАЦИЯ ПОВЫШЕННОЙ ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ СИЛЫ ДОКУМЕНТОВ, СОЗДАННЫХ ЦИФРОВЫМИ ПЛАТФОРМАМИ

Термины и понятия, используемые в статье:

Инвестиционная платформа, инвестиционная цифровая платформа, ИЦП – цифровая платформа, зарегистрированная в Российской Федерации и ведущая свою деятельность в соответствии с Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ».

Посредническая цифровая платформа, ПЦП – цифровая платформа, зарегистрированная в Российской Федерации и ведущая свою деятельность в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2025 г. «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации».

Введение.

Цифровая трансформация экономики требует юридически значимого удостоверения и последующего признания фактов и обстоятельств, особенно при совершении сделок в цифровой форме в сети Интернет. Появление и законодательное закрепление специального статуса и функций новых субъектов – инвестиционных цифровых платформ (ИЦП) и посреднических цифровых платформ (ПЦП) – создало технологический аналог традиционных институтов, обеспечивающих доверие и фиксацию правоотношений. Однако документы, создаваемые такими платформами, в настоящее время не обладают тем уровнем доверия со стороны суда, который соответствует реальной степени их защищенности и достоверности.

Историческая рецепция принципов римского права, регламентирующая особый тип формально-публичных сделок *mancipatio* с ограниченным видом вещей, выделяемых в отдельную категорию *rec mancipi,* в противовес обычным сделкам *Traditio*, т. е. сделок, совершаемых в форме физической передачи вещи [1; 2], в цифровую эпоху реализуется также формально-публичным процессом выражения и согласования воли участников сделок на цифровых платформах путем соблюдения предписанных законом процедур и совершения определенного рода действий в четко установленной последовательности [3]. Используя исторические аналогии можно сказать, что использование цифровых платформ позволяет расширить категорию *rec mancipi* на весь спектр реальных или бестелесных вещей, которые обладают признаками оборотоспособности – *res in commercio*.

[1] © Поляков И. И., 2026.

В настоящее время публично-правовое удостоверение воли сторон на совершение определенного вида сделок и совершение юридически обязывающих действий возложено на нотариат [3; 13]. Анализируя требования к нотариусу и совершению им действий по нотариальному удостоверению сделок в соответствии с положениями ст. 163 ГК РФ «Нотариальное удостоверение сделки», в том числе с требованиями к формату нотариально оформляемого документа в электронной форме [14] с требованиям к платформе по удостоверению личности и полномочий участников сделки, согласования ими ее условий, сопровождению исполнения обязательств сторон по заключенной на платформе сделок, в том числе участия в расчетах и удостоверению фактов исполнения обязанностей в натуре, которые устанавливаются Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» [18] и Федеральным законом от 31.07.2025 г. «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [19], можно выявить параллели в действиях и полномочиях нотариуса и цифровой платформы.

В целом, электронный документ, заверенный УКЭП признается в российском правовом поле наравне с документами, выполненными на бумажном носителе и заверенные подписью гражданина, должностного лица или организации [4]. В российской практике документы в форме электронных документов заверенных УКЭП могут использоваться в судебном процессе наравне с документами, выполненными на бумажном носителе и заверенные собственноручной подписью [10; 11]. Аналогичная норма действует и в других странах, в том числе в Китайской Народной Республике [8; 12].

При этом, нотариальные документы наделены повышенной доказательной силой, что нашло отражение в п. 5 ст. 61 ГПК РФ «Основания для освобождения от доказывания» и в п. 5 ст. 69 АПК РФ «Основания для освобождения от доказывания», а документы, создаваемые цифровой платформой такой повышенной доказательной силой не обладают и рассматриваются судом исключительно как письменная форма сделки в порядке ст. 160 ГК РФ «Письменная форма сделки» с учетом ст. 6 «Условия признания электронных документов, подписанных электронной подписью, равнозначными документам на бумажном носителе, подписанным собственноручной подписью» Федерального закона «Об электронной подписи» от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ [10], что нарушает конституционный принцип равенства участников сделок перед законом и судом международно-признанный принцип недискриминации электронных документов [6; 7; 9].

О необходимости придания документам цифровых платформ повышенной доказательной силы в гражданском обороте и в гражданском и арбитражном процессе.

Актуальность: Активное развитие в Российской Федерации цифровых финансовых активов, токенизации прав и платформенной экономики в целом требует адекватного процессуального обеспечения. Документы, создаваемые в рамках таких платформ, в настоящее время не обладают тем уровнем доверия со стороны суда, который соответствует реальной степени их защищенности и достоверности.

Проблема: сложился правовой парадокс, при котором цифровая сделка, сопровождаемая многоуровневой идентификацией, использованием УКЭП и сквозным логированием, обладает в суде доказательной силой простой письменной формы. В то же время таже самая нотариально-заверенная сделка между теми же участниками зафиксированная в виде бумажного документа, и далее переведенная в форму электронного документа в порядке, установленном в ст. 103.2 «Удостоверение равнозначности электронного документа документу на бумажном носителе удостоверенный нотариусом» Основ законодательства о нотариате пользуется презумпцией достоверности. Это создает избыточные процессуальные барьеры и не стимулирует переход к передовым цифровым технологиям заключения сделок.

Обоснование сходности нотариального и платформенного удостоверения гражданско-правовых сделок.

Полномочия нотариуса возникают из его соответствия требованиям, установленных в Законе «Основы законодательства РФ о нотариате» [13], соблюдении им предписанных процедур [20] и обеспечивающий сохранность документов в бумажном и электронном виде и предоставляющий доступ к нему в установленных законом случаях [21].

Полномочия платформы (оператора платформы) также возникают из соответствия платформы и ее руководителя требованиям соответствующего закона [18; 19], при этом функция единоличного исполнительного органа ИЦП не может быть передана управляющей компании, а в документах, регламентирующих деятельность ПЦП такое положение в настоящее время рассматривается на уровне требований к ПЦП со стороны регулирующего органа.

Статус нотариуса возникает с момента принесения им присяги и включения его в реестр нотариусов.

Статус платформы возникает с момента ее аккредитации в ЦБ РФ для ИЦП или с момента включения в реестр аккредитованных ПЦП (положение об аккредитации ПЦП и включении в реестр находится на стадии утверждения в Правительстве Российской Федерации).

Регламент совершения нотариальных действий установлен Законом и требованиями Министерства юстиции Российской Федерации [20].

Регламент действия платформы разрабатывается платформой и утверждается компетентным органом. Для ИЦП – Центральным Банком Российской Федерации, для ПЦП такой орган будет установлен до введения Закона 289-ФЗ [19] в действие в октябре 2026 г.

Действия нотариуса и платформы.

Действия нотариуса при удостоверении сделок в порядке ст. 163 ГК РФ аналогичен действиям платформы.

Платформы, так же как и нотариус, удостоверяют личность и полномочия участников через ЕСИА (полномочия единоличного исполнительного органа через ЕГРЮЛ/ЕГРИП, наличие и валидность полномочий представителя через Реестр МЧД ФНС (аналог нотариально-заверенной доверенности), уведомление и согласие с условиями сделки путем совершения ряда последовательных юридически-значимых действий в виде заполнения полей (если предусмотрено)

и/или «click-wrap», т. е. нажатия кнопки подтверждения согласия с условиями в личном кабинете участника, что аналогично удостоверению нотариусом согласия сторон с условиями нотариально-удостоверяемой сделки [5].

При этом платформа обязана вести реестр всех действий участников платформенных отношений (лог действий), реестр всех заключенных договоров и совершаемых во исполнение этих договоров действий сторон на платформе и в натуре. Документы, содержащиеся в реестре доступны для контролирующих органов и суда, деятельность платформы контролируется надзорными органами, выдавшими аккредитацию.

Вывод.

Природа полномочий платформы и ее оператора принципиально сходны с возникновением полномочий нотариуса. Цифровые платформы, как новый институт, в силу прямого указания закона наделен полномочиями и выполняет функции аналогичный нотариату.

Регламент действий утверждается надзорным органом и для нотариусов и для платформ.

Формальные и процессуальные действия в соответствии с утвержденным регламентом для нотариуса и платформы при удостоверении сделок принципиально одинаковы, с учетом того обстоятельства, что платформа осуществляет свою деятельность по удостоверению участников и их воли исключительно в цифровом пространстве, а нотариус может лично присутствовать при удостоверении совершаемых сторонами действий.

Документы, заверенные нотариусом и платформой подлежат хранению и доступности в установленном законом порядке в течение сроков не менее, чем сроки их актуальности и сроки исковой давности по спорам в связи с заключенными сделками. Документы, созданные платформами в электронной форме, хранятся с использованием современных методов защиты информации от изменений с использованием блокчейн-технологий аналогично нотариальным документам в Единой информационной системе нотариата [21].

Надзор за действиями нотариуса и платформы по своей природе аналогичен и осуществляется соответствующим органом государственной власти.

Документы, генерируемые платформами, обладают свойствами, объективно присущими письменным доказательствам повышенной достоверности.

Объективность обеспечивается автоматизированным характером фиксации, минимизирующим человеческий фактор и субъективное вмешательство. Платформа действует по предустановленному алгоритму, что исключает произвольную интерпретацию фактов в момент их документирования.

Проверяемость гарантируется комплексом мер: строгими требованиями к аккредитации платформ (включая капитал и кибербезопасность), их имущественной ответственностью перед клиентами и постоянным надзором со стороны государства. Платформы обязаны в силу требований закона осуществлять хранение всей информации обо всех совершенных на платформах действиях в течение установленного законодательством срока в защищенной форме и предоставлять такую информацию по запросу компетентных органов или судов.

Достоверность реализуется через возможность независимой верификации данных: Полномочия директора (ЕИО) проверяются через сайты налоговых органов (ЕГРЮЛ, ЕГРИП), полномочия представителя – через реестр машиночитаемых доверенностей (реестр МЧД) ФНС, УКЭП проверяется через аккредитованные удостоверяющие центры, временные метки – через службы штампов времени, а логи действий могут быть предоставлены суду для аудита всей процедуры заключения сделки.

Проведенный анализ демон стрирует, что аккредитованные цифровые платформы *de facto* выполняют в цифровой среде функции, аналогичные нотариату и обеспечивают сопоставимый, а в ряде аспектов и более высокий уровень гарантий достоверности.

Целесообразно инициировать внесение изменений в ст.ст. 61 ГПК РФ и 69 АПК РФ, распространив действие правил о повышенной доказательной силы на электронные документы (и протоколы действий), созданные с использованием аккредитованных ИЦП и ПЦП при соблюдении ими установленных законодательством требований.

Данная мера.

Ликвидирует правовой пробел между цифровой и «аналоговой» экономикой.

Повысит правовую определенность и доверие к цифровым сделкам.

Снизит издержки добросовестных участников оборота при судебных спорах.

Будет стимулировать дальнейшую цифровизацию гражданского оборота.

Предложения по изменению законодательства Российской Федерации.

Предлагается инициировать процедуру внесения изменений в отдельные законы Российской Федерации, в том числе:

Внести следующие изменения в Гражданский Кодекс Российской Федерации:

Ст. 160. Письменная форма сделки.

Дополнить п. 1 абзацем следующего содержания:

«Сделки, совершенные с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП) на инвестиционных платформах, включенных в реестр операторов инвестиционных платформ или посреднических цифровых платформах, включенных в реестр посреднических цифровых платформ, считаются удостоверенными в порядке, приравненном к нотариальному».

В Гражданско-процессуальный Кодекс Российской Федерации:

Ст. 61. Основания для освобождения от доказывания.

Дополнить ст. 61 ГПК РФ п. 6 в следующего содержания:

«6. Обстоятельства, удостоверенные с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП) при совершении сделок на инвестиционных платформах, включенных в реестр операторов инвестиционных платформ или на посреднических цифровых платформах, включенных в реестр посреднических цифровых платформ не требуют доказывания, если подлинность документа, представленного платформой цифрового документа не опровергнута в порядке, установленном ст. 186 настоящего Кодекса».

В Арбитражно-процессуальный Кодекс Российской Федерации.

Ст. 69. Основания освобождения от доказывания.

Дополнить ст. 69 АПК РФ п. 6 в следующего содержания:

«6. Обстоятельства, удостоверенные с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП) при совершении сделок на инвестиционных платформах, включенных в реестр операторов инвестиционных платформ или на посреднических цифровых платформах, включенных в реестр посреднических цифровых платформ не требуют доказывания, если подлинность документа, представленного платформой цифрового документа не опровергнута в порядке, установленном ст. 161 настоящего Кодекса».

Список литературы

1. Бортенев А. И., Сергачева О. А., Коваленко Е. Н. Римское право : учебное пособие. Волгоград: Волгоградский институт управления – филиала РАНХиГС, 2017.

2. Покровский И. А. История римского права. М. : Статут, 2004.

3. Цветков А. С. Публично-правовая природа нотариальной деятельности в Российской Федерации // Современное право. 2017. № 10.

4. Официальное заявление Главного Управления МВД России по Ростовской области «О равнозначности информации в электронной форме и на бумажном носителе» от 21 Сентября 2018 г. // СПС «КонсультантПлюс».

5. Электронные click-wrap и browse-wrap соглашения: заключение, действительность и оспаривание.

6. UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce (1996).

7. UNCITRAL Model Law on Electronic Signatures (2001).

8. Закон Китайской Народной Республики «Об электронной подписи» (中华人民共和国电子签名法), от 28 августа 2004 г. (ред. 2019 г.)

9. Regulation (EU) No 910/2014 on electronic identification and trust services (eIDAS).

10. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Положения Верховного народного суда о нескольких вопросах, связанных с судебной деятельностью интернет-судов» (最高人民法院关于互联网法院审理案件若干问题的规定), введенное в действие 7 сентября 2018 г.

13. Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 30 сентября 2020 г. № 227 «Об утверждении требований к формату нотариально оформляемого документа в электронной форме» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Гражданский Кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

16. Гражданско-процессуальный Кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

17. Арбитражно-процессуальный Кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

18. Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» // СПС «КонсультантПлюс».

19. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

20. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 30 августа 2017 г. № 156 «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования» // СПС «КонсультантПлюс».

21. Положение о единой информационной системе нотариата (с изменениями, утвержденными решениями Правления ФНП протокол №09/18 от 23 июля 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Поляков Д. Н.[1],
преподаватель кафедры
международного частного права
Московского государственного юридического
университета имени. О.Е. Кутафина,
руководитель практики «Цифровая экономика»
«Джи Эм Ти Лигал»,
кандидат юридических наук

КОНЦЕПЦИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ РЕГУЛЯТИВНОГО ПОДХОДА

За последние годы криптовалюта все плотнее проникает в жизнь обычных людей и отечественного бизнеса. Введенные против Российской Федерации односторонние ограничительные меры, в том числе отключение российских банков от системы SWIFT, включения крупнейших банков в американский SDN-лист, повлекли за собой необходимость для российского бизнеса искать новые пути организации расчетов с иностранными контрагентами. По отдельным данным объем таких трансграничных расчетов с участием отечественных предпринимателей составил около 1 трл руб. [1]. При этом несмотря на фактическое участие российский лиц в обороте криптовалюты, юридическая сторона такого участия находится все еще в стадии зарождения.

Проведем небольшой экскурс в историю развития регулирования сферы цифровых активов в РФ. В данном случае используется более широкое понятие «цифровые активы», которое включает в себя и то, что в общеизвестном смысле называется криптовалютой, и особое российское правовое явление – цифровые права. Первые попытки привнести в российское законодательство регулирование цифровых активов были совершены с принятием Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ. Указанный закон ввел в перечень объектов гражданского права такой объект, как цифровые права, т. е. «**названные в таком качестве в законе** *(выделено мной – Д.П.)* обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Основной проблемой данного определения является то, что конкретные объекты должны быть прямо в отечественном законодательстве быть названы цифровым правом, чтобы признаваться объектом гражданского оборота».

После этого появились два закона, установившие конкретные виды цифровых прав: Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (далее – ФЗ о привлечении инвестиций) и Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (далее –ФЗ о ЦФА и ЦВ). Указанные законы ввели 2 вида цифровых прав: утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы. При этом прямо закреплено, что оба вида прав признаются таковыми только в случае выпуска

[1] © Поляков И. И., 2026.

их в отечественных информационных системах. Из-за этого все классические криптовалюты, даже формально имеющие характеристики одного или другого вида цифровых прав таковыми признаваться не могут – они выпущены в иностранной информационной системе.

Также в ФЗ о ЦФА и ЦВ были установлены зачатки регулирования еще одного объекта – цифровой валюты. В соответствии с ч. 3 ст.1 ФЗ о ЦФА и ЦВ цифровой валютой признается «**совокупность электронных данных** (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, **которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа**, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, **и (или) в качестве инвестиций** и **в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных** *(выделено мной – Д.П.)…*».

Первая часть определения достаточно похожа на то, как криптовалюта определяется за рубежом. Например, в параграфе 1 немецкого закона «О банковской деятельности» криптовалюта до принятия регламента MiCA определялась как «цифровое представление стоимости, которое не выпущено и не гарантировано центральным банком или иным государственным органом и которое не имеет статуса валюты или денег, но принимается физическими или юридическими лицами в качестве средства обмена или платежа в силу соглашения или сложившейся практики» [2]. При этом прямое указание в отечественном законодательстве на отсутствие обязанного по цифровой валюте лица в качестве квалифицирующего признака объекта исключает из-под регулирования большую часть криптовалют, за исключением Bitcoin, Ethereum, а также ряда децентрализованных, анонимных монет, у которых действительно нет обязанного лица. Однако, наиболее часто используемые криптовалюты, например, USDT, USDC, XRP, BNB, Solana, TRX и другие, имеют вполне определенное лицо, которое взяло на себя определенные обязательства перед владельцами таких криптовалют. Например, эмитент USDT прямо закрепляет возможность владельцев требовать выкупа USDT в п.4.1 [3]. Пользовательского соглашения. Белая бумага токена BNB прямо устанавливает право пользователей требовать от эмитента предоставления скидок на торговые комиссии в обмен на BNB. Все подобные обязательственные права, выраженные в криптовалютных токенах, юридически создают невозможность их признания цифровой валютой в рамках отечественного законодательства.

До принятия Федерального закона от 08.08.2024 №221-ФЗ в отечественном законодательстве полностью игнорировалась криптовалюта, у которой имелось обязанное лицо. Юридически участие российских лиц в обороте такой криптовалюты оставалось в правовом вакууме. Указанным законом был введен новый вид цифровых прав – иностранные цифровые права, под которыми понимаются обязательственные и иные права, выпуск, учет и обращение которых осуществляются в информационной системе, организованной не в соответствии с российским правом, за исключением иностранных ценных бумаг, относящихся в соответствии с личным законом лица, обязанного по ним, к ценным бумагам.

С момента принятия указанного закона можно смело говорить о том, что вся криптовалюта может быть классифицирована по российскому законодательству:

– криптовалюта, у которой нет обязанного лица, является цифровой валютой;

– криптовалюта, у которой такое обязанное лицо имеется, является иностранными цифровыми правами.

Казалось бы, на этом можно было завершать статью, однако, введение понятных правовых категорий пока еще не повлекло за собой полноценное регулирование оборота этих правовых категорий в Российской Федерации.

Отечественная доктрина и ранее отмечала двойственность правовой природы криптовалюты, хотя и с более теоретической точки зрения. Так, Л. Г. Ефимова указывала «Токен – это и то и другое в разных ситуациях. Он может либо символизировать объект права и удостоверять право на объект через принадлежность токена определенному субъекту права, либо быть полноценным объектом права» [4]. Рассмотренная двойственность в настоящее время из сферы теоретической переходит в практическую плоскость и трансформируется из дихотомии объекта права и способа удостоверения права, в более приземленную дихотомию разных объектов права.

Цифровая валюта хотя и признается имуществом для целей отдельных законов, однако полноценным поименованным объектом гражданского права она все еще не является, соответствующая информация в ст. 128 ГК РФ отсутствует. Более того, запрещены публичное предложение цифровой валюты, товаров, работ и услуг, связанных с цифровой валютой, а также их реклама. В то же время совершение частных сделок с ней не запрещено, а установление изъятия из-под НДС реализации цифровой валюты прямо закрепило, что цифровая валюта может быть объектом оборота в Российской Федерации: в отношении запрещенных к обороту объектов специальные налоговые правила не устанавливаются.

Подобная специфика регулирования и отсутствие правовой регламентации, как отмечается, «делает затруднительным выбор подходящего способа защиты прав, связанных с обладанием цифровой валютой, что приводит к неэффективности отправления правосудия по спорам, предметом которых является цифровая валюта» [5, с. 34].

Ситуация с иностранными цифровыми правами еще более сложная. Так, законодатель предполагает, что иностранные цифровые права сами по себе являются объективным правовым явлением, независимым от мнений, позиций и решений российский лиц, включая государственные органы. Однако, оборот иностранных цифровых прав наоборот прямо зависит от решений российских лиц, а именно операторов информационных систем, которые квалифицируют иностранные цифровые права в качестве ЦФА в соответствии с ч. 3.1. ст. 5 ФЗ о ЦФА и ЦВ, а также Центрального Банка РФ, который вправе устанавливать дополнительные требования к иностранным цифровым правам, которым они должны соответствовать, чтобы быть допущенными к обороту в Российской Федерации.

Так в целях установления дополнительных требований ЦБ РФ выпустил Указание №7036-У, которым установил, что иностранные цифровые права, каким-либо образом связанные с недружественными государствами, не могут

быть квалифицированы в качестве ЦФА. При этом видится, что позиция ряда ученых [6, с. 67], которые считают, что по причине вступления в силу данного Указания ЦБ РФ такие «недружественные» криптовалюты не могут быть признаны иностранными цифровыми правами, является неверной. Центральный банк прямо устанавливает, что критерии Указания связаны именно с признанием статуса иностранных цифровых прав в качестве ЦФА для их введения в оборот на территории Российской Федерации. Исходя из этого, можно сделать вывод, что ЦБ РФ признает объективный характер существования иностранных цифровых прав, а равно криптовалют, которые ними являются, однако выступает против введения в оборот тех, криптовалют, которые связаны с недружественными государствами, в связи с необходимостью обеспечения финансовой стабильности государства.

Подобное фрагментарное регулирование цифровых активов не позволяет российскому бизнесу активно вовлекаться в использование криптовалюты поскольку влечет за собой целый ряд проблем, связанных в том числе с налоговым статусом криптовалют, являющихся иностранными цифровыми правами. Так, в отличие от цифровой валюты, прямо выведенной из-под налогообложения НДС, сделки с иностранными цифровыми правами по общему правилу являясь сделкой по реализации имущественных прав при их реализации на территории РФ должны облагаться НДС, что делает их возможный оборот даже в рамках частных сделок экономически нецелесообразным.

Проблему отсутствия регулирования в настоящее время отмечают все государственные органы, включая ЦБ РФ. Так, на форуме Финополис представители ЦБ РФ прямо заявили о намерении урегулировать отрасль и фактически узаконить деятельность, которая уже долгое время развивается в стране [7].

Самой главной проблемой, которую придется решать законодателю в ближайшее время – это как раз полноценное разграничение криптовалют, признаваемых цифровой валютой, и криптовалют-иностранных цифровых прав. Поскольку на текущий момент возможность участвовать в обороте отдельных видов иностранных цифровых прав уже закреплена в законе и определен конкретный субъект, через которого допускается их ввод в оборот в РФ, то потребуется распределить зоны контроля и зоны ответственности между такими субъектами и новыми лицензированными участниками оборота криптовалюты, режим деятельности которых сейчас начинает разрабатываться.

Отечественному законодателю стоит обратиться к опыту соседних стран, например Беларуси или Киргизии, законодательство которых уже долгие годы содержит специальное регулирование цифровых активов (криптовалютных токенов в Беларуси и виртуальных активов в Киргизии). Вполне вероятно, что в будущем регулировании мы как раз и получим нечто среднее между регуляторным статусом уполномоченной организации в рамках экспериментально-правового режима в сфере трансграничных расчетов с использованием цифровой валюты и режимом лицензирования поставщиков услуг виртуальных активов, существующим в указанных дружественных государствах.

Таким образом, отечественное законодательство находится на пороге грандиозных изменений в части регулирования оборота цифровых активов в стране. От того, как законодателю удастся справиться с существующими проблемами

разграничения статуса криптовалюты во многом зависит возможность отечественного бизнеса конкурировать на рынке криптовалют с иностранными компаниями. Как новая значимая часть экономики оборот криптовалют – это новый тренд, который уже сейчас пытаются оседлать крупнейшие экономики мира: США посредством принятия Genius Act и Clarity Act, ЕС посредством принятия регламента MiCA, а также Китай, тестирующий криптовалютное регулирование через специальный административный округ Гонконг. Неспособность отечественного законодателя исправить уже допущенные ошибки в сфере регулирования цифровых активов может привести к тому, что отечественная экономика значительно отстанет в уровне своего развития от конкурентов. Ближайшие полтора года станут решающими в этом вопросе.

Список литературы

1. Назван объем внешнеторговых расчетов России в криптовалюте. URL: https://bits.media/nazvan-obem-vneshnetorgovykh-raschetov-rossii-v-kriptovalyute-za-pervoe-polugodie/.

2. Gesetz uber das Kreditwesen (Kreditwesengesetz - KWG). 10 Juli 1961 (das zuletzt durch Artikel 12 des Gesetzes vom 22 Februar 2023). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/kredwg/BJNR008810961.html.

3. Пользовательское соглашение Tether. URL: https://tether.to/ru/legal.

4. Ефимова Л. Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // Банковское право. 2021. № 5.

5. Холод Г. В. Проблемы правового регулирования цифровой валюты в Российской Федерации // Право и бизнес. 2024. № 3.

6. Горшкова Л. Трансграничные расчеты с использованием цифровых прав и криптовалют // Банковское обозрение. Приложение «FinLegal». 2024. № 2.

7. Роскриптонадзор: как ЦБ будет регулировать крипторынок и что грозит его участникам. URL: https://www.forbes.ru/investicii/547552-roskripto-nadzor-kak-cb-budet-regulirovat-kriptorynok-i-cto-grozit-ego-ucastnikam.

Понтелеева М. А.[1]*,*
курсант
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
Мельник С. В.,
профессор кафедры гражданско-правовых
дисциплин Орловского юридического
института МВД России
имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

«СДЕЛКА ПОД ДАВЛЕНИЕМ»: ПРИЗНАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СДЕЛОК НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ ВСЛЕДСТВИЕ ПОРОКА ВОЛИ

Сделки представляют собой юридический факт, совершаемый посредством реализации принципа автономии воли участников гражданских правоотношений. В российской судебной практике нередкими стали ситуации, связанные с оспариваем гражданско-правовых сделок по основанию порока воли лиц их заключивших. Далеко не все при совершении сделок соблюдают установленные законодательством требования к их действительности, нарушая при этом, в первую очередь, принцип добросовестности. Многие лица стараются уйти от ответственности ввиду указания на невозможность исполнения заключенных договоренностей путем безосновательного признания сделки недействительной.

В настоящее время сложилась некая тенденция – суд при разрешении споров между добросовестными приобретателями и пожилыми продавцами недвижимого имущества, ставшими жертвами мошенников, встает на сторону последних, признавая совершенные сделки недействительными [1]. Ссылаясь на нормы ст.ст. 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), суды прекращают действие заключенных договоров и возвращают недвижимость пенсионерам [2]. С одной стороны, подобная судебная практика способствует защите уязвимой категории населения, но, с другой, порождает серьезную проблему, связанную с нарушением прав добросовестных лиц, которые зачастую приобретают имущество с помощью ипотечных кредитов.

Описанная ситуация ставит под угрозу рынок вторичного жилья, чему поспособствовали участившиеся случаи мошенничества с недвижимостью. По статистике за второй квартал настоящего года рынок вторичного жилья демонстрирует снижение активности – в августе было зарегистрировано всего 10,64 тыс. сделок, что на 4,7 % ниже, чем за идентичный период прошлого года, и на 39,3 % ниже, чем за август 2023 г. [3].

---

[1] © Понтелеева М. А., 2026.

Однако, стоит отметить, что за 2024–2025 гг. как минимум два дела стали исключениями из сложившейся закономерности. Победа добросовестных покупателей в Калининградской области и Республики Саха (Якутия) послужила формированию иного подхода, согласно которому суд определяет защиту прав добросовестной стороны в качестве приоритетного направления [4; 5].

Самым известным прецендентом в настоящем году стало дело российской певицы Ларисы Долиной и Полины Лурье. Судебное заседание проводилось в закрытом порядке, поэтому решение суда не публиковалось, однако все равно детали дела получили огласку. По решению Мосгорсуда сделка была признана недействительной вследствие порока воли: квартира была возвращена народной артистке, однако, двусторонняя реституция не была применена. Покупательница осталась и без квартиры, и без денежных средств, что противоречит норме ст. 167 ГК РФ. Суд обосновал это тем, что сторона не представила необходимых доказательств, свидетельствующих о возмездном характере сделки. Деньги, которые были переданы с использованием индивидуального банковского сейфа, не пересчитывались, что доказывают камеры видеонаблюдения. Поэтому суд принял решение отступить в данном случае от принципа двусторонней реституции. Однако Лурье, в свою очередь, не утрачивает права на предъявление своих требований, касаемых возврата денежных средств, к мошенникам.

Суд руководствуется тем, что сам факт передачи денег мошенникам подтверждает заключения «сделки под давлением». Соответственно порок воли одной из сторон основывается на доводе о преклонном возрасте и преступных действиях третьих лиц. Анализируя судебную практику, суд перекладывает на саму добросовестную сторону бремя доказывания проявления разумной осмотрительности в момент совершения сделки.

Дело Ларисы Долиной и Полины Лурье создает существенные правовые затруднения в области нарушения принципа соразмерности при защите прав участников сделки. Суды иногда допускают умаление прав одной из сторон, что образует дисбаланс в реализации фундаментальных начал гражданского права, в частности, равноправия сторон.

Обращаясь к теории гражданского права, обязательными элементами сделки являются воля и волеизъявление. Их соответствие между собой путем соотнесения внешнего выражения воли, т. е. волеизъявления, и внутреннего детерминированного и мотивированного желания лица достичь поставленной цели, которая, в свою очередь, всегда носит правовой характер, определяет законность заключения сделки. Порок воли возникает тогда, когда между этими двумя элементами существует несогласованность, которая служит основанием для признания сделки недействительной.

Как отмечает Е. А. Суханов, юридические последствия сделки непосредственно коррелируют с волеизъявлением, т. к. правовому регулированию и оценке подлежит лишь внешне выраженная воля лица [6, с. 440].

На практике суд учитывает единство воли и волеизъявления при установлении законности заключения соглашений сторонами. Однако возникают сложности, связанные с доказыванием наличия порока воли. Применение дифференцированного подхода при оценивании судом доказательств по делу,

служащих подтверждением случаев несоответствия воли и волеизъявления, является необходимым для защиты прав добросовестных участников, а также обеспечения стабильности договорных отношений в гражданском обороте. В то же время прослеживается тенденция ужесточения судом критериев оценки пороков воли, что, в свою очередь, обеспечивает предсказуемость судебных решений и, в то же время, ставит в крайне невыгодное положение добросовестных лиц. Чтобы доказать несоответствие воли и волеизъявления, лицо, заявившее об этом, должно привести существенные доказательства проявления разумной осмотрительности.

В современной судебной практике суд при оценке единства воли и волеизъявления при заключении сделки приоритет отдает последнему [7]. При их несогласованности сделка может быть оспорена в случаях, прямо предусмотренных законом.

Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает исчерпывающий перечень оснований для признания сделок недействительными по признаку порока воли. Они могут быть заключены под влиянием обмана, угрозы, насилия либо же на крайне невыгодных условиях, что в юридической литературе признается кабальной сделкой. Сделки, в которых волеизъявление и воля согласованы между собой, но при этом на последнее из них было оказано воздействие внешних факторов, неблагоприятно повлиявших на ее формирование, принято считать заключенными вследствие заблуждения.

В правоприменительной практике и юридической науке существует множество пробелов, касающихся определения правовой природы института недействительности сделок. Некоторые авторы считают, что недействительная сделка – это сделка, содержащая в себе противоправные действия лиц, другие же утверждают, что такая сделка не несет никаких правовых последствий, на достижение которых она направлена [8, с. 261]. Так или иначе под понятие недействительности сделки следует относить любое явление, формально содержащее в себе соответствующие условия, однако не обладающее положительным правовым содержанием.

Такие сделки первоначально лишены всякой юридической силы, которую должна была бы породить автономная воля сторон, поэтому закон не может признать формально наступившие правовые последствия в результате их заключения. Именно это и предопределяет применение института двусторонней реституции. Законодатель, ссылаясь на норму ст. 167 ГК РФ, определяет, что лица, в случае недействительности сделки, обязаны вернуть все полученное по ней, т. е. стороны возвращаются в первоначальное положение, в котором они находились до совершения юридического акта, нивелируя при этом внешние последствия, порожденные дефектом волеизъявления.

Применение двусторонней реституции является одним из основных способов защиты прав граждан. В. П. Шахматов, анализируя последствия недействительности сделок, определил, что отклонение от данного механизма – полное отсутствие реституции или ее односторонний характер действия, возможно тогда, когда для этого есть основания, прямо предусмотренные законом [9, с. 98]. При их соблюдении будут соблюдены следующие принципы – защита нару-

шенных прав, в том числе слабой стороны в момент заключения сделки, а также поддержание стабильности гражданского оборота и правовой определенности для его добросовестных участников.

На фоне обострившейся ситуации было предложено ряд мер по ужесточению контроля за сделками, совершаемыми пожилыми лицами [10]. Такие сделки еще называют – сделки, совершаемые «по схеме Долиной». В частности, была внесена идея об обязательном нотариальном удостоверении сделок с недвижимостью, совершаемых пожилыми гражданами. Однако предложенная мера является лишь дополнительным и неэффективным бременем, возложенным на нотариус, который проверяет чистоту сделки лишь с юридической точки зрения. Он не обладает специальными познаниями в области установления наличия или отсутствия порока воли. К тому же, предложенная мера будет способствовать лишним растратам на проведение данной процедуры.

Обязательное страхование самой сделки – механизм, который призван защищать единственное имущество, наличествующее у сторон. Однако и здесь есть свои изъяны, связанные, в том числе, с дополнительными расходами. Неизбежно увеличатся размеры страховых премий, поскольку страховые компании должны будут учитывать высокую вероятность страхового случая, что способствует приобретению недвижимости у пожилых собственников экономически невыгодным. Не исключено позиционирование пожилых продавцов «опасными» контрагентами, что окажет влияние на избегание сделок с данной категорией лиц.

Наиболее оптимальным решением является введение, так называемого, специального правового режима, который подразумевает, что таким сделкам будет дан статус «осознанно рискованным», т. е. факт наступления потенциальных рисков формально признается. Введение в ГК РФ отдельного понятия сделок, совершаемых с лицами старше 70 лет, предметом которых является единственное недвижимое имущество будет способствовать предоставления возможности самим гражданином подать иск о признании сделки недействительной в случае подозрения на несоответствие рыночной цены стоимости имущества на момент подписания договора. При этом передача имущества и денежных средств осуществлялась бы не сразу, а по истечении установленного законодателем времени, чтобы в случае чего любая из сторон при выявлении каких-либо недостатков или же возникновении сомнений в добросовестности смогла бы в одностороннем порядке отказаться от сделки. В данном случае не будет необходимости применять институт двусторонней реституции, что существенно облегчает процедуру и исключает возможные риски, когда покупатель остается ни с чем. К тому же, продавец не сможет сослаться на нормы ст.ст. 178 и 179 ГК РФ, так как формальное заключение договора не будет являться основанием реализации его содержания.

Стоит выделить еще одну меру – формирование реестра объектов недвижимости, собственниками которых являются одинокие пожилые люди, что способствовало бы установлению необходимости потенциальным покупателям уделить должное внимание при заключении сделки. Не исключено применение искусственного интеллекта (далее – ИИ) для автоматического выявления «опасных» контрагентов, определенных в ходе анализа данных, например,

несоответствии рыночной стоимости недвижимого имущества или же неоднократное совершение сделок этим же лицом с привлечением одних и тех же риелторов и нотариусов. В свою очередь, данная мера позволит выявить организованные схемы и предотвратить их развитие.

В контексте защиты добросовестных приобретателей по «схеме Долиной» сложность при доказывании наличия порока воли заключается в выявлении его латентного характера. Лица, оспаривающие совершенную сделку, должны приводить существенные доводы, предоставляю суду всевозможные доказательства, подтверждающие ее недействительность. Нередки случаи ошибочной квалификации сделок, совершенных вследствие порока воли. Следует юридически правильно определять основания признания сделок недействительными.

На практике возникают сложности с определением вины контрагента, который, казалось бы, совершил противоправные действия, однако другая сторона, сама проявив неосторожность, заключила сделку на неблагоприятных для нее условиях. В таком случае неосведомленность о существенных условиях сделки, которая могла бы быть преодолена при проявлении разумной осмотрительности, не всегда лишает сторону права на оспаривание. Тем не менее, при применении судом реституции, это незнание может повлиять на восстановление правового положения до заключения сделки.

Таким образом, ряд вышеперечисленных мер способствует тому, что бремя доказывания добросовестности и соответствия цены рыночной стоимости целенаправленно смещается на приобретателя. Это позволяет преодолеть проблему латентности порока воли, стимулируя сторон к проявлению разумной осмотрительности в момент заключения сделок с пожилыми гражданами.

Список литературы

1. Покупка квартиры у пожилых: как не стать жертвой нового мошенничества // URL: https://life.rambler.ru/laws/55654163-pokupka-kvartiry-u-pozhilyh-kak-ne-stat-zhertvoy-novogo-moshennichestva/.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. III) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Росреестр сообщил о снижении спроса на вторичное жилье в Москве // URL: https://realty.rbc.ru/news/68c9043c9a7947df9c9dde9f?from=copy.

4. Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10 сентября 2025 г. по делу № 33- 2649/2025 // Официальный сайт Калининградского областного суда. URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=21394433&case_uid=233c4416-559a-46808a33-06967adbc-4c4&new=2800001&delo_id=2800001.

5. Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 1 октября 2025 г. // Официальный сайт Верховного Суда РС(Я). URL: https://vs--jak.sudrf.ru/modules.php?

name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=43879432&case_uid=ed853352-5cde -4ed7-9cf3-cfcda 065441e &delo_id=5& new=5.

6. Гражданское право : в 4 т. Т. 1 : Общая часть : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2006.

7. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

8. Гонгало Б. М. Гражданское право: учебник. Т 1. М., 2017.

9. Шахматов В. П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия / отв. ред. В. А. Носов. Томск : Томский университет, 1967.

10. В ГД разработали ряд мер для борьбы со сделками по «схеме Долиной». URL: https://ria.ru/20251124/gosduma-2057021673.html.

Проконина А. Г.[1],
курсант
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
Мельник С. В.,
профессор кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

КРИПТОВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Стремительное развитие цифровых технологий обусловило появление новых видов активов, среди которых особое место занимают криптовалюты. Их проникновение в экономический оборот выявило несовершенство и пробельность действующего гражданского законодательства. Отсутствие единой и четкой правовой квалификации криптовалюты порождает правовые риски для добросовестных приобретателей, создает сложности в судебной защите нарушенных прав и препятствует интеграции цифровых активов в национальную экономику.

Особое место в регулировании цифровых активов занимает принятие Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в чч. 1, 2 и ст. 1124 ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации» [2], согласно которому внесены изменения в ст. 128 ГК РФ, а именно закрепление цифровых прав в качестве объекта гражданского права. Помимо этого, ранее упомянутым ФЗ № 34 от 18 марта 2019 г. текст Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) дополнен ст. 141.1 «Цифровые права», которая в качестве цифровых прав признает «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу» [2].

Стоит отметить, что понятие «криптовалюты» прямо не определено российским законодательством, однако принято относить ее к цифровой валюте, определение которого закреплено в ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3], а именно «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной

[1] © Проконина А. Г., 2026.

единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам» [3].

Технической основой криптовалюты выступает компьютерная программа, построенная на технологии blockchain. Данная технология представляет собой децентрализованную систему учета данных, где все операции верифицируются участниками сети. Функционирование системы обеспечивается за счет распределенного реестра, в котором в хронологической последовательности фиксируется каждая транзакция – от момента генерации новой единицы криптовалюты до любого последующего перехода прав.

Криптовалюта обладает определенным сходством с отдельными объектами гражданских прав, перечисленными в ст. 128 ГК РФ[1], однако ее невозможно однозначно отождествить ни с одним из них. В частности, она не является вещью, поскольку лишена материальной формы; ее нельзя признать результатом работ или услуг ввиду отсутствия обязательственной составляющей; она не относится к интеллектуальной собственности, так как не связана с творческой деятельностью, и не является нематериальным благом, которое по своей природе неотчуждаемо и неразрывно связано с личностью.

Наиболее популярной представляется квалификация криптовалюты в качестве имущественного права – категории, которая наряду с безналичными денежными средствами, бездокументарными ценными бумагами и цифровыми правами, которая также названа в ст. 128 ГК РФ. В пользу этого свидетельствует, в частности, ее морфологическая близость к понятию денег: термин «криптовалюта» указывает на выполнение ею функции денежного эквивалента. Как и безналичные денежные средства, криптовалюта не имеет материального выражения и обеспечивает возможность осуществления дистанционных расчетов – в данном случае, через блокчейн-систему. Однако у подобной классификации есть и немало противоречий. Так, криптовалюту достаточно сложно отнести к деньгам, поскольку она не является удобной мерой стоимости по причине часто меняющейся цены, в силу высокой волатильности использовать криптовалюту как единицу измерения и средство хранения стоимости довольно сложно. Важно отметить, что Центральный банк Российской Федерации в консультативном докладе в октябре 2020 г. отметил, что криптовалюты и стейблкоины «не являются средством расчета, так как их нельзя использовать для повсеместной оплаты товаров и услуг; не могут быть использованы в качестве меры стоимости и средства сбережения, учитывая нестабильность стоимости, выраженной в официальных денежных единицах. Их цена, курс обмена на деньги, подвержена значительным колебаниям». Однако в ФЗ № 259 упомянуто о том, что существует потенциальная возможность использования криптовалюты как средство платежа.

Криптовалюта обладает рядом специфических характеристик, которые традиционно выделяются исследователями в качестве ключевых отличий от традиционных денежных средств. К ним относятся децентрализованность, анонимность и трансграничность. Однако данные признаки не носят абсолютного характера и отличаются определенной условностью.

Децентрализованность проявляется в отсутствии единого эмитента или контролирующего органа. Эмитентом большинства криптовалют фактически выступает сетевое сообщество. Тем не менее, данный признак не является универсальным, поскольку уже существуют централизованно выпускаемые криптовалюты (например, OneCoin).

Анонимность предполагает, что участники оборота не обязаны раскрывать свои персональные данные. Однако этот критерий является спорным, поскольку транзакции потенциально могут быть отслежены через IP-адреса, которые сами по себе относятся к персональным данным. Хотя установление конкретного лица, стоящего за операцией, представляет сложность, сама возможность такого определения позволяет говорить скорее о псевдо анонимности. Технология блокчейн, являясь публичным реестром, обеспечивает полную прослеживаемость всех операций – можно идентифицировать суммы, адреса отправителей и получателей.

Трансграничность выражается в возможности осуществления международных переводов между резидентами разных государств с минимальными комиссионными издержками по сравнению с традиционными финансовыми системами.

Итак, на данный момент классифицировать криптовалюту как имущественные права не предоставляется возможным, поскольку она, в силу технических особенностей проведения операций, а также ограничения сфер возможного ее применения, не выполняет функции безналичных денежных средств.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что криптовалюта представляет собой новый, сложный по своей правовой природе объект гражданских прав, формирование полноценного правового режима, которого в российской системе еще не завершено. Анализ традиционных категорий объектов, закрепленных в ст. 128 ГК РФ[1], демонстрирует, что криптовалюта не может быть однозначно отнесена ни к вещам, ни к имущественным правам, ни к результатам интеллектуальной деятельности.

Наиболее перспективной в рамках действующего гражданского законодательства представляется классификация криптовалюты в качестве цифрового права или иного имущества, что позволяет учесть ее комплексную виртуальную природу, основанную на технологии blockchein. Ключевые характеристики криптовалюты – децентрализованность, псевдоанонимность и трансграничность – не только определяют ее функциональные преимущества, но и порождают существенные правовые риски и проблемы, связанные с защитой прав добросовестных приобретателей, налогообложением, противодействием неправомерному использованию и определением применимой юрисдикции.

Современное состояние правового регулирования оборота криптовалют в Российской Федерации характеризуется значительными пробелами и внут-

ренними противоречиями. Несмотря на принятие Закона о ЦФА, правовой статус именно децентрализованных криптовалют, таких как Bitcoin или Ethereum, остается не до конца определенным, а судебная практика – неустойчивой и фрагментарной.

Таким образом, интеграция криптовалюты в систему объектов гражданских прав является не просто технической необходимостью, а важным шагом в адаптации отечественного законодательства к вызовам цифровой эпохи. Формирование последовательного и прозрачного правового режима будет способствовать не только минимизации существующих правовых рисков, но и создаст прочную основу для дальнейшего развития цифровой экономики России.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 № 34-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

4. Вяжев Д. Ю., Тищенко О. В. Криптовалюта как объект гражданско-правового регулирования. URL: https://brstu.ru/static/unit/journal_2/docs/number-48/35-38.pdf.

5. Шаймарданов Т. Р., Погодин А. В. Криптовалюта как объект гражданских прав // Universum: экономика и юриспруденция. 2022. №12-1 (99).

Рамазанова К. К.[1]*,*
докторант
факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Принципы гражданского права являются фундаментальным основанием, на которых возводятся отношения между субъектами права. Такие принципы как свобода договора, справедливость, добросовестность, базирующихся на презумпции равенства сторон и автономии воли, являются аксиомой современного частного права. Однако, после введения международных санкций в 2022 г. открываются новые способы толкования указанных принципов [1]. Баланс интересов всех участников правоотношений, основанный на справедливости и доброй совести, свойственных гражданско-правовой парадигме, а также принципам международного частного права, построенный на свободном волеизъявлении субъектов права, а также, механизме защиты слабой стороны, на сегодняшний день, в силу политически мотивированного вмешательства, ставится под сомнение. Представляется интересным факт трансформации содержания и степени влияния принципов права как основы для правомерных правоотношений, в условиях экономического давления по политическим мотивам.

Принцип свободы договора является одним из наиболее обоснованных и эффективных механизмов стимулирования экономического роста. Данный принцип гарантирует свободу воли, волеизъявления, являющихся ключевыми факторами для построения гармоничных и перспективных правовых отношений. Этот фундаментальный принцип позволяет сторонам свободно заключать договор, выбирать контрагентов, формировать его условия. Однако в условиях международного санкционного давления, созданного в политических интересах, указанный принцип подвергается значительному ограничению. Компаниям из стран, присоединившихся к санкциям законодательно, запрещено осуществлять коммерческую деятельность, заключать договоры в области энергетики, финансов, оборонной промышленности. Накладываются ограничения относительно предмета договоров поставки, запрещена к реализации высокотехнологичная продукция, предметы обихода, стоимостное выражение которых превышает определенные значения. Страдает сфера услуг. Создаются непреодолимые или сложно преодолимые препятствия к осуществлению финансовых и логистических механизмов гармоничного взаимодействия контрагентов, такие как отключение от международных платежных систем, запрет на операции с клю-

[1] © Рамазанова К. К., 2026.

чевыми банками объекта давления, риск вторичных санкций в отношении контрагентов из третьих стран и т. д.

Обозначенные рычаги давления имеют соответствующие последствия, которые выражаются в существенном пересмотре приоритетов при заключении договора: основной целью определяется не экономический потенциал развития отношений, а вопросы юрисдикции. Производится учет рисков в выборе контрагента исходя из его санкционного статуса. Еще одним рисковым фактором, затрудняющим долгосрочное планирование коммерческих отношений и отражающимся на применении принципа свободы договора является нестабильный статус тех юридических лиц, которые еще не имеют статуса санкционного субъекта, но за счет систематического обновления санкционных списков могут его сменить.

В условиях санкций, основополагающий принцип свободы договора, который способствует благоприятному развитию экономики за счет гибкости и адаптивности договорных отношений, стимулированию добросовестной конкуренции, устойчивости товарного оборота, подвергается жестким ограничениям. Такая ситуация способствует смене приоритетных задач, на первый план выходит постоянно меняющиеся запреты и требования, диктуемые политической конъюнктурой, вопреки прогрессу рыночных отношений.

Совокупность указанных мер, применяемых с целью оказания давления за счет ослабления экономики страны, закономерно порождают ответную реакцию. Гражданский кодекс закрепляет положение об ограничении прав субъектов в целях защиты конституционного строя, нравственности, обеспечения обороны безопасности государства. Условия санкционного давления часто порождает возможность недобросовестного поведения иностранных партнеров, в силу коллективных интересов, где механизм экономического принуждения становится инструментом политического давления. Так, например, ряд иностранных коммерческих корпораций избрал стратегию выхода из рынка посредством заключения опционных сделок. Механизм реализации заключается в продаже бизнес-активов по цене значительно ниже рыночной стоимости, а также право обратного выкупа по заранее фиксированной цене, без учета повышения уровня капитализации.

Принцип добросовестности, закрепленный в гражданском кодексе, требует от участников честного и уважительного поведения по отношению к интересам контрагента. Более того, в законе прямо обозначается невозможность извлечения преимущества из своего незаконного и недобросовестного поведения. И поскольку ст. 2 ГК определяет иностранных юридических лиц как субъектов, на действия которых распространяются правила, установленные гражданским законодательством, принятые решения иностранных субъектов относительно условий о возврате бизнес-активов за фиксированную изначально цену, не отвечают нормам, закрепленным в ст. 1 ГК. Принцип добросовестности страдает, поскольку стороной не учитывается объем затраченных ресурсов для поддержания производительности, выведения предпринимательской деятельности юридического лица из кризисного положения, обусловленного сложной экономической ситуацией. Из этого следует, что момент выкупа по опциону на оговоренных заранее условиях можно воспринимать как извлечение преимущества из недобросовестного поведения.

Введение ответных мер, в виде внешнего управления в отношении имущества иностранных лиц, представляется справедливым решением, в условиях сохранения государственных интересах [3]. В условиях экономического благополучия и отсутствия социальных противоречий, такие меры применительно к принципу справедливости не представляются оправданными. Однако, текущая повестка и соответствующие внешние условия определяют возможность альтернативного толкования принципа справедливости. Санкционное давление и подобный обозначенному выше способу ухода компаний, воспринимаются как недобросовестные и несправедливые действия, наносящие ущерб экономике страны. И ответные действия в виде введения временного управления видится инструментом применения принципа справедливости, в контексте восстановления баланса, призванный компенсировать нанесенный ущерб и предотвратить такие последствия как массовые сокращения кадров на производстве, упадок промышленной отрасли. Принцип справедливости в текущем контексте выступает как социальная и экономическая защита, поскольку минимизирует ущерб для национальной экономики и общества в условиях внешней агрессии.

Т. В. Дерюгина определяет термин «справедливость» как соответствие совокупности действий субъекта во взаимодействии с другими субъектами, нравственным ценностям, которые являются основой поведенческих установок общества, коррелирующих с правовыми нормами этого общества [4]. Принцип справедливости оправдывает различность реакций субъектов на одно и тоже действие в силу различных условий, при которых это действие воплощалось. Другими словами, в условиях мирного экономического сосуществования, действия подобные предпринятым в рамках упомянутого Указа Президента, могли бы рассматриваться как агрессивные. Однако интересы государства, на известном этапе, задают определенный вектор ответных действий, в рамках национальной справедливости.

Исходя из изложенного выше, можно предположить, что принципы права, берущие начало в понятиях нравственной и моральной сущности, т. е. обладающих открытыми, абстрактными, неконкретизированными признаками, такие как справедливость, добросовестность заключают в себе способность к адаптации к новым реалиям. Эти свойства гибкости принципов права, за счет возможности самостоятельного определения содержания правоприменителем, дают возможность к применению адекватных ответных мер с целью сохранения экономической стабильности в государстве.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51- ФЗ (в ред. 08.08. 2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32 Ст. 3301.

2. Статут международного суда Организации Объединенных наций: от 26 июня 1945 // Официальный сайт ООН. URL: https: //www.un.org/ru/icj/statut.shtml.

3. Указ президента Российской Федерации от 25 апреля 2023 г. № 302 «О временном управлении некоторым имуществом» // Официальный интернет

портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc =1&nd=605444295

4. Дерюгина Т. В. Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав : дис. … доктора юридических наук. Волгоград, 2010.

5. Выступление Президента России на XXXIV съезде Российского союза промышленников и предпринимателей. 18 марта 2015 г. URL: https: //yandex.ru/video/preview/17755046211383022569.

Рахманина Н. В.[1],
доцент кафедры правовых дисциплин
Московского экономического института,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волжского института экономики, педагогики и права,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАЧЕСТВА УСЛУГИ В ДОГОВОРЕ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ УСЛУГ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В настоящее время сфера услуг активно развивается, согласно статистическим данным на июль 2025 г. наблюдается стабильный рост объема оказания платных услуг населению (*рис. 1*) [1].

Рис. 1. Динамика платных услуг населению

За период с января 2024 г. по январь 2025 г. доля рынка услуг выросла на 17435,6 млрд руб. Российская сфера услуг включает в себя следующие сегменты: торговля оптовая/розничная, транспорт/перевозка грузов, образование, здравоохранение, финансы, туризм, недвижимость, услуги ЖКХ, социальные услуги [2].

В связи с широким распространением различных видов услуг возникает острая проблема определения качества оказываемых услуг, учитывая специфический характер самой услуги.

В толковом словаре С. И. Ожегова приводится следующее определение термина «услуга» – это действие, приносящее пользу, помощь другому [3, с. 902].

В современном законодательстве, в ст. 779 Гражданского кодекса Российской Федерации (ч. 2) от 26 января 1996 г. №14-ФЗ под услугой понимается совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности [4], отметим, что данное определение можно трактовать очень широко. В налоговом законодательстве под услугой для целей налогообложения признается деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности (ст. 38 Налогового кодекса Российской Федерации (ч. 1) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ) [5].

[1] © Рахманина Н. В., 2026.

В юридической доктрине имеется множество трактовок термина услуга. Например, С. С. Алексеев, характеризуя сущность услуги, акцент делает на нематериальном характере действий (деятельности) по оказанию услуг [6, с. 277]. Кроме того, отмечается, что услуга имеет нематериальный характер, который проявляется в ее неотделимости от личности исполнителя, именно этим обстоятельством обуславливается недопустимость оборота услуг, в том числе уступки прав требования заказчика по договору возмездного оказания услуг без согласия исполнителя, продажи услуги, а также использования ее в качестве предмета залога [7, с. 30].

По мнению Д. И. Степанова, «услуга является специфическим действием» [8, с. 177–178].

Л. В. Санникова услугами называет «действия услугодателя по сохранению или изменению состояния невещественных благ (имущественных прав, информации, нематериальных благ), совершаемые им в пользу услугополучателя» [9, с. 11.]. Н. А. Баринов рассматривает услугу «в форме полезного действия товара (вещи) или самой деятельности для удовлетворения конкретных, разумных потребностей человека» [10, с. 17].

Ю. В. Романец главной особенностью услуг называет, то обстоятельство, что работа, выполняемая по договору возмездного оказания услуг, направлена на достижение результата, который неотделим от процесса работы [11, с. 222]. Д. Г. Попова под гражданско-правовой категорией «услуга» понимает действия или деятельность обязанного лица, которые сами по себе, как процесс, представляют интерес для правообладателя, и не имеют овеществленного результата [12, с. 351–358]. Схожим образом Т. Н. Скорикова определяет услугу как цель данного вида деятельности (действия), удовлетворяющую интерес управомоченной стороны [13, с. 115–117.]. Другие авторы полагают, что услуги – это те или иные действия, результат которых не имеет овеществленного выражения и не может быть гарантирован [14, с. 632–633]. Ряд авторов акцент делает на субъектном составе, лиц, оказывающих услугу, выделяя публичные и частные услуги.

Проведенный анализ позиций, позволяет выделить следующие специфические черты услуги: услуга – это всегда действие; действия исполнителя имеют полезный эффект; полезный эффект зависит в том числе и от действий заказчика в процессе ее оказания; услуга, как правило, характеризуется отсутствием овеществленного (материального) результата; оказание и потребление услуги происходит в одно и то же время; услуга непосредственно связана с личностью исполнителя (ст. 780 ГК РФ) [15, с. 161–164]. В связи с этим в научной литературе выделяется такая характеристика услуги как эксклюзивность [16, с. 39–44]. Сторонами по договору возмездного оказания услуг выступают заказчик и исполнитель.

Наиболее ярко вышеперечисленные признаки услуги проявляются при сравнении договора возмездного оказания услуг и договора подряда [17, с. 200–204]. Так, в соглашении о подряде предметом правоотношения выступает овеществленный результат – результат работы, в то время как в обязательствах возмездного оказания услуг важен процесс оказания услуг, и материальный результат в большинстве случаев отсутствует, хотя в некоторых ситуациях процесс оказания услуги может завершаться каким-либо материальным результатом, напри-

мер, оказание стоматологических услуг, парикмахерские услуги и другие. Однако при оказании услуги важен сам процесс ее оказания, который неотделим от личности услугодателя, чего нельзя сказать о процессе выполнения работ.

Основную сложность составляет проблема определения качества оказываемой услуги, соответственно в литературе предлагаются различные критерии оценки качества услуги по договору возмездного оказания услуг.

В экономической доктрине называются следующие свойства такой характеристики услуги как качество: степень удовлетворения конкретной потребности заказчика; соответствует ли оказываемая услуга стандартам и нормативным требованиям; обладает ли услуга необходимой совокупностью потребительских свойств, которая способствует наиболее полному удовлетворению потребностей заказчика [18, с. 101–107.].

Согласно Закону «О защите прав потребителя», исполнитель обязан оказать потребителю услугу, качество которой соответствует договору. Кроме того, в случае отсутствия в договоре условий о качестве услуги исполнитель обязан оказать услугу, которая должна соответствовать обычно предъявляемым требованиям и пригодной для тех целей, для которых такая услуга обычно используется (ст. 4) [закон о защите прав потребителя 19, ст. 4].

Если обратиться к ГОСТ Р 59362-2021, то под качеством услуги понимается совокупность характеристик или показателей качества услуги, определяющих ее способность удовлетворять установленные или предполагаемые потребности потребителя. Кроме того, в этом акте стороны в подобных правоотношениях именуются как исполнитель услуги (юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, либо самозанятый гражданин) и потребитель услуги (физическое лицо, получающее услугу в личных, бытовых и иных целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности). Сами же услуги подразделяются на три вида: материальные услуги, социально-культурные (нематериальные) услуги и смешанные услуги [20].

Оценка качества услуг осуществляется на основании следующих стандартов:

ГОСТ Р 59362-2021 – национальный стандарт Российской Федерации «Услуги населению. Методики измерения качества услуг».

ГОСТ Р 52113-2014 – стандарт «Услуги населению. Номенклатура показателей качества услуг».

Так, например, в сервисных организациях применяются такие методики оценки качества услуг (ГОСТ Р 59362-2021), как [20]:

– измерение качества услуг по модели «SERVQUAL» («Качество сервиса»);

– расчет индекса удовлетворенности потребителей «Customer Satisfaction Index – CSI»;

– расчет индекса потребительской лояльности «Net Promoter Score – NPS».

В зависимости от вида услуг меняются и те критерии, по которым можно определить качество оказываемых услуг, соответственно и правовое регулирование осуществляется на основании специального законодательства – отдельных федеральных законов.

Так, например, качество гостиничных услуг определяется исходя из целого перечня факторов:

–надежность услуги, т. е. возможность оказания услуги последовательно и правильно;

–скорость, с которой услуга предоставляется клиенту – оперативность оказания услуги;

–уверенность – доверие клиентов к отелю, который оказывает услуги;

–способность отеля уделять внимание каждому клиенту, понимать его потребности и нужды – эмпатия;

–материальная оснащенность отеля – наличие всех необходимых составляющих – оборудованные помещения, дизайн интерьера, наличие связи, Интернета, внешний вид сотрудников и т. д.

Проведение отелем регулярной оценки качества услуги, путем проведения опросов клиентов после выезда из отеля, составление рейтинга и т. д. [21].

Оценка результативности социальных услуг включает в себя такие показатели как:

–степень решения материальных и финансовых проблем клиента;

–степень улучшения эмоционального, физического состояния клиента;

–степень решения его правовых, бытовых и иных проблем в процессе взаимодействия с исполнителем услуги [22].

Если говорить о качестве оказываемых медицинских услуг, а точнее сказать о качестве оказываемой медицинской помощи, то в законодательстве и научной литературе называются такие критерии как своевременность оказания такой помощи, правильность выбора методики профилактики, диагностики, лечения и дальнейшей реабилитации, а также степень достижения запланированного результата [23].

В заключении отметим, что несмотря на огромную нормативную базу, регулирующую оказание отдельных видов услуг, а также на наличие разнообразных критериев оценки эффективности оказания тех или иных видов услуг, вопрос о получении конечным потребителем качественной услуги не зависимо от ее вида остается открытым и требует дальнейшего исследования и анализа.

Список литературы

1. Социально-экономическое положение России (январь – июль 2025 г.) // РОССТАТ. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-07-2025.pdf.

2. Развитие сферы услуг в России: цифровизация, региональные особенности и влияние на ВВП // Заводы Российской Федерации. URL: https://заводы.рф/publication/sfera-uslug-v-rossii.

3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М. : Оникс, 2011.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. II) от 26 января 1996 г. №14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст.410. URL: http:// www.pravo .gov.ru.

5. Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. I) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 15.10.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2025) // Со-

брание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824. URL: http:// www.pravo.gov.ru.

6. Алексеев С. С. Гражданское право : учебник / под ред. С. С. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009.

7. Назарова М.Г. Исполнение обязательства из договора возмездного оказания услуг : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

8. Степанов Д. И. Услуги как объект гражданских прав. М. : Статут, 2005.

9. Санникова Л. В. Обязательства об оказании услуг в российском гражданском праве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007.

10. Баринов Н. А. Услуги: (социально-правовой аспект) : монография. Саратов : Стило, 2001.

11. Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. М. : Юристъ, 2019.

12. Попова Д. Г. Услуга как объект гражданских прав и ее соотношение с категорией «Социальная услуга» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4 (52). Т. 1.

13. Скорикова Т. Н. Предмет договора возмездного оказания услуг // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (экономика). 2005. Вып. 5 (49).

14. Сергеев А. П., Толстой Ю. К. Гражданское право : учебник: в 3 т. Т. 2. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби ; Проспект, 2005.

15. Примак Т. К., Казакова К. Ю. Услуга как правовая категория // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии : материалы международной научно-практической конференции. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2015.

16. Дроздова А. В. Понятие и содержание услуги как объекта гражданских прав // Сибирский юридический вестник. 2003. №1.

17. Кузбагаров А. Н. Медицинская помощь или медицинская услуга: к вопросу о гражданско-правовом регулировании // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44).

18. Ситдикова Л. Б. Критерии оценки качества в сфере оказания услуг // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013.

19. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 07.07.2025) // Российская газета. 1992 (7 апреля).

20. Приказ Росстандарта от 25 февраля 2021 г. № 98-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

21. Кротенко Т. Ю., Лесникова О. В., Кануникова М. И. Качество услуг в индустрии гостеприимства // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61).

22. Болдина М. А. Организация оценки качества оказания социальных услуг населению // Гаудеамус. 2018. Т. 17. № 2 (36).

23. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

Сидорова Т. Ю.[1]*,*
заведующий кафедрой
международного права
Юридического института
Сибирского федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМА «ИИ СИРОТСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ» (AI ORPHANS): СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Традиционно «сиротскими произведениями» принято называть произведения, чьи авторы/правообладатели неизвестны или неизвестно их местонахождение для связи. Это означает, что произведения нельзя однозначно отнести к неохраняемым, но при этом нет информации об авторе либо эта информация противоречива. Проблема «сиротских произведений» обычно решается через формирование реестра этих произведений и выдачу для их использования какой-то разновидности лицензий [1; 2, с. 96]. Это позволяет, с одной стороны, использовать произведение, а с другой стороны – обеспечить выплату вознаграждения, а также исключить последующий шантаж со стороны обнаружившегося автора или правообладателя.

Примечательно, что более или менее урегулирование процедуры признания произведения «сиротским» и его последующего использования состоялось в России только в 2024 г. путем внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, в частности, была введена ст. 1244.2 [3]. К этому времени уже в полной мере развернулась дискуссия о новых, «ИИ-сиротских произведениях».

Что представляют собой эти новые «сироты»? Если обозначить проблему кратко, то это не решенный однозначно в законодательстве и судебной практике вопрос о том, можно ли признавать новый результат работы генеративной нейросети (искусственного интеллекта) произведением, а если признавать, то кто является его автором и правообладателем. Добавим к этой проблеме изначально очень низкий порог уникальности для охраны произведений и установленную, например, в российском законодательстве презумпцию творческого характера всего, что создает человек, независимо от того, к каким инструментам он прибегает.

На сегодняшний день у нас нет однозначного универсального подхода в законодательстве относительно того, является ли процесс создания произведения и используемые при этом инструменты причиной исключения результата из числа охраняемых. Исходя из этого, мы можем сделать вывод о том, что действующее законодательство государств и международные источники, например ТРИПС [4], не исключают возможности создания охраняемого произведения с использованием любых инструментов, оставляя в качестве определяющего признака любого охраняемого результата – наличие творческого вклада автора в достижение этого конечного результата.

---

[1] © Сидорова Т. Ю., 2026.

Отталкиваясь от творческого вклада автора, мы можем развить дискуссию о том, в чем же может заключаться этот творческий вклад, когда даже самый примитивный запрос к генеративному ИИ (промт) дает результат, который выглядит как произведение, т. е. человек дает команду, но не занимается созданием результата в классическом нашем понимании: он не пишет слова, не рисует, не занимается созданием и монтажом звука, видеоряда и т. д. Вклад в готовое произведение может быть настолько минимальным, что даже невозможно определить, в чем же состоит творческий характер, как он отражает личный, собственный, неповторимый, основанный на уникальности личности человека вклад.

Поскольку законодательство для произведений, сгенерированных ИИ, не предлагает других критериев их охраноспособности, это породило различные подходы на практике.

Правовой вакуум, во-первых, был замещен в пользовательских соглашениях, которые распространяются на всех пользователей, поскольку без согласия с их условиями, т. е. присоединения к ним, использование генеративного ИИ невозможно. Во-вторых, суды начали выработку своего подхода к тому, какие результаты работы генеративного ИИ будут охраняться, а какие нет, рассматривая иски авторов контента к тем, кто его использует без их разрешения.

В литературе неоднократно проводился анализ пользовательских соглашений генеративных моделей [5], который показывает, что единого подхода у провайдеров нет. В одних случаях исключительные права признаются за пользователем, а правообладатели самой модели не оставляют за собой никаких прав или требуют согласиться с тем, что у них есть простая лицензия на сгенерированный их моделью контент.

Прямо противоположный подход заключается в том, что исключительное право признается как раз за владельцем модели, а пользователь получает право на основе простой неисключительной лицензии, часто с ограничением возможности коммерческого использования созданного контента.

Также есть и целый спектр промежуточных вариантов, когда права принадлежат и пользователю, и владельцу модели, а кроме того, право использовать может быть еще и у других пользователей.

И хотя ни одно пользовательское соглашение не может предрешить вопрос о том, является ли созданный при использовании модели контент произведением, для нас важно отметить, что в отличие от других инструментов, в том числе цифровых, владельцы моделей генеративного ИИ ставят себя очень близко к автору, едва ли не называя себя соавторами созданных произведений, но в любом случае, очевидно, основывают это на очень большом вкладе модели в создание результата.

Таким образом, пользовательские соглашения стремятся урегулировать отношения между пользователем, владельцем модели ИИ, а также иными пользователями по поводу использования созданного контента независимо от того, признаем мы или не признаем его произведением. Это означает, что делать вывод об охраноспособности созданных с использованием ИИ произведений мы не можем.

Первые вопросы, с которыми пришлось столкнуться на практике судам и правоприменительным органам различных государств, ожидаемо возникли

вокруг уже знакомых нам: кто есть автор произведения и может ли это быть не человек; любое ли произведение, созданное с помощью ИИ, является охраняемым; что на самом деле охраняется в произведении, которое создано с использованием ИИ.

Ответы, к которым пришли суды и государственные органы, на сегодняшний день являются, пожалуй, наиболее важными и заслуживающими отдельного рассмотрения.

В первую очередь хотелось бы отметить работу Бюро по авторскому праву США. Здесь стоит оговориться, что охрана произведений в США необязательно требует регистрации в Бюро, но эта регистрация необходима для широкого коммерческого использования произведений. Хоть это и не судебный орган, но его экспертность не вызывает сомнений. Рассматривая заявления о регистрации произведений, созданных с помощью ИИ, Бюро последовательно отказывает в признании авторства за нейросетью, подчеркивая антропоцентричный характер авторства произведений, и не демонстрирует пока желания отойти от этого принципа.

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание, анализируя результаты работы Бюро, – это очень пристальный взгляд на описание творческого вклада пользователя нейросети. Это, в свою очередь, приводит к различным результатам, когда цельное произведение, с точки зрения Бюро, включает как охраняемые, так и не охраняемые элементы. Именно так закончилась борьба художницы Крис Каштановой по признанию охраняемым своего комикса «Zarya of the Dawn» [6]. Бюро признало авторство и права К. Каштановой в отношении подбора изображений (по сути – авторские права составителя), а также текста, написанного автором, но не изображений, сгенерированных с помощью нейросети Midjourney. При этом Бюро отметило, что для охраны изображений, сгенерированных с помощью нейросети, нужно привести более весомые аргументы, демонстрирующие творческий контроль автора над инструментами генерации изображений. В этом случае, как полагает Бюро, результат может быть защищен.

Аналогичного подхода Бюро придерживалось и в деле признания охраняемым произведения A Single Piece of American Cheese [7]. Примечательно, что заявление на регистрацию подал директор компании-владельца ИИ, который и участвовал в создании данного произведения. Комментируя данный кейс, М. Рожкова отмечает, что произведение получило охрану как компиляция, т. е. был оценен творческий вклад в составительство [8].

В России вопрос об охраноспособности аудиовизуального произведения, созданного с использованием нейросети с технологией «deep fake», был разрешен в пользу авторов. Ответчик использовал видеоролик истца, посчитав, что такой видеоролик не охраняется как произведение, однако истец смог доказать, что внес творческий вклад в создание конечного результата, в частности, был подготовлен сценарий, проведены видеосъемки, а затем моушен-дизайнер доработал ролик, наложив на исходный материал лицо Киану Ривза. Суды всех инстанций согласились с тем, что истцом был внесен творческий вклад в создание видеоролика, участники спора, включая ответчика, являются профессиональными участниками

рынка, понимают, как работает технология «deep fake», поэтому природа видеоролика как охраняемого произведения была ответчику понятна.

В этом деле отметим смещение бремени доказывания, которое произошло в процессе рассмотрения этого дела. Стоит еще раз напомнить, что в подобных делах, когда ответчик объяснял использование произведения тем, что оно не охраняется, поскольку, по его мнению, здесь отсутствует творческий вклад автора, суд требовал доказать это отсутствие. Таким образом, и действует презумпция творческого вклада автора в любое произведение, даже если его художественные достоинства неочевидны. Но с учетом того, что сама по себе технология новая и сложная для понимания, предпринятые истцом усилия по разъяснению роли человека в создании конечного продукта с использованием технологии «deep fake» помогли убедить суд, что результат представляет собой охраняемое авторским правом произведение.

Однако это рассуждение пока не является бесспорным, поскольку в другом деле о защите произведения, сгенерированного с помощью ИИ, суды пошли вполне привычным путем, приняв от истца доказательства авторства и установив охраноспособность произведения постольку, поскольку ответчик не доказал иного [9].

Еще один из примеров можно привести на основе практики Пекинского интернет-суда по делу Li vs. Liu [10; 11]. В нем, разрешая вопрос об охране изображения, сгенерированного с помощью ИИ, суд установил, что такое изображение охраняется законом об авторском праве, поскольку истец смог воспроизвести то, как он создавал произведение, показав, что он вложил интеллектуальный вклад в создание изображения, корректируя его с помощью ключевых слов до тех пор, пока не добился желаемого эффекта. Поскольку противоположных доказательств, которые бы убедили суд, что идентичные изображения могут быть получены любыми людьми с использованием одной и той же модели ИИ, нет, то следует считать, что произведение автора будет охраняться.

В противоположность этому подходу в своем отчете в январе 2025 г. Бюро по авторскому праву США уточнило, что действующее законодательство вполне обеспечивает защиту прав авторов, которые создают произведения с использованием генеративного ИИ, но тот контент, который создан исключительно ИИ с недостаточным творческим контролем со стороны человека, не должен получать охрану как произведение. Само по себе введение текстовых подсказок (промтов) при генерации изображений не демонстрирует наличия такого достаточного контроля, поэтому охраняться такие объекты не будут. По мнению авторов отчета, конечный результат – это не его творческий взгляд, а согласие с интерпретацией, которую дает модель ИИ [12].

Попробуем подвести небольшие итоги рассуждений и отметить ключевые тезисы, вокруг которых, очевидно, и должна вестись дискуссия. Отношение к генеративному ИИ в целом соответствует отношению к любому инструменту творчества, который может использовать человек. При этом генеративный ИИ как инструмент способен выполнять большую часть работы по созданию результата, что значительно снижает роль человека и его творческого вклада.

Тем не менее использование ИИ само по себе не предрешает вопроса о невозможности получения созданным с его использованием произведением пра-

вовой охраны. Общий подход к охране произведений, которые отражают творческий вклад конкретного человека или группы людей, не игнорируется, а развивается применительно к таким произведениям, требуя от лица, претендующего на охрану созданного им с использованием ИИ произведения, доказать и продемонстрировать, в чем конкретно состоял его творческий вклад в создание этого произведения, как он смог реализовать свой замысел, используя ИИ-инструменты.

Нейросети, их разработчики и владельцы не признаются авторами и правообладателями созданного пользователями контента, поскольку их творческий вклад при создании конкретных результатов отсутствует, а нейросети, кроме того, еще и не являются людьми.

Вопрос об охраноспособности каждого конкретного результата, созданного с помощью ИИ, может быть предметом спора, в котором от сторон ждут доказательств степени творческого вклада автора и его влияния на конечный результат. Просто механическое введение текста не является достаточным для подтверждения творческого вклада, даже если конечный результат будет отличаться от пользователя к пользователю.

Что же мы имеем в итоге? «ИИ-сиротские произведения» – совершенно не «сиротские» по своей природе. Любой пользователь генеративного ИИ может заявить об охраняемости его произведения. Даже предлагаемая в настоящее время маркировка создания произведения с помощью ИИ не отказывает в охраноспособности таким произведениям – по крайней мере до тех пор, пока действующий принцип охраны произведений как результата творческой деятельности человека не изменен или не отменен. Однако объем и условия охраны произведений будут отличаться от государства к государству до тех пор, пока не будет принято универсальное соглашение по аналогии с «Интернет-договорами ВОИС».

Использование произведений, созданных с помощью генеративного ИИ, должно осуществляться в тех же пределах и на той же правовой основе, что и всех прочих. Лицо, считающее, что произведение может быть использовано свободно потому, что оно создано с помощью ИИ, берет на себя риски предъявления к нему требований, основанных на нарушенных им исключительных и авторских правах автора такого произведения.

Споры по использованию произведений, созданных с помощью генеративного ИИ, скорее всего, породят общий подход к смещению бремени доказывания с ответчика (докажите, что нет творческого вклада) на истца (докажите и продемонстрируйте свой творческий вклад), а их обобщение позволит выработать общие подходы с учетом особенностей работы различных моделей генеративного ИИ.

Список литературы

1. The EU Directive on Orphan Works (Directive 2012/28/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012). The European Union (Certain Permitted Uses of Orphan Works) Regulations 2014.

2. Рузакова О. А. Правовой режим произведений, правообладатель которых неизвестен («сиротские произведения»): перспективы российского законодательства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 7 (274).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Евсеев А. ИИ создал произведение. Кому что принадлежит? URL: https://zakon.ru/.

6. The US Copyright Office Says You Can't Copyright Midjourney AI-Generated Images.

7. How We Received The First Copyright for a Single Image Created Entirely with AI-Generated Material.

8. Рожкова М. А. О подтверждении значительного творческого вклада человека в процессе создания изображения с помощью ИИ в практике Бюро авторских прав США. URL: https://zakon.ru/.

9. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 февраля 2024 г. № 13АП-37912/23 по делу № А42-3966/2023. URL: base.garant.ru.

10. Aaron Wininger. Beijing Internet Court Releases Translation of Li vs. Liu Recognizing Copyright in Generative AI.

11. Beijing Internet Court. A Civil Judgment (2023) Jing 0491 Min Chu. 2023. No. 11279.

12. Copyright and Artificial Intelligence. Part 2: Copyrightability. URL: https://www.copyright.gov/.

Страхов Ю. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ СУБЪЕКТА БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В современной действительности биометрия сопровождает нас везде – от банковской сферы до сферы государственных услуг, охраны и расследования преступлений. Биометрические персональные данные (далее – БПД) позволяют достоверно определить, к какому лицу они относятся. С одной стороны, это значительно упрощает повседневную жизнь: так, клиент банка, который пришел снять деньги и забыл паспорт, но дал предварительно согласие на обработку своих БПД, может не возвращаться за документами, чтобы подтвердить личность. Камера в кассе сфотографирует его лицо, переведет его в векторный формат и при помощи нейросетевых технологий с большой долей вероятности определит, принадлежат ли БПД этому лицу. С другой же стороны, в случае компрометации этих данных в результате их неправильной обработки или утечки порождает опасность нарушения прав субъектов БПД. В связи с этим необходимо определить, что такое БПД, какие права они порождают у субъекта, какие есть механизмы их защиты в отечественной и зарубежной цивилистике и какую ответственность несут субъекты обработки БПД – оператор и разработчик технологий.

Согласно ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – ФЗ № 152), БПД – это сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность и которые используются оператором для установления личности субъекта БПД. В науке биометрии выработано правило трех «У», относящееся к БПД: уникальность, универсальность, устойчивость [8, с. 156]. Каждое из этих требований так или иначе соотносится с БПД, так как характеризует их принадлежность к одному конкретному лицу. Следует отметить, что действующее регулирование биометрических персональных данных сегодня построено так, что оно «собрано» из отдельных норм и не дает цельной, развернутой модели правового режима БПД. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – ФЗ № 152) в основном рассчитан на персональные данные в целом: он фиксирует базовые принципы обработки, общие требования к законности, целям и способам использования сведений, а биометрии уделяет внимание лишь постольку, поскольку она требует повышенной осторожности при обработке. В результате ФЗ № 152 не создает самостоятельного «специального» регулирования БПД

[1] © Страхов Ю. А., 2026.

в полном смысле: многие вопросы, значимые именно для биометрии, остаются нераскрытыми или обозначены только в самом общем виде. Это касается, например, четкого описания правового режима биометрических образов и шаблонов, критериев допустимого использования биометрии в разных жизненных ситуациях, а также более детальных гарантий от повторного или расширительного применения биометрических данных вне тех целей, ради которых они изначально собирались.

Схожая логика прослеживается и в Федеральном законе от 29 декабря 2022 г. № 572 «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее – ФЗ № 572). По своему содержанию ФЗ № 572 сосредоточен прежде всего на том, как должна быть организована система использования биометрии для идентификации и аутентификации: он описывает общую модель таких процедур, закрепляет роли и полномочия участников, устанавливает порядок их взаимодействия и регламентирует функционирование государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» (далее – ЕБС). При этом ФЗ № 572 не ориентирован на комплексное раскрытие гражданско-правового положения субъекта БПД и не формирует развернутую систему специальных гарантий «оборота» биометрических сведений (т. е. их использования, передачи, последующего применения и защиты в случаях спорных или неправомерных действий). Иными словами, акцент делается на организационной и процедурной стороне работы механизма идентификации, тогда как вопросы, связанные с усиленной защитой интересов субъекта, во многом продолжают «держаться» на общих положениях ФЗ № 152 и смежном регулировании.

Вместе с тем п. 4 ст. 3 ФЗ № 572 задает минимально необходимую нормативную основу для понимания того, какие сведения прямо отнесены к БПД в рамках данной модели: во-первых, это изображение лица гражданина, получаемое с использованием фото- и видеоустройств, и, во-вторых, запись голоса, формируемая посредством звукозаписывающих средств. Тем самым законодатель формулирует хотя бы базовый ориентир для практики, однако само наличие лишь «минимальной рамки» одновременно подчеркивает общий недостаток регулирования: при отсутствии более подробного и системного режима многие существенные вопросы обращения биометрии остаются вне прямой и детальной законодательной регламентации.

На уровне доктрины при этом обосновывается более широкий подход: к биометрическим данным, используемым для установления личности, относят также дактилоскопические признаки (включая особенности папиллярных узоров пальцев и/или ладоней), а равно характеристики радужной оболочки глаза, которые хотя и не включены ФЗ № 572 в качестве базовых для ЕБС, однако в той или иной форме получают нормативное отражение в специальных право-

вых актах и подзаконном регулировании, ориентированном на идентификационные процедуры и безопасность оборота соответствующей информации [7, с. 29].

Этот список не является исчерпывающим. К БПД могут быть отнесены и иные данные, если они отвечают требованиям ст. 11 ФЗ № 152.

Субъект биометрических персональных данных наделен не только общими личными неимущественными правами, предусмотренными базовыми нормами российского права, включая конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны (ст. 23 Конституции Российской Федерации), а также гражданско-правовую охрану изображения гражданина (ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации), но и специальными правами, вытекающими из ФЗ № 152 и ФЗ № 572:

– право на согласие (ст. 11 ФЗ № 152) – обработка БПД допускается лишь при наличии письменного согласия субъекта БПД, за исключением случаев, прямо предусмотренных ч. 2 указанной статьи;

– право отказа от использования БПД (ч. 3 ст. 11 ФЗ № 152) – оператор не вправе отказать в оказании услуг (обслуживании) из-за того, что субъект БПД отказался предоставлять свои данные;

– право на доступ к информации о персональных данных (ст. 14 ФЗ № 152);

– право на отзыв согласия на обработку БПД (п. 5 ч. 14 ст. 3 ФЗ № 572) – субъект наделен возможностью в любой момент отказаться от ранее выраженного согласия на обработку биометрических персональных данных; одновременно он вправе потребовать исключения соответствующих сведений из ЕБС и прекращения их дальнейшего использования в рамках системы;

– право на обжалование действий (бездействия) оператора (ст. 14 ФЗ № 152) – при наличии оснований полагать, что оператор при обработке персональных данных нарушил права и законные интересы субъекта, последний может воспользоваться механизмами защиты: направить жалобу в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) либо обратиться за судебной защитой; кроме того, субъект вправе заявить требование о компенсации морального вреда.

Вышеназванные права также можно отнести к личным неимущественным правам в силу того, что они связаны с осуществлением субъектом своих гражданских прав.

Механизмы защиты предусмотрены как общими нормами, указанными в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (признание права; пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; компенсация морального вреда), так и специальными нормами из законов, отсылающих к ст. 12 (вышеупомянутая ст. 14 ФЗ № 152) [6, с. 135].

Это, в свою очередь, влечет для оператора обработки возникновение обязанностей, закрепленных ст. 18 ФЗ № 152, а именно: предоставить субъекту БПД сведения о наименовании оператора, целях обработки, перечне персональных данных, подлежащих обработке, а также о предполагаемых пользователях. Дополнительно, согласно п. 3 ст. 18.1 ФЗ № 152, оператор должен принять все возможные правовые, организационные и технические меры, направленные на обеспечение без-

опасности персональных данных. В связи с этим, при нарушении прав субъекта БПД обязанность восстановить положение, существовавшее до такого нарушения, в общем порядке возлагается на оператора.

Однако есть еще один субъект, который не участвует в обработке БПД напрямую, при этом влияя своим действием или бездействием на обеспечение прав субъектов БПД. Это разработчик технологий обработки, который не указан в законе напрямую. Так, уже были зафиксированы случаи, когда несовершенство технологий обработки приводило к тому, что при использовании БПД распознавалось не то лицо, которое давало согласия на обработку: житель Санкт-Петербурга при оплате покупок с использованием биометрии (так называемая «Оплата улыбкой») смог оплатить свои покупки, хотя согласия на обработку своих БПД не давал. Оказалось, что согласие на обработки своих БПД давал его брат-близнец и деньги за покупку списались именно с его банковского счета [10]. Логично допустить, что в ЕБС могут быть зарегистрированы биометрические профили похожих друг на друга людей, из-за чего нейросетевые технологии при сопоставлении данных человека с его биометрическим профилем могут ошибиться ввиду несовершенства технологий, что создает риск нарушения прав субъекта БПД. Как быть в таком случае?

Как отмечалось ранее, по общему правилу бремя ответственности за нарушения, связанные с обработкой персональных данных, возлагается на оператора. Вместе с тем такая конструкция не является безусловной: если оператор сумеет подтвердить отсутствие своей вины и обосновать, что нарушение обусловлено обстоятельствами, не зависящими от него, он вправе рассчитывать на освобождение от обязанности возмещать причиненный вред на основании п. 2 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации. В практическом измерении это способно привести к ситуации, при которой субъект БПД оказывается фактически лишен эффективных средств защиты, поскольку технологические особенности обработки данных для него, как правило, неизвестны. Дополнительное осложнение состоит в том, что оператор не обязан раскрывать сведения о разработчике или поставщике применяемых технологий обработки: прямого требования о предоставлении такой информации закон не содержит. В результате субъекту затруднительно установить реального виновника нарушения и выстроить обоснованную правовую позицию, а риск утраты действенного механизма восстановления нарушенных прав возрастает.

Предполагается целесообразным обратиться к зарубежному опыту правового регулирования подобных ситуаций.

В Общем регламенте защиты персональных данных Европейского Союза (далее – Регламент ЕС) указаны роли контролера персональных данных и процессора. Процессор, согласно ст. 28 регламента ЕС –это физическое или юридическое лицо, которое от имени и по поручению контролера (аналог оператора в российском законодательстве) обрабатывает персональные данные. То есть в случае, если разработчик предоставляет, к примеру, свое программное обеспечение для целей обработки, он подпадает под категорию процессора. В соответствии со ст. 82 Регламента ЕС лицо, которому был причинен материальный либо нематериальный вред вследствие нарушения положений регламента,

вправе требовать компенсацию понесенного ущерба от контролера или процессора. Однако ответственность по общему правилу, как и по российскому законодательству, несет контролер (оператор) в силу положений ст. 24 Регламента ЕС – контролер обязан самостоятельно принимать надлежащие технические и организационные меры, чтобы обеспечить исполнение Регламента.

Как видно из анализа положений Регламента ЕС, субъект БПД имеет право обратиться с иском как к контролеру (оператору), так и к процессору (разработчику).

В связи с этим представляется логичным обеспечить прозрачность обработки данных для субъекта БПД – он должен знать, кем разработано программное обеспечение, с помощью которого осуществляется обработка, чтобы понимать, к кому обратиться для восстановления нарушенных прав. Так считает, в частности, и К. Д. Чернышов [9, с. 435].

В заключение, предлагается проработать и изложить в ФЗ № 152 и ФЗ № 572 определение разработчика технологий обработки персональных данных и дополнить ФЗ № 572 положениями об ответственности разработчиков за нарушение прав субъектов БПД. Защита прав субъектов БПД должна учитывать уникальность этих данных и неотвратимость вреда, причиненного их компрометацией, что представляет собой перспективную тему для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://base.garant.ru/10103000/.

2. Гражданский кодекс от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. URL: https:// base.garant.ru/10164072/.

3. Федеральный закон от 27 июня 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». URL: https://base.garant.ru/12148567/.

4. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». URL: https:// www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405951675/.

5. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. «О защите физических лиц при обработке персональных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий регламент о защите персональных данных)». URL: https://base.garant.ru/71936226/.

6. Бабелюк Е. Г. Механизм правового регулирования персональных данных // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 4.

7. Данелян Р. Н., Яковлев-Чернышев В. А. Особенности правового регулирования биометрических персональных данных в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 3.

8. Капустин Д. В. Правовое обеспечение и риски использования биометрических систем // Вестник науки. 2022. № 1 (46).

9. Чернышов К. Д. Актуальные подходы к обработке персональных данных: анализ и развитие законодательства // Вестник науки. 2025. № 1 (82).

10. Биометрия перепутала близнецов // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6199790.

Тен В. Е.[1]***,***
студент
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

Научный руководитель:
Порохов М. Ю.,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

ПРЕДЕЛЫ ПРЕЮДИЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Одним из главенствующих принципов гражданского процессуального права является принцип истины, содержание которого с течением времени претерпело ряд изменений. Советский гражданский процесс основывался на необходимости установления объективной истины по делу, при этом суд не ограничивался представленными сторонами материалами, поэтому решения суда носили преюдициальный характер для последующих споров между сторонами (абз. 2 ст. 55 ГПК РСФСР) [1]. Ведь зачем переустанавливать обстоятельства в новом разбирательстве, если до этого суд приложил все усилия для их установления? По мнению большинства современных ученых-процессуалистов, сейчас в основе гражданского судопроизводства лежит принцип судебной (формальной) истины [2, с. 37]. Своеобразие ее заключается в том, что суд исследует не все обстоятельства, имеющие значение по делу, а лишь представленные ему на рассмотрение сторонами.

Несмотря на отсутствие в действующем Гражданском процессуальном кодексе (далее – ГПК РФ) упоминания об объективной истине, преюдициальность обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, сохраняется, что отражено в ч. 2 ст. 61 ГПК РФ. Преюдициальные факты не доказываются и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела между теми же лицами. Возникает вопрос: должна ли сохраняться абсолютная предрешенность каких-либо обстоятельств в существующем состязательном гражданском процессе? На этот вопрос ответил Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении [3], отметив, что, применяя преюдицию, суды должны сохранять баланс двух принципов – общеобязательность и непротиворечивость судебных реше-

[1] © Тен В. Е., 2026.

ний, с одной стороны, и состязательность судопроизводства с другой. Этот баланс обеспечивается с помощью пределов действия преюдиции и порядка ее опровержения. Исходя из положений ч. 2 ст. 209 ГПК РФ, преюдиция в гражданском процессе, в отличие от арбитражного, является неопровержимой, поскольку после вступления в силу решения суда стороны не могут оспаривать в другом гражданском процессе не только установленные судом факты, но и правоотношения. Вследствие этого, считаем необходимым определить пределы распространения преюдции в гражданском процессе.

Для начала отметим, что преюдиция распространяется лишь на лиц, участвовавших в деле до этого. Например, Верховный Суд Российской Федерации отменил решения нижестоящих судов, указав на следующую ошибку: суд первой инстанции посчитал, что раннее вынесенное решение в отношении ответчика имеет преюдициальное значение, с чем коллегия Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам не согласилась, поскольку в разрешении спора по иску Байдаровой М.В. к Министерству финансов Российской Федерации о возмещении вреда, причиненного террористическим актом, не участвовали истцы по настоящему делу (Мирзаев С. Б. и Косумова Х. Г. [4]).

При этом у лиц, раннее не привлеченных к участию в рассмотренном деле, есть право опровергать факты, установленные судом без их участия. Преюдициальность для суда сохраняется только в том случае, если новые участники процесса откажутся от оспаривания этих фактов. В связи с этим обстоятельством, в другом деле определения апелляционной и кассационной инстанций были отменены, поскольку не учли того факта, что новые ответчики по делу не опровергали факт добросовестного исполнения нотариусом своих обязанностей, а значит это обстоятельство в новом споре являлось обязательным для суда и лишает истца материально-правового основания для возмещения вреда [5].

Помимо ограниченного круга лиц, на которых распространяется положение ч. 2 ст. 61 ГК РФ, в науке высказывается позиция о том, что не все факты, фигурирующие в судебном решении, будут неоспаримы в новом деле. М. К. Треушников считает, что судом при рассмотрении гражданских дел устанавливаются различные по своему характеру и правовому значению факты, среди которых считаем необходимым выделить следующие:

–факты, которые являются спорными и входят в предмет доказывания. На их основе суд принимает решение;

–доказательственные факты. Они не являются спорными и сопутствуют установлению других фактов, есть возможность оспорить их в другом процессе [8, с. 271]. Например, по иску о взыскании убытков с продавца в предмет доказывания входит установление обстоятельств неисполнения продавцом обязанности о предупреждении покупателя о правах третьих лиц на товар и последствия неисполнения этой обязанности. Сопутствующим же фактом в данном случае будет являться факт заключения договора купли-продажи, который сторонами не оспаривался.

Как справедливо отмечает Е. О. Бронякина, существенным критерием для определения преюдициальности того или иного факта является его установление судом в результате состязания сторон посредством рассмотрения доказа-

тельств (ст. 56 ГПК РФ) [7, с. 36]. Такая позиция рациональна, поскольку, придерживаясь ее, как раз таки можно соблюсти необходимый баланс между общеобязательностью судебных решений и реализацией принципа состязательности сторон, ведь лишь в споре рождается истина. По нашему мнению, преюдиция должна действовать как некая санкция за недоказанность стороной своей позиции в предыдущем деле, если же положение не оспаривалось, то и о его доказанности говорить нельзя. По этой же причине нельзя говорить о преюдициальной силе судебных приказов, поскольку судом лишь выносится решение о взыскании денежных сумм без рассмотрения спора по существу и исследования доказательств.

Если же говорить о пределах межотраслевой преюдиции (ч. 4 ст 61 ГПК РФ), то такие обстоятельства обязательны для рассмотрения судом лишь при условии, что они установлены вступившим в законную силу приговором суда и только в вопросах: имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом. Указанная норма судами часто толкуется расширительно и обязательность распространяется не только на приговоры по уголовным и постановления суда по административным делам (обвинительные или оправдательные), но и на другие постановления, в которых по существу вина лица не установлена (постановления о возбуждении уголовного дела или о его прекращении по не реабилитрующим обстоятельствам). В решениях Конституционного и Верховного суда Российской Федерации неоднократно подчеркивалась необходимость оценивать такие решения «наравне с другими письменными доказательствами» [8; 9]. Значит, в совокупности с положением ч. 2 ст. 67 ГПК РФ, при установлении гражданско-правовых последствий действий лица суд не может мотивировать свое решение только раннее установленными обстоятельствами, он должен всестороннее и полно оценить и другие представленные сторонами доказательства. Например, определением Восьмого кассационного суда общей юрисдцикции [10] дело было направлено на новое рассмотрение в виду следующих обстоятельств.

Гражданин Г. подал в суд иск о взыскании компенсации морального вреда с Ч. Свои требования он мотивировал тем, что находился с ответчиком в неприязненных отношениях и что в период с 2020 по 2023 г. ответчик избивал его, нанося телесные повреждения средней тяжести. В качестве доказательств к делу были приобщены заключения судебно-медицинских экспертиз, проведенных в рамках доследственных проверок, протокол об административном правонарушении, постановление мирового судьи о признании виновным в совершении административного правонарушения, постановление о возбуждении уголовного дела в отношении ответчика. На основании этого суд первой инстанции исковые требования удовлетворил частично и обязал ответчика выплатить Г. компенсацию в размере 500 000 руб. При этом судом не был установлен полный состав гражданско-правового деликта для назначения размера компенсации морального вреда, а потерпевшим, кроме собственных пояснений, не были представлены другие доказательства, того, что именно ответчик был причинителем вреда, нанесенного ему за весь период с 2020 по 2023 г. Факт нанесения вреда был достоверно подтвержден лишь по двум конкретным эпизодам привлечения Г. к административной ответственности. Таким образом, суд формально рассмотрел дело, основывая свое ре-

шение на актах, вынесенных в рамках предварительного следствия и постановлении о возбуждении уголовного дела, которые преюдициального значения для него не имеют.

Итак, мы приходим к выводу о том, что на сегодняшний день преюдициальность не абсолютна и имеет объективные пределы распространения, которые нуждаются в дальнейшем исследовании. Ее действие ограничивается как кругом лиц, участвовавших в ранее рассмотренном деле, так и характером установленных судом фактов. Преюдициальное значение имеют только те обстоятельства, которые были исследованы судом в условиях состязательности сторон и получили надлежащую правовую оценку. Расширительное толкование преюдиции, в частности в отношении актов, вынесенных в рамках уголовного или административного производства, недопустимо, так как нарушает принципы полноты исследования доказательств и справедливости судебного разбирательства. Как нам представляется, с целью обеспечения законности и формирования единообразной судебной практики по вопросу применения преюдиции в цивилистическом процессе Пленуму Верховного Суда Российской Федерации следует подготовить и дать разъяснение судам о критериях преюдициальности фактов, установленных судом, с указанием на необходимость их установления в результате состязательного процесса и всестороннего исследования доказательств, а также уточнить пределы межотраслевой преюдиции (ч. 4 ст. 61 ГПК РФ), предписав учитывать другие акты суда, помимо приговора по уголовному делу и постановления по делу об административном правонарушении, на общих основаниях как письменные доказательства.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407 (утратил силу).

2. Афанасьев С. Ф., Зайцев А. И. Гражданский процесс : учебное пособие. М. : Норма, 2008.

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества от 21 марта 2013 г. № 407-О «Профессиональные аудиторские консультации» на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2020 г. № 23-КГ19-10 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Определение Верховного суда Российской Федерации от 29 сентября 2025г. рф № 56-КГ25-14-К9 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Треушников М. К. Гражданский процесс : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014.

7. Бронякина Е. О. Преюдиция и res judicata в гражданском и арбитражном процессах : монография / под ред. Е. В. Кудрявцевой. М. : Юстицинформ, 2023.

8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 1823-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ля-

леко Валерия Акимовича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2017 г. № 41-КГ17-33 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 ноября 2024г. № 88-22620/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

Тумаков А. В.[1]*,*
докторант факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ФАКТОРЫ, ЛЕЖАЩИЕ В ОСНОВЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ

Расширение возможностей Интернета и электронных технологий привело к появлению новых форм взаимодействия и деловых операций в цифровом пространстве, таких как электронная коммерция, цифровая валюта, цифровое имущество [2] электронные платежи, электронный документооборот и другие. Это потребовало адаптации и развития гражданско-правовых норм для регулирования новых процессов.

Ключевым аспектом категории «гражданский оборот цифровых объектов» является использование современных информационно-коммуникационных технологий, таких как Интернет, электронная почта, электронная коммерция и другие формы электронного обмена информацией. Они позволяют участникам гражданско-правовых отношений взаимодействовать без физической присутствия, осуществлять сделки и обмениваться документами в электронной форме. Вместе с тем гражданский оборот цифровых объектов связан не только с удобством и комфортом. Ввиду своей юридической незрелости, рассматриваемая правовая сфера сталкивается с трудностями, вызовами и имеет определенные перспективы развития.

Стоит отметить, что вопросы цифровой трансформации не всегда привлекали столь пристальное внимание представителей научного и бизнес-сообщества. Перелом наступил в начале 2010-х, когда бизнес осознал стратегическую важность цифровых технологий для усиления своих конкурентных позиций [7, с. 79].

Безусловно, цифровая трансформация – результат долгого исторического пути развития человечества, который был бы невозможен без того массива знаний, которые были получены человечеством далеко до открытия интернета. Все многообразие исторических событий, как правило, сводится к моменту создания компьютера, поскольку именно с ним связано создание цифровой среды. После этого события в мире компьютерных технологий произошел большой скачок: от гигантских устройств создатели перешли к удобным и компактным компьютерам, планшетам, ноутбукам, которые за считанные секунды обрабатывают большой массив данных.

Необходимость изобретения компьютеров диктовалась условиями самой жизни: возрастало число информации, обработать которую требовалось в сжатые сроки.

[1] © Тумаков А. В., 2026.

Автор выявляет следующие *факторы, которые легли в основу формирования гражданского оборота цифровых объектов*:

1. *Технологический прогресс*. Развитие информационных и коммуникационных технологий было ключевым фактором в появлении гражданского оборота цифровых объектов. Распространение интернета, электронной коммерции, электронных платежей и других цифровых технологий создал новый способ взаимодействия между субъектами гражданских правоотношений. Здесь автор выделяет два основных исторических события: изобретение компьютера и создание интернета. Со временем технологический прогресс привел к появлению преобладающей идеологии технологического развития, которая подталкивает государства наращивать свой технологический потенциал, формировать технопарки, поддерживать соответствующие исследования [6]. Неслучайно красной линией послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на 2024 г. стала тема технологического суверенитета. «Проекты технологического суверенитета должны стать мотором обновления нашей промышленности, помочь всей экономике выйти на передовой уровень эффективности и конкурентоспособности», – отметил В. В. Путин [3].

Цифровые технологии позволяют гражданам совершать операции онлайн, без необходимости физического присутствия или бумажной документации. Упрощение и ускорение коснулись сфер жизни общества, хотя, как было отмечено выше, зарождались в бизнес-среде. Сегодня появился такой термин как «цифровая бизнес-модель», которые предполагают использование более гибких, эффективных и адаптивных подходов к планированию производства, производству, хранению, транспорту, логистике и продажам [1, с. 92].

2. *Повышение доступности и удобства*. Гражданский оборот в цифровом пространстве был создан для облегчения доступа потребителей к различным услугам и ресурсам. Он предлагает удобство взаимодействия, возможность получения информации или совершения операций в любое время и из любого места. Современные технологии, а главное, их доступность, позволяют практически всегда находиться в этой зоне комфорта, они расширяют ее и предоставляют потребителю иллюзию свободы [5]. Данный фактор имеет приоритетное значение с точки зрения конкурентоспособности субъектов, предлагающих товар в экономическом смысле: современный потребитель выбирает, как правило, то, что можно легко и удобно приобрести. Этим вызван большой спрос на современные маркетплейсы и интернет-магазины: информацию о товаре можно получить за считанные секунды, не выходя из стен собственного дома. Данное правило распространяется не только на отношения субъектов с потребителями, которыми выступают граждане. Даже если речь идет о договоре поставки, перевозки и т. д. между двумя профессиональными участниками, в подборе контрагента лица в любом случае ориентируются на цифровую информацию, которая размещена на сайте компании. Сегодня веб-сайт буквально становится визитной карточкой компании в цифровой среде, которая создает о ней первое впечатление [4].

3. *Глобализация и международное взаимодействие*. Гражданский оборот цифровых объектов также обусловлен необходимостью эффективного взаимодействия на международном уровне. Физические и юридические лица все чаще

совершают покупки или заключают сделки с продавцами и покупателями из других стран, включая использование маркетплейсы, и цифровой гражданский оборот предоставляет инструменты и правовые рамки для таких взаимодействий. Вместе с тем не все страны характеризуются равным уровнем собственного технологического развития, что, по мнению Е. Н. Смирнова, позволяет выявить две модели восприимчивости к таких технологиям:

1) страны с высоким инновационным потенциалом, не имеющие эффективных инновационных систем, претерпевают «цифровые трансформации»;

2) страны с низким инновационным потенциалом, но высоким уровнем заимствований зарубежных технологий испытывают «цифровые адаптации» [6, с. 560].

Таким образом, можно сказать, что основные факторы, которые легли в основу формирования гражданского оборота цифровых объектов, связаны с процессами технического прогресса и цифровизации. Мы стоим на пороге четвертой промышленной революции, однако главным импульсом стал момент создания первого компьютера. По мнению автора, именно от этого события следует отталкиваться при изучении генезиса цифровой среды как отправной точки возникновения цифровых объектов, а также при более глубоком и предметном исследовании факторов, лежащих в основе формирования гражданского оборота цифровых объектов. Установлено, такими факторами стали: технологический прогресс, повышение доступности и удобства, глобализация и международное взаимодействие.

Список литературы

1. Маньков И. А., Гаврилюк Е. С. Цифровая эволюция современного предприятия: анализ процессов автоматизации, цифровизации и цифровой трансформации // Прогрессивная экономика. 2024. № 3.

2. Петраков Н. А. Цифровое имущество как объект гражданских прав : дис. … канд. юрид. наук. М., 2024.

3. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: https://clck.ru/3FcDWW.

4. Роль веб-сайта в цифровой стратегии бизнеса: почему он необходим для продвижения вашей компании. URL: https://clck.ru/3FcERQ.

5. Санькова С. М., Брагин А. Н. Цифровая «зона комфорта» для потребителя // Научное обозрение. 2018. №1.

6. Смирнов Е. Н. Эволюция инновационного развития и предпосылки цифровизации и цифровых трансформаций мировой экономики // Вопросы инновационной экономики. 2018. № 4.

7. Юртайкин А. В. Генезис и эволюция понятия цифровой трансформации предприятия // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2023. № 4 (222).

Фам В. К.[1],
преподаватель
кафедры политической философии
и социально-гуманитарных наук
Народной полицейской Академии
Социалистической Республики Вьетнам,
кандидат психологических наук

Данг В. Х.[2],
преподаватель
кафедры юриспруденции
Народной полицейской Академии
Социалистической Республики Вьетнам,
кандидат юридических наук

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

Стремительное развитие Четвертой промышленной революции, основанной на цифровых технологиях, больших данных, искусственном интеллекте, интернете вещей и блокчейне, коренным образом изменило структуру собственности в современной экономике. Эти изменения не только создают новые виды собственности, но и напрямую влияют на традиционный механизм собственности, давно устоявшийся в гражданском праве. Процесс цифровизации размыл границы между материальными, нематериальными и цифровыми собственностями, вынуждая законодательство пересматривать фундаментальные понятия собственности, способы установления прав и меры их защиты.

Традиционная собственность изначально связана с физическими характеристиками, включая владение, пользование и распоряжение, основанные на способности собственника контролировать материальные объекты. Однако с развитием технологий собственность все больше оцифровывается. Ранее право собственности признавалось только тогда, когда субъект обладал способностью владеть и защищать собственность от посягательств со стороны другого субъекта. Сегодня собственность может существовать в форме цифровой информации, электронных записей, данных, шифрования, токенов или виртуальной собственности в онлайн-среде. Цифровая собственность может копироваться, передаваться и использоваться многими субъектами одновременно без потери оригинала, что полностью меняет традиционный механизм защиты собственности.

В цифровой среде физическое владение больше не имеет решающего значения. Обеспечение права пользования, права предотвращения вмешательства со стороны других лиц и права передачи собственности зависит от технических

[1] © Фам В. К., 2026.
[2] © Данг В. Х., 2026.

факторов, таких как криптографические ключи, механизмы цифровой идентификации или аутентификации в блокчейне. Таким образом, концепция «контроля» становится ключевым элементом. Именно поэтому Министерство торговли США ввело концепцию «контролируемых электронных записей» (CER) в ст. 12 Единого торгового кодекса (ETK) для создания четкой правовой основы для определения права собственности на цифровые собственности.

В Едином торговом кодексе США термин «контролируемая электронная запись» используется для описания цифровых активов (собственностей), которые сочетают в себе три основные характеристики:

1) имеют практическую ценность;

2) являются идентифицируемыми и исключаемыми (один человек владеет активом, другой не может использовать его одновременно);

3) могут передаваться в рамках гражданских сделок [3].

Введение концепции контролируемой электронной записи направлено на то, чтобы охватить все виды активов, существующих в форме электронных записей, от криптовалют и NFT до других контролируемых цифровых активов.

Важной тенденцией является развитие активов реального мира (RWA), представляющих собой внедрение реальных активов в цифровую среду посредством токенизации. Недвижимость, акции, облигации, товары или даже имущественные права могут быть разделены на токены для торговли. Это повышает ликвидность, сокращает время транзакций и снижает посреднические издержки. Раньше инвесторам было сложно получить доступ к активам, требующим больших капиталовложений или сложных процедур, но с токенизацией любой может владеть частью актива. Это изменение оказывает глубокое влияние на традиционную структуру владения активами и создает прямую конкуренцию между рынком цифровых и физических активов.

Цифровизация активов создала новый, децентрализованный и трансграничный механизм мобилизации капитала. Предприятия не только полагаются на банковские кредиты или традиционную эмиссию акций, но и могут выпускать токены, представляющие активы, для привлечения капитала из мирового сообщества. Это меняет финансовую экосистему, вынуждая традиционные рынки конкурировать с моделью децентрализованного финансирования (DeFi). Во многих случаях действующая правовая система не предвидела рисков, особенно в плане защиты инвесторов, кибербезопасности и контроля денежных потоков.

В последние годы цифровая экономика Вьетнама стремительно развивается как в сфере инфраструктуры, так и в сфере бизнеса, и считается одним из потенциальных рынков для развития предприятий в сфере цифровых технологий.

В период с 2023 по 2024 г. Вьетнам получит более 105 млрд долларов США в виде потоков капитала от рынка блокчейна, а прибыль в 2023 г. составит почти 1,2 млрд долларов США [1].

По данным Министерства информации и коммуникаций, к концу 2024 г. выручка отрасли цифровых технологий Вьетнама, по оценкам, достигнет 3 878 296 млрд донгов (около 151,86 млрд долларов США), внеся в государственный бюджет более 54 000 млрд донгов, что на 11,2 % больше по сравнению с 2023 г. (137 млрд долларов США) [4].

Возможность копирования цифровых активов неограниченное количество раз без каких-либо пространственных и временных ограничений сделала традиционный механизм защиты собственности недействительным. Такие правовые принципы, как право владения, право установления прав на бесхозные объекты, исковая давность или меры фактического владения, трудно применимы к цифровым активам. Вьетнамское законодательство по-прежнему использует общую концепцию нематериальных активов, но четких критериев для разграничения типов цифровых активов не существует, что приводит к ограничениям в применении гражданского, коммерческого и финансового права.

Закон «О цифровой технологической индустрии» заложил важную основу, впервые официально закрепив правовой статус цифровых активов в системе гражданского права Вьетнама. Соответственно, цифровые активы признаются особым видом активов, существующим в форме цифровых данных, создаваемых, хранящихся и передаваемых с помощью электронных средств и цифровых технологий [2]. Это признание не только теоретически подтверждает, что цифровые активы имеют экономическую ценность и могут участвовать в гражданских, коммерческих и финансовых отношениях, но и создает непосредственную основу для установления, осуществления и защиты прав собственности, прав эксплуатации и других гражданских прав субъектов в цифровой среде. Помимо определения понятия, Закон также возлагает на Правительство и специализированные органы управления обязанность подробно прописать критерии установления прав на цифровые активы, механизм идентификации, классификации и обращения с типами цифровых активов в зависимости от характера технологии, потребительной стоимости и уровня правового риска. Это свидетельствует о том, что Вьетнам подходит к вопросу о включении цифровых активов в единую систему управления, а не рассматривает их как исключительное технологическое явление. Примечательно, что принадлежность Вьетнама к группе стран с высоким уровнем владения, использования и торговли цифровыми активами в мире обусловила острую необходимость в достаточно всеобъемлющем и гибком правовом коридоре. Таким образом, легализация цифровых активов призвана не только отвечать практическим потребностям, но и демонстрировать стратегическое видение государства в области развития цифровой экономики и обеспечения правовой безопасности граждан и бизнеса.

Несмотря на достигнутые существенные результаты, правовая система Вьетнама должна продолжать совершенствоваться с целью обеспечить адекватное регулирование новых правоотношений, возникающих в цифровой среде. Четкое определение критериев признания объекта цифровым активом в соответствии с Гражданским кодексом представляет собой фундаментальное требование, поскольку оно позволяет разграничить активы с одной стороны и чисто информационные данные, не обладающие признаками объекта права собственности, – с другой. Одновременно необходимо выстроить механизм контроля, идентификации и аутентификации владельца в цифровом пространстве, обеспечивая прозрачность, минимизацию рисков мошенничества и защиту имущественных прав в спорах, связанных с установлением и подтверждением правомочий.

Классификация цифровых активов по целям использования, технологической основе и экономическим характеристикам является ключевым условием для разработки адекватной политики управления, поскольку цифровые активы обладают высокой степенью сложности и разнообразия: от персональных данных и виртуальных объектов в электронных играх до токенов, обеспеченных активами (asset-backed tokens), и иных финансовых продуктов, основанных на технологиях шифрования. Далее право должно четко закреплять меры защиты прав на цифровые активы, включая гражданско-правовые, административные и уголовно-правовые механизмы, чтобы обеспечить применение ответственности за нарушения права собственности в цифровой среде на уровне, сопоставимом с защитой традиционных материальных объектов.

Кроме того, чрезвычайно важным становится формирование прозрачных механизмов налогообложения, противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, а также защиты прав потребителей в сфере операций с цифровыми активами, учитывая стремительный рост цифровых транзакций и высокий уровень сопутствующих рисков. Правовая система должна продолжать адаптироваться таким образом, чтобы обеспечить гармоничное сочетание стимулирования инноваций и укрепления правовой безопасности, создавая основу для превращения цифровых активов в устойчивый структурный элемент цифровой экономики Вьетнама.

Цифровизация сформировала новый слой активов и кардинально изменила представления о праве собственности. Традиционные формы имущества перестают существовать изолированно и постепенно интегрируются в цифровое пространство посредством технологий шифрования и блокчейн. Это создает значительные возможности для экономического развития, одновременно выдвигая настоятельное требование совершенствования законодательства для обеспечения имущественных прав субъектов, стимулирования инноваций и защиты безопасности сделок в цифровую эпоху. Полноценная, гибкая и гармонизированная с международными стандартами правовая рамка станет ключевым условием устойчивого развития Вьетнама в глобальной цифровой экономике.

Список литературы

1. Ву Ле Минь. Создание правовой базы для цифровых активов: основные правила, опыт других стран и предложения для Вьетнама. URL: https://phaply.net.vn/xay-dung-khung-phap-ly-tai-san-so-nhung-che-dinh-cot-loi-kinh-nghiem-cac-nuoc-va-goi-mo-cho-viet-nam-a259198.html.

2. Закон № 71/2025/QH-15 от 14 июня 2025 г. «О цифровой технологической индустрии».

3. Нгуен Тхи Лонг. Завершение разработки правовой базы в области цифровых активов и права собственности на цифровые активы во Вьетнаме. URL: https://danchuphapluat.vn/hoan-thi-en-khung-phap-ly-ve-tai-san-so-va-quyen-so-huu-tai-san-so-tai-viet-nam-7614.html.

4. Отчет за 2024 г., задачи и перспективы на 2025 г. Министерства информации и коммуникаций (29 декабря 2024 г.).

Феребков С. А.[1]*,*
курсант
Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева

Научный руководитель:
Малькова М. В.,
старший преподаватель
кафедры гражданско-правовых дисциплин
Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева

ОХРАНОСПОСОБНОСТЬ ГИБРИДНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОЗДАННЫХ С УЧАСТИЕМ ИИ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

В качестве цели исследования рассматривается анализ доктринальных подходов к охраноспособности гибридных произведений и обобщение судебной практики, сложившейся в Российской Федерации.

Гибридные произведения, созданные с участием ИИ представляют собой новую эпоху в сфере творчества. Добавляя новые элементы в произведения или обрабатывая их с помощью ИИ, можно создать оригинальность, своеобразие и новшество данного произведения. Многие ученые не раз подтверждали тот факт, что человечество позитивно воспринимает уникальность и креативность объектов совместной работы человека и ИИ. Однако, гибридные произведения зачастую вызывают вопросы об авторстве и оригинальности, что требует особого внимания к правовым аспектам и сложившейся правоприменительной практики.

В соответствии с положениями ст. 1257 ГК РФ, единственным субъектом, который может быть признан автором, является физическое лицо (гражданин). В свою очередь ИИ не может обладать правосубъектностью, т. е. может являться участником правоотношений в данной сфере. Для предоставления охраны такому результату должны быть соблюдены следующие условия:

1) результат должен быть продуктом творческой деятельности человека, что подразумевает наличие оригинальности, новизны и уникальной формы выражения;

2) результат должен быть зафиксирован в какой-либо материальной форме (письменной, устной, в виде изображения, звуко-видеозаписи и т. д.), которая позволяет другим лицам ознакомиться с ним.

В рамках научной дискуссии о правовой охране произведений, созданных с использованием ИИ выделяется три научные доктрины:

---

[1] © Феребков С. А., 2026.

1) минималистский подход, заключающийся в праве на охрану произведения в тех случаях, когда творческий вклад человека был основным и решающим, а ИИ выступал исключительно в роли технического средства;

2) максималистский подход подразумевает охрану произведения даже с незначительным творческим участием человека;

3) умеренный подход рассматривает охрану произведения при условии существенного и подтверждаемого творческого вклада человека, даже если в процессе создания использовался ИИ. При этом ключевым является не количество, а качество и характер данного вклада (разработка сценария, концепции и пр.), при этом ИИ рассматривается как инструмент в руках автора.

На основе данного подхода сложилась действующая правоприменительная практика в Российской Федерации.

Переходя от общего регулирования к сущностным категориям, необходимо отметить, что искусственный интеллект представляет собой область, которая способна создавать системы, программы, выполнять определенные задачи. По мнению И. В. Понкина и А. И. Редькиной, искусственный интеллект – это «искусственная сводная кибернетическая компьютерно-программная-аппаратная система (электронная, в том числе – виртуальная, электронно-механическая, биоэлектронно-механическая или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия» [1, с. 91–109]. С помощью ИИ анализируются и обрабатываются большие объемы информации и данные, что позволяет сократить время и ресурсы. Также, ИИ используется и в творческом процессе.

При этом ключевая проблема заключается в том, что в российском законодательстве нет четкого определения понятий искусственный интеллект и гибридное произведение. В работе А. А. Галлямовой [2, с. 240–248] говорится о том, что понятие ИИ зависит от его разработки и применения, выделяя сильный и слабый ИИ в зависимости от сложности создания.

В данной работе под понятием гибридного произведения понимается креативная разработка совокупности мыслей, технологий, искусства интеллектуальных способностей человека и алгоритмов искусственного интеллекта. Гибридные произведения возникают, когда человек использует ИИ для расширения своих возможностей путем генерации новых идей, визуальных элементов, что может привести к образованию новых стилей и направлений в искусстве. При этом творцом и правообладателем является сам человек, а ИИ – лишь инструмент. Правовая охрана предоставляется гибридному произведению только потому, что в его основе лежит человеческое творческое начало. Данный подход согласуется с позицией международных институтов. Следует отметить, что в резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 г. четко указывается, что ИИ является электронным лицом и дополнением способностей человека, а не его заменой. Соответственно, ИИ не может являться субъектом правоотношений. Данный принцип находит отражение и в российском законодательстве: субъектом правоотношений является человек, «автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом ко-

торого создан такой результат» [3], значит автору или нескольким авторам принадлежит право авторства на законных основаниях. В ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) четко определены объекты авторских прав. Как отмечает А. Н. Артемова, для создания какого-либо произведения, даже с использованием ИИ, требуется причастность человека [4, с. 47–53]. Работы, созданные ИИ без присутствия человека должны являться народным достоянием без авторских прав.

В основе правового регулирования творческих результатов лежат положения части четвертой ГК РФ. В свою очередь Федеральный закон от 31 июля 2020 г. №258-ФЗ «Об искусственном интеллекте в Российской Федерации» вводит понятие ИИ, но не решает напрямую проблему охраны произведений, созданных с участием ИИ, Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» задает вектор для развития действующего российского законодательства. В качестве основы следует отметить судебную практику, именно она, как отмечалось выше, основана на умеренном подходе. Проиллюстрирую данное положение следующими примерами.

В деле №А40-200471/2023 [5] (Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30 ноября 2023 г., оставленное без изменения вышестоящими инстанциями) ответчик утверждал, что видеоролик, созданный с использованием технологии Deepfake, не является объектом авторского права, так как был сгенерирован нейронной сетью. Однако суд занял иную позицию, отметив, что технология Deepfake является дополнительным инструментом обработки (технического монтажа) видеоматериалов), а не способ их создания. Суд в свою очередь подчеркнул, что исходный творческий вклад человека (сценарий, видеосъемка и т. д.) остался неизменным, а технология была инструментом моушн-дизайнера. Таким образом, судебная практика идет по пути признания гибридного произведения охраняемым, если технология ИИ выступает инструментом, а не заменяет творческий процесс человека. Данное решение подтверждает, что использование даже самых передовых ИИ-инструментов само по себе не лишает произведение охраны. Важным остается наличие и доказуемость творческого вклада человека на предшествующих или сопровождающих этапах.

В деле № А42-3966/2023 [6] ответчик пытался оспорить иск, утверждая, что спорное изображение было сгенерировано через ИИ, следовательно, оно не может быть признано объектом гражданского права. Так, суд первой и апелляционной инстанции (Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 февраля 2024 г. №13АП-37912/2023 [7]) отклонил этот повод, указав, что истцом были представлены неоспоренные доказательства авторства и творческого вклада человека – наличие исходного файла 3D-модели (BLEND), который мог преобразовать в конечное изображение только его создатель. Таким образом наглядный пример демонстрирует, что заявления об использовании ИИ сами по себе не являются безусловным основанием для отказа в охране, если не опровергнут творческий вклад человека. Данное решение имеет процессуальную важность в силу того, что оно подчеркивает то, что бремя доказывания отсутствия творческого вклада человека лежит на стороне,

оспаривающей авторство. Наличие и предоставление исходных файлов, подтверждающий творческий процесс становится важным доказательством.

Обобщая вышеизложенную судебную практику, целесообразно сформировать критерии, которые суды фактически применяют для оценки охраноспособности гибридных произведений:

1) наличие и доказуемость творческого вклада человека: суды устанавливают, какие конкретные творческие решения (сценарий, съемка, создание исходной 3-д модели) были приняты человеком;

2) инструментальный характер ИИ: технология ИИ должна рассматриваться как инструмент (монтажа, обработки), а не как самостоятельный создатель – важно подчернуть, что судебная практика уже в настоящее время позволяет минимизировать риски неоправданного расширения охраны. Как показало дело № А40-200471/2023, суд проводит четкую границу между инструментальной ролью ИИ и творческим вкладом человека. Ответчик пытался сослаться на то, что видеоролик, созданный с применением Deepfake, не охраняется, но суд отклонил данный повод, поскольку технология была применена к изначальному произведению, созданному творческим трудом группы лиц. Таким образом, риск автоматической охраны результата, полученного с помощью ИИ, без проверки на наличие творческого вклада человека, в текущей практике отсутствует. Суды требуют доказывать именно человеческое участие;

3) владение и предоставление доказательств, связывающих автора с произведением: наличие исходных файлов, метаданных, подтверждающих процесс создания и авторство – в подтверждение данного тезиса, в рассматриваемых делах суды детально проанализировали представленные доказательства творческого процесса. В деле № А42-3966/2023 ключевыми доказательствами, подтвердившими авторство и творческих вклад, послужили: а) исходный файл 3-д модели с расширением BLEND, которым обладал автор; б) скриншоты, показывающие возможность открытия произведения в 3-д формате; в) видеозапись осмотра файла, где в свойствах изображения были указаны имя автора и высокое разрешение (7500×6000 пикселей), что свидетельствовало о преобразовании исходной модели автором. Суды руководствовались разъяснениями п. 55 ППВС РФ № 10, признавая скриншоты и видеозаписи, сделанные с указанием точного времени и адреса интернет-страницы, допустимыми доказательствами наравне с другими. Данное положение формирует важный прецедент для создателей гибридных произведений: необходимо сохранять и предоставить суду исходные файлы, фиксирующие процесс создания и их исключительную связь с автором;

4) важнейшим элементом является презумпция авторства, установленная ст. 1257 ГК РФ и бремя доказывания, получили развитие в практике по делам, связанным с ИИ. Лицо, указанное как автор, считается таковым, пока не будут представлены доказательства обратного, даже если использовался ИИ – так, в деле № А42-3966/2023 суд апелляционной инстанции, ссылаясь на п. 109 ПП ВС РФ №10, подтвердил, что, пока не доказано иное, автором считается лицо, указанной в качестве такового на оригинале или экземпляре произведения. Ответчик, заявляя о создании изображения нейросетью, не предоставил доказательств, опровергающих авторство Кочелаевского В. Г., чье имя было указано

в свойствах файла и на Интернет-ресурсах, где произведение было обнародовано. Напротив, истец предоставил убедительные доказательства творческого процесса и владения исходными файлами (3D-модель в формате BLEND), что и стало основанием для удовлетворения иска. Из этого следует практический вывод: бремя доказывания отсутствия творческого вклада человека лежит на стороне, оспаривающей авторство.

Таким образом, сложившаяся практика не позволяет безосновательно отказывать в правовой охране произведениям, созданным с применением новых технологий. В то же время охрана не предоставляется автоматически результатам, которые были полностью сгенерированы ИИ без творческого участия человека – данный подход является умеренным.

1. Предлагается разработать методику комплексной оценки творческого вклада личности, которая должна включать: систему качественных и количественных критериев; механизмы экспертного анализа; практические рекомендации по фиксации и документированию творческого процесса.

2. В том числе необходимо рассмотреть включение специальных норм в ГК РФ о произведениях, созданных с использованием ИИ, так как в настоящее время отсутствует прямое регулирование в ГК РФ, прослеживается высокий рост судебных споров, в том числе необходимо единообразие в практике.

3. Целесообразно ввести понятие «гибридное произведение» в ст. 1259 ГК РФ, закрепить презумпцию охраноспособности при доказанном творческом вкладе человека, установить перечень допустимых доказательств творческого вклада.

4. Предлагается дополнить п. 55 Постановления Пленума ВС РФ № 10 следующими разъяснениями: какие действия с ИИ считаются творческими (выбор промта, редактирование, композиция и т. д.), какие – технические (автоматическая обработка без вмешательства).

5. Для авторов рекомендуется сохранять все исходные материалы и метаданные, фиксировать этапы работы с ИИ (скриншоты, видео), заключать договоры с соавторами и ИИ-сервисами. Для правообладателей необходимо использовать лицензионные соглашения с указанием прав на ИИ-компоненты.

В заключении следует отметить, что охраноспособность гибридных произведений, созданный с участием ИИ, продолжает оставаться предметом обсуждения, что требует продолжения изучения в области науки и законодательной базы.

Список литературы

1. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Юридические науки». 2018. Т. 22. № 1.

2. Галлямова А. А. Авторское право на произведения, созданные с использованием технологий Искусственного интеллекта // Образование и право. 2023. № 4.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 24.11.2006 ч. 4 ст. 1257. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102110716.

4. Артемова А. Н. Авторское право в эпоху нейросетей // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2024. № 3.

5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19 августа 2024 г. № С01-1330/2024 по делу № А40-200471/2023. URL: https:// www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409465965/.

6. Решение Арбитражного суда Мурманской области от 28 сентября 2023 г. по делу № А42-3966/2023. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/FwFieV8L-kK65/.

7. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 февраля 2024 г. № 13АП-37912/2023 по делу № А42-3966/2023. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS013&n=435724#hNkus3VQlRKwXfyG1.

Филиппова А. И.[1]*,*
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ЧАСТНОЕ ПРАВО В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: КОМПЕТЕНТНЫЕ ЮРИСТЫ

Современное частное право, являясь фундаментальным инструментом регулирования имущественных и неимущественных отношений, оказывается на стыке классических правовых институтов и новых технологических вызовов, связанных с цифровизацией экономики, развитием распределенных информационных систем, смарт-контрактов, интеллектуальной собственности и оборотом данных. Подготовка юристов нового поколения должна опираться не только на классические знания гражданского права, но и на компетенции, обеспечивающие правовое сопровождение цифровых сделок, управление интеллектуальной собственностью, оборот данных и правовое обеспечение технологических платформ. Актуальность данной задачи усиливается в условиях международной нестабильности, санкционных ограничений и необходимости укрепления национального технологического суверенитета, что делает компетентностный подход стратегически значимым для системы юридического образования. Цель исследования заключается в концептуальном обосновании и разработке компетентностной модели подготовки специалистов в области частного права, интегрирующей классические правовые институты с требованиями цифровой экономики и задачами технологического суверенитета. Задачи исследования: проанализировать современные подходы к подготовке специалистов в области частного права с учетом цифровизации экономических процессов и трансформации гражданско-правовых институтов; определить ключевые компетенции, необходимые юристу нового поколения для правового сопровождения цифровых технологий, оборота данных и интеллектуальной собственности, а также предложить методические рекомендации по их интеграции в образовательные программы высших учебных заведений [1].

Компетентностный подход в юридическом образовании рассматривается как стратегическая необходимость, обусловленная усложнением социально-экономических отношений и характером правоприменительных задач.

По-мнению отечественных исследователей, формирование компетенций должно охватывать не только знание норм, но и умение применять их в конкретных частноправовых ситуациях, включая сделки с цифровыми активами, управление интеллектуальной собственностью и корпоративное регулирование в условиях цифровизации [5; 6].

Также авторы [4] отмечают необходимость формирования междисциплинарных компетенций, включающих цифровую грамотность, навыки правового

[1] © Филиппова А. И., 2026.

анализа данных и сопровождение технологических платформ. Аналогичные тенденции отмечаются и в зарубежной практике: в странах ЕС и США формирование цифровых компетенций у юристов становится стандартом профессиональной подготовки, обеспечивая адаптацию частноправовых институтов к условиям технологической трансформации.

Особое внимание в рамках рассматриваемой компетентностной модели уделяется именно частноправовому измерению образовательного процесса, заключающемуся в формировании у будущих юристов системного понимания и практических навыков в области *регулирования частных правоотношений,* возникающих между физическими и юридическими лицами, корпоративными субъектами и организациями, что приобретает особую значимость в условиях стремительной цифровой трансформации экономики и усиления технологического суверенитета государства.

В отличие от публичного права, где основное внимание уделяется государственному контролю, надзору и применению санкций, частноправовой подход направлен на *защиту и обеспечение правовых интересов субъектов гражданского оборота, гарантирование договорной автономии и стабильности имущественных и неимущественных правоотношений* [3].

Компетентностная модель предусматривает освоение молодыми специалистами ключевых гражданско-правовых и коммерческих институтов, навыков правового сопровождения сделок в цифровой среде, регулирования оборота данных и интеллектуальной собственности, а также способности применять полученные знания в практико-ориентированных ситуациях, включая судебные и корпоративные кейсы.

Частноправовой аспект современной образовательной модели юридических вузов выступает не только как инструмент формирования профессиональных компетенций, но и как стратегический механизм реализации национальных интересов, позволяющий через эффективное регулирование частных правоотношений обеспечивать технологический и экономический суверенитет государства [2].

Практическая значимость компетентностной модели подготовки специалистов в области частного права проявляется в нескольких направлениях:

Образовательная среда – внедрение модели в учебные программы обеспечивает формирование модулей по цифровому праву, интеллектуальной собственности и сопровождению цифровых сделок.

Судебная практика – подготовленные специалисты способны сопровождать сложные споры в сфере цифровых технологий, обеспечивать защиту имущественных и неимущественных прав, минимизировать правовые риски и способствовать соблюдению национального законодательства. Судебные кейсы крупных IT-компаний демонстрируют значимость частноправовых компетенций для эффективной защиты прав субъектов гражданского оборота [3].

Особое значение имеют научные лаборатории и секции при кафедрах, где обучающие участвуют в подготовке нормативных актов, правовых заключений по цифровым технологиям и сопровождении пилотных проектов по локализации IT-решений. К примеру, Конгресс молодых ученых демонстрирует устойчивый рост проектов, ориентированных на практическую реализацию компе-

тентностной модели, а президентские инициативы в сфере цифровой экономики способствуют интеграции образовательных проектов с государственными стратегическими задачами. Методологические подходы, обеспечивающие внедрение компетентностной модели, включают:

– интеграцию междисциплинарных компетенций, охватывающих гражданское, коммерческое, цифровое право, интеллектуальную собственность и оборот данных;

– системность и практико-ориентированность обучения, обеспечивающую применение знаний в судебных, корпоративных и образовательных ситуациях;

– адаптацию образовательных программ под стратегические задачи государства, включая обеспечение технологического и экономического суверенитета;

– мониторинг и оценку эффективности освоения компетенций через анализ результатов практической правоприменительной деятельности.

Реализация этих подходов позволяет формировать специалистов, способных действовать на стыке частного и технологического права, защищать интересы государства и граждан, повышать эффективность частноправового регулирования и сопровождать инновационные цифровые проекты.

Таким образом, компетентностная подготовка специалистов в сфере частного права является стратегическим приоритетом современной юридической науки и образования, формируя юристов нового поколения, способных эффективно обеспечивать защиту прав субъектов, сопровождать цифровую трансформацию экономики и укреплять технологический суверенитет государства.

Перспективы дальнейших исследований включают разработку специализированных учебных модулей по цифровому и технологическому частному праву, внедрение практико-ориентированных форм обучения, оценку эффективности образовательных программ, интеграцию международного опыта, а также развитие проектов для молодых ученых, ориентированных на реализацию компетентностной модели, включая участие в конгрессах и президентских инициативах. Реализация этих направлений позволит формировать устойчивую правовую среду, укреплять частноправовую культуру, повышать качество подготовки специалистов, способных эффективно действовать на стыке частного и технологического права, обеспечивать защиту прав субъектов и поддерживать технологический и экономический суверенитет государства в условиях глобальной цифровизации и технологической трансформации.

Список литературы

1. Трансформация права в цифровую эпоху : монография / под ред. А. А. Васильева. Барнаул : Алтайский государственный университет, 2020.

2. Филиппова А. И. Инновационные подходы к развитию гибких навыков (soft skills) педагога ведомственного высшего учебного заведения системы МВД России: формирование личностных и профессиональных компетенций // Альманах «Педагогический диалог» : сборник V Всероссийского научно-методического семинара, Москва, 19 февраля 2025 г. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025.

3. Филиппова А. И. Совершенствование подготовки юриста в сфере информационных технологий (IT) // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы : сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции, Курск, 24 марта 2022 г. Т. 2. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2022.

4. Шеховцов В. А., Парин Д. В. Право и юриспруденция в реалиях цифровой эпохи // Юридическая наука. 2019. № 12.

5. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253).

6. Filimonova E. A. Protection of the Right to Privacy in the Context of Digital Transformation of Society. Legal Order and Legal Values. 2025. № 3 (1).

Худокормова Д. А.[1],
курсант
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
Мельник С. В.,
профессор кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ КАК ОБЪЕКТ ЧАСТНЫХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

В наиболее развитых странах мира в последние десятилетия внедрение новых технологий стало ключевым фактором роста экономики и повышения уровня жизни населения. Использование новых технологий направлено на создание новых рынков, а также на повышение эффективности существующих процессов.

Стоит отметить, что технологии стали ключевым фактором привлечения инвестиций и рыночной капитализации компаний. При этом основными средствами обеспечения роста капитализации являются создание и оборот результатов интеллектуальной деятельности в сфере новых технологий.

Эта глобальная тенденция имеет особое значение для национальных экономик, ключевым этапом которых является создание наукоемкой продукции на собственной технологической основе.

Важнейшей особенностью развития российской экономики в текущей ситуации является запрос на получение конкретных практических результатов в наименьшие сроки с использованием отечественных технологий. Именно эта задача лежит в основе технологического суверенитета, предполагающего под собой способность страны самостоятельно обеспечить критически важные технологические потребности и минимизировать зависимость от иных государств, а также эффективно защищать свои национальные интересы в цифровом пространстве.

В настоящее время основным документом, определяющим государственную политику в сфере инновационного и технологического развития, является «Концепция технологического развития на период до 2030 года» (далее – Концепция) [1].

Как отмечается в Концепции, технологический суверенитет – наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества дости-

[1] © Худокормова Д. А., 2026.

гать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы [1, с. 11]

В рамках этой стратегической задачи, в условиях глобальной геополитической нестабильности и цифрового противостояния, одним из наиболее значимых и динамично развивающихся явлений стало появление и активное внедрение цифровых активов.

От криптовалют и токенов до цифровых прав и токенизированных активов, которые представляют собой новую форму воплощения интеллектуальной деятельности, напрямую влияющую на формирование новых рынков и повышение эффективности существующих.

Однако их нематериальная природа и неустойчивый характер ставят перед правовой системой беспрецедентные вызовы в части их квалификации, оборота и защиты частных прав. В условиях, когда технологический суверенитет становится требованием национальной политики, а цифровые активы – неотъемлемой частью инновационной экономики, возникает острая необходимость в адекватном правовом регулировании, способном обеспечивать безопасное функционирование, не подрывая при этом основы национальный безопасности экономического контроля.

Несмотря на тот факт, что становление цифровой экономики является одним из основополагающих частей развития государства, наблюдаются и противоречия взглядов на наличие ее отдельных элементов, к примеру, на один из видов цифровых финансовых активов (криптовалюты), которые формально противоречат Конституции РФ. Противоречивость заключается в прямом запрете на применение иных денежных знаков кроме рубля на территории государства, зафиксированное в федеральном законе «О центральном банке Российской Федерации (Банке России) [2].

В отношении цифровых активов долгое время велась дискуссия о признании их объектами гражданских прав. Но в конечном итоге на сегодняшний день они признаны, о чем свидетельствует закрепление в ст.ст. 128 и 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [3].

Вместе с тем, подобное признание не означает, что эти объекты получают адекватное правовое признание по причине того, что их специфика не позволяет распространить на них в полном объеме действующее гражданское законодательство [4]. В отличие от традиционных объектов гражданских прав они подчиняются в первую очередь технологическим закономерностям оборота, что и должно найти отражение в дальнейшей правовой регламентации.

В настоящим момент, правовое регулирование отношений, предметом которых являются цифровые объекты является ФЗ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который в целом впервые раскрыл в себе понятие «цифровая валюта» [5].

Для цифровых объектов характерно многообразие и различия в содержании. Среди них можно выделить криптовалюты, страницы в социальных сетях, доменные имена и иной цифровой контент.

Единый признак для них – это цифровая форма, т. е. выражение цифрового объекта через программный код, применение которого возможно только с использованием специального оборудования и в соответствующей программе. Цифровым объектам не требуется вещественное подтверждение для участия в правоотношении, они не являются вещами в традиционном понимании.

Взяв во внимание ст. 13 вышеуказанного ФЗ, стоит отметить, что выпускать цифровые финансовые активы (далее – ЦФА) могут юридические лица, как крупные компании, так и малые бизнесы. Пользователь подает заявку на покупку или продажу ЦФА через информационную систему, затем оператор фиксирует сделку и автоматически инициирует расчеты. В целом сделка выполняется по смарт-контракту, ЦФА переходят к нему без посредников.

Российское законодательство делает попытку инкорпорировать цифровые активы в существующую правовую систему, но сталкивается с их однородностью. Так, виртуальное имущество представляет ценность только в рамках конкретного несуществующего мира и вне его просто не существует.

Один цифровой объект может включать в себя несколько единиц программного обеспечения, соответственно иметь несколько собственников.

Входе чего встает острый вопрос о владении цифровой информацией.

Аккаунты не могут рассматриваться как имущество пользователя, но хранящаяся на них на них информация может включать себя объекты, которые могут иметь имущественную ценность в реальном мире.

Необходимо отметить, что государство, легализуя оборот финансовых активов, предприняло множество мер, чтобы упорядочить деятельность на рынке ЦФА и обеспечить высокий уровень контроля за информационными системами в данной сфере. Несмотря на все попытки упорядочивания данной системы, проблема регулирования привлекает много внимания.

Доступ к ЦФА могут иметь только обладатели такого актива, а также и иные лица прямо предусмотренные законом. Все операции по обороту ЦФА происходят через оператора информационной системы, основанной на технологии блокчейн, которая включает в себя также недочеты.

В первую очередь это децентрализация. Информация распределена во всем мире на множестве узлов, нет единого центра управления или сервера, на котором она хранилась бы полноценно. После записи в блокчейн информацию невозможно изменить или удалить без оставления следа. Все транзакции видны всем участникам сети.

Технологический суверенитет – это не только способность создавать новые технологии, но и способность обеспечивать их безопасность, использование, а также минимизировать зависимость от иностранных поставщиков.

Перед Российской Федерацией сейчас стоит множество санкций, киберугроз, которые требуют обеспечения экономической стабильности.

Цифровой рубль используется как инструмент снижения зависимости от иностранных платежей, контроля за денежным обращением. Существует множество рисков от их оборота: отток капитала, уязвимость онлайн кошельков и риски потеря контроля над национальными активами.

Цифровые активы представляют собой качественно новый объект частных прав, требующий глубокой правовой переработки. Вопрос эффективного правового регулирования – это не просто вопрос гражданского оборота, но и критически важный элемент стратегии по формированию технологического суверенитета. Без контроля над цифровыми активами и инфраструктурой невозможно обеспечить полную независимость в цифровой сфере.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. №1315-р «О Концепции технологического развития на период до 2030 г.» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Сидоренко Э. Л. Криптовалюта как новый юридический феномен // Общество и право. 2016. № 3 (57).

5. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Чинь Д. З.[1],
преподаватель политического отдела
Академии народной полиции
Министерства общественной безопасности,
доктор юридических наук

ЗАКОН О ДАННЫХ ВО ВЬЕТНАМЕ: НОВАЯ ЭПОХА В РАЗВИТИИ ЧАСТНОГО ПРАВА

I.Постановка задачи.

Эта эпоха принесла глубокие изменения: данные стали считаться «новым черным золотом» или «бесценным активом» XXI в. В XXI в. наблюдается бурный рост экономики данных – экономической модели, которая рассматривает данные как основной актив и движущую силу роста. Данные называют «новой нефтью» – это не только информация, но и стратегический фактор, определяющий национальную конкурентоспособность и процветание бизнеса. В этом контексте Вьетнам, страна, решительно реализующая Национальную стратегию цифровой трансформации, глубоко осознает, что: бурное развитие цифровых технологий должно сопровождаться строгой правовой базой для управления, использования и защиты информационных ресурсов.

Однако долгое время правовое регулирование данных во Вьетнаме было разрозненным, не обладало целостностью и не могло охватить все аспекты цифровой экономики. Ситуация с покупкой, продажей и утечкой персональных данных осложняется, что приводит к потере доверия и серьезной угрозе конфиденциальности граждан. В то же время отсутствие четкого правового механизма препятствует эффективному использованию огромного объема данных, особенно общедоступных, и формированию профессиональных рынков данных.

Принятие Указа № 13/2023/НД-КП о защите персональных данных и активное развитие Вьетнамом Закона о цифровых данных ознаменовали собой исторический поворотный момент, официально открыв новую эру в развитии законодательства о данных во Вьетнаме. Закон о данных был принят Национальным собранием Вьетнама 30 ноября 2024 г. и вступил в силу с 1 июля 2025 г., став первым законом Вьетнама, специализирующимся на цифровых данных. Это не только важный юридический акт, но и важный поворотный момент в процессе создания институтов для развития цифровой экономики, цифрового общества и цифрового правительства; это создание прочной основы, обеспечивающей баланс между двумя параллельными целями. Это усиление защиты конфиденциальности и законных интересов граждан. С другой стороны, это создает правовой коридор, позволяющий данным стать движущей силой устойчивого и надежного развития национальной цифровой экономики, подтверждая решимость Вьетнама защищать суверенитет данных и продвигать инновации.

II. Законодательство о данных во Вьетнаме открывает новую эру в частном правотворчестве.

---

[1] © Чинь Д. З., 2026.

В последние годы Вьетнам бьет тревогу по поводу проблем с данными. Незаконный сбор и торговля персональными данными происходят открыто, начиная от информации о клиентах банковских и страховых компаний, медицинских карт и заканчивая данными о местоположении. Отсутствие комплексного правового документа и достаточно жестких санкций привело к тому, что люди и компании не знали, как защитить себя и кто в конечном итоге будет нести ответственность. Кроме того, сложно извлекать экономическую выгоду из данных. Несмотря на то, что данные государственных органов очень обширны и ценны, не существует четкого правового механизма для их эффективного и безопасного обмена, объединения и использования в общественных целях или создания новых услуг для общества.

Ст. 21 Конституции Социалистической Республики Вьетнам 2013 г. устанавливает «неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны; запрещает сбор и публикацию информации о частной жизни и личной тайне без согласия» [3, с. 3]. Положения о персональных данных конкретизируют эти конституционные права в киберпространстве. В Национальной стратегии развития цифровой экономики и цифрового общества до 2025 г. с перспективой на период до 2030 г. также говорится: «четко обозначить создание и совершенствование институтов и законов в области цифровых данных как один из главных приоритетов» [2, с. 1].

Развитие законодательства о данных во Вьетнаме невозможно отделить от общей мировой тенденции. Европейский союз (ЕС) принял Общий регламент по защите данных (GDPR), который считается мировым золотым стандартом. GDPR сформировал такие основные принципы, как право на забвение, защита данных по замыслу (Частный по дизайну) и строгие требования к трансграничной передаче данных.

Вьетнам принял Указ № 13/2023/НД-КП от 17 апреля 2023 г., вступающий в силу с 1 июля 2023 г. Он учитывает и интегрирует многие из этих передовых принципов. Закон о данных был принят Национальным собранием Вьетнама 30 ноября 2024 г. и вступит в силу с 1 июля 2025 г. Это не только поможет Вьетнаму защитить своих граждан, но и создаст благоприятные условия для вьетнамского бизнеса при сотрудничестве с международными партнерами, особенно европейскими компаниями, которые требуют от партнеров соблюдения аналогичных стандартов защиты данных.

Новая правовая эра основана на двух прочных принципах, одновременно затрагивающих два аспекта: защиту конфиденциальности и содействие использованию ценности данных. В частности, это:

Во-первых, Указ от 17 апреля 2023 г. № 13/2023/НД-КП и Закон о данных, принятый Национальным собранием Вьетнама 30 ноября 2024 г. и вступивший в силу с 1 июля 2025 г., считаются прорывными вехами, поскольку впервые появился подзаконный документ, всесторонне регулирующий персональные данные.

В Указе четко классифицируются основные персональные данные (имя, дата рождения, адрес, род занятий) и конфиденциальные персональные данные (состояние здоровья, судимость, генетические данные, финансовые данные). Эта классификация носит научный характер, поскольку конфиденциальные данные

требуют гораздо более высокого уровня безопасности и согласия. В Указе изложены восемь принципов защиты персональных данных, важнейшим из которых является принцип согласия (обработка данных должна осуществляться с явного и добровольного согласия субъекта, за исключением случаев, предусмотренных законом). Это важнейший принцип, передающий контроль над данными пользователю; принцип подотчетности (обработчики данных должны демонстрировать соблюдение правил защиты данных. Ответственность заключается не только в словах, но и в конкретных действиях). Указ предоставляет гражданам Вьетнама беспрецедентные в истории информационного права полномочия, такие как право отзыва согласия, право удаления данных и право возражать против обработки.

Закон о данных был принят Национальным собранием Вьетнама 30 ноября 2024 г. и вступит в силу с 1 июля 2025 г. Он состоит из 5 глав и 46 статей. Закон распространяется на все отечественные и иностранные организации и частных лиц, участвующих в деятельности, связанной с цифровыми данными во Вьетнаме, с соблюдением единых требований прозрачности, безопасности и совместной ответственности при сборе, обработке и обмене данными.

Для компаний, работающих по всему миру, Указ № 13/2023- НД-КП от 17 апреля 2023 г. и Закон о данных, принятый Национальным собранием Вьетнама 30 ноября 2024 г. и вступивший в силу с 1 июля 2025 г., устанавливают строгие правила передачи персональных данных вьетнамцев за границу. Организации, передающие данные, обязаны проводить оценку воздействия и предоставлять отчеты в Министерство общественной безопасности. Цель этого правила – обеспечить защиту данных граждан Вьетнама даже при их хранении на серверах за рубежом, что является ключевым требованием национальной защиты данных.

Во-вторых, управление цифровыми данными и их использование.

Помимо защиты данных, Вьетнаму необходим специализированный правовой документ, регулирующий использование данных. Это послужило основой для разработки Закона о данных во Вьетнаме. Закон о данных был принят Национальным собранием Вьетнама 30 ноября 2024 г. и вступил в силу с 1 июля 2025 г. в соответствии с процедурой, принятой на первой сессии, с целью содействия применению науки и технологий для обеспечения национальной цифровой трансформации, построения цифрового правительства, цифровой экономики, цифрового общества; создания правовой основы для внедрения и осуществления прорыва в комплексной цифровой трансформации во всех областях экономики, общества, национальной обороны, безопасности, иностранных дел и государственного управления. Закон состоит из 6 глав и 46 статей, регулирующих основное содержание цифровых данных; создание, разработку, защиту, администрирование, обработку и использование цифровых данных; Национальный центр данных, национальную комплексную базу данных; цифровые продукты и услуги; права, обязанности и ответственность учреждений, организаций и лиц, связанных с деятельностью в области цифровых данных...

Ожидается, что Закон о данных создаст правовую основу для формирования рынка данных. В частности, будут определены концепция и роль новых организаций, таких как биржи данных и посреднические службы данных. Электрон-

ные биржи – это прозрачные и безопасные площадки для покупки, продажи и обмена анонимными или агрегированными наборами данных, превращая их в торгуемые товары и активы. Посреднические службы данных выступают в качестве доверенной третьей стороны, помогая владельцам данных безопасно и законно обмениваться данными, создавая доверие к пользователям при участии в процессе интеллектуального анализа данных.

Кроме того, правительственные данные представляют наибольшую экономическую и социальную ценность. Закон о данных устанавливает механизм предоставления, использования и распространения публичных данных на систематической и безопасной основе. Публикация открытых данных не только повышает прозрачность, но и создает условия для стартапов и исследователей, позволяя им использовать данные для разработки новых приложений и государственных услуг, принося прямую пользу обществу. Например, для оптимизации дорожного движения, медицинских услуг, страхования, медицинского обследования и лечения людей...

III. Проблемы и последствия Закона о данных в будущем.

В условиях масштабных изменений в мире и стремительного развития киберпространства, разработка частного права в целом и Закона о данных в частности в ближайшем будущем столкнется во Вьетнаме с рядом трудностей и окажет серьезное влияние. В частности, это:

Во-первых, проблемы бизнес-сообщества во Вьетнаме.

Новые нормативные акты, в частности Указ № 13/2023/ НД-КП от 17 апреля 2023 г. и Закон о данных, принятый Национальным собранием Вьетнама 30 ноября 2024 г. и вступивший в силу с 1 июля 2025 г., создают бремя соблюдения правовых норм для предприятий, особенно малых и средних предприятий (МСП). Компании должны инвестировать в системы безопасности, изменять процедуры сбора и обработки данных и проводить оценку влияния на защиту данных. Компании сталкиваются с кадровыми проблемами, такими как потребность в команде экспертов по правовым вопросам и информационным технологиям, которые разбираются в нормативных актах и умеют разрабатывать эффективные политики безопасности. Многие компании испытывают нехватку специалистов с такими навыками.

Во-вторых, проблемы для регулирующих органов и правовой системы.

Правоохранительные органы всегда являются наиболее сложной частью существующей правовой системы. Вьетнаму необходимо создать или назначить специализированное агентство с достаточными полномочиями и возможностями для контроля за соблюдением Декрета № 13 «О данных». Этот механизм контроля должен предусматривать наличие механизма регулярных и внеплановых проверок и аудитов, чтобы гарантировать, что организации, занимающиеся обработкой данных, особенно крупные технологические предприятия, не нарушают закон. Управляющим органам необходимо в ближайшее время пересмотреть и внести поправки в ряд соответствующих законов и постановлений, чтобы обеспечить согласованность и избежать дублирования или противоречий между действующими правовыми документами и новым Законом о данных.

В-третьих, Закон о данных будет иметь социальные последствия и возможности для сотрудничества.

С социальной точки зрения, Закон о данных был принят Национальным собранием Вьетнама 30 ноября 2024 г. и вступит в силу 1 июля 2025 г. Его принятие и реализация на практике значительно повысят осведомленность людей о правах на неприкосновенность частной жизни, заставив их быть более осторожными при предоставлении личной информации. С экономической точки зрения, Закон о данных имеет четкую правовую основу, что создает для Вьетнама конкурентное преимущество на международном уровне. Иностранные инвесторы, особенно в сфере высоких технологий и финансов, будут чувствовать себя более уверенно, инвестируя во Вьетнам. Инвесторы знают, что данные клиентов и компаний защищены в соответствии с международными стандартами и правилами. Закон о данных – это обязательство по обеспечению прозрачности и надежности цифровой бизнес-среды во Вьетнаме.

IV. Некоторые решения по развитию права данных во Вьетнаме

В наступающее время – новую эру в развитии частного права в целом и Закона о данных в частности - для достижения максимальной эффективности Вьетнаму необходимы синхронные решения и четкая направленность развития. В частности, необходимо реализовать ряд следующих мер:

Во-первых, Вьетнаму необходимо усовершенствовать и конкретизировать законодательство.

В ближайшее время Вьетнаму необходимо уделить первоочередное внимание скорейшему внедрению Закона о данных 2025 г. и обнародовать подробные, понятные и простые в применении руководящие документы (такие как циркуляры, подробные инструкции, особенно касающиеся процесса оценки воздействия на защиту данных, процедур трансграничной передачи данных и т. д.). Необходимо гибко адаптировать нормативные акты к стремительному развитию технологий искусственного интеллекта и больших данных. Вьетнаму также необходимо пересмотреть соответствующие законы, такие как Закон о кибербезопасности, Закон об электронных транзакциях, Закон о телекоммуникациях и т. д. Для обеспечения отсутствия дублирования или конфликтов с новыми правилами в отношении данных, необходимо создать единую правовую систему. Кроме того, Вьетнаму необходимо сосредоточиться на разработке технических стандартов информационной безопасности и четких, научных процессов оценки воздействия на защиту данных, чтобы компании могли эффективно их применять. Закон должен соответствовать обязательным техническим стандартам, например, стандартам анонимизации данных и шифрования персональных данных. Это поможет поставщикам технологических услуг с самого начала получить основу для проектирования систем безопасности, избегая неточностей в дальнейшем.

Во-вторых, Вьетнаму необходимо продолжать развивать образовательную, обучающую и пропагандистскую деятельность.

Законы имеют ценность только тогда, когда люди их знают и соблюдают. В цифровой среде знание принципов конфиденциальности – первый и самый важный барьер защиты. Если люди не четко понимают право на «отзыв согласия» или «право на удаление данных», нормативные акты, какими бы строгими

они ни были, будут малоэффективны. С другой стороны, если компании не осознают правовых и экономических рисков нарушений, они будут легко игнорировать их соблюдение. Необходимо провести широкомасштабную кампанию по упрощению правил, чтобы люди понимали свои права, а компании – свои обязанности. В частности, необходимо включить вопросы информационной безопасности и защиты данных в образовательные программы и программы подготовки юридических и технических специалистов, специализирующихся на работе с данными. Вьетнаму необходимо организовать общенациональные коммуникационные кампании, используя простой, понятный и интуитивно понятный язык для объяснения прав и обязанностей граждан. Необходимо сосредоточиться на изменении поведения. Например, будьте осторожны, предоставляя личную информацию в социальных сетях.

Кроме того, Вьетнаму необходимо разработать специализированные программы обучения по законодательству в области данных и управлению рисками для юристов, технических экспертов и государственных служащих. Крупные предприятия должны иметь ведущих экспертов в области защиты данных, обладающих хорошей подготовкой и богатым опытом. Управляющие органы также должны предоставлять предприятиям документы, курсы и обучение по защите данных (например, Департамент информационной безопасности, Департамент кибербезопасности организуют учебные курсы и т. д.).

В-третьих, Вьетнам должен активно и эффективно инвестировать в технологическую инфраструктуру и безопасность данных.

Государству и предприятиям необходимо активно инвестировать в современные технологические решения, такие как шифрование данных и блокчейн-технологии для управления данными, чтобы повысить безопасность и прозрачность данных. Управляющим органам также необходимо оснастить себя передовыми цифровыми инструментами для эффективного и автоматического мониторинга и проверки соблюдения требований. Вьетнаму необходимо укреплять международное сотрудничество со странами по всему миру и международными агентствами по защите данных для борьбы с транснациональными нарушениями, обеспечивая при этом, чтобы транснациональные технологические компании также несли ответственность за обработку данных вьетнамских граждан.

Короче говоря, рождение и принятие Закона о данных во Вьетнаме, основой которого стал Указ правительства № 13/2023/НД-КП от 17 апреля 2023 г., является не только важной законодательной вехой, но и началом новой эры – эры баланса между технологическими инновациями и защитой человека. Новая правовая база превратила данные из рискованной «серой зоны» в идентифицированный актив, строго защищенный, но при этом поощряемый к контролируемому использованию.

Это приносит двойную пользу: укрепляет доверие людей к киберпространству и одновременно раскрывает огромный экономический потенциал данных. Закон о данных – ключ к достижению Вьетнамом цели развития устойчивой и справедливой цифровой экономики и интеграции в международную цифровую экономику. Благодаря согласованным усилиям государства, бизнеса и все-

го общества Вьетнам уверенно движется к созданию надежного и процветающего цифрового общества, где технологии служат людям, а данные создают реальную ценность для жизни.

Список литературы

1. Правительство Социалистической Республики Вьетнам (2023), Указ № 13/2023/НД-КП от 17 апреля 2023 г. «О защите персональных данных, Ханой».

2. Правительство (2025), Национальная стратегия развития цифровой экономики и цифрового общества до 2025 г. с перспективой до 2030 г., Ханой.

3. Национальное собрание Социалистической Республики Вьетнам (2013), Конституция Социалистической Республики Вьетнам, Ханой.

4. Национальное собрание Социалистической Республики Вьетнам (2015), Закон о сетевой информационной безопасности № 86/2015/QH13, Ханой.

5. Национальное собрание Социалистической Республики Вьетнам (2024), Закон о данных № 60/2024/QH15, Ханой.

Чулкова М. Р.[1]*,*
преподаватель кафедры
гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

РОЛЬ ДОГОВОРА ПРИ ОПЕРАЦИЯХ С ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТОЙ

Динамичное развитие цифровой экономики предопределяет изменения во всех отраслях права, включая, естественным образом, гражданские правоотношения. Переход общественных отношений в цифровую среду порождает новые способы коммуникации между субъектами права, новые цифровые возможности и появление новых виртуальных платформ для реализации финансовых операций. Все эти условия диктуют российскому гражданскому праву необходимость переценить и расширить объекты гражданских прав, в частности цифровые права и цифровую валюту. Как известно, цифровые права интегрированы в конструкцию ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ), в то время как правовое регулирование цифровой валюты не регламентировано настоящим Кодексом. Не решило данную проблему и принятие Федерального закона от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В этой связи возникает много дискуссионных вопросов, касающихся правового статуса цифровой валюты и ее нормативного регулирования в гражданском обороте. На фоне этой правовой неопределенности важно определить роль и назначение договора как основного инструмента регулирования общественных отношений при операциях с цифровой валютой.

Прежде всего важно отметить, как традиционная цивилистическая теория договора, изложенная в трудах Д. И. Мейера, О. С. Иоффе, Г. Ф. Шершеневича, Б. М. Гонгало, В. В. Витрянского, Е. А. Суханова, сейчас адаптируется в условиях цифровизации гражданского права и применяется в контексте цифровых активов, обладающих особой правовой природой. В доктрине гражданского права договор традиционно принято рассматривать как:

1) соглашение;
2) сделку;
3) юридический факт;
4) правоотношение (обязательство);
5) документ (правовой акт) [1, с. 257].

Существует мнение, что договор выступает, во-первых, как основание договорных обязательств, во-вторых, как средство гражданско-правового регулирования и, в-третьих, как индивидуальный договорный акт, т. е. соглашение субъектов права [2, с. 330–332]. Законодатель же определяет договор как соглашение двух и более лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав

[1] © Чулкова М. Р., 2026.

и обязанностей в соответствии с п. 1 ст. 420 ГК РФ. Как отмечал М. М. Агарков, договор представляет собой «юридическую форму экономического обмена» и выступает универсальным инструментом оборота имущественных благ [3, с. 335]. Вследствие этого договорные конструкции неизбежно адаптируются под новые экономико-технические реалии.

Цифровая валюта, как указывают современные исследователи, характеризуется как «цифровой объект гражданского оборота», требующий комплексного регулирования имущественных интересов участников через договорные механизмы. Применительно к цифровой валюте договор приобретает фундаментальное значение, поскольку сама возможность осуществления правомочий, связанных с владением и распоряжением цифровыми активами, оказывается тесно связанной с условиями, которые стороны формируют при заключении гражданско-правовых договоров. Как отмечал О. С. Иоффе, договор – это юридический факт, который не только фиксирует волю сторон, но и «организует их правовое взаимодействие», создавая обязательственное отношение как правовую форму координации интересов [4]. В операциях с цифровой валютой эта организация предполагает фиксацию технических условий транзакций, определение статуса цифрового актива, а также распределение рисков и применение мер ответственности, что существенно расширяет классическое понимание договора.

Следует подчеркнуть, что появление операций с цифровой валютой возвращает к дискуссии о волевой и нормативной природе договора как результата согласования интересов сторон посредством их волеизъявления и конкретных правовых действий. В юридической литературе договор представляет собой основной юридический инструмент организации гражданского оборота, посредством которого субъекты права реализуют субъективные права и обязанности в целях удовлетворения экономических интересов. Однако в цифровой среде волеизъявление все чаще реализуется через программный код, что, по мнению современных ученых формирует «новый тип опосредованного договора». В этом смысле традиционный договор переходит в категорию смарт-контракта, и соответственно волеизъявление выражается не в традиционном юридическом тексте, а в параметрах смарт-контракта [5]. Тем не менее, как подчеркивал С. С. Алексеев, любое техническое средство не изменяет сущности договора как нормативного регулятора поведения сторон: юридическая сила возникает не из алгоритма, а из правового признания соглашения.

По мнению Л. Г. Ефимовой, в смарт-контрактах факт волеизъявления сторон имеется, однако способ его фиксации необычен для традиционного права (в виде компьютерной программы). Стороны также достигают соглашения путем принятия условий смарт-контракта и фиксируют свое намерение с помощью компьютерного кода. Безусловно, есть две противоречивые концепции, сторонники первой – не признают смарт-контракт классическим договором, считая, что это лишь автоматизированная компьютерная программа; вторые – рассматривают смарт-контракт традиционным договором с признаками IT-технологий. Полагаю, что без должной законодательной регламентации рано признавать смарт-контракт договором, хотя все признаки договора в таком имеются [5, с. 85–98]. В теории права существует мнение, что такой вид совре-

менного договора становится механизмом, конкретизирующим параметры цифровой валюты: условия владения ключами, порядок подтверждения транзакций, ответственность за утрату доступа к активам, режим хранения и передачи цифровых единиц.

Следующим важным аспектом является распределение рисков. Цифровая валюта характеризуется высокой волатильностью, технологическими рисками, возможностью утраты данных, зависимостью от инфраструктуры блокчейна. Как подчеркивал В. В. Витрянский, договорное регулирование позволяет создавать эффективные модели распределения рисков между сторонами, предотвращать неопределенность и обеспечивать баланс интересов. В рамках операций с цифровой валютой это приобретает особую актуальность: договор должен предусматривать возможные риски кибератак, сбой смарт-контрактов, и иных технических и экономических факторов. Учитывая, что традиционные нормы ГК РФ в полной мере не регулируют данные ситуации, договор становится ключевым инструментом правовой защиты участников гражданского оборота. В этом смысле договор выполняет функцию обеспечения доверия, создавая прозрачные правила взаимодействия, нивелируя между субъектами гражданского оборота правовые неопределенности. Такой позиции придерживается О. А. Красавчиков, который отмечал социально-организационную роль договора как средства «преодоления неопределенности» и установления стабильных отношений между субъектами гражданского оборота [6].

Примечательно, что цифровая валюта осложняет и вопрос квалификации обязательств. Многие сделки с цифровой валютой сочетают элементы купли-продажи, оказания услуг, договора хранения, доверительного управления и иных источников обязательств, что приводит к усложнению договорных конструкций. Несмотря на это, договор остается формой, способной гибко интегрировать комплексные элементы, поскольку, как подчеркивал О. С. Иоффе, смешанные договоры представляют собой проявление принципа свободы договора и естественного развития частноправовых отношений [4].

Особое значение договор приобретает при определении правового режима цифровой валюты как имущества. В связи с отсутствием вещно-правовой природы цифровой валюты договор становится инструментом, обеспечивающим оборотоспособность такого актива. Он фактически «создает» правомочия сторон, поскольку, как отмечал С. С. Алексеев, содержание субъективного права формируется не только нормой закона, но и соглашением, которым стороны конкретизируют набор прав и обязанностей. Таким образом, договор становится способом «юридизации» цифровой валюты, превращая технический феномен в объект гражданского права.

Таким образом, институт гражданско-правового договора продолжает активно развиваться в результате цифровой трансформации. Роль договора при операциях с цифровой валютой определяется несколькими ключевыми факторами. Во-первых, договор обеспечивает правовую определенность статуса цифрового актива, что особенно важно при отсутствии развитого законодательства. Во-вторых, договор создает нормативную основу для осуществления операций, распределения рисков и формирования обязательств. В-третьих, договор ком-

пенсирует техническую сложность цифровой среды, выступая инструментом защиты интересов сторон. В-четвертых, договор становится медиатором между правовой и алгоритмической системами, формируя механизм согласования человеческого волеизъявления и автоматизированного исполнения. И наконец, договор способствует интеграции цифровой валюты в гражданский оборот, сохраняя принципы частноправового регулирования, сформулированные в классической цивилистике.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод, что договор остается центральным элементом правовой регуляции операций с цифровой валютой. Он сохраняет свою дуалистическую природу – одновременно волевую и нормативную – и демонстрирует способность адаптироваться к новым цифровым реалиям, что подтверждает эволюционный характер гражданского права.

Список литературы

1. Казанцев М. Ф. Понимание гражданско-правового договора: традиционные взгляды и новые подходы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2002. № 3.

2. Чеговадзе Л. А. Договор как нормоустановительный источник частного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 60.

3. Агарков М. М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 3–4 (по изданию: Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву. Т. II. М., 2002).

4. Иоффе О. С. Обязательственное право. М. : Юридическая литература, 1975.

5. Ефимова Л. Г., Михеева И. В., Чуб Д. В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4.

6. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве // Категории науки и гражданского права: Избранные труды : в 2 т. Т. 2. М. : Статут, 2005.

7. Гонгало Б. М., Крашенинников П. В. Общеизвестное о договоре // развитие основных идей гражданского кодекса России в современном законодательстве и судебной практике : сборник статей, посвященный 70-летию С. А. Хохлова ; отв. ред. С. С. Алексеев. М., 2011.

Шайдаев М. Ш.[1]***,***
ведущий научный сотрудник Центра
сопровождения научно-исследовательских
и опытно-конструкторских работ
в области информационных технологий
Научно-исследовательского института
специальной техники СТиС
МВД России, кандидат юридических наук

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Сложившаяся мировая геополитическая ситуация вносит соответствующие коррективы в жизнь нашей страны. На повестке сегодняшнего дня остро встает вопрос о необходимости импортозамещения в различных сферах экономической деятельности Российской Федерации.

В общем понимании, импортозамещение – это процесс замены зарубежной продукции на аналогичные товары, которые производятся непосредственно на территории государства, где вводится политика импортозамещения. В части касающейся программного обеспечения, речь идет об обеспечении возможности его использования вне зависимости от каких-либо внешних иностранных источников при одновременном решении вопросов обеспечения информационной безопасности и защиты программного обеспечения, эффективном и оперативном реагировании на киберугрозы.

Основой реализации процессов импортозамещения, активно начавшихся с 2014 г. с введением санкционных мер против Российской Федерации в связи с конфликтом в отношении Крыма, а в наше время – в связи с военными действиями на Украине, конечно же являются соответствующие законодательные инициативы.

С уходом с российского рынка крупнейших иностранных представителей-разработчиков программного обеспечения возникла необходимость введения мер импортозамещения и в сфере IT-технологий.

Уже с начала 2015 г. Правительством Российской Федерации утверждается План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г. [6] в соответствии с которым всем заинтересованным федеральным органам исполнительной власти предписывалось утвердить и обеспечить реализацию отраслевых программ (планов) импортозамещения.

Во исполнение указанного плана Минкомсвязи России утверждает план импортозамещения программного обеспечения [7] с целью формирования благоприятных условий отечественным разработчикам для создания конкурентоспособного программного обеспечения и подготовки постановления Правительства

[1] © Шайдаев М. Ш., 2026.

Российской Федерации, предусматривающего предоставление отечественному программному обеспечению преференций при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд с созданием реестра отечественного программного обеспечения. С его введением в 2016 г. для госорганов и компаний с государственным участием начал действовать запрет на приобретение программ для ЭВМ и баз данных иностранного происхождения и прав на них в рамках закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд [8]. А уже в 2017–2018 гг. федеральные органы исполнительной власти обязали перейти на импортонезависимое программное обеспечение с использованием программного обеспечения, включенного в единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных [9].

В связи с этим в 2017 г. Правительством Российской Федерации утверждаются дополнительные требования к программам для электронных вычислительных машин и базам данных, сведения о которых включены в реестр российского программного обеспечения, в части касающейся вопросов установки, реализации, обеспечения функции идентификации и аутентификации пользователей, защиты информации и персональных данных, доступа пользователей к офисному программному обеспечению с использованием средств интернет-браузера, а также функциональных характеристик программного обеспечения [10].

В это же время в МВД России утверждается план-график перехода Министерства внутренних дел Российской Федерации на использование отечественного офисного программного обеспечения на 2018 г. и на плановый период до 2020 г., предусматривающий реализацию мероприятий, направленных на модернизацию прикладного программного обеспечения, используемого МВД России, для обеспечения взаимодействия и совместимости прикладного программного обеспечения с отечественным офисным программным обеспечением, с включением соответствующих мероприятий в план информатизации МВД России [11].

Курс на цифровую трансформацию, ставшей одной национальных целей развития российского государства на период до 2030 г., в первую очередь предусматривал достижение импортонезависимости за счет ускоренного развития российской IT-индустрии. В соответствии с этим к 2030 г. предусматривался их четырехкратный рост по сравнению с уровнем 2019 г. [12].

С целью решения задачи по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере Правительством Российской Федерации сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», предусматривающая по ряду проектов необходимость проведения цифровой трансформации именно на базе отечественных решений. Так, ключевой целью проекта «Цифровые технологии» является обеспечение технологической независимости государства, ускорение технологического развития российских компаний и обеспечение конкурентоспособности разрабатываемых ими продуктов на рынке за счет создания благоприятных условий для разработки решений в сфере информационных технологий, поддержке отечественных компаний – лидеров рынка информационных технологий и стимулирования спроса на их решения. Для реализации указанной цели планируется осуществление комплекса мероприятий по поддержке про-

ектов малых и крупных компаний, разрабатывающих российские IT-решения, а также внедрение цифровых технологий и платформенных решений на основе отечественных программно-аппаратных комплексов. Одновременно с этим, результатом реализации направления «Информационная безопасность» должно стать обеспечение устойчивости и безопасности информационной инфраструктуры, конкурентоспособности отечественных разработок и технологий информационной безопасности [2].

Признавая, что ускоренное развитие отрасли информационных технологий невозможно без соответствующего финансирования, государством с 2022 г. приняты существенные меры по ежегодному выделению бюджетных ассигнований на поддержку перспективных разработок отечественных решений в области информационных технологий и льготное кредитование на реализацию новых проектов, а также создание соответствующей льготной налоговой политики для отечественных ИТ-компаний и их сотрудников [14].

Наряду с применением стимулирующих мер в отношении российских ИТ-компаний в соответствии с законодательством Российской Федерации Правительству Российской Федерации и уполномоченным им федеральным органам исполнительной власти предоставляется право введения кардинальных мер в части установления соответствующих ограничений или запретов на импортную продукцию в тех случаях, когда это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства, защиты внутреннего рынка Российской Федерации, развития национальной экономики, поддержки российских товаропроизводителей [5].

В целях обеспечения технологической независимости уже в 2024 г. планировался полный переход органов государственной власти на использование отечественного программного обеспечения, а с 1 января 2025 г. запрещалось использование иностранного программного обеспечения на принадлежащих им значимых объектах критической информационной инфраструктуры [15]. Одновременно для обеспечения информационной безопасности информационной инфраструктуры запрет был наложен на использование средств защиты информации, странами происхождения которых являются иностранные государства, совершающие недружественные действия в отношении России или российских юридических и физических лиц [16].

Процесс перехода на отечественное ПО достаточно трудоемок, неоднозначен и вызывает много вопросов, в связи с чем Минцифры России с целью оказания методической помощи органам государственной власти в начале 2023 г. разрабатывает методические рекомендации по реализации мер по ускоренному переходу на использование российского программного обеспечения [17].

В результате импортозамещения программного обеспечения цифровизация государственных органов, подведомственных им учреждений и госкорпораций должна основываться на исключительно или хотя бы в большей части на российских программных решениях, предусматривающее создание собственной информационной среды, технически независимой от иностранных государств. При этом на период перехода на российские программы необходимо будет обеспечить их совместимость, а также соответствие отечественного ПО по-

требностям пользователей. Понятно, что достичь указанной цели невозможно без оказания всесторонней поддержки и содействия российскому IT-сектору.

Кроме того, в процессе импортозамещения следует уделять внимание вопросам обеспечения информационной безопасности, а с увеличением количества киберинцидентов, значительным ростом атак на информационные системы информационная безопасность сегодня должна стать одним из главных приоритетов. В связи с этим необходимость принятия эффективных мер для обеспечения информационной безопасности становится для всех органов власти нормативно установленной обязанностью.

Наряду с созданием в органах государственной власти отдельных структурных подразделений по обеспечению информационной безопасности, в чьи функции входит обнаружение, предупреждение и ликвидация последствий компьютерных атак и реагирование на компьютерные инциденты, важнейшее значение в процессе импортозамещения программного обеспечения должно придаваться достижению соответствующего уровня информационной безопасности отечественных цифровых решений, обеспечивающих надежную защиту российского ПО от внешних угроз, в том числе надежное хранение информации, исключающее ее утечку.

Вопросы повышения уровня надежности и безопасности информационных систем, технологической независимости информационно-технологической инфраструктуры от информационно-коммуникационного технологического оборудования и программного обеспечения, происходящих из иностранных государств, становится с 2022 г. ключевой целью ведомственных программ цифровой трансформации органов государственной власти, в том числе и МВД России [13]. Указанные цели остались приоритетными в последующем и в ведомственной программе цифровой трансформации МВД России на 2023-2025 гг. [18]. В настоящее время указанная программ продлена до 2027 г. и предусматривает перечень мероприятий по увеличению к 2030 г. до 95 % доли использования отечественного программного обеспечения [19].

Следует отметить, что за последние годы удалось достичь огромного прогресса в импортозамещении программного обеспечения. Вместе с тем быстрая и в полном объеме замена зарубежного программного обеспечения на отечественное в настоящий момент по ряду объективных причин навряд ли возможна, поэтому многие планируемые показатели перехода государственных органов на отечественные программы так и достигнуты, как например, переход на уровень 90 % к концу 2024 г. [1]. К тому же по оценкам Ассоциации разработчиков программного обеспечения «Отечественный софт» к концу 2025 г. еще не все субъекты критической информационной инфраструктуры перешли на отечественный софт, а всего лишь около 40–45 % [3].

В качестве примеров разработок отечественных систем программного обеспечения можно отметить соответствующую требованиям ФСБ России, Минобороны России, ФСТЭК России по безопасности информации операционную систему Astra Linux, которая в версии Special Edition имеет три уровня защищенности и должна заменить Microsoft Windows. Одновременно, взамен Microsoft Office рассматривается использование разработанных отечественных

программных продуктов: офисного приложения LibreOffice и российского программного обеспечения «Мой офис», поддерживающего работу с Linux и всеми популярными операционными системами.

В части касающейся серверов приложений, то на замену IBM и Oracle может претендовать созданный питерской компании Bellsoft продукт Libercat для работы с технологиями Java EE, стандарту которой полностью соответствует трехуровневая архитектура, связывающая клиента и данные.

Широкими возможностями конфигурирования отличается отечественная система управления базами данных Postgres Pro [4].

В рамках импортозамещения в аспекте информационной безопасности, предусматривающего переход на оборудование и ПО отечественного российского производства, определенные успехи отечественных разработчиков достигнуты в области средств криптографии, противодействия утечкам данных, защиты конечных устройств (антивирусы). Преодолеть отставание предстоит в сегменте сетевой защиты. В целом российских разработок в этой области немного, и они пока уступают ведущим глобальным брендам по функциональным возможностям. Кроме того, остро чувствуется нехватка отечественных платформенных решений в сфере кибербезопасности.

Курс на импортозамещение, взятый МВД России, реализовывается в рамках развития единой информационно-аналитической системы обеспечения деятельности МВД России (ИСОД МВД России) и его компонентов. ДИТСиЗИ МВД России подготовлены и ежегодно обновляются базовые требования, предъявляемые к технологическим решениям, применяемым при создании (модернизации) информационных систем, функционирующих в составе ИСОД МВД России, предусматривающих в том числе работу программного обеспечения информационной системы на серверном оборудовании и клиентских автоматизированных рабочих местах под управлением операционных систем, входящих в Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных, а также функционирование программного обеспечения с офисными продуктами LibreOffice.

Таким образом, деятельность по импортозамещению ПО в России набирает обороты, растет спрос и конкурентоспособность отечественных разработок программного обеспечения. Это позволит Российской Федерации, в конечном счете, достичь технологического суверенитета в сфере информационно-коммуникационных технологий, создать отечественную систему кибербезопасности, достичь полной импортонезависимости.

Список литературы

1. Джангиров М. Ф. Импортозамещение на рынке информационной безопасности // Молодой ученый. 2023. № 1.

2. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утверждена протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 // СПС «КонсультантПлюс».

3. В поисках альтернативы: варианты импортозамещения ПО в России // URL: https://digital.gov.ru/ru/ documents/8755/.

4. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 января 2015 г. № 98-р «Об утверждении Плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г.» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Приказ Минкомсвязи России от 1 апреля 2015 г. № 96 «Об утверждении плана импортозамещения программного обеспечения» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2015 г. № 1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Распоряжение Правительства России от 26 июля 2016 г. №1588-р «Об утверждении плана перехода органов исполнительной власти и государственных внебюджетных фондов на использование отечественного программного обеспечения» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 марта 2017 г. № 325 «Об утверждении дополнительных требований к программам для электронных вычислительных машин и базам данных, сведения о которых включены в реестр российского программного обеспечения, и внесении изменений в Правила формирования и ведения единого реестра российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Приказ МВД России от 10 мая 2018 г. № 284 «Об утверждении плана-графика перехода Министерства внутренних дел Российской Федерации на использование отечественного офисного программного обеспечения на 2018 год и на плановый период до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Распоряжение МВД России от 11 января 2022 г. № 1/37 «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Указ Президента Российской Федерации от 2 марта 2022 г. № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Указ Президента Российской Федерации от 30 марта 2022 г. № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Указ Президента Российской Федерации от 1 мая 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Приказ Минцифры России от 18 января 2023 г. № 21 «Об утверждении Методических рекомендаций по переходу на использование российского программного обеспечения, в том числе на значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, и о реализации мер, направленных на ускоренный переход органов государственной власти и организаций на использование российского программного обеспечения в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Распоряжение МВД России от 25 января 2023 г. № 1/649 «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2023–2025 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Распоряжение МВД России от 18 марта 2025 г. № 1/3318 «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации Министерства внутренних дел Российской Федерации на 2025 год и плановый период 2026–2027 годов» // СПС «КонсультантПлюс».

Шевкунов М. А.[1]*,*
командир отделения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ КАК ОСНОВАНИЙ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Современный мир состоит из большого количества взаимодействий между физическими и юридическими лицами во всех сферах жизнедеятельности общества, причем в большинстве случаев такие отношения регулируются правовыми нормами. В результате столкновения интересов субъектов по поводу конкретных объектов, регламентированных правовыми нормами, формируются и развиваются правоотношения: они возникают, изменяются и прекращаются на основании жизненных обстоятельств, которые в теории права именуются юридическими фактами. Зачастую граждане становятся участниками правовых отношений, даже того не осознавая: расплачиваясь за проезд в автобусе, принимая в дар подарки, передавая в заем денежные средства и т. д. В рамках правоотношений существуют права и обязанности сторон, за неисполнение которых могут наступать юридические последствия. Гражданское правоотношение признается явлением системным, а потому его возникновение, изменение и прекращение поддается объяснению через теорию юридических фактов.

В римском праве понятие «юридический факт» не существовало, однако фактически правоотношения возникали из контрактов, пактов, договоров и т. д. С постепенным развитием правовой науки, юристы начали выделять и анализировать те конкретные жизненные обстоятельства (события или действия), которые вызывают, изменяют или прекращают права и обязанности. Такие обстоятельства назвали юридическим фактом – как «прообразом права» или фактическим основанием возникновения правоотношений. Данный термин впервые применил немецкий правовед и историк Фридрих Карл фон Савиньи: он использовал понятие «юридический факт» в работе «Система современного римского права» (1840 г.), чтобы описать события, вызывающие возникновение, изменение или прекращение правоотношений, заложив основы учения о них в правовой науке.

---

[1] © Шевкунов М. А., 2026.

Отечественные ученые обратились к более подробному изучению понятия «юридический факт», а также к самой проблематике лишь в XIX веке. Одним из таких правоведов стал Д. И. Майер, который представлял юридические факты в качестве таких событий, которые являются «событиями», влекущими юридические последствия. Однако Д. И. Майер не рассматривал в своих трудах факты-действия, а лишь «упоминал» о проявлении воли, отмечая, что не все действия могут являются юридическими фактами, а именно те, которые относятся к праву [1, с. 240].

Наряду с Д. И. Майером исследование юридических фактов осуществлялось и другим представителем русской правовой науки – К. Д. Кавелиным. Анализируя обстоятельства, выступающие причинами и результатами возникновения правоотношений, он отмечал, что юридические факты способны служить основанием возникновения и прекращения субъективных прав и юридических обязанностей. Вместе с тем отличительной особенностью его подхода являлось включение в круг юридически значимых обстоятельств явлений природы, которые могут порождать правовые последствия. В результате в научный оборот была введена категория юридических фактов-событий. [2, с. 160].

Гражданские правоотношения находятся в постоянном «движении», т. е. они возникают, изменяются, прекращаются, или же переходят к другим лицам или изменяют свой вид, что, естественно, обусловлено постоянным видоизменением жизненных обстоятельств, которые и служат основаниями для этих трансформаций. В своих работах на это обращал внимание русский правовед Е. Н. Трубецкой, который отмечал, что вышеописанные изменения происходят именно под воздействием юридических фактов, которые он определял, как: «все состояния и события действительности, которым свойственно устанавливать и прекращать права» [3, с. 9]. Как и предыдущий исследователь, Е. Н. Трубецкой рассматривал так называемые факты, которые не зависят от воли людей, однако связаны с наличием обязательного условия возникновения права – правомерности применения и отсутствия порождения неправомерного состояния. Иной его классификацией уже «устоявшихся» фактов-действий было деление на положительные и отрицательные.

Более подробно категорию «юридический факт» изучал Г. Ф. Шершеневич, который указывал, что «... юридические отношения возникают, изменяются и прекращаются вследствие юридических фактов, т. е. наступления таких обстоятельств, с которыми нормы объективного права соединяют определенные юридические последствия» [4]. В своих трудах Г. Ф. Шершеневич не останавливался на этапах возникновения и прекращения прав и обязанностей, т. е. на этапе «начала и окончания», что показывает более глубокий научный взгляд на теорию юридических фактов.

Русский ученый-юрист Н. М. Коркунов отмечал, что «юридическими фактами в тесном смысле слова называются такие события и действия, которые не представляют собою ничего противного требованиям юридических норм и которым независимо от намеренности их совершения присвоено определенное юридическое значение, заключающееся или в установлении новых прав и обязанностей, или в изменении и прекращении уже существующих [5, с. 23]. Такое

определение являлось своеобразным, и не всегда поддерживалось его коллегами, однако именно так он подчеркивал, что сами юридические факты не могут порождать субъективных обязанностей. Во-первых, источником таких субъективных прав являются именно нормы объективного права, установленного законом; во-вторых, сами юридические факты представляют собой внешний повод для применения конкретных норм.

Таким образом, ученые на протяжении долгого времени трактовали категорию юридического факта по-своему, добавляя различные классификации и особенности, составляя единое общее научное видение.

Сущностная характеристика юридических фактов может быть раскрыта через ряд свойств, присущих данной категории, отражающие первичный уровень юридических фактов в теории гражданского права. К числу ключевых признаков юридического факта можно отнести:

–отражение состояние общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования;

–объективное отражение фактического обстоятельства, порождающего юридические последствия, в гипотезе правовой нормы;

–юридические последствия, возникшие в результате наступления юридического факта.

Рассмотрим данные признаки более подробно. Во-первых, не любые действия и события могут иметь юридические последствия и порождать права и обязанности. Такими событиями или действиями могут быть лишь такие обстоятельства, которые так или иначе входят в предмет правового регулирования. Во-вторых, это отражение в гипотезе правовой нормы. Как уже говорилось выше, юридические факты не могут быть любыми действиями или событиями, в их абстрактном виде. В данном случае речь о том, что гипотеза – это внешнее закрепление, или внешняя форма самого факта. Эта форма имеет важное значение для правоприменителя, так как именно она имеет юридическое значение и предполагает наступление юридических последствий.

Современная судебная практика иллюстрирует необходимость уточнения норм, касающихся установления юридических фактов. В контексте гражданского судопроизводства ключевым вопросом является проблема возникновения, изменения и прекращения правоотношений, т. е. совершение каких-то либо действий, с которыми будут реализовываться и юридические последствия. Например, несоблюдение условий конкретного договора может повлечь гражданско-правовую ответственность, поэтому в процессе судопроизводства будет значимым именно момент заключения договора и действия конкретных лиц.

С изменением социально-экономических условий и развитием технологий возникают новые формы взаимодействия, требующие переосмысления подоплеки традиционных юридических фактов. Например, цифровизация отношений и возникновение нового правового поля в связи с развитием интернет-технологий требуют от правопорядка адаптации, что будет влиять на обновление практики по установлению фактов, касающихся электронной активности. Ретроактивное применение традиционных норм права к новым условиям может

оказаться неэффективным, поэтому необходимы глубокие научные исследования для обоснования изменений в регуляциях.

Резюмируя все вышеперечисленное, следует сделать вывод о том, что теория юридических фактов эволюционировала от классических и статичных определений к пониманию «динамической» роли фактов в меняющемся обществе: от простого «событие или действие, порождающее право» к признанию их сложной взаимосвязи с социальными, экономическими и технологическими реалиями. Вместе с тем теория юридических фактов продолжает развиваться и в современных условиях – она по-прежнему находится под значительным влиянием различных факторов, которые трансформируют содержание и формы юридически значимых обстоятельств. Цифровизация общественных отношений, развитие электронных сделок, новых способов волеизъявления и фиксации поведения субъектов объективно требуют переосмысления традиционных подходов к установлению и квалификации юридических фактов. В этих условиях прежние доктринальные конструкции не утрачивают своего значения, но нуждаются в адаптации к новым реалиям правового регулирования и правоприменительной практики. Таким образом, дальнейшее совершенствование теории юридических фактов выступает необходимым условием эффективного регулирования гражданских правоотношений и своевременного реагирования права на трансформацию общественных процессов.

Список литературы

1. «Русское гражданское право» Д. И. Мейера. – «Учебник гражданского права» проф. Г. Ф. Шершеневича. – «Учебник гражданского права» Е. В. Васьковского // Русская мысль: Год шестнадцатый. Кн. V. М., 1895.
2. Кавелин К. Д. Что есть гражданское право и где его пределы? СПб., 1864.
3. Трубецкой Е. Н. Общая теория права. Иркутск, 1919.
4. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. URL http://civi1.consultant.ru/reprint/books/283.
5. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 8-е изд. СПб., 1909.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I): федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс.

Юсупов М. Р.[1],
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРЕДЕЛЫ УСМОТРЕНИЯ СТОРОН ДОГОВОРНЫХ И КОНТРАКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ РЕТРОАКТИВНОЙ ОГОВОРКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Зачастую, динамика развития обязательственных связей между участниками гражданских отношений может носить опережающий по сравнению с их официальным договорным урегулированием характер. Де-факто гражданско-правовой договор в такой ситуации сразу переходит в стадию исполнения, прежде чем стороны оформят и подпишут его. Гражданский кодекс Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ) в п. 2 ст. 425 легализует действие ретроактивной оговорки [12, 13], предусматривая право сторон распространить условия заключенного ими договора на предшествующий период, не исключая определенные изъятия из указанной нормы.

Применение условий договора к возникшим до его заключения отношениям опосредовано добровольным волеизъявлением сторон на придание договору обратной силы. В связи с чем, реализация законоположений п. 2 ст. 425 ГК РФ является правом сторон, а ни их обязанностью [2].

К тому же, обращение к указанному юридическому механизму допустимо только при наличии в предшествующем периоде соответствующих сложившихся фактических отношений между сторонами [3] (к примеру, поставщик фактически осуществлял поставку товара или исполнитель фактически оказывал какие-либо услуги).

Вместе с тем в одних ситуациях судебная правоприменительная практика признает, что законоположения ГК РФ не предписывают обязательного указания в договоре на его распространение на прошлые периоды, так как, по мнению судебного органа, это может вытекать из фактического поведения сторон [4], в других случаях в судебных актах прямо указывается на невозможность придания договору обратной силы в отсутствии соглашения сторон относительно данного условия [5]. Представляется, что подход, в соответствии с которым действие договора распространяется на прошлые периоды в отсутствии прямого указания об этом в гражданско-правовом договоре оправдан лишь в случаях, когда такая необходимость явствует из фактического поведения обеих сторон и способствует нивелированию недобросовестного поведения участников гражданских отношений и различных проявлений злоупотребления правом.

---

[1] © Юсупов М. Р., 2026.

Усмотрение сторон договорного обязательства при применении ретроактивной оговорки имеет соответствующие пределы, обусловленные как особенностями законодательного регулирования определенной договорной конструкции, так и спецификой конкретных правоотношений. Проиллюстрируем данный довод на конкретном примере. Так, в одном из дел Девятый арбитражный апелляционный суд в своем Постановлении обратил внимание на невозможность применения ретроактивной оговорки в рамках конструкции договора об отчуждении или о предоставлении исключительных прав в связи с тем, что это будет противоречить специфике отношений «… между обладателем исключительного права и неопределенным кругом лиц, имеющих право обратиться к правообладателю за разрешением на использование результата интеллектуальной деятельности» [6].

Переходя к вопросу о допустимости обращения к ретроактивной оговорке применительно к контрактным обязательствам, подчеркнем, что проявление принципа свободы договора в сфере государственных и муниципальных закупок значительно лимитируется в отдельных случаях, что связано, в первую очередь, с публичной природой складывающихся в данной области правоотношений и особой значимостью итогового результата закупки для удовлетворения государственных и муниципальных нужд.

Рассматриваемый вопрос может быть проанализирован с позиции двух направлений.

В первом случае судебные и контрольные органы [7], а также в своих письмах Минфин России [8] отрицают возможность использования ретроактивной оговорки. При этом в качестве основного аргумента приводятся положения ч. 1 ст. 94 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [9] (далее – ФЗ-44), где указано, что исполнение контракта включает комплекс мер, реализуемых после его заключения.

Второй вектор развития по данной проблематике связан с судебным санкционированием допустимости применения ретроактивной оговорки применительно к отдельным случаям осуществления закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя).

Признавая законность применения ретроактивной оговорки Арбитражный суд Северо-Западного округа в своем Постановлении от 26 сентября 2023 г. исходил из того, что заключение контракта с ретроактивной оговоркой не повлекло нецелевое либо неэффективное расходование бюджетных средств; в силу специфики правоотношений ресурсоснабжающая организация не могла прекратить поставлять тепловую энергию на объекты заказчика [10].

При этом Арбитражный суд Западно-Сибирского округа, признавая недействительным решение антимонопольного округа, в Постановлении от 16 октября 2025 г. непосредственно указал на отсутствие какого-либо конфликта между положениями ст. 93 ФЗ-44 и п. 2 ст. 425 ГК РФ в вопросе апеллирования к ретроактивной оговорке при условии, если речь идет о заключении контракта с единственным контрагентом [11]. В дополнение судебный орган обратил внимание на то, что не оформление возникшего в рамках ФЗ-44 обязательства повлечет

обязанность заказчика оплатить ни только сумму основного долга, но и судебные расходы, а также проценты за пользование чужими денежными средствами.

В заключение отметим, что законодатель предоставляет достаточно широкие рамки усмотрения при обращении к ретроактивной оговорке применительно к договорным правоотношениям, хотя в отдельных случаях с учетом законодательного регулирования некоторых договорных конструкций не исключается наличие соответствующих пределов реализации договорной свободы.

Одновременно с этим применение п. 2 ст. 425 ГК РФ к контрактным обязательствам с учетом судебной правоприменительной практики может быть оправдано при учете следующей совокупности обстоятельств:

1. Закупка осуществляется заказчиком исключительно путем заключения контракта с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

2. Поставка товаров (выполнение работ, оказание услуг) носят обязательный характер для стороны вне зависимости от волеизъявления контрагентов.

3. Применение государственным (муниципальным) заказчиком ретроактивной оговорки не влечет нецелевое либо неэффективное расходование бюджетных средств.

4. Придание заключенному контракту обратной силы позволяет исключить взыскание дополнительных финансовых обременений в виде процентов за пользования чужими денежными средствами и судебных издержек с заказчика.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 октября 2023 г. по делу № А40-279632/2022. Картотека арбитражных дел. URL: https:// kad.arbitr.ru/ Document/Pdf/d7e378ed-e8c5-4f5b-bf98-c1e7f9a1f821/f4c5d40c-f6c4-41fa-9c6f-8dc62dda4f3e/A40-279632-2022_20231023_Reshe-nija_i_postanovle-nija. pdf?isAddStamp=True.

3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 июня 2025 г. по делу № А41-58779/2024. Картотека арбитражных дел. URL: https:// kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f81059fe-d6da-4940-b64c-9036e16da00f/24152432-902 d-42d7-bb5b-f582736e49b6/A41-58779-2024_2025-06-20_Reshenija_i_postano-vlenija. pdf?isAddStamp=True.

4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 августа 2025 г. № А40-110983/19. Картотека арбитражных дел. URL: https:// kad. ar-bitr.ru/Document/Pdf/05d3a8dc-992a-4bff-99a1-88795840df3c /a3e43934-0d04-4a 3f-932d-77272cd9e65b/A40-110983-
2019_20250813_Reshenija_i_postanovlenija.pdf ?isAddStamp=True.

5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 апреля 2023 г. по делу № 40-48013/2022. Картотека арбитражных дел. URL: https:// kad.arbitr.ru/Document/Pdf/502c5e8d-b264-49f2-83e1-c88df4125351/0e47b950-726d-4a79-97b3-ac39702e29ed/A40-48013-2022_20230424_Postanovlenie-kassacii.pdf?is Add Stamp=True.

6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 ноября 2024 г. по делу № 40-207099/23. Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8293cbba-1fee-406e-b7a4-fdd0764392f3/61c34f47-ad2f-4805-87ad-6352cd77f507/A40-207099-2023_20241127_Postanovlenie_apellja cionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

7. Официальный сайт Управления федеральной антимонопольной службы по Брянской области. URL: https://bryansk.fas.gov.ru/news/18685.

8. Письмо Минфина России от 1 августа 2024 г. № 24-08-08/71743 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.

2. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26 сентября 2023 г. по делу № А05-1615/2023. Картотека арбитражных дел // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b78a627b-afdd-437d-bfbc-c5165c6791dd /e7d2f1e-e9d8-4eae-ba02-509fbc822742/A05-1615-2023_20230926_Postanovlenie_kassacionn oj_instancii.pdf? isAddStamp=True.

3. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 октября 2025 г. по делу № А46-1189/2025. Картотека арбитражных дел // URL: https:// kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d5993096-d2b4-4282-867d-2c578f112c3a/6f66df24-7649-4e2c-8-3bf-95cf415-4be3d/A46-1189-2025_2025-1016_Postanovlenie_kassacionnoj_in stancii.pdf?isAddStamp=True.

4. Батурина А. А. Обратная сила договора: особенности правоприменения // Вековые традиции российского права: история и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 28–29 октября 2022 г. / отв. ред. О. В. Горбач. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2022.

5. Шафранский Г. В. Отдельные особенности применения в договорах ретроспективной (ретроактивной) оговорки и некоторые обусловленные этим потенциальные риски // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 11 (92).